

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Судьба регионального центра в России

(к 400-летию г. Томска)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2005

ББК ТЗ (2РОС – 4ТОМ)

С 89

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ИЗДАНИЯ
«ТРУДЫ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»:

проф. **Г.Е. Дунаевский** – председатель коллегии, проректор ТГУ; с.н.с. **М.Н. Баландин** – ответственный редактор издания, зам. председателя коллегии, с.н.с. **В.З. Башкатов** – член коллегии, ответственный редактор научного журнала «Вестник ТГУ»

Члены коллегии, руководители научных редакций по направлениям:

проф. **И.Б. Богоряд** – научная редакция «Механика, математика»; доц. **Э.Р. Шрагер** – научная редакция «Механика, математика»; проф. **А.М. Горцев** – научная редакция «Информатика и кибернетика»; проф. **В.Г. Багров** – научная редакция «Физика»; проф. **А.Г. Колесник** – научная редакция «Физика»; проф. **Н.А. Кривова** – научная редакция «Биология»; проф. **В.П. Парначев** – научная редакция «Науки о Земле, химия»; доц. **Ю.Г. Слизов** – научная редакция «Науки о Земле, химия»; проф. **Э.И. Черняк** – научная редакция «История, филология»; проф. **В.И. Канов** – научная редакция «Юридические и экономические науки»; проф. **Ю.В. Петров** – научная редакция «Философия, социология, психология, педагогика, искусствоведение»

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ТОМА:

проф., д.и.н. **В.П. Зиновьев**, проф., д.и.н. **С.Ф. Фоминых**,
проф., д.и.н. **Э.И. Черняк**

С89 **Судьба** регионального центра в России (к 400-летию г. Томска): Труды Томского государственного университета. – Т. 267. – Сер. Историческая. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 254 с.

ISBN 5-7511-1923-1

В данном выпуске издания «Труды ТГУ» представлены научные статьи, написанные по проблемам докладов региональной научной конференции, проведенной в сентябре 2004 г. Томским государственным университетом и посвященной 400-летию г. Томска. В работе конференции принимали участие ученые и сотрудники исторического факультета ТГУ, Томского областного краеведческого музея, вузов и научных центров Томска и других городов России. Сборник открывается статьями авторов пленарных докладов, все последующие работы расположены по разделам в соответствии с тематикой работы секций конференции.

Для специалистов в области истории и краеведения, для всех интересующихся историей Сибири.

ББК ТЗ (2РОС – 4ТОМ)

ISBN 5-7511-1923-1

© Томский государственный университет, 2005

К читателям «Трудов ТГУ»

Сборник статей и материалов, представленный вашему вниманию, посвящен 400-летию Томска. Он составлен по итогам научной конференции, в которой участвовали преподаватели и сотрудники, аспиранты и студенты вузов Томска, а также ученые из других городов Сибири. В статьях исследуются актуальные вопросы экономической, политической, социальной, административной истории Томска.

Томск – один из самых значительных городов Азиатской России с интересной историей и хорошими перспективами. Он был основан в 1604 г. во время завоевания Сибири Московским царством, когда отряды русских казаков и промышленников за полвека присоединили к России всю Северную Азию. По просьбе князя томских тюрков Тояна царь Борис Годунов послал отряд казаков для строительства крепости на берегу реки Томи. Томская крепость спасла местных тюрков от разрушительных набегов телеутов и кыргызов – вассалов Джунгарии – последней кочевой империи монголов. В XVII в. Томск был пограничной крепостью и 10 раз подвергался осаде кочевников.

Томские воеводы, в свою очередь, посылали отряды на завоевание Южной и Восточной Сибири, которые построили Кузнецк, Красноярск, Барнаул, вышли на берега Тихого океана. Предок советского маршала Н. Тухачевский разгромил енисейских кыргызов. Томский казак Иван Петлин стал первым русским послом в Китае, а казак Василий Старков впервые познакомил русских с чаем.

В XVIII в. граница отодвинулась далеко от Томска, джунгары погибли под ударами маньчжурских сабель, набег прекратились, и Томск утратил свое военное значение. Усилилась его роль как центра управления Средней Сибирью, торгово-промышленного и транспортного пункта. На юге Томского уезда были построены медные и серебряные рудники и заводы, территорию уезда заселили русские крестьяне.

В 1804 г. Томск стал центром одной из самых населенных и больших по территории губерний России. Сейчас на месте бывшей Томской губернии расположены такие субъекты Российской Федерации, как Томская, Новосибирская, Кемеровская области, Алтайский край, республика Алтай, Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан. Томск стал также региональным центром управления многих министерств Российской империи. Здесь были западносибирские управления горного ведомства, финансов, государственных имуществ, путей сообщения, почт и телеграфа, министерства просвещения, железных дорог. Томский губернатор до 1861 г. был также и управляющим Алтайского горного округа – личного имения русского императора, которое занимало большую часть губер-

нии. По этой причине Томск играл особо важную роль в системе управления Российской империи.

Население Томска в начале XX в. достигло 100 тыс. человек, он вошел в число 20 наиболее крупных городов империи. Он стал одним из главных торгово-промышленных центров Азиатской России, средоточием пищевой промышленности, базой для снабжения горных промыслов одеждой, оборудованием, провизией. Томск стал перевалочным центром для грузов, которые шли через Сибирь по Московско-Сибирскому тракту, главной дороге Сибири. Тракт интенсивно работал только в зимнее время, когда замерзали многочисленные сибирские реки. Около 100 тыс. ямщиков перевозили тысячи тонн грузов по маршруту Иркутск – Томск – Тюмень – Екатеринбург. По тракту также перевозили почту, шли пешком каторжные и ссыльные, крестьяне-переселенцы. Перевозки организовывали крупные транспортные фирмы, резиденции которых находились в Томске, сам же город называли столицей сибирских ямщиков. С появлением в 1840-е гг. пароходов значительно возросла роль речного пути, люди и грузы между Томском и Тюменью стали перемещаться летом по Оби и Иртышу, с этого времени и до сих пор Томск самый большой речной порт Азиатской России.

В середине XIX в. Томск стал еще и центром сибирской золотопромышленности. В 1828 г. томские купцы Федот и Андрей Поповы, затратив на поиски золота гигантские по тем временам деньги (около трети миллиона рублей), нашли близ Томска по Золотому Китату – притоку реки Яи – богатейшие месторождения. Их называли «золотые сундуки». Томская губерния на короткое время стала главным районом добычи золота в мире, а Томск стал базой для поиска и добычи золота в Сибири. Здесь поселились многие золотопромышленники, что способствовало процветанию города.

Томск долго сохранял свое значение даже тогда, когда железная дорога обошла его стороной в конце XIX в. Томск соединили с Транссибирской магистралью отдельной веткой длиной около 100 верст. Судьбу Томска решили инженерные расчеты. Руководитель проекта Н.Г. Гарин-Михайловский из всех вариантов пересечения реки Оби выбрал наиболее дешевый – так называемые Железные ворота, где река пересекала скальный гребень и где было самое узкое русло и прочное основание для строительства моста. Возникший на этом месте рабочий поселок Новониколаевск очень быстро превратился в город. Теперь это двухмиллионный Новосибирск, самый большой город Азиатской России, административная и экономическая столица Сибири.

Культурная жизнь Томска до возникновения университета была бедной, как у любого другого провинциального города России. В отличие от Иркутска и Тобольска, Томск не испытал благотворного влияния декабристов – ссыльных аристократов, участников восстания против русского царя в декабре 1825 г. В Томск был выслан только один декабрист, Гавриил Батеньков, которому революционеры прочили место главы правительства. Батеньков был уроженец Сибири, герой войны с французами, в 1818 – 1819 гг. служил в Томске инженером строителем, был одним из организаторов масонской ложи. После поражения восстания и двадцатилетнего заключения в Шлиссельбургской крепости он с 1846 по 1856 г. отбывал ссылку в Томске, жил уединенно, проектировал дома и усадьбы. В 1857 г. его сменил в Томске Михаил Бакунин, один из лидеров мирового анархизма, а затем – демократ Василий Берви, автор книги «Положение рабочего класса в России», прочтя которую, К. Маркс сделал вывод о неизбежности социальной революции в России. Томск во второй половине XIX в. был центром сосредоточения ссыльных поляков и революционеров-народников, которые оказывали большое влияние на общественную жизнь города.

В Томске организовался кружок сибирских патриотов во главе с отставным казачьим офицером Григорием Потаниным и купеческим сыном Николаем Ядринцевым, зародилось движение сибирского областничества. Главная идея сибирских областников состоит в том, что Сибирь – это колония, которую грабит российская метрополия. Задача сибиряков – добиться справедливого распределения доходов от сибирских природных ресурсов. Это возможно только при реальном федерализме и демократии. Основная цель областников не достигнута до сих пор, поэтому идеи областничества живы и в начале XXI в.

Областники и народники много сделали для осуществления идеи сибирского университета. Когда в 1870-е гг. развернулась дискуссия о месте размещения университета, именно Н. Ядринцев советовал генерал-губернатору Западной Сибири выбрать Томск, а Г. Потанин развернул в пользу Томска пропаганду в столичной и провинциальной печати. Идея Сибирского университета родилась в 1803 г. при организации Министерства народного просвещения. Меценат и уральский заводчик П.Г. Демидов пожертвовал на его открытие 100 тыс. рублей. Но прошло еще 75 лет, прежде чем император Александр II 16 мая 1878 г. повелел открыть в Томске университет с четырьмя факультетами – историко-филологическим, физико-математическим, юридическим и медицинским. Сибиряки пожертвовали на университет около 400 тыс. рублей, половину затрат на его строительство. Университет открыли 22 июля 1888 г. Однако времена изменились, в России правил уже не царь-реформатор, а консервативный император Александр III, который не одобрял преобразований отца. Университет открыли в составе только медицинского факультета, второй (юридический) факультет появился в 1898 г., а третий и четвертый – в 1917 г.

В начале XX в. Томск превратился в интеллектуальный центр Сибири, здесь было три высших учебных заведения – университет, Технологический институт, Высшие женские курсы, а также Учительский институт, Духовная семинария, несколько гимназий и реальных училищ, специальных технических школ. Томские газеты были наиболее влиятельными провинциальными газетами России. В городе действовало около 90 различных корпораций, которые организовывали общественную жизнь города. Томск стал центром распространения в Сибири социалистических и либеральных идей.

Томск был традиционным источником антицаристских настроений. Томские социалисты организовывали террористические акты против Александра II, Александра III, именно томский социалист Я. Юровский расстрелял последнего русского царя Николая II. Томские социалисты организовали в 1901 г. Сибирский социал-демократический союз, были среди организаторов партии социалистов-революционеров.

В самом же Томске сильнейшей партией были либералы. Они издавали газеты, руководили общественными организациями. Во время Первой русской революции либерал А. Макушин был городским головой. Томская городская дума предъявила претензии на политическую власть, образовав Комитет общественной безопасности. В 1905 г. социальное противостояние обострилось в крайней степени. Монархисты устроили кровавый погром, сожгли здание театра и Управления Сибирской железной дороги. В пламени пожара погибли или были убиты толпой 66 человек. Подверглись разгрому десятки магазинов и домов богатых евреев, а также дом городского головы. В 1917 г. Томск вновь стал центром революционного движения и испытал на себе всю ожесточенность гражданской войны.

После победы большевиков Томск утратил лидирующее положение в регионе. Административным центром губернии стал молодой город Новониколаевск (Новосибирск), в 1925 г. туда была перенесена столица губернии. В 1930-е гг. здесь

находился центр управления индустриализацией Сибири. Томск остался в стороне от инвестиций и перестал расти, но сохранил значение образовательного центра для всей Сибири. В период Второй мировой войны в Томск были эвакуированы десятки крупных заводов из Европейской России. Население Томска удвоилось, промышленный потенциал вырос втрое. В 1944 г. Томск стал областной столицей. В 1940 – 1960-е гг. города коснулась волна индустриализации. В 1949 г. близ Томска был построен крупнейший в мире ядерный промышленный центр – Сибирский химический комбинат. Открытие на севере области месторождений нефти и газа дало новый толчок развитию города. Был построен крупнейший в России Томский нефтехимический комбинат, электротехнические предприятия. В 1960 – 1980-е гг. много сделал для развития города первый секретарь областного комитета КПСС Егор Лигачев, один из лучших менеджеров советского времени. Не случайно в 1999 г. томичи выбрали его депутатом Государственной Думы.

В 1960 – 1990-е гг. в Томске появились новые учебные заведения, число студентов достигло 100 тыс. человек. Каждый пятый горожанин был студентом, половина населения была связана с образовательной системой. Когда в 90-е гг. XX в. наступил период перемен и рухнула старая экономическая и социально-политическая система, сфера образования вновь показала, что образовательные учреждения являются градообразующей основой Томска. Шесть университетов во главе с ТГУ, полтора десятка других вузов, специальные профессиональные школы сделали Томск ведущим провинциальным образовательным центром России. Сейчас город является точкой роста постиндустриального информационного общества, источником современных знаний и технологий.

Редакционная коллегия выражает надежду, что сборник будет полезен всем, кто интересуется историей Томска.

В.П. Зиновьев,
декан исторического факультета ТГУ

ТОМСК – РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

Н.М. ДМИТРИЕНКО

Города как особые социально-экономические общности всегда выступали одним из важнейших факторов исторического развития. С момента своего возникновения в период разложения племенного строя города представляли одну из существенных структур цивилизации и являлись показателем уровня общественного развития [1, с. 9]. Многие городские поселения возникали и росли благодаря сгущению торговых, рыночных связей, складыванию системы сообщений в том или ином географически удобном месте. В формировании городов большая роль принадлежала военному и политическому факторам, поскольку на ранних стадиях развития общества многие города, в том числе и в Сибири, создавались как военные крепости. Именно таким образом в 1604 г. был основан и Томск, который поначалу служил военным укреплением, форпостом освоения русскими сибирских территорий.

В 1629 г. управление Сибирью было разделено на два разряда (области) – Тобольский и Томский. Томску было велено «сидеть своим столом», к нему приписали для управления Нарым, Кетск, Енисейск, Красноярск, Кузнецк [2, с. 66]. Томск только тогда и стал официально называться городом, получил городской статус и собственную печать¹. В России всегда наличие административной функции имело решающее значение для определения статуса населенного пункта – быть ему городом или оставаться деревней. Став местом административного управления, Томск приобрел значение регионального центра. И в последующие столетия это значение то усиливалось и укреплялось, то уменьшалось и сокращалось. Соответственно расширялись или сужались границы влияния Томска в Сибири, происходили перемены и во внутренней его жизни. По мере роста населения, сосредоточения в городе средств производства, учреждений культуры и образования Томск оказывал все большее влияние на окружающую территорию. В то же время, по мнению, высказанному в литературе, значимость и само существование города в немалой степени «зависит от и оправдывается теми связями, которые он поддерживает с окружающей средой, с другими городами» [4, с. 24].

В течение первого столетия своего существования Томск служил опорой продвижения русских в Сибири. Томские казаки основали Кузнецкую крепость (ныне город Новокузнецк), Ачинск, Красноярск, Енисейск. Томичи разведывали пути в Монголию и Китай, устанавливали с ними торговые отношения. В середине XVII в. томские казаки под водительством Ивана Москвитина первыми среди

¹ По росписи сибирских печатей 1635 г. известно описание данной городу печати: «На томской коруна, а около вырезано: “Печать государева Томского города”» [3, с. 207].

русских вышли на берег Тихого океана. Так закладывались основы завоевательной функции Томска, тесно связанной с его административной ролью в регионе.

В XVIII в., когда русские границы отодвинулись далеко на юг и восток от Томска, его военно-административное значение уменьшилось. В 1708 г. царским указом была учреждена в числе других Сибирская губерния с центром в Тобольске. Губерния включала в себя 26 городов, в их числе – Томск. Таким образом, он был поставлен в один ряд с другими менее развитыми городами Сибири. Более того, в 1719 г. Сибирская губерния была разделена на провинции, и Томск вошел в состав Енисейской провинции, затем был переведен в Тобольскую провинцию в качестве уездного центра. Административный статус города заметно понизился по сравнению с тем, каким он был в XVII в. Вплоть до конца XVIII в. Томск сохранял значение только центра уезда, временами – центра округа и подчинялся то Тобольску, то Колывани (нынешний поселок Новосибирской области). Правда, в 1782 г., когда было учреждено Тобольское наместничество в составе двух областей – Тобольской и Томской, Томск стал областным городом. К нему для административного управления были приписаны Томский, Ачинский, Енисейский, Туруханский, Каинский и Нарымский уезды, то есть большие пространства Средней Сибири [5, с. 194]. Однако в самом конце XVIII в. Томск вновь оказался только уездным городом Тобольской губернии.

Административное влияние Томска возросло с учреждением в 1804 г. самостоятельной Томской губернии с центром в нашем городе. Границы губернии, как известно, охватывали половину Западной Сибири и огромные территории Восточной Сибири. В состав Томской губернии в 1804 – 1822 гг. входило 8 уездов – Томский, Каинский, Красноярский, Енисейский, Туруханский, Нарымский, Кузнецкий, Бийский [6, с. 156]. В 1823 г. Красноярский, Енисейский и Туруханский уезды отошли во вновь созданную Енисейскую губернию, пространство Томской губернии уменьшилось, но в 1838 г. территория ее возросла за счет присоединения городов Усть-Каменогорска и Семипалатинска, находившихся в составе губернии до образования в 1853 г. самостоятельной Семипалатинской области [7; 8, с. 14]. Управление Томской губернией создавалось на основе закона «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», подписанным Екатериной II в 1775 г., а также ряда других более поздних законоположений, регулировавших административную, хозяйственно-финансовую, судебную сферы.

Реформа государственного управления, создание в России в начале XIX в. системы министерств, ведавших различными сферами и отраслями экономики и общественной жизни, нашла свое отражение и в Томске. Наряду с административно-полицейским и судебным в городе складывалось отраслевое управление, формировались местные подразделения центральных министерств и ведомств. В течение XIX в. сфера управленческого влияния Томска расширялась.

С 1804 г. в Томске действовала дирекция училищ Томской губернии, компетенция которой охватывала всю губернию, а также Павлодарский, Каркаралинский, Семипалатинский и Аягузский уезды, расположенные в северном Казахстане [9, с. 3]. Дирекция подчинялась попечителю учебного округа, обязанности которого исполнял первоначально Сибирский, а позже Западно-Сибирский генерал-губернатор (в 1819 – 1828 г. попечителем в Сибири был руководитель Казанского учебного округа), а сам директор училищ находился в административной зависимости от томского губернатора. По положению об управлении гражданскими учебными заведениями в Западной Сибири, утвержденному 12 апреля 1859 г., надзор за порядком в школах прямо вменялся в обязанность губернаторов. Одновременно учреждалась главная инспекция училищ Западной Сибири, в ведение которой попадала и дирекция училищ Томской губернии [10, с. 336 – 337]. В мае

1885 г. был учрежден Западно-Сибирский учебный округ, в состав которого вошли Томская и Тобольская губернии, Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская (до 1899 г.) области. Управление округом (взявшее на себя полномочия главной инспекции училищ Западной Сибири и руководившее другими средними и высшими учебными заведениями) вплоть до 1917 г. располагалось в Томске [11, с. 1].

С 1834 г., когда открылась Томская православная епархия, из Томска управлялась вся церковная жизнь Томской и Енисейской губерний, а также ряда областей современного Казахстана¹.

В 1859 г. центр Сибирского почтового округа был перемещен из Тобольска в Томск как город, расположенный ближе других «к середине округа», охватывавшего всю Сибирь [12, с. 340]. Позже, в 1886 г., произошло создание Томского почтово-телеграфного округа, в состав его вошли Томская губерния и Семипалатинская область, в 1894 г. структура его расширилась за счет управления телефонной сетью [13, с. 23; 14, с. 629].

В 1888 г. была учреждена Томская горная область в составе Томской, Тобольской и Енисейской губерний, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей. Горное управление поначалу располагалось в Барнауле, а в 1893 г. было переведено в Томск, при нем открылась единственная в Западной Сибири золото-сплавочная лаборатория [15, с. 4].

Сооружение Сибирской железнодорожной магистрали, начатое в 1891 г., побудило к созданию управления по строительству, располагавшегося в Омске. В 1893 г. в Томске открылось управление по постройке Средне-Сибирской железной дороги, ведавшее работами на участке магистрали от р. Оби до Иркутска [16]. С завершением строительных работ Западно-Сибирский и Средне-Сибирский участки были объединены в единую Сибирскую железную дорогу (линия от Челябинска до Иркутска) и управление ею сосредоточилось в Томске [8, с. 15]. В 1915 г. Сибирская магистраль была разделена на Омскую и Томскую железные дороги, управление последней (Новониколаевск – ст. Иннокентьевская) продолжало находиться в Томске вплоть до начала 1930-х гг.

В конце XIX в. в Томске возникли местные подразделения Министерства путей сообщения: в 1895 г. был учрежден Томский округ путей сообщения для управления водными путями Обского бассейна и Обь-Енисейского соединительного пути, а также шоссейными дорогами в районе Обско-Енисейского бассейна. В составе управления округом путей сообщения действовало управление Обь-Енисейского участка, ведавшего сооружением и эксплуатацией канала, соединившего две великие реки [17; 18, с. 130].

Управление и надзор над обширной территорией, подведомственной Томску, осуществлялись путем периодических поездок-обзоров начальствующих лиц. Такие поездки обеспечивались тем, что Томск формировался как крупный узел коммуникаций. В продолжение XIX в. в городе сходились пути гужевого транспорта, с середины столетия он стал крупной паровой пристанью, в самом конце столетия получил железнодорожное сообщение. В Томске возникли и действовали новейшие электротехнические средства связи – телеграф и телефон. Транс-

¹ В последующие годы территория Томской епархии последовательно уменьшалась. Так, в 1862 г. была выделена самостоятельная Енисейская епархия, в 1871 г. город Верный с округом перевели в новоучрежденную Туркестанскую епархию, в 1895 г. северо-казахстанские территории Томской епархии отошли к только что образованной Омской епархии. Но при этом возрастало количество церквей и церковных приходов. Если в 1834 г. в Томской епархии насчитывалась 181 церковь, то к 1917 г. в её составе действовали Бийское и Барнаульское викариатства, Алтайская и Киргизская духовные миссии, 15 монастырей и свыше 1600 богослужебных храмов и молитвенных домов.

порт и связь обеспечивали контакты города с окружающей территорией, способствовали росту влияния его в регионе.

Наряду с административно-управленческими Томск выполнял ряд других функций, которые обеспечивали ему организующую роль на обширной территории. Он становился центром притяжения населения и быстро рос. На рубеже XIX – XX вв. Томск сложился как самый многонаселенный в Сибири (более 52 тыс. человек), а к 1914 г. стал стотысячным и вошел в число 20 крупнейших городов страны [19, с. 88]. Одновременно город наращивал значение торгового центра региона, охватывая своим влиянием всю Западную Сибирь и часть прилегавших к ней пространств. По подсчетам автора, объем торговых оборотов в городе достигал в начале XX в. 30 – 40 млн. руб. По этому показателю Томск первенствовал в Сибири и занимал 22 место среди 52 губернских центров страны [20, с. 175 – 179]. Томск формировался как финансово-банковский центр региона, обслуживал районы золотопромышленности и сельскохозяйственного производства средней части Сибири. В Томске складывалось капиталистическое производство, город превращался в пункт переработки природного сырья и поставок промышленной продукции. По уровню и объему промышленного производства (8 млн руб. в 1908 г.) Томск опережал другие города Сибирского региона и входил в число среднеразвитых российских городов [21, с. 150, 159].

На рубеже XIX – XX в. Томск превратился в крупнейший культурно-образовательный центр на востоке страны. Здесь действовали средние специальные учебные заведения, множество общеобразовательных школ. С основанием и открытием первого в азиатской части России высшего учебного заведения – университета, а затем технологического института и Сибирских высших женских курсов Томск выдвинулся в первый ряд российских культурных центров. В Томске разгорался очаг либерализма и сибирского областничества. В период революции 1917 г. город стал средоточием общественно-политической жизни обширного региона, здесь собирались и работали съезды, конференции, совещания многих политических, общественных, культурно-просветительных объединений Сибири [22].

С установлением Советской власти начались преобразования административно-территориальной системы в стране. В 1920 – 1925 гг. Томск оставался еще центром губернии, границы которой, правда, значительно сузились по сравнению с предшествовавшим периодом, в 1925 – 1930 гг. город был центром достаточно обширного Томского округа. Однако летом 1930 г., когда в СССР произошла очередная административно-территориальная перестановка, Томский округ был ликвидирован, а входившие в него районы оказались в составе Западно-Сибирского края с центром в Новосибирске. Томск пользовался статусом города, имевшего сельскую местность, в 1931 г. стал центром небольшого Томского района [23; 24, с. 126 – 127; 25, с. 248]. Утверждение в то же время централизованного распределения экономических ресурсов, заменившего механизм рыночного регулирования, привело к тому, что Томск утратил былое экономическое влияние в регионе.

Оказавшись на обочине социалистической индустриализации, город заметно снизил темпы роста и уступил первенство быстрорастущим Новосибирску, Омску, городам Кузбасса. Утратив часть своих функций, Томск сохранил все же значение вузовско-научного центра, он обеспечивал кадрами и научными разработками промышленность и другие отрасли народного хозяйства огромного сибирско-казахстанского региона. Именно тогда в Томске побывал популярный советский писатель Илья Эренбург. Он изрек ставшие крылатыми слова: «Томск мог умереть, но в Томске был университет...» (цит. по: [26, с. 393]). Так университет и другие вузы Томска удержали город на плаву истории, сохранили за ним роль

регионального вузовского центра, не дали ему скатиться в разряд сибирского захолустья.

В августе 1944 г. Томск возвратил себе административную функцию, стал центром вновь учрежденной Томской области. И хотя границы Томской области значительно уменьшились по сравнению с Томской губернией начала XX в. или Томского округа 1920-х гг., но управленческое воздействие Томска распространялось на громадную территорию, равную некоторым европейским государствам.

Томск вновь стал местом притяжения сибирского населения: численность городских жителей достигла в 1980-х гг. полумиллиона человек, что составляло ровно половину живших в Томской области [27, с. 14]. В Томске развивалась крупная промышленность, при этом район экономического влияния Томска, границы взаимодействия города с окружающими его территориями были гораздо шире административных. В 1978 г. был создан Томский научный центр Сибирского отделения АН СССР (ныне РАН), в 1986 г. произошло учреждение Томского научного центра АМН СССР (ныне РАМН), первого в стране регионального медицинского научного центра [28]. Кроме того, в Томске действовало до двух десятков вузовских и отраслевых НИИ, столько же научно-проектных институтов, работали 7 государственных вузов (на рубеже XX – XXI вв. к ним добавились и частные вузы), до двух десятков средних специальных учебных заведений. В последние десятилетия XX в. Томск приобрел значение крупного научно-образовательного комплекса на востоке страны, влияние которого распространилось на всю Западную Сибирь и значительную часть Казахстана. Город выступал одним из ведущих в изучении и освоении природных богатств Сибири.

Итак, в продолжение четырех столетий своего существования Томск складывался и развивался как многофункциональный городской центр, как региональный центр восточной части страны. Многофункциональность, которая в литературе названа атрибутом истинного города [29, с. 12], определяла историческую устойчивость Томска: когда одна или несколько из его функций в процессе исторического развития приостанавливались или вовсе исчезали, город продолжал жить и развиваться за счет других своих функций. И чем больше становился город, чем насыщеннее были виды его деятельности, тем большую роль играл он в жизни окружающей его территории, в жизни всей страны. Подобно некоторым другим городам России, имевшим богатое историческое прошлое и многофункциональные связи, Томск создавал (говоря словами Н.Н. Баранского, видного советского географа, томича по рождению и воспитанию) остова территории [30, с. 176], организовывал ее в хозяйственном, политико-административном и культурном отношении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сванидзе А.А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1: Феномен средневекового урбанизма. М., 1999.
2. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032 – 1882 гг. Сургут, 1993. Репринт.
3. Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII – XIX вв. М., 1981.
4. Мерлен П. Город. Количественные методы изучения. М., 1977.
5. Городские поселения в Российской империи. СПб., 1865. Т. 5, ч. 1.
6. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 28.
7. Костров Н. Открытие Томской губернии в 1804 году // Томские губерн. ведомости. 1869. 31 окт.
8. Малиновский И.А. Прошлое Томска // Город Томск. Томск, 1912.
9. Мисюров А. Краткие сведения по истории дирекции училищ Томской губернии. Томск, 1913.

10. *Высочайше* утвержденное положение об управлении гражданскими учебными заведениями Западной Сибири // Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2-е. СПб., 1861. Т. 34.
11. *Памятная книжка* Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909.
12. *О назначении* пребывания начальника Сибирского почтового округа в Томске // Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2-е. СПб., 1861. Т. 34. С. 340.
13. *Бурухин А.М.* Сибирский телеграф. Историко-статистический очерк // Почтово-телеграфный журнал. 1892. № 1 (январь).
14. *Шедлинг М.* Телеграфы в Сибири // Почтово-телеграфный журнал. 1899. № 6 (июнь).
15. *Первое 25-летие* существования Томского горного управления. Томск, 1913.
16. *Сибирский вестник*. 1893. 9 июля; 1898. 25 сент.
17. *Томский листок*. 1896. 18 февр.
18. *Большаков В.Н.* Очерки истории речного транспорта Сибири. XIX век. Новосибирск, 1991.
19. *Рахин А.Г.* Население России за 100 лет (1811 – 1913). М., 1956. С. 88.
20. *Статистика* прямых налогов и пошлин. Государственный промысловый налог. Основной налог с отчетных и неотчетных предприятий за 1912 год. Пг., 1915.
21. *Дмитриенко Н.М.* Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000.
22. *Черняк Э.И.* Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 года). Томск, 2001.
23. *ГАТО*. Ф. Р-195. Оп.1. Д. 863. Л. 37.
24. *Административно-территориальное деление* Сибири. Новосибирск, 1966. С. 126 – 127.
25. *Залесский П., Башкин Е.* Районы Западно-Сибирского края. [Новосибирск], 1931.
26. *Томская область*. Исторический очерк. Томск, 1994.
27. *Городские поселения и сельские населенные пункты* Томской области по данным Всесоюзных переписей населения 1970, 1979, 1989 гг. // Статистический сб. № 3. Томск, 1990. С. 14.
28. *Красное знамя*. 1978. 28 дек.; 1987. 23 янв.
29. *Лапко Г.М.* География городов. М., 1997.
30. *Баранский Н.Н.* Об экономико-географическом изучении городов // Баранский Н.Н. Экономическая география, экономическая картография. М., 1960. С. 176.

**СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ТОМСК
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ**

М.П. ЧЁРНАЯ

Исторический облик города является формой, способом существования и выражением того содержательного потенциала, каким он обладал. Сложность и многозначность внутренней жизни города отражается в бесконечном разнообразии внешних проявлений. Взаимодействие содержания и формы динамично во времени и пространстве: трансформация функций и задач, выполняемых городом, ведёт к изменению в его облике.

Миссия русского города в Сибири заключалась в том, чтобы служить опорой в колонизации края, в превращении его в органическую и неотъемлемую часть России. Решение столь грандиозной задачи невозможно путём завоевания, хотя и не исключает военных конфликтов. Основываясь на богатейшем колониационном опыте, предстояло интегрировать окраины в экономическую, культурную жизнь и политическую систему Российского государства. Семнадцатый век стал решающим в этом процессе: на его исходе Сибирь не просто обретает новый облик, вхождение в состав России привносит в жизнь и в перспективы развития края качественно новое содержание.

Стремясь к присоединению всего края, московское правительство расширяет и уплотняет сеть городов. Опорные пункты основываются не только в благоприятных по климату южных районах, но и там, где ощущалось неласковое, холодное дыхание Ледовитого океана (Мангазея, Зашиверск, Якутск и др.). Хотя вклад городов в дело освоения сибирских земель был разным: одни выступали флагманами, роль других была скромнее, каждый из них служил проводником государственной политики. Таким образом, микроистория города была взаимосвязана с макропроцессом колонизации, огосударствления Сибири.

Томску изначально отводилась роль ведущего центра в освоении сибирских земель на юго-восточном направлении. Согласно царскому указу, он основывается сразу как город, тем самым ему присваивается наиболее высокий ранг в иерархии поселений. Выполняя отведённую ему роль, Томск XVII в. живёт насыщенной трудовой и политической жизнью. Функции города находят отражение в облике Томска и в преобразённой человеческой деятельностью природной среде. Первоначально город имел двухчастную композиционную структуру, подразделяясь на кремль – административно-политический, общественно-идеологический, военно-оборонительный центр и верхний посад-острог – основную селитебную территорию. В Томске строятся административные, жилые, производственные, торговые, хозяйственные здания, прокладываются внутригородские коммуникации и межгородские транспортные пути. С ростом города усложняется его структура: расширяется верхний и появляется нижний посады, которые объединяет поставленный в центре городской застройки новый кремль.

Именно кремль, размещённый на высоком яру, одетый в броню стен и башен, являлся градообразующей доминантой. Но назначение укреплений не сводилось к

сугубо военному. Кремль был не только главной крепостью, но и ядром управления городом и округой, олицетворяя государственную власть, которая может и должна себя защищать. Следует учитывать и мироощущение человека того времени: город воспринимался как осенённое Божьей благодатью и обжитое место, а пространство за его пределами таило потенциальную угрозу. Наличие стен как защитного рубежа между «своим» и «чужим» было необходимым условием психологического комфорта. Городские ворота служили границей, отделяющей и одновременно связующей мир замкнутого в кольце стен города и окружающую его «большую землю».

На протяжении всей своей истории Томск оставался городом. Статус его то повышался, то понижался, но никогда, в том числе и в XVII в., его значение не ограничивалось военной крепостью. В Томске в XVII в. активно развивались промышленное предпринимательство, ремесло, торговля, расширялась запашка; служилые люди, составлявшие значительное число горожан, были экономически наиболее активной частью населения Томска [1, с. 129 – 144; 2, с. 65 – 76; 3; 4]. В ходе раскопок были обнаружены свидетельства косторезного и сапожного производств даже на территории кремля.

К сожалению, ещё встречаются устаревшие стереотипы в оценке сибирского города как экономически отсталого, выполнявшего в XVII в. исключительно или почти исключительно административно-военные функции. При этом не учитываются ни конкретно-историческая ситуация, в которой основывались города Сибири, ни отличия в уровне их развития. Так охарактеризован Томск XVII в. и в изданной к юбилею города краткой энциклопедии. Здесь он назван военной крепостью, откуда уходили отряды казаков на захват и присоединение к русскому государству новых земель, упомянуты основание томичами новых городов и острогов, дипломатические миссии. Занятие же хозяйством – хлебопашеством, ремеслами, по мнению авторов, долгое время оставалось уделом крестьян, часто ссыльных, и посадского населения; обустройство жизни в городе практически отсутствовало [5, с. 355]. Подобные оценки характерны для исследований начала XX в., когда в научный оборот не был введён широкий круг источников, слабым оставалось исследование социально-экономической природы города. Уровень развития Томска в XVII в. и его роль как крупного центра в эпопею освоения сибирского края оказались несправедливо принижены. Озабоченность вызывает то, что к популярному изданию будет обращаться широкий круг читателей, по большей части неискушённых, а также учителя, через которых обеднённая содержательная характеристика Томска XVII в. будет передаваться подрастающему поколению томичей.

В ограниченной по объёму статье даже кратко невозможно осветить всё разнообразие внешних граней города, поэтому рассмотрим всего два новых в историографии аспекта: о возможном месте основания Томска и попытке воссоздания его облика в новоделе.

Обязательным компонентом исторического облика города является его пространственная характеристика. В посвящённых истории Томска первой половины XVII в. новейших исследованиях в этой связи сформировалась новая и неожиданная проблема. После опровержения мифа об основании города на южном мысе Воскресенской горы встал вопрос о первоначальном местоположении Томска [6, с. 120 – 126; 7].

В условиях дефицита источников был проведён комплексный анализ исторических и ландшафтных предпосылок размещения города [8]. Полученные результаты позволили выявить одну из вероятных площадок строительства Томска в 1604 г. – северо-западный мыс Воскресенской горы (рис. 1). Наряду с южным мысом Воскресенской горы и северной оконечностью Юрточной горы этот мыс яв-

ляется одной из трех высотных доминант, которые господствовали над окружающим ландшафтом и городской застройкой (что наглядно видно на панорамах Томска XVIII в.). Находившийся на возвышенности укрепленный центр имел естественную защиту и мог контролировать всю округу. Такое расположение города 1604 г. на северо-западном мысу Воскресенской горы не противоречит и указаниям «Росписи Томскому городу и острогу» 1627 г. Здесь Томск ориентирован относительно р. Томи и р. Ушайки, а также болота, расположенного либо к юго-востоку от мыса, внутри «подковы» горы, либо у его подножия [9, с. 44 – 45]. Обращает на себя внимание треугольная форма северо-западного мыса, отличающаяся от прямоугольного южного мыса. Известные по «Росписи» параметры города 1604 г. по форме и площади явно не соответствуют южному мысу, но точнее вписываются в конфигурацию именно северо-западного мыса, на узкой части которого могла располагаться самая короткая (6 саж. или 12,3 м) городская стена.

Проведённый рекогносцировочный анализ северо-западного мыса Воскресенской горы носит предварительный характер, но позволяет наметить подходы, «прощупать» возможные точки размещения города. Исследователям истории колонизации известна формула царских наказов: «Упрося у Бога милости город поставити в крепком месте». Северо-западный мыс представляется достаточно «крепким местом» для первоначального строительства здесь города в 1604 г.

Идея о восстановлении исторического облика средневекового Томска «витала в воздухе» в течение нескольких десятилетий. Однако возможность для её действительно научной реализации появилась только в 80-е гг. XX в., когда были получены археологические материалы, которые позволили выйти из сугубо академической сферы в практическую. Результаты исследования дали возможность для исторически адекватной реконструкции построенной в 1648 г. оборонительной системы Томского кремля и для возведения на южном мысе горы в натуральную величину макета части кремлёвских укреплений 1648 г. (восточного прясла и части южной стены с проездной Спасской и угловой юго-восточной башнями).

Автором в печатных трудах и публичных выступлениях высказывалась идея о возрождении в новоделе части утраченной историко-архитектурной среды, указывалось на имеющуюся научно-практическую разработку [7; 10, с. 150 – 156]. После же постройки новодела и в ходе нескольких проведенных экскурсий к автору неоднократно обращались томичи, стремившиеся поделиться впечатлениями. Можно сказать, что строительство новодела получило не только официальное признание, но и широкий общественный резонанс. При этом отзывы оказались неоднозначными: от восторженно-заинтересованных до резко критических. Теоретическое обоснование столь долго и трудно «пробиваемой» идеи нашло практическое подтверждение: объективная востребованность в памятнике-новоделе есть, поскольку люди хотят знать и видеть, каким был Томск в первое столетие своего существования. Негативные же оценки лишь подчёркивают равнодушное отношение к исторической памяти.

Истину о том, что неприемлема не сама идея новодела, а лишь её неумелое исполнение, практика также доказала. Архитекторы-реставраторы, 15 лет категорически отвергавшие концепцию восстановления утраченного исторического сооружения, в 1999 г. разработали эскизный проект, где предполагалось воссоздать столько, что и повернуться на небольшой площадке мыса станет негде. Критика необдуманного архитектурно-планировочного решения показала, что проектировщики руководствуются не взвешенным научно-историческим подходом, а ориентируются на свой вкус, подавая это как «новое художественное осмысление» памятника [11, с. 512].

Первая очередь проекта была реализована к юбилею города на южном мысе Воскресенской горы. Новопостроенный макет стал материальным воплощением просчётов как в исследовательском подходе, так и в самом проектном решении. Во-первых, в основу положен один документ, что является грубой методической ошибкой. Во-вторых, этот единственный документ (план 1748 г., выполненный С. Плаутиным) содержит характерные для русской картографической школы XVIII в. недостатки (низкая геометрическая точность, формальный характер масштаба, неравноточное изображение элементов плана и т.д.). Археологические данные, базовое значение которых проектировщики на словах признают, были проигнорированы при создании макета.

Не был учтен условный характер передачи конструкции городских укреплений на плане 1748 г. В этом документе стены прорисованы в виде одной общей внешней стены, к которой изнутри пристроены срубы, перемежающиеся пустыми пространствами. Подобная конструкция ненадёжна, поскольку не обладает необходимой жёсткостью и прочностью, и потому недолговечна. Такой изъян может усугубиться неблагоприятными климатическими условиями: открытые срубы не защищены от воздействия ветров и влаги (рис. 2). На самом деле Томский кремль 1648 г. имел двойные рубленые стены – тарасы из двух параллельных продольных стен, соединённых поперечными перерубами, сплошная цепь срубов опоясывала кремль по периметру. Сметливые и рачительные строители кремля не могли недальновидно подойти к возведению и эксплуатации такого важного объекта, как крепостные стены, которые не только служили главной защитой от врага, но и мирным целям: внутри стен находились жилые, подсобные, хозяйственные помещения.

Рис. 1. Северо-западный мыс Воскресенской горы (современный вид)¹.

¹ Здесь и далее фото автора

Рис. 2. Внутренний фасад стены (новодел).

Рис. 3. Внешний фасад стены и Спасской башни (новодел).

Возведённый макет кремлёвских стен существенно отличается от исторического оригинала. Необходимо отметить, что неверны горизонтальные размеры стен новодела – 4,3 на 4,9 м, которые в действительности составляли не более 3 на 4 м. нарушена пропорция высот нижних и верхних (обламных) срубов. Облам по высоте был всегда меньше, чем нижний (наземный) ряд срубов. Это диктовалось соображениями обороны: облам должен был находиться достаточно высоко над землёй, чтобы ни пеший, ни конный противник не мог проникнуть в крепость сверху. В макете же при высоте нижних срубов в 9 венцов и облама в 11 венцов обороноспособное соотношение нижней и верхней частей стен практически сведено к нулю (рис. 3). Проектировщики не критично подошли к чертежу 1748 г. и не учли, что выросший за время существования Томского кремля культурный слой скрыл несколько венцов нижних наземных срубов, что изменило пропорции стены. Неоснованное увеличение горизонтальных размеров стен нарушило и обороноспособное соотношение стен и башни, которая выступает за нижний ряд срубов всего на 1,3 м, а за облам ещё меньше. При таких пропорциях вынос башни за линию стены бесполезен, поскольку не преодолевает непростреливаемое пространство и ведение эффективного фланкирующего огня невозможно. Тем самым создаётся «мёртвая» зона, достигнув которой противник становится недосягаемым для защитников кремля. Неверные горизонтальные размеры на чертеже 1748 г., повторённые в новоделе и нарушившие пропорции стены, придали ей приземистый вид и значительно ослабили её защитные свойства.

Возведённый макет не соответствует реальному историческому облику оригинала. Построенный таким образом кремль в силу отмеченных недостатков не мог бы служить надёжным укреплением, хотя автор макета Н.В. Савельева подчёркивает приоритет военно-оборонительных функций кремля, называя его не иначе как крепость [5. с. 357]. Крепость, которая не защищает, и копия, которая не соответствует оригиналу, – такой памятник подарили проектировщики городу к 400-летию.

К 375-летию юбилею на южном мысе был поставлен памятный камень. Цена «увековечивания», как выяснилось, оказалась непомерной: за счёт разрушения части памятника. Однако наши предшественники не ведали, что творили, ведь археологические исследования тогда ещё не проводились. Сегодня таких оправданий нет.

Критика не означает отказа от идеи воссоздания ценной историко-архитектурной среды. Наоборот, допущенные ошибки необходимо исправить, руководствуясь «разумностью и профессиональной воспитанностью» [12, с. 201]. Необходимо достроить восточную стену кремля, чтобы создать законченный образ утраченного памятника XVII в., но сделать это на действительно научной основе с учётом базовых археологических данных. Для вживления памятника-новодела в ткань современного города, нужно разработать концепцию его эксплуатации, чтобы восстановленный фрагмент кремля стоял не пустым бессодержательным макетом, но работал как полноценный музейный комплекс и место отдыха, где можно и пообщаться к истории города и культурно отдохнуть.

При строительстве кремля в 1648 г. мнения томичей о том, где и как строить новый городской центр, разделились. Наш замечательный земляк талантливый строитель П. Терентьев преодолел разногласия и возвёл столь мощный и величественный кремль, что воевода князь О.И. Щербатый горделиво отписал в Москву: «И такова, государь, города образцом в Сибири нет». Хотелось бы, чтобы за памятник-новодел, воспроизводящий этот замечательный образец русского оборонного зодчества, не было бы стыдно ни перед собой, ни перед потомками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкатова З.В. Влияние металлургической промышленности на развитие городов Томска и Кузнецка // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981.
2. Люцидарская А.А. К вопросу о формировании торгово-промышленного населения Томска второй половины XVII в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978.
3. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: XVII – начало XVIII в. Новосибирск, 1992. 197 с.
4. Промышленность Сибири в феодальную эпоху (к. XVI – сер. XIX в.). Новосибирск, 1982, 133 с.
5. Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск, 2004.
6. Чёрная М.П. Проблема преемственности в расположении Томского города первой половины XVII в. и кремля 1648 г. // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск, 1999.
7. Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII – XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск, 2002. 187 с.
8. Чёрная М.П., Осинцева Н.В. Проблема места основания Томска и роль ландшафтной оценки в его выявлении // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 4.
9. Бояришинова З.Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск, 1953. Сб. 3.
10. Чёрная М.П. Оборонительные сооружения Томска середины XVII в. как элемент системы жизнеобеспечения средневекового и современного города // Материалы XI Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции «Системы жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Теория, методология, практика. Томск, 1998.
11. Савельева Н.В. Томская крепость как исключительный пример реставрации памятника культурного наследия // Русские старожилы: Материалы III сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000.
12. Пруцын О.И., Рымашевский Б., Борусевич В. Архитектурно-историческая среда. М., 1990.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТОМСКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В.П. ЗИНОВЬЕВ

Сейчас не модно изучать общественное движение и классовую борьбу, но мы должны помнить, что без этого двигателя история прекратила бы свое течение. По этой причине анализ общественной борьбы остается актуальным. Пересмотр оценок деятельности политических сил в период русских революций в начале XX в. необходим и уже осуществляется историками. В этой работе также сделано несколько замечаний об изучении общественной жизни Томска.

В начале XX в. Томск стал одним из центров общественного движения в Сибири. Однако роль левых партий и нелегальной борьбы революционеров в этом процессе преувеличивалась, а другие партии и формы движения – ставились в тень. На самом деле в Томске легальные организации в громадной степени преобладали над нелегальными. Так, в 1913 г. в Томске насчитывалось 90 различных организаций, обществ, общин благотворительного, просветительского, профессионального, экономического, любительского характера [1, с. 102 – 114], в то время как нелегальных практически не было. В рамках легальных организаций текла общественная жизнь, в них и работали представители политических партий.

Другой сюжет тоже показателен. В период первой русской революции активно действовали не только левые партии РСДРП и ПСР. Томская городская дума под руководством либерала А.И. Макушина также предприняла в октябре 1905 г. ряд шагов, которые можно охарактеризовать как борьбу за власть. Можно говорить о левом блоке применительно к Томску.

С 13 октября в Томске шли непрерывные стачки и митинги. Политическая атмосфера города накалилась. 18 октября полиция и казаки разогнали демонстрацию железнодорожных служащих, рабочих и учащихся. Жестокое обращение с детьми городской элиты вызвало возмущение общественности. Дума должна была с этим считаться. На одном из заседаний было принято решение требовать у губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева немедленного отстранения полицмейстера Никольского и отдачи его под суд. А в случае невыполнения требования – просить министра МВД отстранить от должности губернатора, удалить из города казаков, прекратить выплату денег на содержание полиции, сформировать городскую охрану из добровольцев и освободить политических заключенных [2, с. 84–85]. Губернатор согласился на отстранение от должности полицмейстера, освобождение политических заключенных, однако возразил против формирования народной милиции.

Вторым решительным действием думы было формирование милиции. Судя по донесению пристава Юрточной части Томска Пушкарева, эта идея начала осуществляться уже 18 октября, когда он получил приглашение участвовать в заседании городской управы, посвященном этому вопросу. Явившись в 10 часов утра 20 октября в городскую управу, Пушкарев обнаружил там члена управы Иванова,

чиновника консистории Хоцятовского, издателя «Сибирского торгово-промышленного календаря» Ф. Романова, купцов Зеленецкого, Зверева, Быховского, врача Березницкого, отставного капитана Цама и человек 20 незнакомых ему лиц. От чести стать полицмейстером Пушкарев отказался. Он же сообщил, что врач Броннер потребовал включить в состав милиции его товарищей. Это как раз и была студенческая дружина. Основу милиции составили члены добровольного пожарного общества и активисты из числа интеллигенции, служащих, предпринимателей и студентов. Для милиции были закуплены револьверы в магазине Толкачева [3, л. 190–192]. Многие милиционеры уже имели свое оружие. Всего в рядах милиции, по разным сведениям, было 50 – 70 человек. Руководили милицией студенты университета социал-демократы А. Ведерников и А. Нордвик, погибший во время погрома.

Городская дума избрала Томский комитет общественной безопасности. От имени комитета была издана листовка [3, л. 194]:

«Граждане! Комитет общественной безопасности, избранный Томской городской думой, организовал городскую милицию. Она будет охранять вас, вашу жизнь, здоровье, имущество и честь от насилия всякого рода. Граждане! Нашим лозунгом будет безопасность всех граждан. Обращайтесь безбоязненно к защите наших милиционеров, помогайте им исполнять их обязанности. Отличительные знаки – белая повязка с красными буквами ГО со штампом городской управы».

Дума также потребовала увести войска в казармы, что было равносильно требованию передачи власти в городе ей в руки.

Известный погром стал результатом стихийного энтузиазма монархистов и сознательных действий властей. Монархисты организовали демонстрацию по случаю дарования манифеста. Торговцы, мещане, чернорабочие и прочая монархически настроенная публика собрались у старого собора и прошли по улице Почтамтской до Ново Соборной площади. По дороге они предприняли неудачный штурм городской управы (сейчас – здание художественного музея), где в это время собиралась дружина, а также убили четырех человек, поплатившихся жизнью за то, что имели форменную одежду, похожую на студенческую или железнодорожную. Люди, собравшиеся под черносотенными лозунгами и царскими портретами, искренне не понимали, почему бунтуют студенты, рабочие и служащие, если у них есть хлеб и работа.

В это время в театре Королева (за нынешним зданием ТУСУРа) шли выборы в новую городскую думу, и по предварительным данным побеждали социалисты. Черносотенцы напали на театр, но милиция сумела их отразить. Тогда толпа погромщиков собралась за оградой нового собора и в самом соборе. Архиепископ Макарий благословил собравшихся, хотя не мог не знать, что дает благословление убийцам. Тем временем столкновение милиции и погромщиков стало главным событием дня и вызвало прилив на площадь тысячных толп народа. Сюда же прибыли 7 рот солдат, сотня казаков. Комендант города потребовал у милиции сдать оружие, и тогда милиция отступила в здание железнодорожного управления (сейчас – перестроенное здание главного корпуса ТУСУРа). Черносотенцы под защитой солдат окружили Управление и театр Королева, подожгли их и не позволяли тушить пожар. Пытавшихся спастись из огня убивали палками. А надо сказать, что в тот день железнодорожникам выдавали жалование, и в управлении находилось несколько сот служащих с семьями. Только мужество милиции, некоторых служащих и офицеров предотвратило еще более многочисленные жертвы.

Погром длился три дня, были сожжены десятки зданий, прежде всего – дома и магазины богатых евреев и либеральных городских деятелей, в том числе дом

городского головы. Сотни человек были ранены. А.И. Макушин был вынужден скрываться от погромщиков. Его искали, чтобы убить как «генерала» студентов и евреев. Крамольные решения городской думы были отменены губернским управлением 11 ноября. 23 декабря в губернии было введено военное положение и назначен военный генерал-губернатор – барон Нолькен.

Новая дума под руководством купца И.М. Некрасова отменила решения прежней и перешла к хозяйственной деятельности. Но опыт активного вмешательства в политику левого блока остался и был использован в марте 1917 г.

Третий сюжет, на который стоит обратить внимание, – это легальная пропаганда леводемократической прессы, которая применительно к Томску совершенно не изучена. В специальной диссертации Ю.А. Толочко томские события отражены слабо. Между тем в Томске интенсивность листовочной пропаганды сократилась до минимума, так как почти все можно было сказать в прессе. В Томске главной левой газетой было «Утро Сибири» В.Е. Воложанина. Но основным противником режима жандармы считали «Партию народной свободы» и их фактический орган «Сибирскую жизнь». Эта влиятельнейшая провинциальная газета России издавалась профессорами томских вузов, а печаталась в типографии П.И. Макушина. Атмосфера была такова, что ни в редакцию газеты, где господствовали кадеты, ни в типографию, вотчину социал-демократов, охранка не смогла внедрить агентов [4, л. 128, 229]. Пользуясь этим мощным средством воздействия на публику, кадеты регулярно побеждали на выборах в Государственную Думу, четырежды выдвинув от Томска своих представителей – городского голову А.И. Макушина в первую Думу, профессора университета Н.Н. Розина во вторую, профессора технологического института Н.В. Некрасова – в третью и четвертую.

В межреволюционный период влияние левых партий было слабым, однако, когда в период Первой мировой войны ситуация осложнилась, именно левые партии создали в Томске организации, способные противостоять власти вооруженным путем. Власть сама организовала их в запасных полках и снабдила оружием.

В период Первой мировой войны активных выступлений рабочих в Томске практически не было, организовывались преимущественно потребительские кооперативы. В 1916 г. прошли продовольственные бунты. В связи с ростом военных потерь и падением уровня жизни возродилось социалистическое движение. Нелегальная агитация возобновилась в 1915 г., когда образовались группа «Объединенные марксисты» и включавшая социалистов и либералов «Группа объединенного студенчества города Томска». С осени 1916 г. начал действовать «Военно-социалистический союз», объединявший социал-революционеров, социал-демократов, анархистов. От первых в него вошел С.А. Кудрявцев, от вторых – И.Л. Наханович, от ссыльных революционеров – Н.Н. Яковлев, В.М. Косарев, И.Н. Смирнов, мобилизованные в томский гарнизон. В январе 1917 г. образовалась группа «Объединенные социалисты». Накануне Февральской революции в Томске не было отдельной социал-демократической организации.

Пропаганда социалистами идеи превращения войны империалистической в гражданскую на фоне полной дискредитации монархии и правительства и активной оппозиции властям со стороны либеральной буржуазии подготовила Томск к политическому перевороту.

Краткие замечания показывают, что общественное движение в Томске нужно изучать заново.

Стачки в Томске в 1896 – феврале 1917 гг.¹

Годы	Количество стачек	Число участников
1896	2 (1)	20
1897	–	–
1898	–	–
1899	2 (2)	63
1900	1 (1)	8
1901	3 (1)	40
1902	5 (3)	34
1903	24 (22)	743
1904	–	–
Всего за 1896 – 1904	37 (30)	908
1905	342 (246)	8700
1906	9 (4)	450
Янв. – май 1907	7 (5)	–
Всего за 1905 – май 1907	358 (255)	9374
Июнь – дек. 1907	7 (3)	360
1908	7 (3)	232
1909	1	–
1910	1	–
1911	2 (1)	130
1912	7 (7)	500
1913	12 (10)	404
1 янв. – 18 июля 1914	2 (2)	109
Всего за июнь 1907 – 18 июля 1914	39 (26)	1735
19 июля – 31 дек. 1914	–	–
1915	1 (1)	160
1916	–	–
Янв. – февр. 1917	1	–
Всего за 19 июля 1914 – февр. 1917	2 (1)	160
Итого:	436 (312)	12177

ЛИТЕРАТУРА

1. *Памятная книжка Томской губернии на 1913 год*. Томск, 1913.
2. *Зиновьев В.П.* Об октябрьских событиях 1905 г. в Томске // *Революция 1905 – 1907 гг. и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке*. Омск, 1995.
3. *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 70. Д. 2659.
4. *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 3830.

¹ Составлено по источнику: *Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика*: В 3 т. Томск, 1991.

**ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТОМСКА
ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Н.С. ЛАРЬКОВ

В истории Томска не найдётся, пожалуй, периода, который сравнится бы по драматизму событий, по накалу страстей, по влиянию на судьбы едва ли не каждого горожанина, наконец, по своим долговременным последствиям с годами Гражданской войны. В отличие от некоторых других судьбоносных исторических этапов, к числу которых можно, в частности, отнести Великую Отечественную войну, в войне Гражданской томичам, как и остальным россиянам, пришлось делать мучительный выбор между двумя вступившими в смертельную схватку военно-политическими лагерями, между красными и белыми. Ценой этого выбора была сама человеческая жизнь.

Поэтому вполне закономерно, что тема Гражданской войны как в стране в целом, так и в отдельных регионах, всегда привлекала внимание исследователей. Томск в этом отношении не стал исключением. Причём дополнительный интерес к Томску был обусловлен ещё и тем, что он в тот период являлся одним из военно-политических центров антибольшевистского сопротивления не только в масштабах Сибири, но и всей России. Сибирь в годы Гражданской войны, наряду с Югом страны, представляла собой основную арену вооружённой борьбы за власть. Такая неординарная роль Томска была предопределена всем предшествующим развитием, более чем столетним административным статусом губернского центра, положением и авторитетом первого университетского города в обширном крае. Не случайно Томск в том или ином контексте упоминается практически во всех серьёзных монографических исследованиях, в обобщающих работах очеркового характера, на страницах энциклопедических изданий, повествующих об истории Гражданской войны в России.

К настоящему времени опубликовано немалое количество работ, полностью либо частично посвящённых истории Томска рассматриваемого периода. Первые из них появились почти сразу же после Гражданской войны. Это были публикации преимущественно мемуарного характера, вышедшие из-под пера непосредственных участников военно-политических событий – как большевиков, так и их противников (см.: [1 – 3] и др.). Впоследствии, наряду с изданием воспоминаний, увидели свет несколько сборников документов (см.: [4 – 6] и др.), а также целый ряд работ исследовательского характера, авторами которых были главным образом томские историки (см.: [7 – 16] и др.). На страницах местных периодических изданий были опубликованы многочисленные очерки, статьи научно-популярного, публицистического и краеведческого характера. Определёнными рубежами в изучении темы стали специальные главы в исторических очерках о

Томске, подготовленные к 350-летию и 400-летию города, а также статьи в энциклопедическом издании «Томск от А до Я» (см.: [17 – 19]).

В итоге нескольким поколениям историков и краеведов удалось собрать, в значительной степени освоить и сделать достоянием читателей обширный фактический материал, дающий представление об основных событиях периода Гражданской войны в Томске, их месте в контексте российской и сибирской истории, о многих активных участниках этих событий. Однако ставить точку в изучении темы пока рано. Более того, проделанная предшественниками работа позволяет выйти на следующий исследовательский уровень – обобщение накопленного материала, всесторонний, комплексный его анализ на основе современных достижений исторической науки с целью создания специального монографического исследования или книги очерков о Томске в годы Гражданской войны.

Реализация поставленной цели потребует решения ряда недостаточно пока изученных и дискуссионных вопросов. К их числу следует отнести, прежде всего, *проблему периодизации*. В советскую эпоху исследователи обычно ограничивали историю Томска периода Гражданской войны хронологическими рамками существования режима белых, т.е. временем с конца мая 1918 г. до декабря 1919 г. Но Гражданская война в России продолжалась с октября 1917 г. до конца 1922 г. И в течение всего этого пятилетнего срока Томск так или иначе был вовлечён в происходившие события. Уже на начальном этапе, в конце зимы – весны 1918 г., в Томске появились крупные формирования интернационалистов, Красной гвардии, Красной армии (в общей сложности свыше тысячи человек). Одновременно в городе возникло достаточно сильное, разветвлённое и многочисленное антибольшевистское подполье, предпринявшее ряд чувствительных вылазок против установленной большевиками власти. Именно в это время Томск выдвинулся в число основных политических центров антибольшевистского сопротивления на Востоке России. Здесь заседала Сибирская областная дума, избравшая Временное правительство Автономной Сибири, здесь размещался Западно-Сибирский штаб нелегальных вооружённых антисоветских формирований, численность которых в самом городе достигала 1 тыс. человек. Именно из Томска в конце мая 1918 г. руководство штаба отдало приказ о начале вооружённого выступления нелегальных организаций края.

После освобождения от колчаковщины в декабре 1919 г. на Томск была распространена характерная для эпохи Гражданской войны большевистская политика «военного коммунизма», промышленность Томска в 1920 г. едва ли не целиком была ориентирована на выполнение военных заказов. Значительную роль играл Томск в подавлении крестьянских антибольшевистских вооружённых восстаний в 1920 – 1921 гг.

Реальным фактом первых же месяцев существования советской власти стал *красный террор*. Особенно широкие масштабы он принял в Томске на заключительном этапе Гражданской войны, но, в отличие от белого террора, до сих пор исследован слабо, равно как и *антисоветское подполье*, действовавшее в городе в 1920 г.

Остаётся слабо изученной *роль Томска в подготовке военных резервов* для белого и красного фронтов (формирование, обучение бойцов и командиров Красной и Белой армий, лечение раненых). Между тем Томск являлся тогда средоточием многих запасных полков, военных учебных заведений, включая российскую Академию Генерального штаба. Разрозненные, зачастую лишь отрывочные сведения содержатся в литературе *об интервенционистских вооружённых формированиях*, дислоцировавшихся в Томске, и о военнопленных Первой мировой войны, находившихся в местном концентрационном лагере до начала 1920-х гг.

Лишь в последнее время началось изучение *повседневной жизни, быта, досуга томичей* в условиях революции и гражданской войны. Ранее многие сюжеты, связанные с источниками доходов, питанием, обеспечением жильём, криминогенной обстановкой, санитарным состоянием города, модой и т.п., находились на периферии исторических исследований.

Практически неизученными остается вопрос о *людских потерях томичей* в годы Гражданской войны. Известно, что численность населения города сократилась со 100 тыс. человек в 1917 г. до 75 тыс. в 1923 г. Однако не ясно, представители каких слоёв населения и в каком соотношении вошли в те 25 тыс. человек, которые потерял Томск, какую часть из них составили прямые военные потери, сколько жизней унесли красный и белый террор, эпидемии, болезни, голод, какая часть эмигрировала или перебралась в другую местность. Наряду с соответствующим общим анализом, пора, на наш взгляд, приступить к созданию «Книги памяти» о томичах, ставших жертвами братоубийственной гражданской войны, по типу «Книг памяти» о погибших в годы Великой Отечественной войны и в ходе массовых политических репрессий в советский период.

Практически даже не ставилась задача изучения *роли Томска как университетского центра, о влиянии его интеллектуальной элиты, наиболее толерантных жителей на сохранение морально-нравственных устоев общества* в обстановке социальной вражды, ненависти, идеологической нетерпимости, в условиях девальвации общечеловеческих ценностей и падения цены самой человеческой жизни.

Важным и актуальным направлением исследований по-прежнему остаётся изучение *жизни и деятельности активных участников тех событий, особенно противников большевизма*, поскольку в советский период участники антибольшевистского сопротивления удаивались в лучшем случае кратких и тенденциозных биографических справок. Появившиеся в последние годы научно-популярные и публицистические очерки о томичах – участниках антибольшевистского сопротивления в какой-то мере стали восполнять имеющиеся пробелы. Однако необходимы и более глубокие научные исследования о таких известных деятелях Белого движения, которые были уроженцами Томска или в разное время были тесно связаны с ним (премьер-министры колчаковского правительства П.В. Вологодский и В.Н. Пепеляев, командующий Сибирской армией генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев, управляющий Томской губернией Б.М. Михайловский и др.).

О том, какую роль играл Томск в жизни некоторых ведущих политиков того времени, можно судить по дневниковым записям П.В. Вологодского, по его тяге к городу. В сохранившихся и недавно полностью опубликованных дневниках бывшего премьер-министра колчаковского правительства, охватывающих период с 1918 по 1925 г., содержится 51 упоминание о Томске, большая часть которых (41 упоминание), относится к 1918 – 1920 гг. [20]. Даже в самые напряжённые месяцы войны П.В. Вологодский выкраивал время для приезда сюда. Причём из трёх поездов, совершённых им в период с августа 1918 г. по апрель 1919 г., дважды П.В. Вологодский приезжал с целью отдыха. Нетрудно предположить, что Томск значил для него гораздо больше, нежели только как источник кадровых и материальных ресурсов. Будучи политиком либеральной ориентации, он, вероятно, черпал здесь, как из интеллектуального и духовного источника, силы для продолжения своей политической деятельности, которая в условиях диктаторского режима была сопряжена с нравственным дискомфортом. В Томске П.В. Вологодский имел возможность вести откровенные беседы со своими старыми друзьями и знакомыми. В частности, в апреле 1919 г. в ходе таких бесед с редактором «Сибирской жизни» А.В. Адриановым он высказал серьёзные сомнения относительно боеспо-

способности колчаковской армии и целесообразности быстрого её продвижения в Европейскую Россию в условиях, когда тыл недостаточно организован.

Серьёзные биографические работы нужны и о деятелях большевистского лагеря, несмотря на значительное число публикаций такого рода, вышедших, главным образом, в советский период. Во-первых, требуются переосмысление, переоценка роли многих из них в событиях Гражданской войны. Во-вторых, ряд томских большевистских деятелей того периода, попавших впоследствии в опалу и репрессированных в годы сталинизма, также оказались забытыми или полузабытыми. К их числу может быть отнесен М.Д. Берман – один из первых красноармейских командиров в Томске весной 1918 г., руководитель Томской ЧК и организатор красного террора в 1920 г., а впоследствии – руководитель ГУЛАГа.

Наконец, нуждаются в осмыслении *последствия Гражданской войны*, оказавшей деформирующее воздействие практически на все сферы городской жизни, начиная от материальной и заканчивая морально-нравственной и психологической. Эти последствия ощущаются до сих пор, в частности в названиях улиц, носящих имена «героев» Гражданской войны (в подавляющем большинстве из лагеря «красных»), в посвящённых им памятных знаках. И нет пока общего памятника всем жертвам, всем участникам той братоубийственной войны как символа примирения и преодоления жестокого и кровавого раскола почти вековой давности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вегман В. Как и почему пала в 1918 г. советская власть в Томске // Сибирские огни. 1923. № 1 – 2. С. 127 – 148.
2. Крылов. Воспоминания о партработе в Томске // Известия Томского губернского комитета РКП. 1923. № 18. С. 6 – 10.
3. Кроль М.А. Сибирское правительство и августовская сессия Сибирской Областной Думы // Вольная Сибирь (Прага). 1928. Т. 4. С. 69 – 82.
4. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917 – 1919 гг.). Томск, 1957. 569 с.
5. В огне революционных битв. Томск, 1964. 295 с.
6. Из истории земли Томской. 1917 – 1921. Народ и власть. Томск, 1997. 344 с.
7. Флеров В.С., Чугунов М.И. Восстание в Томске 1 ноября 1918 г. // Борьба за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1968. С. 144 – 166.
8. Плотишкова М.Е. Томское большевистское подполье в годы Гражданской войны в Сибири // Томску – 375 лет. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 153 – 167.
9. Чугунов М.И. Участие венгерских военнопленных-интернационалистов в борьбе за власть Советов в Томске (1917 – 1920 гг.) // Томску – 375 лет. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 168 – 189.
10. Петрухина М.М. Из истории Томского городского Совета (1920 – 1921 гг.) // Томску – 375 лет. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 202 – 207.
11. Ларьков Н.С. Падение советской власти в Томске в 1918 г. // Октябрь и Гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение. Томск, 1993. С. 118 – 133.
12. Ларьков Н.С. Милитаризация томской власти в годы Гражданской войны // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 109 – 114.
13. Михеенков Е.Г. Участие вузовской интеллигенции г. Томска в работе комиссий частного совещания и секций Сибирской областной думы // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 115 – 121.
14. Луков Е.В. Взаимоотношения центральных и местных органов власти при Западно-Сибирском комиссариате и Временном Сибирском правительстве (на примере Томской губернии) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 122 – 126.
15. Дмитриенко Н.М. Городское самоуправление в Томске в годы революции и Гражданской войны (1917 – 1919) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 139 – 146.
16. Косых Е.Н. Власть и периодика Томска (1917 – 1919 гг.) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 147 – 149.
17. Очерки по истории города Томска (1604 – 1954). Томск, 1954.
18. Томск. История города от основания до наших дней. Томск, 1999. 431 с.
19. Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск, 2004. 438 с.
20. A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China: The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918 – 1925. Vol. 1, 2 / Compiled, edited, and introduced by Semion Lyandres and Dietmar Wulff. Stanford: Hoover Institution Press; Stanford University, 2002.

ТОМСК – УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ЦЕНТР АЗИАТСКОЙ РОССИИ¹

С.А. НЕКРЫЛОВ, С.Ф. ФОМИНЫХ

Решение об учреждении первого сибирского университета в Томске было принято Александром II в мае 1878 г. Предвосхищая значение будущего высшего учебного заведения, петербургская газета «Новости» писала: «Этот вопрос уже потому чрезвычайно важен, что с ним неразрывно связаны другие жгучие вопросы страны, а потому он имеет значение не только государственное, но и общечеловеческое, а еще более потому, что университет будет единственным рассадником науки на всем севере Азии до самых ее южных стран, где миссию эту взяла на себя Англия» [1].

Мысль об открытии университета в азиатской части России была впервые высказана еще в начале XIX в., когда Министерством народного просвещения были разработаны «Предварительные правила народного просвещения», предусматривавшие учреждение университета в Сибири. В то же время П.Г. Демидов пожертвовал на университет 50 тыс. руб. Однако университет, а его предполагалось основать в Тобольске, в то время не был открыт. В 1856 г. министр народного просвещения А.С. Норов в своем докладе Александру II отметил важность университета для Сибири. «Эта благотворная мера, если признана будет возможною, – подчеркивал он, – обещает великие последствия для края, которого природные богатства и местные обстоятельства ожидают только животворного содействия науки, чтобы доставить государству неисчислимые выгоды» [2]. Однако в то время дело не сдвинулось с места. Лишь в середине 70-х гг. этот вопрос вновь был вновь поднят в правительственных кругах [3, с. 3 – 6]. Чем же объясняется факт такого промедления с открытием первого сибирского университета?

Сибирь была присоединена к России в конце XVI в. До середины XVIII в. на всю Сибирь имелась всего одна школа, находившаяся при тобольском митрополичьем дворе, куда направлялись все те, кто хотел выучиться грамоте и заняться церковной службой. В Томске почти до середины XVIII в. не было вовсе никакого училища. Неграмотность и невежество были распространены даже среди местного духовенства. Так, например, на присяжном листе Алексеевского мужского монастыря (1732 г.), по которому духовенство должно было совершить клятвенное обещание, большая часть духовных лиц, в том числе и протоиерей соборной Троицкой церкви, не подписались собственноручно, сославшись на «болезнь очей». Первым образовательным учреждением в Томске было Русское духовное училище при том же монастыре, открытое по указу Тобольской консистории в 1746 г. Лишь в 1789 г. в Томске было открыто малое народное училище [4].

Самыми крупными учебными заведениями в Сибири в конце XVIII – начале XIX в. были две семинарии в Тобольске и Иркутске. С 1754 г. в Иркутске сущест-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 03-03-00585 а/Т).

вовала и навигацкая, а с конца этого же века городская школы, которые впоследствии были объединены в главное народное училище. Этим, конечно, не исчерпывается перечень заведений, дававших первоначальное образование. Имелись уездные училища, казачье училище в Омске (позднее кадетский корпус), народные школы. Что касается гимназий, окончив которые юноши могли продолжить обучение в университете, то их тогда было всего две. В 1806 г. была основана гимназия в Иркутске, а в 1810 г. Тобольское главное народное училище, открытое в 1789 г., было преобразовано в гимназию. Число учеников в последней колебалось от 25 чел. в 1813 г. до 41 чел. в 1835 г. [5, с. 48, 68 – 69]. Устройством учебного дела в Сибири занимался и М.М. Сперанский. Образованнейший человек своего времени, на долю которого выпала работа по организации реформирования огромной по территории окраины России, он сразу же убедился в ее отсталости и отсутствии достаточного числа грамотных людей. Гимназии, открытые незадолго до его прибытия в Сибирь, не могли еще дать значительного числа людей со средним образованием, способных к служебной деятельности, а людей с высшим образованием в Сибири в то время вовсе не было. Уже через месяц после своего приезда в Иркутск в 1819 г. Сперанский инициировал открытие ланкастерской школы. Он также намеревался восстановить закрытое в Иркутске училище для изучения восточных языков [6, с. 61 – 62].

Однако исполнителей для реализации своих планов в Сибири Сперанский так и не нашел. Из России туда приезжали, как писал он сам, «титularные советники, которые вследствие своего невежества и указа об университетских экзаменах не имели возможности получить чин асессорский, «толико вожденный». Такие люди просились на службу в Сибирь главным образом из-за служебных привилегий, а многие, приехав сюда, в основном занимались мздоимством и, обогатившись, стремились во чтобы то ни стало возвратиться в центр России.

Что касается дела образования, то уже после отъезда М.М. Сперанского из Сибири здесь открылось несколько приходских училищ, сиропитательный дом в Иркутске, гимназия в Томске в 1838 г., девичий институт в Иркутске в 1845 г. Однако качество получаемого в сибирских гимназиях образования не было высоким. На их содержании выделялись убогие средства, долго не находились хорошие учителя и поэтому вакансии нередко замещались случайными людьми. В 40 – 50-х гг. в этих гимназиях, как свидетельствуют современники, детей обучали отставные чиновники, семинаристы, частные приставы. В томской и тобольской гимназиях среди учителей были даже полупомешанные, слепые, хромые и люди, страдающие запоем. У большинства учащихся в это время не могло появиться ни особой любознательности, ни стремления к продолжению учебы [6, с. 64 – 65].

Выпускники гимназий, чтобы продолжить образование, вынуждены были покидать родные места. Продолав тысяч верст, они поступали в университеты Казани, Москвы и Петербурга. Подавляющее большинство из них после получения высшего образования уже не возвращались на родину, которой могли бы приносить пользу. Многие из них мечтали об открытии университета в самой Сибири.

Один из сибиряков, учившихся в Петербургском университете, Н.М. Ядринцев, вспоминал в год открытия университета в Томске (1888 г.): «...В оживленном кружке студентов-сибиряков Петербургского университета шел разговор о сибирском университете. Как занесена эта идея, кем, я не помню, но она была принята с восторгом. Мысль и предложение, погребенное с 1803 г. (дня пожертвования 100 000 р.), мысль, оставленная администраторами как преждевременная, возродилась и охватила юные сердца... Это было время, памятное время, когда все ликовало, все полно было ожиданиями чего-то прекрасного, великого, точно гул пасхальных колоколов переливался по русской земле. Это было возро-

ждение русской жизни. Сибиряки не остались чужды веянию времени, но их вопросы получили местный оттенок. Сочувствием или не сочувствием университету измерялась преданность и гражданская добродетель. Не сочувствовать этой идее не мог никто, но разговоры и споры заключались в частностях... В юном воображении нам представлялся уже университет открытым, мы представляли его вроде роскошного здания, к которому стеклись все разнообразные произведения нашей родины. Портик должен быть из белого мрамора с золотой надписью: «Сибирский университет». Нет, лучше на черном, внутренность из малахита, яшм, кругом сад, в котором сосредоточивается вся сибирская флора. В кабинеты доставлены коллекции со всей Сибири, общественная подписка дала огромные средства. Аудитории кишат народом, где мы встречаем рядом с плотными и коренастыми сибиряками, наших инородцев... университет привлечет японцев и китайцев – говорили другие. Так развивалась мечта. Доживем ли до этого? – раздавался скептический голос. И потом опять сменялось детской радостью и кончалось пением *gaudiamus igitur* и казанской студенческой песни: «От зари до зари как зажгут фонари...». С мечтами об университете мы воротились на родину, но после 60-х годов вопрос этот смолк в обществе и литературе, он стал как будто запретным. Много пережилося, перекипело, перебродило. Юноши превратились в солидных и пожилых людей, проза жизни, действительность научила быть их терпеливыми, а многих и равнодушными» [7].

Чтобы облегчить сибирякам доступ к высшему образованию и помочь им учиться, в Сибири было организовано несколько обществ вспомоществования учащимся. В пользу последних устраивались благотворительные вечера, регулярно проводился сбор средств.

Сибирское общество становилось все многолюднее и образованнее. По мере развития самосознания в обществе росла и зрела мысль о местном университете. В 60 – 70-х гг. XIX в. эта мысль настолько созрела, что уже нашла отражение в печати. В центральных и местных газетах на эту тему было опубликовано множество статей¹.

Особенно энергично отстаивал идею открытия университета в Сибири в своих публичных выступлениях, на страницах столичной и провинциальной печати Н.М. Ядринцев.

В первую очередь акцент делался на том, что появление университета в Сибири предоставит местным жителям возможность получить высшее образование в самой Сибири, не выезжая за ее пределы. К тому же в этом далеком и обширном крае ощущалась острая нехватка врачей, учителей, образованных чиновников и т.д.

Необходимость высшего образования объяснялась потребностью в изучении и использовании природных богатств, которые оставались мертвым капиталом, а также необходимостью «развития таких научных и общественных институтов, которые были невозможны в крае из-за недостатка образованных людей». Дело в том, что Сибирь была накануне буржуазных преобразований, которые уже проводились, в то время в европейской части России. По мнению авторов публикаций, появление университета могло бы способствовать созданию в местном обществе «образованного слоя и развитию умственных сил, поднятию уровня нравственности и гражданской честности». Открыть университет побуждали и интересы «развития науки на востоке России и открытий в различных областях знаний, которыми должна обогатиться наука, имея в виду обширность недоступного ранее для науки обширного азиатского континента с его местными племенами и народами».

¹ Библиография приведена в работе А.В. Адрианова, опубликованной в 1890 г. [8, с. 297–313].

Стояла также задача приобщения коренных народов Сибири к «русской культуре и образованности». Будущий сибирский университет должен был заняться и подготовкой «образованных людей в целях установления и развития связей с соседними государствами Востока». И, наконец, университет был необходим «из учета общечеловеческих целей цивилизации и распространения ее в Азии» [6, с. 70 – 71].

Начиная с 60-х гг. XIX в. уровень народного образования в Сибири начинает постепенно подниматься, сначала по инициативе правительства, а затем и под влиянием требований вызревавшего сибирского общества. Только в Томской губернии количество учебных заведений за это время увеличилось примерно в 9 раз, а учащихся в них в 6 раз [4]. Накануне открытия университета в Сибири имелось более 1100 учебных заведений и с числом учащихся около 37 тыс. Среди них было несколько гимназий и прогимназий, а местные общества и города ходатайствовали об открытии новых.

Что касается числа сибиряков, обучавшихся в вузах Казани, Петербурга и Москвы, то в 1886/87 учебном году оно достигло более 240 человек [9]. Внутреннюю часть их составляли выпускники томской гимназии. Только в Петербурге в то время училось 34 человека. По мнению автора статьи «Сведения об учащихся сибиряках», опубликованной в 1887 г. на страницах «Восточного обозрения», можно было сделать вывод о «достаточности имеющегося в виду контингента студентов для Сибирского университета» [9].

Процесс учреждения университета ускорился после назначения генерал-губернатором Западной Сибири Н.Г. Казнакова. В 1875 г. он сразу же поднял вопрос об университете в Сибири. «От этого-то доступного генерала, – писал тот же Н.М. Ядринцев, – мне удалось услышать благую весть, когда я раз пришел к нему, и он принял меня в блестящем мундире, возвратившись с какого-то торжества и ласково взяв меня за руку. Сообщу вам радостную весть, – сказал он с улыбкой и свойственной ему грацией. По моему докладу о том, что пора сибирским уроженцам дать возможность получить высшее образование, а также в виду имеющих реформу государь император приказал мне представить проект сибирского университета. Поздравляю вас и Сибирь! Помню, что вскоре я бежал по Литейной в одну из редакций, совершенно отуманенный... Мои ощущения были тем сильнее, что я знал то, что другие еще не знали, и мне выпадало передать благую весть на родину. Те, кто завидуют и смотрят с улыбкой на наше ликование, на наши минутные восторги, пусть будут снисходительны, ибо эти радости не часто выпадали нам. Еще не мало прошло времени с 1874 г. до 1888 года».

В ноябре 1875 г. он прислал в Министерство народного просвещения свои соображения «об учреждении общего для всей Сибири университета», которые были положены в основу представления, внесенного 29 мая 1876 г. министром народного просвещения Д.А. Толстым в Государственный Совет. Местом для учреждения первого университета первоначально намечался Томск как расположенный в центральной части Сибири. Однако через некоторое время Н.Г. Казнаков изменил свое мнение в пользу Омска как административного центра Западной Сибири. Это встретило возражения со стороны многих сибирских городов. Председатель Государственного Совета великий князь Константин Николаевич, учитывая важность выбора университетского города, настоял на том, чтобы этот вопрос был подвергнут более тщательному изучению.

С этой целью в мае 1877 г. при Министерстве народного просвещения была образована особая комиссия во главе с товарищем министра, князем А.П. Ширинским-Шихматовым. В ее состав вошли член совета министра внутренних дел А.И. Деспот-Зенович, причисленный к Министерству народного просвещения, непременный член медицинского совета министерства внутренних дел, профессор

В.М. Флоринский, главный инспектор училищ Западной Сибири А.П. Дзюба и вице-губернатор Акмолинской области М.Н. Курбановский [10].

Главная борьба развернулась между Томском и Омском. Большая часть сибирского общества высказалась в пользу Томска, занимавшего центральное географическое положение в Сибири. Томская городская дума безвозмездно выделила под университет территорию городской роши, где прежде происходили массовые гулянья. Золотопромышленник З.М. Цибульский, который пожертвовал на университет 140 тыс. руб., грозился забрать деньги, если университет будет построен не в Томске. Им еще в августе 1876 г. было направлено письмо на имя министра народного просвещения Делянова, в котором он настаивал на том, чтобы университет был построен в Томске. Спустя год он обратился с письмом на имя великого князя Константина. 3 августа 1877 г. иркутская дума отправила адрес на имя министра народного просвещения, в котором заявила, что свои права на университет уступает Томску. Бывший генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н. Муравьев-Амурский, ранее возражавший против учреждения университета в Сибири, по просьбе жителей Иркутска специально приехал из Парижа на сессию Государственного совета и горячо защищал учреждение университета в Томске (сожалея только о том, что он будет не в Иркутске).

Торжественная закладка университета состоялась 26 августа (7 сентября) 1880 г., а его открытие в составе одного медицинского факультета произошло 22 июля (3 августа) 1888 г. На первый курс было набрано немногим более 70 студентов. Университет, явившись градообразующим учреждением, оказал огромное влияние на всю последующую судьбу Томска.

Томский университет вплоть до конца XIX в., до появления Томского технологического института и Восточного института во Владивостоке, являлся форпостом высшего образования и науки на огромной территории Азиатской России. Именно ему выпало решение задачи подготовки врачей, а после организации в 1898 г. юридического факультета – и юристов. Ученые университета занимались также изучением природы и ресурсов, истории и экономики, культуры необъятного сибирского края. Кроме того, университет оказал огромное влияние на культурную миссию русских в Азии.

За более чем 125-летнюю свою историю в стенах Томского университета подготовлено около 100 тыс. высококвалифицированных специалистов. Начав с одного медицинского факультета, он в настоящее время имеет в своем составе 23 факультета и института, а контингент студентов исчисляется цифрой более 23 тыс. [11, с. 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Новости* (С.-Петербург). 1877. № 36.
2. *Российский государственный исторический архив* (РГИА). Ф. 1152. Оп. 10. Д. 47. Л. 24.
3. *Историческая записка о возникновении в Сибири университета*. Томск, 1888.
4. *Нужды народного образования на окраине // Восточное обозрение*. 1887. № 41.
5. *Замахаяев С.Н., Цветаев Г.А.* Тобольская губернская гимназия: Историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет ее существования. 1789 – 1889. Тобольск, 1889.
6. *Первый сибирский университет // Вестник Европы*. 1879. № 11.
7. *Ядринцев Н.* Светлые минуты: из воспоминаний прошлого ко дню открытия университета // *Восточное обозрение*. 1888. № 29.
8. *Адрианов А.В.* Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890.
9. *Восточное обозрение*. 1877. № 11.
10. *Труды комиссии для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета*. СПб., 1878.
11. *Томский государственный университет*. Ежегодник – 2003 / Под ред. Г.В. Майера. Томск, 2004.

**ТОМСК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1941 – 1945 ГГ.)**

Н.А. ГРИК

Период Великой Отечественной войны в жизни Томска, как и всей страны, занимает особое место. Время страшных испытаний и потерь. Но для Томска это было и временем бурного роста, развития.

В начале войны Томск оставался вузовским городом – кузницей кадров, но с другой стороны он был частью огромной Новосибирской области. По существу в городе не было серьезной промышленной базы. Так, электромеханический завод до войны оставался самым крупным в городе промышленным предприятием. Только в 1940 г. Наркомат электромашиностроительной промышленности принял решение о строительстве в Томске предприятия союзного значения для выпуска электродвигателей. Весной 1941 г. был заложен фундамент первого корпуса, водонапорная вышка. Большого сделать не удалось – началась война.

Уже в августе 1941 г. в Томск стали пребывать первые эшелоны с оборудованием и специалистами из Ленинграда, Москвы, Харькова, Ярославля и других городов европейской части СССР. В город прибыла часть оборудования ленинградской «Электросилы», московских «Фрезера» и Первого подшипникового завода. Подшипниковцы получили солдатские казармы Северного городка. Московский завод «Красный богатырь» расположился в бывшем храме (ныне восстановленный Богоявленский собор). Главный корпус университета был также отдан эвакуированному оборонному заводу. После войны эти предприятия сохранили томскую прописку (ГПЗ-5, инструментальный завод, завод резиновой обуви, электроламповый завод, Сибэлектромотор, Томкабель).

Томск, как и вся страна, перестраивался. Вновь созданным предприятиям требовались дефицитные топливо и электроэнергия, остро стоял вопрос о подготовке новых рабочих. Томская ТЭЦ работала в основном на нужды промышленности. Поэтому нередко студентам и преподавателям приходилось заниматься в темноте. Одно время не отапливалось помещение научной библиотеки, где в годы войны было сосредоточено огромное количество книг и музейных экспонатов. В библиотеке университета хранилось национальное достояние – рукописное наследие и личные вещи А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.М. Горького. Профессора и доценты даже в 1944/45 учебном году получали электроэнергию по особому списку.

В начале войны в Томск прибыло немало ученых из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Одессы. В частности, это были известные профессора: А.А. Заваздин (в 1943 г., будучи профессором ТГУ, был избран академиком АН СССР), академик АН УССР А.И. Белецкий, профессора П.К. Анохин, А.Д. Ренгард, А.И. Неусыхин и др. Таким образом, Томск и в годы войны продолжал оставаться вузовским городом. Поэтому не случайно, что именно в Томске возникла идея первого в стране комитета ученых для координации всей научно-исследовательской работы по оказанию помощи фронту и тылу. Инициаторами здесь вы-

ступили профессора университета В.Д. Кузнецов и В.П. Токин. Томский горком партии поддержал эту инициативу. В состав комитета вошло 22 человека, в том числе 17 профессоров и 3 доцента, председателем стал Б.П. Токин, а его заместителями – профессора К.Н. Шмаргунов (Индустриальный институт), В.Д. Кузнецов (университет) и А.Г. Савиных (Медицинский институт). Комитет установил тесные связи с производством, некоторые ученые стали постоянными консультантами заводов, а вузовские лаборатории превратились в филиалы заводских [1]. Официальным центром комитета стал Сибирский физико-технический институт, который, по словам Б.П. Токина, представлял «научный штаб патриотов-ученых Томска». Координация и самопожертвование дали свои плоды. Под руководством доцента университета А.Б. Сапожникова в 1941 г. впервые в СССР был разработан шуп для нахождения металлических осколков в теле. Большое значение имели работы В.Д. Кузнецова по скоростному резанию металлов и броненепробиваемости, профессора М.А. Большаниной по теории и практике заменителей дефицитных материалов. Очень плодотворной была работа томских медиков. Под руководством профессора С.П. Карпова был изготовлен нативный пенициллин, профессор Д.И. Гольдберг создал мазь для плохо заживающих ран. По предложению А.Г. Савиных и С.П. Ходкевича вместо дефицитной ваты начали использовать торфяной мох. Профессорами Н.В. Вершининым, Д.Д. Яблоковым, В.В. Ревердатто была создана отечественная камфара. За годы войны в Томске было создано 11 эвакогоспиталей, где томские врачи вернули к активной жизни свыше 100 тыс. человек. Общественным признанием уровня научной работы в Томске явилось присуждение Государственных премий профессорам М.А. Большаниной, Н.В. Вершинину, В.Д. Кузнецову, В.В. Ревердатто, Д.Д. Яблокову [2, с. 219, 223].

Благодаря усилиям партийных, комсомольских и профсоюзных организаций за годы войны было создано ядро профессиональных рабочих. В первые годы войны основное пополнение рабочего класса составляли подростки 15 – 16 лет и женщины, которым приходилось на ходу осваивать рабочие специальности. Их наставниками были кадровые рабочие, которые приехали вместе с эвакуированными предприятиями. Важнейшей и своеобразной формой овладения профессией стали комсомольско-молодежные бригады, которые стали создаваться в 1942 г., а в 1944 г. они стали массовым явлением на томских предприятиях.

Существенно ускоряла овладение профессией и организация массового социалистического соревнования. По сравнению с концом 1930-х гг. оно характеризовалось меньшей дезорганизованностью и формализмом. Соревнование носило индивидуально-коллективный характер. Помимо соревнования за звание «Лучший станочник», «Лучший токарь» и т.д., шло соревнование за звание «Лучшей бригады», «Фронтальной бригады». Победители соревнования приглашались на слеты передовиков, получали подарки, а газета «Красное знамя» регулярно рассказывала о наиболее отличившихся рабочих. В городе хорошо были знакомы с фамилией первого томского «тысячника» 14-летнего Володи Меркулова, с бригадами Тони Судаковой с «Сибэлектромотора», Муравьевой и Лубенцовой с завода резиновой обуви, Ивана Ситникова с подшпникового завода. Например, бригада Судаковой в составе 8 человек выполняла план 11 человек. В 1944 г. на томских заводах почти половина молодых рабочих была охвачена социалистическим соревнованием, что во многом помогло к концу войны поднять производительность труда на 25 – 30% [3; 4, с. 235 – 237; 5].

В годы войны в Томске резко выросло число художественной интеллигенции. В Томске находилась специальная группа Комитета по делам искусств при Совнаркоме РСФСР и Сибирское отделение Всероссийского гастрольно-концертного

объединения, работали Первый Белорусский драматический театр, Ленинградский театральный институт. Прибыли художники Е. Кацман, Е. Плехан, М. Щеглов, скульптур В. Азгур. Это позволило выпускать еженедельную иллюстрированную газету «За Родину», художественным редактором которой стал заслуженный деятель искусств В. Азгур. Первый Белорусский драматический театр обладал значительными художественными силами: за три года работы в Томске он показал 25 пьес. Этот коллектив побеждал в соревновании театров Новосибирской области на лучшую постановку о Великой Отечественной войне («Парень из нашего города» и «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука, «Петр Крымов» К. Финна и др.). В 1944 г. коллектив театра был удостоен Красного знамени Новосибирского обкома ВКП(б) и облисполкома. На спектаклях театра побывало 747 тыс. томичей. Фронтальная бригада театра во главе с народным артистом БССР Г. Глебовым дала на фронте 150 концертов [2, с. 218 – 219; 6; 7; 8].

Томичи активно участвовали в пополнении фонда обороны, оказывали помощь фронту, освобожденным городам. Так, в начале 1943 г. томичи собрали на постройку боевых авиаэскадрилий «За Родину» 5 млн 100 тыс. рублей, отправили на фронт и в Ленинград восемь вагонов с продовольствием и подарками [9]. Кроме того, были собраны средства на танковую колонну «Боевая подруга». Начиная с 1943 г. томичи активно помогали освобожденным территориям и городам (Донбасу, Ленинграду, Сталинграду, Воронежу, Белоруссии). Отправляли строительные материалы, медикаменты, продукты питания. Например, к началу 1945 г. томичами было отправлено в Воронеж, Донбасс, Белоруссию свыше 100 вагонов оборудования и материалов за счет фондов, полученных от перевыполнения планов [10].

К концу войны Томск и томичи, как и вся страна, вышли победителями. Были решены основные задачи – город внес свою весомую лепту в Победу. Война закалила и воспитала многих, а Томск вступил в послевоенный период своей жизни как крупный промышленный и научный центр, как центр Томской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Красное знамя*. 1941. 5 июля; 11 июля.
2. *Томский университет*. 1880 – 1980. Томск, 1980.
3. *ЦДНИТО*. Ф. 80. Оп. 2. Д. 147. Л. 147; Д. 822. Л. 4, 7.
4. *Заплавный С.* Рассказы о Томске. Новосибирск, 1980.
5. *Тананушко Л.В.* Развитие социалистического соревнования на предприятиях Томской области на завершающем этапе войны // *Партийное руководство общественными, государственными и народнохозяйственными организациями Западной Сибири*. Томск, 1986. С. 122 – 125.
6. *ЦДНИТО*. Ф. 80. Оп. 2. Д. 822. Л. 12.
7. *Красное знамя*. 1944. 20 авг.
8. *Назимова В.Ш.* Художественная жизнь Томской области в период Великой Отечественной войны // *Томская областная партийная организация – боевой отряд КПСС*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. с. 85
9. *Красное знамя*. 1943. 6 февр.; 18 мая.
10. *Акаченко А.П.* Деятельность Томской партийной организации по оказанию помощи освобожденным районам страны в 1943 г. // *Томская областная партийная организация – боевой отряд КПСС*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 89.

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АТМОСФЕРА В ТОМСКЕ
НА ИСХОДЕ ПЕРЕСТРОЙКИ**

АНДРЕЕВ В.П.

Исключительно высокая концентрация студентов, ученых, научно-педагогических работников, учителей, врачей, персонала высокотехнологичных оборонных производств во многом предопределила в Томске характер процессов, начатых М.С. Горбачевым в 1985 г. Влияние этих социально-референтных групп во многом было определяющим на общественную атмосферу «Сибирских Афин».

Оппозиционность немалой части интеллигенции до поры до времени ограничивалась «кухонными разговорами». Это не мешало верхушке интеллигенции совмещать фрондирование с благополучным обслуживанием соответствующих отделов партийных комитетов. «Кухонная оппозиционность» вышла на поверхность в ходе перестройки.

Декларирование гласности, свобода слова, освобождение исторической памяти знаменовали собой духовный Ренессанс. Поначалу это выразилось в возможности читать то, что раньше запрещалось, не публиковалось, было вовсе неизвестно большинству томичей. Самыми популярными изданиями были «Огонек», «Московские новости», «Аргументы и факты». Были сняты лимиты на подписку, и едва ли не каждая интеллигентная семья Томска стала получать эти издания, а также журналы «Знамя», «Новый мир», «Октябрь» и др. К читателям пришли произведения М. Булгакова, В. Гроссмана, Д. Гранина, Ю. Дудинцева, А. Рыбакова, А. Солженицына. Публикации никого не оставляли равнодушным, город превращался в дискуссионный клуб. Обсуждения, скажем, спектакля ТЮЗа по пьесе М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше», кинофильма «Холодное лето 53-го» собирали в Центре культуры ТГУ многочисленную аудиторию [1].

Интеллигенция города стала инициатором проведения ряда массовых акций, создания неформальных организаций – клубов содействия перестройке, историко-просветительского общества «Мемориал», организации «Экологическая инициатива» и других, которые стали своеобразными «кузницами» будущих политических лидеров, депутатов. Массовые митинги стали заметным явлением политической жизни города конца 1980-х гг. Благодаря возросшей активности горожан, их массовому протесту центральные ведомства вынуждены были отказаться от строительства завода БВК в Томске. Эта победа вселила уверенность в широкие слои томичей, что сообща можно противостоять диктату хозяйственных ведомств.

«Зеленые» поставили вопрос о спасении р. Томи, прекращении забора гравия из её русла, подняли проблему защиты окружающей среды, направили в Кузбасс экологический пикет против строительства Крапивинского водохранилища. Природоохранная деятельность заметно политизировалась, некоторые из активистов доставали и распространяли литературу антисоветского содержания, действуя как

агенты-искровцы на заре XX в. Пикантность ситуации состояла в том, что тогдашний штаб «зеленых» располагался напротив управления КГБ по Томской области. Можно предположить, что его сотрудники заглядывали на «экологические» тусовки, но уже был «разгул демократии», как подметил один публицист: «ЦК уже не цыкало, а ЧК – уже не чикало!», уже свободно действовал фонд Д. Сороса, на деньги которого издавалась немалое количество литературы известной направленности. В своих воспоминаниях Сорос живописал процесс создания отделения своего фонда в Ленинграде, в столицах союзных республик, а также в Хабаровске, Иркутске, Новосибирске, Свердловске. Можно предположить, что некоторые томские неформалы работали на деньги «дедушки Сороса», кстати и некстати поминая о «немецких деньгах» большевиков.

Многие журналисты, публицисты, ученые оперативно откликнулись на обостренный интерес к историческому прошлому, сложился жанр «исторической публицистики», ставший своеобразным индикатором общественной мысли, но тон задавали не самые компетентные авторы, особо не утруждавшие себя поиском и анализом фактического материала. Тем не менее эта продукция пользовалась спросом. Возникало ощущение, что половина страны стала историками-неформалами, а остальные – их внимательными читателями.

Стремительно выросли тиражи таких периодических изданий, как «Огонек», «Литературная газета» и «Аргументы и факты» (тираж «АиФ» превысил 30 млн экземпляров). Телевизионные передачи усаживали у телеэкранов миллионы советских людей. Исключительной популярностью пользовалась телепрограмма «Взгляд» (ведущие А. Любимов, А. Политковский). Обостренный интерес к истории превратил перестроечных публицистов и телеведущих во «властителей дум», газетно-журнальные публикации, телепередачи никого не оставляли равнодушными, газетные и телевизионные «откровения» живо обсуждались на работе (в цехах и учебных аудиториях), дома, на отдыхе. В Томске, как и везде, возникло бесчисленное множество политических клубов, «круглых столов», «дискуссионных трибун». Сложился достаточно широкий слой «жадно читающей публики», «перестроечная публицистика» сыграла заметную роль в радикализации взглядов населения.

Отношение к прошлому, происходящим событиям было далеко не однозначным, разброс мнений и позиций был достаточно широк. Но четкая поляризация взглядов обозначилась позднее, а пока объединяющим моментом являлся негативный консенсус – резко критическая оценка советского прошлого, отрицание КПСС. Не было ясности в понимании перспектив развития, требования сводились к набору общедемократических фраз. Слово «демократия» в применении к тогдашним (да и теперешним) лидерам скорее является титулом, но не оценкой деятельности и поведения. Максимализм позиций в сочетании с предельной жесткостью дискуссий, крайностью оценок стали нормой для новых лидеров.

Они отличались умением дискутировать, не пугались телекамер, смотрелись лучше, раскованнее партийных функционеров, что особенно проявлялось в ходе кампании по выборам народных депутатов СССР и РСФСР. Поддерживающие новых лидеров самодеятельные объединения удачно сочетали различные формы работы, в то время как пархозактив оказался не готов к ведению открытой избирательной кампании. Стремление действовать по старинке, келейным подбором кандидатов в депутаты встретило противодействие неформалов и явное недовольство томичей, прежде всего студенчества. На этой волне и выдвинулся сотрудник НИИ ядерной физики при ТПИ С.С. Сулакшин.

Попытка руководящих структур не допустить выдвижения молодого радикала дала обратный эффект – усилила симпатии и стала своеобразной рекламой. Сам Сулакшин удачно уловил настроение широких масс, всего того, что наболело за

долгие годы. Его взлет произошел в условиях резкой политизации, небывалого накала страстей, что сказалось на методах ведения полемики. Его команда не особенно церемонилась с соперниками – генеральным директором объединения «Полюс» В. Голубевым и академиком АМН Р. Карповым, заслуженными по меркам любого времени людьми, опускаясь до заурядного хамства. Это было наглядным свидетельством уровня политической культуры тех, кто шел к власти.

В тот период город охватывала митинговая эйфория. Хорошо известно, что на митингах не ищут лучших решений, собравшиеся все воспринимают в манихейском духе – «да здравствует!» или «долой!». Верх берут сиюминутные настроения, сила голоса заменяет силу аргумента. Митинг может быть своеобразным инструментом психологического давления: в толпе теряется независимость суждений, падает критичность, растут внушаемость и бессознательная агрессивность. Митинговая эйфория перестройки лишь подтвердила верность выводов классиков социальной психологии Г. Лебона, Г. Тарда и Н.К. Михайловского. Участник Венгерской революции 1919 г., философ и социолог К. Майнгейм отмечал аномально высокую внушаемость населения в условиях острейших кризисов, когда теряется способность адекватно реагировать на происходящее, блокируются здравый смысл и способности реально судить о положении, действовать исходя из собственных интересов.

В таких условиях к власти прорываются не только проходимцы, демагоги, но и лица с различного рода отклонениями психики. Отклонения от нормы терпимы и желательны в некоторых сферах человеческой деятельности – литературе, искусстве, но они крайне опасны для политики. В накаленной митинговой атмосфере неистовый обличитель имеет шансы на успех. Как считают специалисты, лиц с различного рода психическими отклонениями немало, есть психические недуги, которые делают своих носителей исключительно волевыми, целеустремленными, не знающими сомнений, что укладывается в понятие «сильный лидер». Грань между нормой и отклонением достаточно условна, трудноуловима. Лица с психическими отклонениями нередко обладают огромной силой воздействия, что отмечал один из видных российских психиатров начала XX в. И. Сикорский. Эта тематика разрабатывалась в 1920-е гг. в СССР, но была свернута, а ныне ждет своего исследователя, в том числе и на томском материале перестроечных лет.

Следует иметь в виду, что в условиях перестройки в политику ринулось много неудачников, несостоявшихся ученых, инженеров, но исключительно честолюбивых, амбициозных людей. Их неистовый максимализм некоторое время находил благодатную почву в обществе, охваченном «перестроечным неврозом». Потенциал лидеров этой волны не шел далее разрушений всего и вся, прежде всего «коммунистического Карфагена». Их призывы находили отклик, благодатную почву как в стране, так и в Томске – множество учителей, врачей, инженеров, преподавателей вузов испытывали немалые житейские трудности, десятилетиями стояли в очередях на получение квартир, перебивались случайными заработками и пр.

Многие процессы проходили «за кадром», были вне поля зрения участников событий, и сейчас о них ещё нет достаточно полного представления. Так называемая «приватизация» в латентной, скрытой форме началась задолго до ваучеров и залоговых аукционов. Но далеко не сразу стало понятно, что горбачевская перестройка начала период перераспределения капитала. 1 января 1987 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров о частичной отмене монополии внешней торговли и о разрешении предприятиям и частным лицам продавать за рубеж энергоносители, удобрения, лесоматериалы, драгметаллы, химтовары, алмазы. Легко предположить, кто мог воспользоваться такой возможностью.

Далее последовали решения высших органов партии и государства по обязательному «директивному плану продажи товаров за валюту», пересмотру плана экспортных поставок. Были приняты законы о совместных предприятиях с иностранными фирмами на исключительно льготных условиях: 80% процентов прибыли можно было вывозить за рубеж. Закон о кооперации 1988 г. предоставил право проводить экспортно-импортные операции. На основе Закона о государственных предприятиях от 30 июня 1987 г. предприятия обязывались обеспечивать в первую очередь поставки на экспорт. Быстро нашлись и «вольные стрелки» рынка из числа партийно-комсомольских функционеров, «красных директоров», руководящего состава министерств и ведомств. Из этой когорты «предпринимателей» и вышли будущие финансовые магнаты, олигархи (Б. Березовский, В. Потанин, М. Ходорковский и др.). Модель стартового капитала выглядела так: беспроцентный долларовый кредит из цеховской или министерской кассы – покупка энергоносителей, драгметаллов и пр. по советским ценам – вывоз за границу и продажа по мировым ценам. Далее операция повторялась вновь и вновь. Так началась крупномасштабная международная спекуляция природными ресурсами страны, наиболее ценными промышленными товарами, всем тем, в чём так нуждалась западная экономика и что вскоре стало дефицитом в нашей стране.

Результаты не замедлили сказаться – возник топливный кризис, дефицит машин и механизмов, запасных частей. Примечателен такой исторический факт: Ленинградский завод «Источник» предпочел внешний рынок и отправил всю свою продукцию (аккумуляторные пластины) за рубеж, игнорируя интересы отечественных заказчиков. В результате из-за отсутствия аккумуляторов не смогли приступить к работе более 25 тыс. единиц сельскохозяйственной техники на юге России, погиб богатый урожай [2]. Стремление заполучить вожаемые доллары оказалось важнее уборки урожая, обеспечения продовольствием населения.

Правда, катастрофического падения производства продуктов питания к исходу перестройки не произошло, о чем свидетельствуют официальные данные региональной и федеральной статистики. Более того, производство сельхозпродукции как по отдельным областям Сибири, в том числе и Томской, так и в целом по РСФСР, в 1990 г. было наивысшим за всю историю. Среднегодовое производство в 1986 – 1990 гг. составило: мяса – 9,7 млн т, молока – 542 млн т. Небольшой спад произошел в 1991 г., мяса – 9,4 млн т, молока 519 млн т. Затем спад стал катастрофическим [3].

Закономерен вопрос: почему же опустели полки магазинов при нормированном снабжении продуктов и продовольственных карточках? Статистика, естественно, об этом умалчивает. Уже отмечалось, что частичная отмена монополии внешней торговли сделала исключительно выгодным, прибыльным делом гнать товары за рубеж, реализуя их по мировым ценам. С другой стороны, система государственного снабжения была приватизирована задолго до реформ Гайдара и Чубайса, превращена в так называемые товарно-сырьевые биржи, все произведенное в стране стало оседать там. Собственники товарно-сырьевых бирж ждали и готовили либерализацию цен, которая начиналась со 2 января 1992 г. Вот тогда-то полки магазинов стали быстро заполняться («шокотерапия»). И «шокнутые» томичи, как и все россияне, ходили по магазинам и глазели на цены, как на музейные экспонаты!

Реакция рядовых томичей на начавшееся ухудшение материального положения была достаточно быстрой, но спонтанной и стихийной. Резко упала политическая активность, баталии «прорабов» и «буревестников» перестройки все меньше волновали население. Показательна в этом плане реакция томичей на события августа 1991 г. – никаких митингов и демонстраций, непрерывно заседал лишь

штаб «Демократическая Россия». Лишь вечером 21 августа, когда уже разрешился кризис в Москве, состоялся митинг у здания областного Совета.

«Демократы» победили, но победила ли демократия? Большинству населения претили необольшевистские замашки новых лидеров, грубость, примитивизм. Люди пресытились политиками и политикой, все больше втягивались в борьбу за собственное выживание в условиях паралича хозяйственных связей и прогрессирующего развала экономики. Наиболее продвинутые пошли в бизнес, органы власти и управления, иные – торговать в ларьки, на «блошинные рынки», почти все обзавелись земельными участками. Позднее начался самый настоящий земельный ажиотаж, иные ухватили по 2 – 3 участка размерами по 10 – 15 соток, поддавшись слухам о быстром становлении рынка земли и возможности продать с выгодой. Но каких покупателей можно найти на 41 км железнодорожной ветки Тайга – Томск или на других неудобных и отдаленных территориях? Тем не менее появилась целая категория собственников земли – «лендлордов 41 км».

Дальнейшая реакция населения города на либеральные «реформы», их экономическое поведение были менее спонтанными. Четко прослеживаются и основные типы адаптации, в том числе и среди ученых. Наиболее элитная их часть оказалась по контракту за рубежом. Большинство, чтобы выжить, стали «многостаночниками», вынуждены трудиться на 3 – 4 местах. В сложнейшем положении оказались учителя, врачи, рабочие. Существенно пострадали наукоемкие производства, персонал которых вынужден был уйти в ларьки, в сантехники, в охранники и достаточно быстро дисквалифицировался.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Томск. История города.* Томск, 1999. С. 372.
2. *Советская Россия.* 1990. 15 сент.
3. *Российский статический ежегодник.* М., 2001. С. 417, 420.

СТАНОВЛЕНИЕ ТОМСКА КАК РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОМСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ НА АЛТАЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

В.А. СКУБНЕВСКИЙ

Томск второй половины XIX – начала XX в. являлся не только административным, но и экономическим, торговым центром своей губернии, городом с многочисленным и инициативным купечеством. В литературе история томской буржуазии, в том числе и купечества, отражена довольно обстоятельно, благодаря трудам Г.Х. Рабиновича, Н.М. Дмитриенко, В.П. Бойко, О.Н. Разумова, В.П. Зиновьева и других авторов. Наиболее полно исследована деятельность томского купечества в самом губернском городе, проработаны вопросы о взаимоотношениях томского купечества с монополиями Центра. В то же время слабее показана деятельность томского купечества в других регионах самой Сибири, в том числе и на Алтае.

Южные, наиболее заселенные аграрные округа губернии не могли не привлечь внимания томского купечества. В те или иные периоды оно вкладывало деньги в самые доходные направления. В пореформенный период это виноторговля, золотопромышленность, с 90-х гг. XIX в. – хлебная торговля и пароходство, в начале XX в. добавляются и другие виды торговли – мануфактурой, обувью и др.

Деятельность томских предпринимателей в экономике Алтая проявлялась в нескольких формах: либо открытие здесь отделений (магазинов), либо периодические закупки сырья, прежде всего зерна, либо даже переселение и, следовательно, перенос на Алтай коммерческой деятельности.

В свою очередь, некоторые крупные алтайские предприниматели сбывали в Томске муку и зерно, приобретали здесь недвижимое имущество.

Еще в первой половине XIX в. томские купцы в больших масштабах скупали на Алтае скот для Томска и золотых приисков (в 30 – 40-х гг. таких купцов насчитывалось не менее 30 – 40 чел.). Томский купец П. Серебренников в 1820 г. совместно с братом, тобольским купцом, закупил 60 тыс. пуд. зерна для отправки на север Тобольской губернии [1, с. 15 – 16]. Масштабы деятельности томского купечества на Алтае расширились с 60-х гг. XIX в. В это время томский купец Исаев фактически становится монополистом на рынке спиртных напитков на Алтае. По данным 1863 г., в его руках находилось 20 оптовых складов вина (83%), 62% предприятий розничной продажи (66 штофных лавок, 35 питейных домов) [2, с. 105].

В частной золотопромышленности Алтайского горного округа из числа томских предпринимателей наиболее значимая фигура – В.И. Асташев. Он в 1879 г. организовал компанию «Алтайское золотопромышленное дело», арендовав 2 млн десятин земли у Кабинета. Максимальная добыча золота отмечена в 1897 г. – бо-

лее 320 пуд., а всего с 1880 по 1917 г. компания на Алтае добыла 6,2 т золота. Число рабочих в конце XIX в. достигало 700 чел. [3, с. 33]. Л.В. Сапоговская в список золотопромышленников Урала и Сибири включила более 10 фамилий томских предпринимателей, которые добывали золото на Алтае в конце XIX – начале XX в. [4]. В их числе купцы Богомолы: Петр Евдокимович, Иван и Михаил Петровичи, А.Н. Пастухов, В.И. Королев, И.С. Козлов, Н.И. Колчин, наследники Я.И. Петрова и др. Этот список можно пополнить фамилиями купцов Г. Миллера и А.Д. Родокова [5].

Привлекли внимание томских купцов и хлебные излишки Алтая, это относится прежде всего к владельцам мукомольных мельниц и судовладельцам. Так, в 1864 г. томская купчиха второй гильдии Банникова арендовала Повалихинскую крупчатную мельницу в Барнаульском округе у купчихи П.И. Щеголевой. В указанном году мельница произвела 64,8 тыс. пуд. муки, ее сбыт осуществлялся в Томске и Красноярске [6]. Владельцем крупчатной мельницы в д. Завьялово Бердской волости был томский купец И.Г. Богомол. По данным 1887/88 г., на мельнице имелся паровой двигатель мощностью в 20 л.с., 18 рабочих насчитывалось на самой мельнице и 10 – «на стороне», стоимость произведенной муки составила 31 тыс. руб., сбыт осуществлялся в Барнауле и Томске [7]. И.Г. Богомол имел мучную лавку в Барнауле, ее обороты в 1890 – 1892 гг. составляли 4 – 5 тыс. руб. [8].

Более мощную мельницу в с. Бердском в 1883 г. построил томский купец В.А. Горохов, который, по сведения В.П. Бойко, проживал в этом же селе, а также имел дом в г. Колывани. Производительность этой мельницы составляла в 90-х гг. 150 тыс. пуд. муки, в 1910-е гг. – более 1,5 млн пуд. [9, с. 124].

Томские купцы вели постоянную скупку хлеба в Барнаульском и Бийском уездах. Так, по данным М. Шулятикова, в начале 90-х гг. в «Барнаульском районе» для Томска скупалось до 1 млн пуд. зерна [10, с. 25]. Обратим внимание на выборку торговых свидетелей томскими купцами в Бийском уезде. По сведениям Бийской городской управы, в 1897 г. купец 1-й гильдии А.Д. Родоков по Усть-Чарышской Пристани выбирал 1 свидетельство и 5 билетов, купец 2-й гильдии Р.А. Бейлин там же выбирал 1 свидетельство и 2 билета, И.А. Чайгин по Быстрому Истоку – 2 свидетельства и 6 билетов на право торговли [11].

Хлебные операции играли главную роль в деятельности пароходных компаний Ельдештейнов и Фуксманов. Обе эти томские купеческие семьи проявляли большой интерес к Алтаю. Сын томского купца В.Е. Ельдештейна Евгений в начале XX в. проживал в Барнауле и выбирал свидетельство барнаульского купца 2-й гильдии. Его брат Андрей жил в Новониколаевске. Пароходство Ельдештейны основали в 1894 г., главная контора размещалась в Барнауле, с 1900 г. (после гибели отца) – «Наследники В.Е. Ельдештейн», Евгений был распорядителем. К 1910 г. компания имела 5 пароходов и 12 барж с общей вместимостью 8300 т. За навигацию было перевезено 1,4 млн пуд. хлебных и 1,3 млн пуд. прочих грузов [12]. В 1914 г. обороты компании составили 400 тыс. руб., было задействовано 275 рабочих и матросов и 60 служащих [13]. Е.В. Ельдештейн являлся крупным владельцем недвижимого имущества в Барнауле, в 1917 г. – 3 дома стоимостью 89 тыс. руб., а кроме того имел недвижимость в Томске и Новониколаевске.

Периодически в Барнауле проживал Г.И. Фуксман. Он ряд лет (например, в 1905 и 1906 гг.) выбирал свидетельство барнаульского купца 2-й гильдии, но с 1908 г. – томского купца 1-й гильдии [14]. Пароходная компания «Илья Фуксман» была зарегистрирована в Барнауле и в 1914 г. состояла из 5 пароходов, ее обслуживали 265 рабочих и матросов, 18 служащих, 36 работников пароходных буфетов, обороты составляли около 400 тыс. руб. [15].

В Барнаул в 90-х гг. XIX в. перебазировался еще один представитель томской буржуазии, дворянин И.И. Андроновский. Он с 60-х гг. имел в Томске небольшой винокуренный завод, но в 1885 г. открыл пиво-медоваренный завод в Барнауле, значительно расширив его в начале XX в. В 1892 г. он владел недвижимым имуществом в Барнауле на 4,5 тыс. руб. и был включен в список избирателей городского общественного управления на 1893–1897 гг. В это время ему в городе принадлежали пивоваренный завод (обороты 4,7 тыс. руб.), 2 оптовых склада вина и спирта (17,7 тыс. руб.), 2 харчевни (3,6 тыс. руб.), ренсковый погреб (3,5 тыс. руб.) и 7 питейных заведений (11,3 тыс. руб.) [16]. В 1902–1905 гг. он был гласным городской думы. После его смерти в 1905 г. наследники создали торговый дом «И.И. Андроновский и сыновья». В 1913 г. обороты пивоваренного завода составили 110 тыс. руб., 21 торгового заведения – 51,1 тыс. руб. Недвижимое имущество оценивалось в 51,2 тыс. руб. [17].

В сфере гостиничного дела в Барнауле проявила себя томская мещанка Ксения Сасс, построив в 1909 г. первую трехэтажную гостиницу «Европа», оцененную в 39 тыс. руб. [18]. Собственные магазины в Барнауле накануне Первой мировой войны имели томские предприниматели Кухтерины (обороты 117 тыс. руб., торговля спичками) и «Голованов и сыновья» (230 тыс. руб., торговля обувью) [19].

В данной публикации не затрагивается вопрос об участии томских предпринимателей в формировании буржуазии молодого города Новониколаевска, который был расположен на кабинетских землях Алтайского округа, этот вопрос был исследован Г.Х. Рабиновичем [20].

Томские предприниматели на Алтае скупали зерно и мясо, добывали золото, основывали пароходные компании, строили мельницы. Алтайские предприниматели, в свою очередь, везли в Томск зерно и муку, приобретали недвижимость (хотя это были единичные случаи), а также брали кредиты в томских банках, особенно в конце XIX в. Например, в 1898 г. из 92 клиентов по кредитам в Томском отделении Госбанка 23 были из Барнаула [21]. Алтайские округа для томских предпринимателей были своего рода периферией, где можно было рассчитывать на получение более высоких прибылей, чем в губернском городе. Разумеется, это касалось отдельных направлений предпринимательства.

Ситуация, сложившаяся в экономике региона после проведения Сибирской ж.д., показала, что не только алтайская, но и томская буржуазия не могла достойно конкурировать с крупными компаниями Центра и зарубежных государств в наиболее динамично развивающихся отраслях промышленности, транспорта, торговли, таких как строительство частных железных дорог, разработка угольных месторождений Кузбасса и рудных – Алтая, банковское дело, экспорт сливочного масла и продажа сельскохозяйственной техники.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Разгон В.Н.* Частное предпринимательство на Алтае в XVIII – первой половине XIX в. // Предпринимательство на Алтае XVIII в. – 1920-е годы. Барнаул, 1993.
2. *Мариупольский А.М.* Виноторговля на Алтае в 60-х гг. XIX в. // Алтайский сборник. Вып. 16. Барнаул, 1995.
3. *Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М.* Предприниматели Алтая 1861 – 1917: Энциклопедия предпринимательства. Барнаул, 1996.
4. *Сапоговская Л.В.* Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XIX вв. (Урал и Сибирь – модели развития): Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1998. Ч. 4.
5. ЦХАФ АК (Центр хранения архивного фонда Алтайского края). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1757. Л. 105.
6. ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 347. Л. 27.
7. ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 77. Л. 195.
8. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2408. Л. 60.

-
9. *Бойко В.П.* Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996.
 10. *Шулятиков М.* Очерк судоходства по рекам Западной Сибири. М., 1893.
 11. ЦХАФ АК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 17. Л. 51 об., 54, 55 об.
 12. ЦХАФ АК. Ф. 82. Оп. 1. Д. 65. Л. 61.
 13. ЦХАФ АК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1855. Л. 33–40.
 14. ГАТО. Ф. 196. Оп. 9. Д. 1139. Л. 16, 18, 19, 20.
 15. ЦХАФ АК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1864. Л. 82–83.
 16. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2408. Л. 55, 137.
 17. ЦХАФ АК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 30. Л. 137.
 18. ЦХАФ АК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 49 об.
 19. ЦХАФ АК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1858. Л. 40; Д. 1854. Л. 72, 73.
 20. *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия Новониколаевска (Новосибирска) в период капитализма // Из истории Алтая. Томск, 1978. С. 68–94.
 21. *Список* лиц и фирм, аккредитованных в конторах и отделениях Государственного банка для предъявления к учету векселей с указанием долгов на 1 апреля 1898 г. (Библиотека РГИА).

ХРОНИКА ПЛАНИРОВАНИЯ Г. ТОМСКА (1841–1915 ГГ.)

Т.В. ГАЛКИНА

Планирование градостроительной структуры города, тяжелый труд землемеров, тонкое искусство чертежников и художественно-пространственная интуиция архитекторов являются важной частью истории Томска. Цель данной работы – показать комплексный регулярный труд специалистов разных профессий, служащих государственных и муниципальных учреждений (губернской строительной комиссии, Томской городской управы, губернской чертежной), которые на протяжении более чем 70 лет осуществляли работу по планированию Томска, следствием чего является современный облик исторической части города.

Первый регулярный план застройки города Томска, утвержденный комиссией о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы в 1773 г., на протяжении более 50 лет служил основой развития города. Однако рост городского населения и застройки города опережал запланированные темпы и требовал корректировки планирования. Сведения о составлении плана г. Томска за 1823 – 1831 гг. находится в Государственном архиве Омской области [1]. 8 августа 1830 г. был Высочайше утвержден новый план г. Томска, в составление которого значительный вклад внес томский губернский землемер С. М. Зверев¹. Однако уже через 10 лет вновь потребовался пересмотр этого плана.

17 мая 1841 г. министром внутренних дел было предписано томскому гражданскому губернатору составить новый проектный план города. 28 июня 1841 г. гражданский губернатор, генерал-майор Татаринов предписал томскому губернскому землемеру, коллежскому асессору Шабанову² «...утвержденный план города Томска поверить с натурою, и какие окажутся против одного отступления или несообразности, нанеся на план, означить красными линиями, и план этот представить на рассмотрение строительной комиссии» [4, л. 1]. Шабанов приступил к исполнению поручения 2 июля 1841 г. и, найдя большие «неверности», предложил «пересочинить план вновь».

21 февраля 1842 г. от генерал-губернатора Западной Сибири князя Горчакова было получено предписание № 453 по делу о пересоставлении плана г. Томска. Однако дело затянулось. Губернский землемер Шабанов докладывал 27 февраля 1843 г. томскому гражданскому губернатору: «Причем осмеливаюсь доложить, медленность в проверке означенного плана происходит собственно от зимнего времени, ибо те места, по которым должно проходить, занесло все снегом» [4, л. 7]. 24 апреля 1844 г. Шабанов представил копию с составленного им плана Томска

¹ Зверев Степан Михайлович, коллежский советник, служил землемером с 1808 по 1831 г. [2]. (Часть сведений о землемерах и архитекторах были собраны Т. Шабловской).

² Шабанов более 30 лет служил землемером (по данным на 1834 г.), исполняя обязанности кузнецкого уездного землемера, нарымского, а затем томского губернского землемера (с сер. 1830-х гг.) [3].

(без описания). Но съемка, сделанная старым, бывшим в употреблении более 40 лет инструментом, оказалась неверна. Поэтому 22 июня 1844 г. для уточнения показаний инструмента был назначен инженер-капитан Джаксон. Но в силу занятости Джаксона «своими делами» поверку плана 28 февраля 1846 г. поручили сделать члену строительной комиссии прапорщику Бедряге, а Шабанова дали ему в помощники. Однако работа сделана не была. 23 августа 1847 г. наблюдение за поверкой плана г. Томска было отнесено к должностным обязанностям городского архитектора Александрова. Саму же поверку поручили барнаульскому окружному землемеру А.И. Дроздовскому¹.

19 мая 1848 г. в рапорте в Томскую губернскую строительную комиссию А.И. Дроздовский писал, что план настоящего положения г. Томска снят с натуры «в должной верности и точности» [6, л. 30]. Однако этот план уже не соответствовал Высочайше утвержденному плану 1830 г. В связи с этим А.И. Дроздовский предлагал свои услуги для этой работы.

8 июня 1848 г. губернская строительная комиссия, не дождавшись результатов от архитектора Александрова и «...похваляя усердие исправляющего должность барнаульского землемера Дроздовского к пользе общественной» [6, л. 33], поручила последнему составить два плана г. Томска: один – с натуры, а другой – с указанием отличий от ранее утвержденного плана. Наблюдать за работой было поручено томскому губернскому землемеру Н.Е. Балову².

21 августа 1851 г. землемер А.И. Дроздовский в рапорте строительной комиссии писал: «На составленном мною проекте г. Томску для будущего построения и распространения его я предложил в числе прочих городских и обывательских строений к возведению и казенных, и общественных. Таковые именно: на местах на плац-парадной площади, расположенной вокруг Кафедрального собора; дом для генерал-губернатора с особыми помещениями для канцелярий военной и гражданской между городским общественным садом и домом чиновника Васильева; дом для гражданского губернатора против домов коллежского советника Асташева и мещанина Скворцова; дом для офицерских квартир с левой стороны дома гражданского губернатора; губерньскую гимназию на месте коллежского советника Горохова против западной стороны дома коллежского советника Асташева по удобству в заведении сада; Общую полицейскую управу между домами генерал-губернатора и губернской гимназией; корпус для присутственных мест по недостаточности помещения в ныне существующих – для Палаты государственных имуществ, окружного управления, земского суда и др.; губернский архив в квартале, предназначенном для присутственных мест; военно-сиротское отделение на пустопорожном месте наследников умершего камергера Бекетова, близ присутственных мест; дом для полицейских чинов штаба округа, жандармов – на месте с правой стороны присутственных мест; место, что позади присутственных мест оставить пустопорожним на предмет возведения казенных зданий... Архиерейский дом в квартале между общественным садом и местом потомственного почетного гражданина Филимонова; лютеранскую церковь на юго-западном углу квартала, занимаемого военным лазаретом, второе православное кладбище на горе у верхнего перевоза на р. Томи... Соляные и провиантские магазины в кварта-

¹ Дроздовский Андрей Иванович родился около 1823 г. Он окончил курс наук в Нежинском уездном училище и служил с 1839 г. чертежником. В 1846 г. был назначен барнаульским окружным землемером и служил до 1866 г. [5].

² Балов Николай Ефимович родился около 1797 г. В 1813 г. окончил обучение в полубатальоне военных кантонистов. В 1845 г. допущен к исполнению должности землемера, с 1847 г. – томского губернского землемера (до 1851 г.) [7].

ле, им же занимаемом; маркитантские ряды на Сенной площади. Предназначение таковых казенных и общественных заведений я позаимствовал из городского плана, составленного архитектором Гетте в Санкт-Петербурге, утвержденного Высочайше в 8 день августа 1830 г., и из примера по прочим губернским городам. За сим честь имею доложить, что план г. Томску с натуры совершенно окончен, проект будущего построения его также вчерне составлен. Остается нанести его на план города с натуры» [8].

11 мая 1853 г. в присутствии губернского архитектора Р.А. Болботова¹, инженера-подпоручика Фадеева, губернского землемера П.Г. Померанцева², городского головы Серебренникова, томского полицмейстера Ромашева план был рассмотрен и указано на внесение в план некоторых строений. Это дело было поручено землемеру П.Г. Померанцеву.

28 сентября 1855 г. томский гражданский губернатор писал, что в течение 13 лет дело переходит к шести разным лицам без всякой пользы. 29 октября 1855 г. губернская строительная комиссия поручила городскому архитектору Еремееву и землемеру М.С. Скоробогатову³ заняться окончанием плана.

13 июля 1856 г. архитектор Еремеев представил план г. Томска, а 14 августа 1856 г. пояснительную записку к нему. В дополненной записке от 29 июня 1857 г. было сказано: «Постоянно увеличивающееся число жителей, неправильное расположение площадей, улиц, частных, общественных и казенных зданий были причиной вновь составления проектного чертежа г. Томска... Но кратковременный 2-месячный срок для исполнения поручения и недостаток средств, неимение всех геодезических инструментов для действия в натуре не позволили мне представить проект со всеми приложениями, требуемыми инструкцией МВД...» [12]. Далее в пояснительной записке были даны координаты Томска (между 56°30' северной широты и 102°50' восточной долготы) и подробное описание местности и строений в городе (1 монастырь, 7 приходских церквей, а также единоверческая, католическая, магометанская, еврейский молельный дом), указана численность населения города, равная 19 тыс. человек.

26 октября 1857 г. из Главного управления Западной Сибири было получено указание с требованием составления образцового плана, так как представленный план имел большие недостатки, особенно в пояснительной записке. 18 мая 1858 г. губернская строительная комиссия поручает архитектору Еремееву пересоставить план, однако вследствие перевода Еремеева в июне 1859 г. архитекторским помощником в Енисейскую губернию дело (составленный Еремеевым беловой проект плана г. Томска, также транспорт, циркуль и чертежное перо, а проект Дроздовского был потерян) было передано губернскому землемеру П.Г. Померанцеву, а в помощь ему придан чертежник А.К. Гусев⁴. В ноябре 1859 г. для проведения топографической нивелировки П.Г. Померанцеву были отряжены томским мещанским старостой мещане Василий Лошев, Сергей Безродный, Павел Соколов, Василий Колотушкин и Киприян Бродягин [14].

¹ Болботов (Балбатов) Родион Александрович родился около 1808 г., окончил училище в г. Херсоне. С 1832 г. работал учителем рисования, а с 1834 г. – помощником херсонского губернского архитектора. В 1847 г. назначен томским губернским архитектором в чине титулярного советника [9].

² Померанцев Порфирий Григорьевич окончил в 1844 г. Константиновский межевой институт. Работал в Пермской межевой конторе с 1849 г., в 1851–1865 г. – томским губернским землемером [10].

³ Скоробогатов Михаил Силович родился около 1819 г. С 1836 г. он работал чертежником. В 1839 г. был назначен младшим каинским землемером, а в 1844 г. – каинским окружным землемером. В 1865 г. назначен томским губернским землемером в чине надворного советника (до 1879 г.) [11].

⁴ Гусев Алексей Константинович родился около 1826 г. Обучался в Томском полубатальоне военных кантонистов. С 1850 г. – чертежник при томском окружном землемере [13].

24 февраля 1860 г. землемер П.Г. Померанцев представил пересоставленный план в губернскую строительную комиссию. Но в июле 1860 г. от генерал-губернатора Западной Сибири поступили два предписания с новыми инструкциями по составлению планов. После корректировки плана инженером штабс-капитаном Лаунертом окончательное выполнение работы было возложено 5 апреля 1861 г. на губернского архитектора А.К. Македонского¹ и городского архитектора Н.Ф. Фирсова².

26 марта 1862 г. губернский архитектор А.К. Македонский докладывал в томскую строительную комиссию о границах города: «...от бойниц ныне существующих к озеру Черному, сзади заводов купца Еренева, отсюда вправо крутой поворот в 150 саж. позади заводов купцов Толкачевых, на горе вторичный некрутой поворот вправо же, позади Лютеранского кладбища, на верхний конец острова на р. Ушайке через завод г. [Понче]-Рутковского и купца Флягина, 3-й поворот: вправо, на юг, около Безымянного лога, на 2,5 версты длиннику. Четвертый поворот вправо через дорогу в Степановку на южную сторону Поломошного болота, здесь, перейдя дорогу в Басандайку, поворот влево к р. Томи до горы или крутого берега с правой стороны Томи» [17, л. 407].

18 декабря 1863 г. архитектор А.К. Македонский докладывал: «...имею честь представить окончанный составлением проект: 1) планы г. Томска, 2) план г. Томска в настоящем расположении, 3) пять профилей местностей г. Томска и 4) статистическое описание г. Томска. Прошу рассмотреть особым комитетом, основываясь на существующих для сего правилах» [17, л. 437]. 7 февраля 1864 г. строительная комиссия в присутствии полицмейстера, городского головы, исправляющего должность врачебной управы и технических чиновников утвердила проект А.К. Македонского, указав в акте, что вновь проектированный план на г. Томск «...в отношениях правильности составления, медицинском, торговом и полицейском оказался вполне удовлетворительным» [17, л. 477]. 17 февраля 1864 г. план и акт отослали генерал-губернатору Западной Сибири.

15 мая 1864 г. проект был вновь возвращен в Томск для уточнения и показания на нем некоторых объектов. Через год, 29 июля 1865 г. томская губернская строительная комиссия уведомляла генерал-губернатора Западной Сибири, что перечерчивание плана задерживается ввиду отсутствия чертежников.

28 января 1866 г. состоялось рассмотрение вновь проектированного плана, и он был признан правильным во всех частях. Но 25 ноября 1866 г. перечерченный набело план был возвращен в Томск для нанесения на него кварталов, которые предназначались исключительно для каменных построек. Такой план был составлен А.К. Македонским 6 июня 1867 г.

16 сентября 1867 г. томская строительная комиссия передала проектные планы г. Томска со всеми приложениями и выкопировкой для каменного строения на «благорассмотрение» генерал-губернатору Западной Сибири.

17 марта 1868 г. план г. Томска, рассмотренный в Министерстве внутренних дел, был возвращен для исправления недостатков (например, кладбища, кожевенные и свечные заводы должно было вынести за городскую черту; изображения зданий разного назначения – покрасить специальным цветом и др.). Эта работа

¹ Македонский Андрей Константинович родился около 1822 г. В 1845 г. окончил строительное училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Работал в Таганроге, Воронеже (с 1848 г.), Харькове (с 1851 г.). В 1855 г. назначен томским губернским архитектором (до 1860 г.) [15].

² Фирсов Николай Федорович родился около 1820 г. В 1860-е гг. служил томским городским архитектором [16].

была поручена инженеру-архитектору Вальницкому, который занимался ею с перерывами с 1868 по 1873 г. [18].

28 сентября 1873 г. Томская городская управа поручила сделать проектный план города за 1400 руб. серебром чертежнику городской управы, отставному землемеру Н.А. Дягилеву¹. План существующего расположения города по инструментальной съемке с натуры (с показанием на нем красными линиями изменений) и проект новых кварталов были представлены Н.А. Дягилевым 10 октября 1874 г.

В 1876 г. Н.А. Дягилевым была представлена «Пояснительная записка плана существующего и вновь предположенного губернского города Томска». В ней были даны подробные сведения о местоположении (56°30' северной широты и 120°36' восточной долготы (от острова Ферро), почве, климате («воздух большей частью чистый и здоровый»), количестве земли в городе (под застройкой и пустопорожней), числе жителей по сословиям (общее число жителей города – 25 899 душ), площадях (2 торговые, 3 приходские, 1 соборная, а также Белоозерье и площадь у хлебозапасных магазинов), улицах (мощеных улиц в городе – до 800 саж., все улицы – от 10 до 13 саж.), парках и рощах (имеется «городская роща, устроенная парком»), мостах и переправах (деревянных мостов: 2 через р. Ушайку и 28 через речки Игумовки и овраги, 2 перевоза через р. Томь на паромах), пристанях, ярмарках (1 раз в год с 15 декабря по 15 января на Базарной площади), зданиях, средствах города (в 1874 г. доход города был равен 138 815 руб.), разделении города в полицейском управлении (город разделен на 3 части: Юрточную, Воскресенскую и Сенную) и др. Н.А. Дягилевым были сделаны и приложены к проектному плану города 14 планов топографической нивелировки местности.

23 февраля 1877 г. комиссией по рассмотрению проектного плана г. Томска (в которую входили О.И. Манасевич, Ф.Ю. Маткевич, Н.А. Дягилев, И.Е. Казанцев, Э.С. Мальгудович, Н.Я. Беляев, А.М. Ермолаев, архитектор В.В. Хабаров) были сделаны некоторые замечания по дополнению и изменению проектного плана.

Составителю плана Томска не удалось дожить до его утверждения. Н.А. Дягилев скончался 27 февраля 1879 г. В декабре 1883 г. его душеприказчик А.К. Гусев обратился в Томскую городскую управу с просьбой выплатить ему оставшиеся 100 руб. от жалованья Н.А. Дягилева, чтобы выполнить духовное завещание последнего – приобрести книги для сельских училищ Томской губернии [20].

В том же 1883 г. проектный план г. Томска был утвержден в Министерстве внутренних дел. Таким образом, в составлении этого плана, продолжавшемся более 40 лет, принимали участие 7 архитекторов и 8 землемеров и чертежников. Честь составления окончательного варианта плана г. Томска принадлежит отставному землемеру, коллежскому регистратору Н.А. Дягилеву.

16 марта 1899 г. по решению Томской городской думы была избрана комиссия для рассмотрения плана селитебной части г. Томска на предмет его изменения [21]. В состав комиссии вошли А.К. Завитков (председатель), И.В. Богомолов, К.Н. Евтропов, Е.П. Таловский, С.А. Сухов, а также городской архитектор, землемер и делопроизводитель земельного стола городской управы.

¹ Дягилев Николай Александрович с 1850 г. работал чертежником при барнаульском окружном землемере, с 1854 г. – томский младший землемер, с 1857 г. – особый землемер. В 1864 г. уволен от службы по болезни. С 1873 г. до своей смерти в 1879 г. занимался составлением плана г. Томска [19].

Имеются сведения о работе комиссии в 1903 г. В связи с произошедшими изменениями вопрос о составлении нового плана г. Томска несколько раз обсуждался в 1911 и в 1913 гг. Комиссия по благоустройству города, занимавшаяся этим вопросом, в 1914 – 1915 гг. обращалась за содействием в Томский технологический институт, в Московский межевой институт и I Московское землемерное лесоустроительно-оценочное и гидротехническое бюро. Стоимость работ по составлению нового плана была оценена в 25 – 30 тыс. руб [22].

Таким образом, планирование г. Томска (середина XIX – начало XX в.) представляло собой типичный образец провинциального градостроительства в условиях финансовых, технических, кадровых затруднений. Тем не менее именно коллективный труд данных специалистов в указанное время стал основой дальнейшего планирования и обретения Томском своего уникального облика.

ЛИТЕРАТУРА

1. *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 188.
2. *ГАТО*. Ф. 144. Оп. 1. Д. 12, 77.
3. *ГАТО*. Ф. 144. Оп. 1. Д. 12, 74, 116, 126.
4. *ГАТО*. Ф. 144. Оп. 1. Д. 181.
5. *ГАТО*. Ф. 144. Оп. 1. Д. 223, 414, 764, 932; Оп. 2. Д. 106.
6. *ГАТО*. Ф. 6. Оп. 1. Д. 517.
7. *ГАТО*. Ф. 144. Оп. 2. Д. 106, 221, 373.
8. *ГАТО*. Ф. 6. Оп. 1. Д. 517. Л. 86 – 88.
9. *ГАТО*. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1225.
10. *ГАТО*. Ф. 144. Оп. 1. Д. 629, 756; Оп. 2. Д. 172.
11. *ГАТО*. Ф. 144. Оп. 1. Д. 932, 1295, 1350; Оп. 2. Д. 58, 106.
12. *ГАТО*. Ф. 6. Оп. 1. Д. 517. Л. 231.
13. *ГАТО*. Ф. 144. Оп. 1. Д. 625; Оп. 2. Д. 106.
14. *ГАТО*. Ф. 144. Оп. 1. Д. 625. Л. 9.
15. *ГАТО*. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1225.
16. *ГАТО*. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1225.
17. *ГАТО*. Ф. 6. Оп. 1. Д. 517.
18. *ГАТО*. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1962.
19. *ГАТО*. Ф. 144. Оп. 1. Д. 457, 506; Оп. 2. Д. 106; Ф. 233. Оп. 2. Д. 14.
20. *ГАТО*. Ф. 233. Оп. 2. Д. 14. Л. 213.
21. *ГАТО*. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2554. Л. 5.
22. *ГАТО*. Ф. 233. Оп. 3. Д. 3787. Л. 10.

**ИЗВОЗ И ПОЧТОВАЯ ГОНЬБА –
ГРАДООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ ТОМСКА**

В.А. МОРЕВ

Среди факторов, способствующих развитию городов, важную роль играют средства коммуникации. Одними из основных средств связи между удаленными друг от друга российскими территориями до появления электро- и радиосвязи были извоз и ямская гоньба. Кроме них и речного транспорта, других средств связи города Томска с внешним миром вплоть до второй половины XIX в. не существовало.

Через Томск, основанный в 1604 г., проходил главный путь на восток империи – Великий Сибирский тракт. Эта дорога называлась также Сибирской, Большой дорогой, Большим трактом, Московским, Сибирским, Московско-Сибирским, Московско-Иркутским трактом. Он начинался в Европе с трех главных дорог России – Ирбитской, Екатеринбургской, Шадринской, а затем перед Тюменью сливался в один путь [1]. Внутри самого Томска тракт разветвлялся на отдельные улицы.

Первые указы, касавшиеся благоустройства Сибирского тракта, появились в 1671 г. [2]. Указ, положивший начало регулярной почты в Сибири, был издан еще в начале преобразований Петра I – 12 ноября 1689 г. [3]. Этим указом Томск был впервые обозначен частью российской почтовой системы.

По мнению авторов «Истории дорожного дела в Томской области», определенной даты возникновения Московско-Сибирского тракта нет. Как верховая тропа он образовался в XVII в. Обустройство его зимовьями и почтовыми станциями для смены лошадей началось в 1730 – 1740-е гг. Само понятие «Сибирско-Московский тракт» появилось во второй половине XVIII в., хотя на большем протяжении он по-прежнему оставался летом верховой тропой, зимой – санным путем. Кроме этого тракта, дороги такого же качества, то есть верховые тропы летом и санные дороги зимой, соединяли Томск с Кузнецком и Барнаулом. С Нарымом Томск связывал санный и водный путь по Оби [4, с. 11 – 12].

В 1734 г. регулярная почта в Томске начала отправляться ежемесячно [5, с. 139]. В этот же период в городе открылась ямская служба. Теперь все товары проходили только через Томск, что привело к появлению многочисленной obsługi Московского тракта: ямщиков, кузнецов, ремесленников. Организовывались постоянные дворы и складские помещения. Город расширялся, росло его население. К 1740-м гг. вся трасса тракта была вымерена, открыты ямщицкие станции. На участке от Томска до Иркутска ежегодно отправлялось до 20 тыс. извозчиков и до 100 тыс. подвод [6].

Дорожные сооружения дополнялись окрашенными полосатыми верстовыми столбами с цифрами, показывавшими расстояние в верстах. Верстовые столбы отличались от современных указателей километража немаловажной, утраченной

ныне функцией – они маркировали путь. Нередко в бурю, когда бураны переметали степные дороги, только верхушки верстовых столбов выводили ямщиков и их спутников к теплу и спасали от гибели. Поэтому столбы должны были соответствовать образцу, иметь стандартные размеры: высота над поверхностью земли – 4,25 аршина (302 см), толщина – 5 вершков. Бревна для столбов не отесывали, а лишь очищали от коры. Затем заготовки остругивались и окрашивались с указанием цифр, а нижняя, подземная, часть осмоливалась. Размещенные вдоль тракта, столбы подвергались воздействию сурового сибирского климата и быстро выходили из строя. Чаще всего подгнивала нижняя часть столбов, стиралась краска и указательные цифры. Ежегодно требовалось менять десятки столбов и обновлять старые [4, с. 36 – 37; 5, с. 76].

К XIX в. Томск превратился в крупный центр ремесленного производства, благодаря чему Сибирский тракт и проходил через него. С другой стороны, достаточно развитая ямская служба также способствовала тому, что Томск постепенно стал торговым, промышленным и впоследствии научным центром общесибирского значения. Сюда приезжали переселенцы с Юга России. Летом здесь размещались в складах большие партии товаров, поступавших через Тюмень из Европейской России. Часть этих товаров продавалась в Томске и Томской губернии, часть шла по Московскому тракту в Восточную Сибирь вплоть до Иркутска [7]. В первой половине XIX в. в Западной Сибири насчитывалось 14 тыс. ямщиков, из них 9 тыс. проживали на территории Томской губернии [8]. Из 6 тыс. верст Большого Сибирского тракта на долю Томской губернии приходилось 1078 верст [4, с. 12, 57]. Итак, уже тогда томскому транспортному узлу не было равных.

Томским ямщикам посвящено название переулка – Ямской, поскольку отсюда они выезжали из города на Московский тракт. Здесь же находились «биржа труда», где хозяева нанимали ямщиков для дальних рейсов¹, и стоянка для ямщиков, не собиравшихся в ближайшее время покидать город. Извоз был единственным городским «общественным транспортом».

О том, что основными промыслами томичей были извоз и ямская гоньба, свидетельствует герб города – встающий на дыбы серебристый конь на зеленом фоне – символ торговли и связи с внешним миром. Ямской конь – деталью, верхней половиной «щита» – вошел и в гербы некоторых других сибирских городов, в том числе Кузнецка (нижняя половинка изображает кузницу), Красноярска (нижняя часть показывает закат на Енисее) и Барнаула (нижняя половинка – сереброплавильная печь – символ горного производства) [9]. На гербе Томска, более других славившегося извозом и гоньбой, конь является основным элементом.

По данным И.Е. Лясоцкого, в 1848 г., помимо массы мелких возчиков-собственников, в Томске было 82 крупных «извозохозяина». Они владели 4500 лошадьми и имели более 1500 наемных работников. В 1870-е гг. в «короли сибирских ямщиков» вышел Е.И. Кухтерин, у которого было 3500 лошадей. На него работало свыше 1500 извозчиков, занимавшихся перевозкой почты, пассажиров и товаров [4, с. 13; 10].

Ямщина, извоз и дворничество (содержание мастерских по ремонту и изготовлению экипажей, харчевен, постоялых дворов и пр.) играли главную роль в жизни трактового населения и затмевали по своему значению другие занятия. Почтовая гоньба, требовавшая значительных затрат как на первоначальное обу-

¹ Сейчас – сквер у ТюЗа. С 1920 г. пер. Ямской называется в честь революционера И. Нахановича.

ведение, так и на содержание в исправности лошадей, экипажей и пр., сосредоточивалась в руках зажиточной части населения [11].

Расположенный на пересечении сухопутного Сибирского тракта и Обь-Иртышского речного пути, Томск быстро развивался как транспортный узел. В 1820 – 1840-х гг. через город проходило по 15 тыс. и более обозов с грузами. В 1860-е – начале 1870-х гг. Томск стал признанным центром сибирской ямщины. Система перевозок приобрела характер капиталистически организованных транспортных предприятий [12].

Таким образом, еще со времени основания Томск постепенно развивался как главный транспортный узел Сибири, что в свою очередь подготовило развитие почтовой связи в этом регионе. Вдоль Московского тракта существовали три основных промысла: ямщина (гоньба), извоз и дворничество. Они в большой степени явились градообразующими факторами, способствовавшими урбанизации Томска еще до того, как он стал университетским центром.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кривой А.С., Шеголев А.М.* Московский тракт. Иркутск: Вост.-Сибирское кн. изд-во, 1976. С. 3.
2. *Вигилев А.Н.* Самый длинный почтовый тракт // Советский коллекционер: Сборник. М.: Связь, 1975. Вып. 13. С. 85 – 87; Он же. История отечественной почты: 2-е изд., перераб. и доп. М.: Радио и связь, 1990. С. 178 – 179.
3. *Миль А.А.* Кто стучится в дверь ко мне? Очерк по истории отечественной почты. М.: Связь, 1978. С. 36 – 37.
4. *Андрющенко Б.К., Бузанова В.А., Зиновьев В.П.* и др. История дорожного дела в Томской области / Под ред. В.П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.
5. *Яковлев Я.А., Рассмахин Ю.К.* Рассказы о томской почте. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003.
6. *Казимиров В.Н.* Великий Сибирский путь. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1984. С. 12 – 13.
7. *Тихонов А.С.* Очерки истории техники и ремесел Сибири (с древнейших времен до начала XX века). Ишим: Изд-во ИГПИ, 1994. С. 68.
8. *Очерки истории Томской области (с древнейших времен до конца XIX века).* Томск: Изд-во Том. ун-та, 1968. С. 61.
9. *Кошелев А.В.* «Эмблемы горного города...» (к истории герба города Барнаула) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII – XX веков: Материалы науч. конф. Новосибирск, 1997. Вып. 2. С. 56.
10. *Лясоцкий И.Е.* Прошлое Томска в названиях его улиц, построек и окрестностей. Томск, 1952. С. 20; История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 3. С. 63.
11. *Григорьев А.Д.* Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. Томск, 1921. С. 75.
12. *Дмитриенко Н.М.* Сибирский город в XIX – первой трети XX века. Локально-историческое исследование на материалах Томска: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Томск, 2000. С. 29.

**ПОЧЕМУ ТОМСК НЕ ОТПРАЗДНОВАЛ СВОЙ
ТРЕХСОТЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ?**

Е.А. КАЗАКОВА

В год празднования 400-летия Томска, которое стало не только важной вехой в истории Сибири, но и событием общероссийского значения, вполне естественно возникает вопрос: а как отмечали предыдущий, трёхвековой юбилей города наши предки? Ответить на этот вопрос помогают документы, хранящиеся в Государственном архиве Томской области.

Любопытно, что инициатором подготовки к юбилейной дате выступил приват-доцент Московского университета историк П.М. Головачев. Будучи знатоком сибирского прошлого, он обратился к томским властям с предложением написать подробную историю города с момента его возникновения. Необходимость в такого рода книге назрела давно, тем более, что многие сибирские города к тому времени уже успели издать сборники исторических материалов по своей ранней истории. Интеллектуальной столице края негоже было ходить в числе «отстающих» от Тобольска, Иркутска, Якутска и даже Нерчинска и Селенгинска.

П.М. Головачев для начала предлагал подготовить сборник исторических документов, «которые хорошо отразили хотя бы первое столетие существования города, о чем в настоящее время имеются весьма смутные и неполные сведения» [1, л. 155]. При этом основное внимание предполагалось уделить общественно-экономической стороне жизни города – составу его населения, торгово-промышленному развитию, налогам, повинностям служилых и посадских людей. В будущей же книге, по мнению Головачева, должны были содержаться документальные сведения и о территориальном расширении города, о городских укреплениях, церквях и т.п. В качестве источника он намеревался использовать богатейшее собрание документов Сибирского приказа, находящееся в Московском архиве Министерства юстиции: счетные списки (перечисление каждым новым воеводой укреплений, казенных зданий), переписные книги 1700 г., разборные и верстальные книги, таможенные книги и многое другое за разные годы XVII в.

Несомненно, что надлежащий выбор и правильная группировка приведенных выше материалов, дополненных еще и сведениями чисто бытового характера (например, из челобитных, судебных дел, церковных дел и т.п.), могли бы дать достаточно полную и интересную картину жизни Томска в XVII в.

Обсуждение предложенного московским историком проекта состоялось на заседании Томской городской думы 19 февраля 1902 г. Участники заседания в целом одобрили проект, дополнив его несколькими существенными предложениями, которые исходили, в частности, от будущего премьер-министра правительства адмирала А.В. Колчака, а в тот период гласного городской думы П.В. Вологодского. В своем выступлении Пётр Васильевич заметил, что «издание истории города должно быть как можно более верным и обнимать собою все стороны развития прошлой жизни Томска, для чего документов Московского архива Министер-

ства юстиции явно недостаточно, гораздо более интересным по богатству и разнообразию исторических источников в данном случае представляются материалы архива Главного магистрата в Санкт-Петербурге и местных архивов – губернского и городского Общественного управления» [1, л. 156]. Помимо этого, П.В. Вологодский выступил с инициативой избрать комиссию, которая должна была подготовить план будущей книги по истории Томска и организовать конкурс среди участников этого проекта. Победителей конкурса ожидала премия. Особые надежды при этом возлагались на профессоров университета И.А. Малиновского, Д.Н. Беликова, библиотекаря С.К. Кузнецова и некоторых других местных авторов.

По итогам обсуждения городская дума постановила избрать Особую комиссию, полномочия которой были существенно расширены. Комиссии поручалась разработка программы празднования юбилея Томска. В ее состав вошли П.В. Вологодский (председатель), а также гласные думы А.Н. Шипицин и П.М. Вяткин. Комиссия имела право пополняться за счёт лиц, «коих посчитает нужными». В качестве таких «нужных лиц» были приглашены профессора университета М.И. Малиновский, М.Н. Соболев и члены Городской управы М.И. Боголепов, К.М. Гречищев, М.М. Дмитриев, Г.Н. Потанин, С.П. Швецов [2].

К разработке программы празднования активно подключились многочисленные общественные организации Томска. Так, Общество попечения о начальном образовании выступило с предложением организовать в 1904 г. Съезд деятелей народного образования Сибири, так как «с открытием университета и технологического института город Томск сделался рассадником умственного образования для всей Сибири и в этом отношении стал, несомненно, во главе всех городов ее» [1, л. 476].

Вскоре Комиссия приступила к работе. К сентябрю 1904 г. были подготовлены «общие начала» празднования 300-летнего юбилея Томска. Прежде всего, Комиссия сочла необходимым как можно шире оповестить сибирскую и в целом российскую общественность о предстоящем событии. Для этого предусматривалось разослать программу празднования во все городские управления Сибири и Европейской России, во все учебные заведения, музеи, общественные организации, газеты, почетным лицам с просьбой прислать депутации ко дню торжеств или вообще «чем-нибудь принять участие в этом праздновании» [2].

В день 300-летия Томска (по старому стилю это было 27 сентября 1904 г.) должно было состояться торжественное заседание думы, на котором предполагалось рассмотреть наиболее важные и неотложные вопросы, касавшиеся, кстати, не только городской жизни:

1. О всеобщем и обязательном обучении в г. Томске.
2. О скорейшем введении Суда присяжных заседателей в Сибири.
3. О допущении женщин в Томский университет на равных правах с мужчинами.
4. О расширении избирательного права для городских управлений в Сибири.
5. Об окончательной отмене ссылки для Томской губернии или, «по крайней мере, для г. Томска» [2].

Уже сама широта и либеральный характер постановки некоторых вопросов свидетельствовали о том, что членам Комиссии были присущи достаточно передовые, прогрессивные, по меркам того времени, взгляды, которые вряд ли могли вызвать восторг у царских властей.

Юбилейные торжества, в свою очередь, предполагалось провести таким образом, чтобы в них смогли принять участие широкие массы населения, учащиеся народных школ. Для этого предполагалось в один из трех отведенных для празднования дней сразу в нескольких местах организовать народные чтения, поставить народный спек-

такль, познакомить слушателей и зрителей с истинным положением в городе, сопроводив чтения демонстрацией «туманных картин из прошлой жизни Томска и Сибири вообще». Для deputаций от городов и учреждений, а также для отдельных приглашённых лиц планировалось организовать торжественное собрание с чтением речей и с оглашением приветственных адресов и телеграмм.

Предложенная Комиссией программа была полностью одобрена и думой, и Городской управой. Впоследствии предполагалось её даже несколько расширить «ввиду знаменательности данного исторического момента». Однако осенью 1904 г. празднование 300-летнего юбилея в Томске не состоялось. Местная власть решила отложить торжества до более благоприятного времени, сославшись на нехватку городских средств и на военные обстоятельства, которые «не располагают население города к устройству таких грандиозных празднеств» [3].

К сожалению, «более благоприятное время» для этого юбилея так и не наступило: затянувшаяся Русско-японская война и первая российская революция, продолжавшаяся до 1907 г. и обернувшаяся многочисленными жертвами среди томичей, так и не позволили вписать в историю Томска празднование его 300-летнего юбилея. Пожалуй, единственное, что удалось, хотя и с опозданием, выполнить из намеченной праздничной программы – издать спустя почти десять лет, в 1913 г., сборник материалов по истории города-юбилея «Томск в XVII веке».

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2938.
2. ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2949. Л. 504.
3. *Сибирский вестник*. 1904. 14 сент.; ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2969. Л. 236, 237.

РАЙОНИРОВАНИЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1917 – 1925 ГГ.)

Н.А. АНДРЕЕВ

Первый раздел Томской губернии состоялся в результате постановления Временного буржуазного Правительства от 17 июля 1917 г. Согласно этому постановлению, из уездов Барнаульского, Каинского, Томского и Мариинского Томской губернии образовались уезды: Барнаульский, Каменский, Славгородский, Ново-Николаевский, Каинский, Томский, Тогурский и Мариинский с местопребыванием уездных учреждений в городах Барнауле, Камне, Славгороде, Ново-Николаевске, Каинске, Томске, с. Колпашеве и Мариинске. Томская губерния разделялась на две: Томскую с губернским городом Томском и Алтайскую с губернским городом Барнаулом. В состав первой вошли уезды: Каинский, Ново-Николаевский, Томский, Тогурский, Мариинский и Кузнецкий, а в состав второй: Славгородский, Каменский, Барнаульский, Бийский и Змеиногорский. Часть уездов новой Томской губернии целиком или частично перешли в её состав из старой губернии: Каинский, Кузнецкий, Мариинский и Томский. Вновь образуемый Ново-Николаевский уезд включил в себя 17 волостей прежнего Барнаульского уезда, 5 волостей из бывшего Каинского уезда, 13 волостей из бывшего Томского уезда и 1 волость Кузнецкого уезда.

Позднее в 1918 г. был создан новый Щегловский уезд, в состав которого вошли 15 волостей из ранее созданного Кузнецкого уезда, а в дальнейшем сюда же были присоединены по одной волости из Томского и Мариинского уездов. Из Каинского уезда был выделен Татарский в составе западных волостей Каинского уезда. В 1919 г. к Ново-Николаевскому уезду Томской губернии были причислены две волости бывшего Барнаульского уезда и перечислены в Алтайскую губернию одна волость из Каинского уезда (в Славгородский) и восемь волостей из Кузнецкого уезда (в Бийский). Тогда же Татарский уезд полностью был перечислен к Акмолинской области. Такова в общих чертах история изменений Томской губернии за время с 1917 по 1920 г. [1].

В конце 1919 г. Томск был освобожден от колчаковцев, власть в свои руки взял большевистский Военно-революционный комитет. 26 декабря 1919 г. на совместном заседании реввоенсовета 5-й Армии с делегатами Сибирского революционного комитета, областного парткома и Томского организационного комитета партии большевиков был образован Томский губернский революционный комитет (губревком) [2].

Томский губревком подчинялся Сибирскому революционному комитету (Сибревкому), на него была возложена вся полнота власти в губернии.

С 25 по 28 октября в Томске прошел I губернский съезд Советов. 29 октября 1920 г. Томский губернский революционный комитет передал всю полноту власти постоянному органу в губернии – съезду Советов.

Высшим органом власти в Томской губернии стал губернский съезд Советов, который на первом своем заседании 25 октября 1920 г. избрал исполнительный комитет Томского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Томский губисполком). Структура и компетенции Губисполкома были установлены VII Всероссийским съездом Советов в декабре 1919 г.

Первая губконференция РКП на заседании 26 апреля 1920 г. по вопросу о районировании губернии постановила, что такие старые административные единицы как уездные центры не соответствуют вновь сложившимся условиям хозяйственно-производительной Томской губернии, и необходимо установить ряд районных единиц с непосредственным подчинением губернским учреждениям. Новыми районными единицами были выбраны Анжерско-Судженский, Кольчугинский, Тайгинский, Боготольский и Нарымский районы. Городскими уездными единицами оставались Каинский, Ново-Николаевский, Кузнецкий, Мариинский, Щегловский и Томский уезды. Выделив вышеперечисленные единицы как районные, Губконференция поручила Губкомитету определить границы этих районов с точным обозначением волостей, прилегающих к этим центрам, и предоставить план со всеми материалами о районировании на утверждение высших партийных и советских центров [3].

Губерния разбивалась на ряд территориальных единиц, которым выделялась та или иная группа партийных организаций (горуездные организации, районные – городские, фабрично-заводские, полупромышленные, сельские районные, подрайонные, волостные организации, а также ячейки городские и сельские).

В основу районирования были положены следующие факторы:

1. Экономическая мощь территориальной единицы.
2. Административно-хозяйственное тяготение ряда волостей к определенному центру.
3. Обширность территорий.
4. Отдаленность от уездного центра.
5. Общая населенность.
6. Значительная масса пролетарского населения [3].

В основу работ по районированию Томской губернии положены были материалы переписи 1917 г., описания населенных мест по Всероссийской переписи 1920 г., материалы специального обследования экономического тяготения, произведенного Губпродкомом в январе 1921 г., на основании которых были составлены таблицы экономического тяготения, давшие материал для дальнейших работ [4, л. 6]. Важно также отметить, что постановлением ВЦИК от 13 июня 1921 г. из Томской губернии выделялась Новониколаевская губерния [5].

Согласно постановлению Административной комиссии Томского Губисполкома от 10 апреля 1921 г. был образован Болотнинский уезд, в который вошли 8 волостей из Томского и 6 из Ново-Николаевского уездов. Кундранская волость Ново-Николаевского уезда как экономически тяготеющая на ст. Убинскую была перенесена в Барабинский уезд. Также ввиду экономического тяготения из 16 волостей Ново-Николаевского и 8 волостей Каменского уездов Алтайской губернии был образован Каргатский уезд, а из 10 волостей, выделенных из состава Мариинского уезда – Боготольский уезд. Шесть волостей Мариинского уезда перечислялись в Томский уезд.

В связи с тем, что имеющийся аппарат Болотинского волисполкома не удовлетворял потребностям населения в силу значительной территории (свыше 70 верст), и для приближения центров управления районами к массам населения 25 августа 1921 г. было принято решение представить на рассмотрение и утвержде-

ние президиума Губисполкома разделить Болотинскую волость на Болотинскую (23 селения), Киряковскую (31 селение) и Маноиловскую (17 селений) [4, л. 2 – 3].

Пересмотр волостного состава Томской губернии имел целью создание компактных, территориально-целостных, в хозяйственном отношении самодовлеющих административных волостных единиц, представляющих собой первичное объединение территории и населения в административно-хозяйственные районы – волости. Результатом пересмотра должно было явиться: 1) уничтожение чересполостности, 2) уничтожение волостей, не имеющих самостоятельного экономического значения, 3) правильная районизация губернии в мелком масштабе по экономическим признакам, 4) экономизация государственных средств [4, л. 11].

Постановлением Губернской административной комиссии от 9 апреля 1922 г. были установлены следующие признаки административно-хозяйственного районирования в волостном масштабе: 1) размеры территории и нормальный радиус волости, 2) наличие земельного фонда и колонизационные перспективы губернии, 3) этнографический состав населения, 4) плотность населения, обеспеченность рабочей силой, посевной площадью и скотом, 5) условия и формы развития отдельных отраслей сельскохозяйственной деятельности, 6) транспортные условия – железные дороги, водные и грунтовые пути сообщения, 7) пункты экономического тяготения и существующие административно-хозяйственные центры [4, л. 11].

В связи с решением Сибэкономсовещания от 4 – 7 января 1924 г. о необходимости перехода на районную систему до начала 1924/25 бюджетного года проработка материалов по экономическому районированию губернии значительно усилилась. Отсутствие необходимых карт, плохая связь с местами, неполные и разбросанные, а подчас и не внушающие доверия статистические данные вместе с целым рядом других объективных условий значительно усложняли работу [6, л. 13].

13 мая 1924 г. на заседании секции районирования Томской губплановой комиссии слушался доклад зав. секцией районирования М. Г. Александровского об образовании 2 пробных районов. Докладчик указывал, что из 41 района Томской губернии должны быть выделены 2 пробных района с организацией в них районного управления для учета опыта при дальнейшей работе по районированию. Губисполкомом были намечены следующие районы: 1-й Болотинский с центром в селе Болотном Томского уезда, 2-й – Верх-Чебулинский – с центром в селе Верх-Чебулинском Мариинского уезда [4, л. 59].

К началу июня 1924 г. работы в области выявления экономических районов и их центров продвинулись настолько, что представилась возможность перейти к практическим предварительным мероприятиям. Принимая во внимание, с одной стороны, необходимость сохранения планомерности в области работы по взиманию единого с/х налога и с другой – создания условий безболезненной приемственности в бюджетной работе, Губисполком в заседании от 26 июня 1924 г. установил срок перехода на районную систему в период с 20 июля по 20 августа 1924 г. (к этому времени должны были закончиться выявление объектов обложения и другие подготовительные работы по взиманию налога) [7].

Работа по реорганизации низового аппарата губернии при Губисполкоме была возложена на Управление делами, которое разработало план и календарные сроки ее проведения. Были разработаны и согласованы с ведомствами инструкции по свертыванию ликвидируемых УИКов, даны на места предварительные указания о работе и штатах райисполкомов и укрупненных сельсоветов, рассмотрены и выработаны нормы по составлению смет на 1924/25 бюджетный год и даны соответствующие указания на места.

В большинстве уездов перед реорганизацией были созваны Пленумы передовиков и даны соответствующие указания и инструкции. Помимо этого, во всех уездах в целях наибольшей популяризации районирования и привлечения содействия со стороны населения была использована кампания беспартийных конференций, выпущена листовка и дано соответствующее освещение вопроса в местных органах печати.

Помимо организованных при Президиумах УИКов особых ликвидационных комиссий в составе ответственных уездных работников, для фактического ведения работы в волостях были созданы и высланы на места организационные бюро (рабочие тройки). Председателями этих «троек» чаще всего были намеченные кандидаты в ПредРИКи, чем обеспечивалось их предварительное ознакомление с состоянием района.

На заседании Сибирского революционного комитета от 4 сентября 1924 г. был утвержден с некоторыми изменениями проект Томского Губисполкома от 25 июля 1924 г. Проект районно-волостного деления Томской губернии был одобрен в составе 41 района.

В Томский уезд перечислялись следующие селения: а) из Мариинского – вся Медодатская волость, кроме деревень Бибкулиной и Городок, из Колыонской волости – деревни Громашева, Ольговка, Стар. Покровка, Ново-Покровка, Великосельское и Тихеевка; б) из Щегловского уезда Арсентьевской волости – поселки Усть-Ербак, Ипполитовский, Дмитриевский, Гладышевский, Быковский, Васильевский, Равненский; из Больше-Ямской волости – Больше-Ямское, Беляниха, Грамаха, Юрманово, Ново-Гутово и Копылово; в) из Нарымского края Тискинской волости – деревни Коломино и Михайловка.

В Щегловский уезд были перечислены следующие селения: из Кузнецкого уезда Урс-Бедаревской волости – Бирюли, Печеркина и Понтряжка; в состав Кузнецкого уезда перечислялись селения Щегловского уезда Морозовской волости – деревни Бояркак и Тарабарино, из Барачатской волости – Протопопово и Милково; из Мунгатской волости – Чусавитино, Чеснаково и Красавино; из Баянской волости – деревня Инские Вершины. В состав Нарымского края из Томского уезда Иксинской волости перешли Бакчар и Тетеренка [8].

Томская губерния с территорией в 363 255 кв. версты и населением в 1 082 121 человек при делении на 5 уездов при переходе на окружную систему могла составить 2 или 3 округа [6, л. 10].

По проекту президиума ГИКа Томская губерния с присоединением Сургутского и Ачинского уездов вошла в систему округа в виде трех округов в соответствии с природными условиями: 1) Лесной (Томский округ) – Томский, Нарымский и Сургутский уезды с центром в г. Томске; 2) Земледельческий (Мариинский округ) – Мариинско-Чулымский район и Ачинский уезд с центром в г. Мариинске; 3) Горно-степной (Кузнецкий округ) – Кузнецкий и Щегловский уезды с центром в поселке Ленинском [6, л. 2,8].

В 1925 г. было введено новое административно-территориальное деление. На основании распоряжения СНК Томская губерния с 1 октября 1925 г. перешла на окружную систему, установленную Сибревкомом и утвержденную 25 мая 1925 г. ВЦИКом, в связи с чем Губернский исполнительный комитет был расформирован, а впоследствии реорганизован в окружной исполнительный комитет [9, л. 2]. В состав Томского округа вошли следующие районы [9, л. 35]:

1. Александровский	14. Мариинский
2. Богородский	15. Молчановский
3. Болотнинский	16. Мало-Песчанский
4. Вороновский	17. Ново-Кусковский
5. Верх-Чебулинский	18. Поломошинский
6. Зачулымский	19. Парабельский
7. Зырянский	20. Судженский
8. Ишимский	21. Тайгинский
9. Ижморский	22. Томский 1-й (Северный)
10. Каргасокский	23. Троицкий
11. Колпашевский	24. Чаинский
12. Коларовский (Томский 2-й)	25. Юргинский
13. Кривошеинский	

Как результат перехода на районную систему были отмечены следующие показатели: 1) усиление мощности районного бюджета (увеличение объема на 100%), 2) значительное сокращение административных единиц (вместо 143 ВИКов – 42 РИКа, вместо 1221 сельсоветов – 610 сельсоветов и работников на 37%), 3) большая возможность подбора кадров из лучших ответственных и технических работников, 4) возможность улучшения материального положения районных и сельских работников, 5) увеличение прав и компетенции низовых органов и 6) приближение власти к массам в смысле расстояния (ранее среднее расстояние до правомочного органа составляло 103 версты, после районирования – 52 версты) [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1165. Л. 7.
2. ГАТО. Ф. Р-53. Оп. 1. Предисловие.
3. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 111. Л. 2.
4. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1260.
5. Новосибирск: Энциклопедия. Новосибирск, 2003. С. 14.
6. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1287.
7. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 788. Л. 121.
8. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1261. Л. 6.
9. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1379.
10. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 1228. Л. 651.

**ВКЛАД ТОМСКИХ УЧЁНЫХ В РАЗВИТИЕ ГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ СИБИРИ
НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.**

А.П. СИЛАЕВ

На рубеже XX – XXI вв. в Западной Сибири началась промышленная добыча газа. Газовая промышленность была самой высокотехнологичной среди добывающих отраслей. Огромные глубины, на которых залегают газ, сложные химические процессы, которые используются для его подготовки, наличие в газовой смеси различных фракций, которые необходимо по-хозяйски использовать, – всё это лишь небольшая часть технологических проблем, с которыми сталкиваются газовики.

В этом случае невозможно обойтись без науки, без внедрения новых разработок. Поэтому было налажено тесное сотрудничество «Востокгазпрома» с Томским научно-образовательным комплексом – томскими университетами, исследовательскими институтами, инновационными предприятиями. Прежде всего, это «ТомскНИПИнефть ВНК», Институт химии нефти СО РАН СФТИ им. Кузнецова, «Томскэнергопроект» и другие НИИ.

Производственники стали шире использовать интеллектуальный потенциал Томска. В 2003 г. инженеры «Томскгазпрома» в партнёрстве с томскими учёными подготовили около 20 рационализаторских предложений и разработок, имеющих практическое и экономическое значение для развития томской газовой отрасли.

Если в начале рационализаторской деятельности основную массу предложений составляли проекты, повышающие надёжность работы оборудования газового промысла, то в начале XXI в. большинство проектов предлагали и значительный экономический эффект. Сотрудничество с томскими учёными помогло предприятию выйти на новый уровень решения проблем, возникающих в производстве. Новые подходы, совмещение потенциала сформировавшихся в Томске традиционно сильных научных направлений с решением прикладных задач газовой отрасли проводили к значительным научным результатам.

В «Томскгазпроме» с 2002 г. начал действовать научно-технический совет. В марте 2004 г. группа томских учёных была приглашена на газовые промыслы в Мыльджино чтобы непосредственно познакомиться с технологией добычи газа и скоординировать свои работы с задачами газовиков. В группе помимо самих газовиков были специалисты института сильноточной электроники и Сибирского физико-технического института.

Институт сильноточной электроники Томского научного центра СО РАН выполнял договоры с «Востокгазпромом». Сотрудничество с газовиками для института имело большое значение, поскольку одна из задач учёных – найти практическое применение фундаментальным знаниям, полученным в результате научных исследований.

На рубеже XX – XXI вв. учёные и практики стали обсуждать проблемы нефтегазового комплекса. Так, в мае 2000 г. в конгресс-центре «Рубин» прошла научно-практическая конференция газовиков. По приглашению «Востокгазпрома» в

ней приняла участие большая группа учёных, чтобы обсудить проблемы и пути эффективного освоения минерально-сырьевых ресурсов Сибири. Томск явился организатором научно-практических конференций не случайно. Томский научно-образовательный комплекс является опорой в реализации планов «Востокгазпрома» по развитию газовой отрасли. Эти планы невозможно было реализовать без применения современных технологий управления, без комплексного подхода к освоению природных ресурсов.

В сентябре 2001 г. в Институте химии нефти СО РАН прошла научно-практическая конференция, посвящённая проблеме использования новых технологий. Томские газовики представили на конференцию свои разработки в области технологии газодобычи и транспортировки. Эти разработки были подготовлены совместно с институтом химии нефти СО РАН и Томским политехническим университетом. Конференция дала возможность учёным и практикам оценить состояние нефтегазовой отрасли в Сибири и обозначить приоритетные тенденции развития.

В ноябре 2001 г. в Томске прошло крупное совещание с участием губернаторов Сибири, на котором шла речь об освоении нефтегазовых месторождений региона. Руководители «Востокгазпрома» пытались заинтересовать сибирских губернаторов энергосберегающими технологиями, многие из которых были разработаны томскими учёными. В целях демонстрации научных разработок, передовых технологий томские газовики в ноябре 2001 г. организовали выставку-ярмарку «Газификация – 2001».

Целями выставки-ярмарки были демонстрация научных разработок томских учёных, передовых технологий и продукции предприятий, привлечение инвестиций в газовую отрасль, содействие программе газификации Томской области. Научная и деловая программа выставки-ярмарки включала семинар по вопросам газификации и использования газа в Сибирском регионе. На семинаре шёл разговор о более полном и многогранном использовании газовых ресурсов, о широком применении газа в быту и промышленности. Большинство докладов было сделано представителями томских НИИ.

Учёными Томска было подготовлено несколько вариантов развития ТЭК Томской области, отражающих газовую, ядерную, ядерно-газовую и газо-угольную стратегии энергетического развития.

Была предложена газо-угольная стратегия как наиболее рациональная и оптимальная (по критерию минимума суммарных затрат).

Газо-угольная стратегия развития ТЭК Томской области позволяет расширить сбыт добываемых в области топливно-энергетических ресурсов и сократить объём ресурсов, ввозимых извне.

**НАСЕЛЕНИЕ ТОМСКА: ЗАНЯТИЯ, БЫТ,
СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК**

**ЭВОЛЮЦИЯ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
Г. ТОМСКА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

В.П. БОЙКО

В последнее время в исторической науке усилился интерес к проблемам социальной психологии, менталитета и обыденного сознания, которые кардинальным образом влияют на складывающуюся в умах современников картину мира. Если раньше ведущую роль в этих процессах истории отдавали глобальным явлениям мировой истории, то в современной науке все больший интерес вызывают «структуры современности», то есть обыденная жизнь разного социального статуса людей и воздействие этих, на первый взгляд, малозаметных деталей и событий микроуровня на формирование политических и общественных институтов, на складывание всего социально-экономического уклада отдельных регионов и страны в целом. Кроме этого, интерес к обыденной жизни вполне самодостаточен, так как через конкретные, пусть даже мелкие, детали обыденности можно легче и образнее представить прошлое, как недавнее, еще оставшееся в памяти современников изучаемых событий, так и весьма отдаленное, с трудом реконструируемое по достаточно редким источникам. Дополнительной причиной повышения интереса к истории повседневности является дальнейшая гуманизация исторической науки, когда в центре внимания оказывается рядовой человек с его потребностями и интересами и производным от этого обыденным сознанием.

В качестве методологического обоснования нами взяты принципы петербургских исследователей культуры Н.А. Хренова и К.Б. Соколова: «картина мира», «ментальность» и «субкультура». По мнению этих ученых, предметом исследования отдельной субкультуры является индивидуальная картина мира, которая социализируется, то есть становится общественно значимой в результате сложного процесса взаимоотношения людей как носителей индивидуальных субкультур [1, с. 5]. Другими словами, культура общества предстает в исследованиях подобного рода как сосуществование различных субкультур, каждая из которых стремится утвердить соответствующую ей картину мира в качестве универсальной.

В литературе по истории отдельных сибирских регионов изучение прошлого в ракурсе ментальности и социальной психологии изучаемого объекта затронуто прежде всего в трудах по истории сибирского предпринимательства, хотя и они не претендуют на исчерпывающую полноту и во многих аспектах только намечают проблему [2, 3, 4]. Дальнейшая работа в этом направлении предполагает выделение основных субкультур сибирского общества и освещение процессов их формирования в динамике и взаимовлиянии, а то и во взаимоисключении. В таком случае, на наш взгляд, изображение изучаемого объекта получает необходимую многомерность, четкость и объемность и дает возможность взглянуть на историю

отдельных регионов и городов с новой, более современной и эффективной точки зрения. В качестве объекта исследования в предложенной статье избирается сибирский город Томск, а предметом исследования выступает его история с конца XVIII до начала XX в., рассмотренная с позиций складывания и развития основных субкультур. В качестве предполагаемой модели исследования выделяются субкультуры:

- 1) «казацко-демократическая вольница»;
- 2) «крестьянский традиционный уклад»;
- 3) «предпринимательская субкультура»;
- 4) «дворянско-чиновничий мир»;
- 5) «радикальные разночинцы».

Попытаемся очертить основные моменты предложенных к рассмотрению субкультур преимущественно на томском материале.

1. Известно, что российское казачество было сложным и противоречивым явлением русской истории. С одной стороны, казаки были одним из дестабилизирующих факторов в социальных и политических процессах, принимали активное участие во всех крестьянских войнах, были главными действующими лицами в великой Смуте, охватившей Россию в конце XVI в. С другой стороны, трудно переоценить роль казачества в деле защиты Отечества от внешних врагов, в деле освоения новых территорий, прежде всего Сибири. Одной из основных черт казачества как социума был демократический уклад, когда основные проблемы решались сообща «на казацком круге». Казачество являлось носителем мечты о безграничной свободе, вольнице, разгульной жизни, которая в условиях крепостничества, нищеты и политического беспорядка была заветной для большинства населения. Казацкая вольница, на наш взгляд, естественным образом вошла в образ жизни Томска XVII в. и долго оставалась субкультурой, влиявшей на общегородскую картину мира. В основе ее лежали особые отношения между томским обществом и властью. Общество, по мнению казаков, могло влиять на формирование местных порядков самыми разными способами, вплоть до восстания. Томский бунт середины XVII в. был детально описан Н.Н. Покровским, сделавшим вывод, что даже после его подавления правительство вынуждено было урегулировать крестьянские повинности, облегчить положение служилых людей и казаков, заменить некоторых воевод [5]. Такие действия могли создавать впечатление, пусть даже и иллюзорное, что система управления хотя и оставалась прежней, но в результате местного протеста становилась более справедливой.

В дальнейшем сознание своей значимости не покидало томичей как на общественном, так и на бытовом уровне. Так, характерным примером может выступать поведение томского купца Василия Федосеева, который в 1798 г. жестоко избил винного пристава Ивана Бурундукова, оторвал ему ленту с парика, сломал трость и словесно оскорбил. Такие действия в условиях правления Павла I были восприняты как серьезное преступление против власти и детально расследовались [6]. Не только простые горожане, но и состоятельные купцы прибегали к кулачным методам решения возникавших проблем, используя в качестве «аргументов» в споре различные подручные материалы. Так, томский купец Киселев применил толстую березовую палку в ответ на удар камышовой тростью, нанесенный ему почтмейстером Крыжановским. С трудом удалось этот скандал замять и примирить недругов, хотя это и заняло более двух лет и денежных издержек со стороны купца [7].

Одним из ярких проявлений духа томской вольницы можно назвать события в начале 60-х гг. XIX в., когда в Томской городской думе возникла оппозиция в отношении непопулярного губернатора Г.Г. Лерхе. Члены думы не пошли на примирение с властями и отказались подписать ходатайство императору о присвоении губернатору звания почетного гражданина Томска. Правда, после такого не-

слыханного в провинции действия дума испугалась своей смелости и разбежалась [3, с. 210 – 213]. Более решительным и страшным проявлением томской вольницы следует назвать события осени 1905 г., когда на улицах Томска разыгралась кровавая трагедия – столкновение революционных и монархически настроенных сил. Подобные примеры решения политических вопросов на улицах были и в других городах, но немногие из них имели столь страшные последствия [8].

Казацко-демократическая субкультура была по своей форме экстравертированной, то есть открытой для поступления энергии извне, без строгой фиксации членства в ней, и в то же самое время щедро выделяющей свою энергию во время бунтов, митингов, демонстраций и других публичных событий. По характеру действий носителей этой субкультуры можно сделать предварительный вывод, что она была еще незрелой, «детской» по своему содержанию, когда поступки совершаются под воздействием прежде всего эмоций, а не рассудка (как это часто, не задумываясь о последствиях содеянного, делают дети). Другой составляющей рассматриваемой субкультуры является правовой нигилизм, который подчас приобретает криминальный оттенок. Кроме этого, здесь присутствует своеобразный пассионаризм, то есть культ индивидуализма, стремление к своей цели (победе) через личный и групповой героизм, пренебрежение житейским комфортом и покоем.

2. Для крестьянского традиционного уклада свойственно стремление скорее к коллективным идеалам, чем к индивидуальным началам, как в некоторых других субкультурах. Крестьяне культивировали архаичные формы бытия, тяготели к так называемым лиминариям, то есть к растворению индивидуального в общем, отдельной личности в своем строго определенном социуме. На практике это выражалось в неспособности крестьянина представить свою жизнь вне крестьянской общины, имеющей другое всеохватывающее смысловое название – «мир».

Носители крестьянской субкультуры испытывали двойственное отношение к одной из основных составляющих современной цивилизации – частной собственности. С одной стороны, крестьяне признавали неприкосновенность частной собственности, воровство в их среде всемерно осуждалось и жестоко преследовалось. С другой стороны, в общественном (общинном) владении находились важные источники получения продуктов, а при их продаже – доходов. К ним относились разного рода водоёмы (прежде всего для лова рыбы), тайга для охоты, луга для сенокосов и выпаса скота, кедрачи для сбора орехов и т. д. Быстрое обогащение в крестьянской среде воспринималось как несправедливое дело. Необходимой частью мироустройства считались традиции, следование которым даст покой и благополучие. Крестьяне предпочитали жить прошлым, но не настоящим, которое вторгалось в их жизнь и заставляло строить новые отношения как между собой, так и с внешним миром.

Одним из существенных отличий русского крестьянства являлся напряженный труд в период страды, когда нужно было на короткий срок мобилизовать все свои силы, привлекать женщин, детей и стариков. Но это напряжение не могло создать основу для семейного (парцеллярного) хозяйства, и компенсационным механизмом выступала крестьянская община. С помощью общины достаточно эффективно собирались налоги, регулярно перераспределялась пашня, использовались общинные угодья. Главными причинами позднего включения крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения была слабая техническая оснащенность хозяйства, особые природно-климатические условия, которые позволяли русскому крестьянину работать на земле не более 6 месяцев, в то время как в Западной Европе этот период составлял около 10 месяцев. Социальным тормозом во внедрении новых отношений в ткань жизни, защитой от социально-политического воздействия на крестьян как справа, так и слева, выступала также крестьянская община. Она была, по словам Л.В. Милова, «оплотом крестьянской сплоченности

и средством крестьянского сопротивления» [9]. Во многом эти характеристики относятся к сибирскому, в том числе и к томскому, крестьянству.

Крестьянство на всем протяжении рассматриваемого периода было значительной частью населения Томска, многие горожане сами были выходцами из крестьянского сословия и не оставляли своих привычных занятий и в городе. По нашим наблюдениям, у большинства горожан были свои запашки и покосы, свои хозяйства с рабочими, а у состоятельных горожан и с выездными лошадьми, разнообразным скотом и птицей, что накладывало свой отпечаток на обыденное сознание большинства жителей Томска. По своему психологическому возрастному складу крестьянство, на наш взгляд, относится к типу отношений, свойственный людям преклонного возраста. Ближе к старости у людей возникает тяга к покою и почёту, к укоренению и упрочению в обыденной жизни свойственных им устоев, к стабильности и неизбежности отношений как внутри социума (семьи и общины, артели и производственных коллективов), так и всего сословия и общества в целом. Свойственный старости консерватизм распространяется на различные сферы общественного сознания, становится своеобразным стереотипом поведения, важной характеристикой менталитета. Нарушение социального покоя крестьянства приводило, как правило, к активному неприятию сторонников перемен, к стихийной, мощной и разрушительной реакции, к русскому «бессмысленному и беспощадному» бунту.

3. В последнее время появилось довольно много работ по истории предпринимательства. Эта тема довольно хорошо разработана как по отдельным территориям (и Сибирь здесь занимает далеко не последнее место), так и по отдельным отраслям. В то же время избранный нами аспект исследования только намечен. На наш взгляд, нужно проследить процессы выделения из крестьянства и из других слоев населения людей с деловой хваткой, когда жизненные обстоятельства и внутренняя расположенность к коммерции создавали определенный, буржуазно ориентированный тип личности. Для предпринимательства как субкультуры важнейшими элементами являются индивидуализм, культивирование частной собственности, а также не созерцательный, свойственный крестьянству, а деятельный подход к свободному времени, поиски себя не в следовании традициям, а в новаторстве и обретении главных ценностей в настоящем.

Процесс складывания томской предпринимательской субкультуры буржуазного типа был сильно растянут во времени, и у каждого периода были свои особенности. Наиболее выпукло, на наш взгляд, обыденное сознание томских деловых людей, прежде всего купцов, проявилось в выборе личных имен, которые были проанализированы нами на протяжении полутора веков. В конце XVIII в. тройку наиболее употребительных имен составляли имена Иван, Петр, Михаил, причем имя Иван лидировало с большим отрывом. Спектр выбора был небольшим, имена использовались исключительно русские и простонародные. Наблюдалось подчинение выбора имен церковному месяцеслову, и решающее слово зачастую принадлежало священнику. В начале XIX в. среди томских купцов появляются имена Павел и Александр, что несомненно являлось проявлением монархических настроений. Во второй половине XIX в. имя Иван сохраняет свое лидирующее положение, хотя удельный вес его среди остальных имен заметно уменьшился. На второе место выходит имя Николай, затем следуют имена в порядке снижения распространенности: Василий, Александр, Петр, Михаил и Владимир. На протяжении XIX в. почти в два раза увеличивается общее количество имен, которые томские купцы выбирали своим сыновьям. По нашему мнению это отражало изменения в социальном и национальном составе купечества, свидетельствовало о процессах складывания на основе купечества местной буржуазии и изменения его обыденного сознания.

Предпринимательская субкультура являлась порождением и составной частью городской культуры, что являлось одной из причин ее экстравертированности. Ее представители смело участвовали в разрушении старой и создании новой картины мира. Психологическая возрастная характеристика буржуазного типа поведения соответствует подростковому (отроческому) поведению, когда большое внимание уделяется внешним признакам жизни, демонстрации своего ума, силы и могущества, когда происходит фиксация и преувеличение достигнутых результатов в различных сферах. Предприниматели, несмотря на свою нацеленность на результат и решительную победу, предпочитают «казаться», а не «быть», ориентированы произвести эффект своим богатством и роскошью сегодня, а не планировать достижения результата завтра и тем более не искать свое могущество во вчерашнем дне.

4. Дворянская и чиновничья составляющая томского общества была незначительной по численности, но весьма заметной и влиятельной силой как в общественной жизни, так и в формировании обыденного сознания. Человек с чиновничьей кокардой на картузе или с офицерскими погонами на плечах на улицах и в общественных собраниях Томска был заметной, если не выдающейся на общем фоне фигурой. У населения, особенно молодежи, было желание поближе познакомиться с лицами из благородного сословия, а потом и попытаться подражать им в образе жизни, поведении, досуге, одежде и многих мелочах, которые в глазах провинциала могли выглядеть как проявление значительного столичного и аристократического вкуса. Чиновники, как гражданские, так и военные, были порождением нового мира в лице Петербурга. Петровская эпоха пришла на смену Московской Руси и радикально отказалась от прежних ценностей. Как полагают некоторые исследователи, через Петербург проходила умозрительная «ось мира», которая делила мир на организованное и освященное личностью Петра I сакральное место и противопоставленный ему хаос, в котором находилась средневековая Русь [1, с. 158].

В связи с этим чиновно-дворянское сословие навязывало обществу свою картину мира, которая основывалась на европейском (западном, или прометеевском) типе отношений. Устремления рассматриваемой здесь субкультуры находились в прошлом, а ее идеалы требовали консервации и государственной защиты. Сами же дворяне и чиновники к выполнению цивилизаторских (прометеевских) задач были не готовы, эта роль им была не по плечу. Одной из главных сословных характеристик этой субкультуры была склонность к лени и праздности, к свойственному «благородному сословию» типу поведения, где чувственные удовольствия и игровой азарт были на первом плане. Для сибирского чиновника, землевладение которого, по меткому замечанию П.А. Словцова, умещалось в цветочном горшке, интерес к службе кроме жалованья и карьеры заключался еще и в получении дополнительных доходов, где взятки играли ведущую роль.

На основе общих для чиновничества и дворянства черт складывается портрет томского чиновника, который в лучшем случае формально исполнял свои обязанности, мечтал о повышении своих доходов, расширении сословных льгот, получении повышенной для Сибири пенсии и о возвращении к себе на родину, в Европейскую Россию. Тем не менее на протяжении второй половины XIX в. доля сибирских уроженцев среди местного чиновничества увеличивалась и наметилась, как отмечает А.В. Ремнев, тенденция сближения общества и власти [10]. Однако в этот период на первый план в экономической, а потом и в общественной жизни выходят уже предприниматели, которые и диктуют обществу свой стиль и образ жизни, свои ценностные ориентации, определяя в основном городскую структуру и содержание обыденного сознания.

4. Вполне возможно, что субкультура интеллигенции и разночинцев, оказавшихся по разным причинам в Томске, была своеобразной контркультурой, так как

противопоставляла свои ценности общепризнанным. Поиски истины и достижение всеобщего блага противоречили погоне за чинами и орденами, почестями и деньгами, комфортом и роскошью, присущей другим субкультурам. Здесь радикальные различия по уровню своих притязаний сближаются с другими контркультурами, которые также отвергали официально признанные ценности. К ним принадлежали криминальный мир, разного рода секты, общины раскольников и некоторые другие. Представители контркультур противопоставляли себя не только обществу, но и государству и церкви, что многократно усиливало их роль в социально напряженном обществе. Радикальные различия демонстрировали экстравертивные ориентации, направленные на переустройство общества по их рецептам. В этой связи выделяются следующие черты интеллигентско-разночинной субкультуры.

1. Разночинцы имели, как правило, высокий уровень образования и получали основной доход за счет умственного труда. Это предоставляло им относительную экономическую независимость и позволяло критически относиться к окружающей действительности.

2. Значительная часть томских разночинцев, а в начале XX в. и интеллигенции, ориентировалась на оппозиционность к правительству, которая усиливалась под влиянием ссыльных. Видное место в томском обществе занимали в разное время Г.С. Батеньков, М.А. Бакунин, В.В. Берви-Флеровский, Д.А. Клеменц, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин и другие радикально настроенные деятели.

3. В пестрой городской жизни разночинцы из радикалов выделялись, как правило, своим внешним видом, образом жизни, своими вкусами и пристрастиями, что заставляло обращать на них внимание, а в некоторых деталях и подражать им.

4. В силу образованности и активной жизненной позиции разночинцы имели возможность широко воздействовать на общественность как через свою профессиональную деятельность (педагогика, журналистика, адвокатура и т. д.), так и приватным образом, в частных беседах и разговорах, через работу в общественных и политических организациях.

Таким образом, на основе проведенной работы можно сделать вывод о перспективности предлагаемого метода изучения прошлого г. Томска и более крупных социальных объектов с точки зрения характеристики обыденного сознания на уровне выделенных в данной работе субкультур. Структура анализа субкультур не претендует здесь на полноту и законченность и может быть дополнена и изменена в процессе работы над более обстоятельными и объемными трудами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хренов Н.А., Соколов К.Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001.
2. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999. С. 611 – 651.
3. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII – XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996.
4. Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004.
5. Покровский Н.Н. Томск 1648 – 1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.
6. ГАТО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1391. Л. 1.
7. ГАТО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1744. Л. 12 – 13.
8. Томск. История города от основания до наших дней. Томск, 1999. С. 172 – 173.
9. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 556.
10. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. С. 230.

**ТОЯНОВЫ ЭУШТИНЦЫ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА ТОМСКА
(XVII – XIX ВВ.) I**

Л.И. ШЕРСТОВА

Особенностью сибирских городов в разные периоды их существования был полиэтничный состав населения, который формировал специфическое этнокультурное пространство. Успешному продвижению русских в Сибири способствовал удачный выбор местоположения городов и острогов. Они должны были находиться в центре притяжения более или менее обширного населенного района (ясачной волости или группы волостей), к которому бы по традиции или по социально-политической (изредка – ментально-сакральной) инерции привычно устремлялись интересы окружающего населения, соединенного давними – этническими или иными – связями. Крепости должны были располагаться на пересечении водных путей или на основной речной магистрали, что позволяло бы достигать любого уголка подконтрольной территории в нужный момент как летом (наплавом), так и зимой (санным путем по льду или на лыжах). Опорные пункты должны были также обладать подходящим для строительства элементом рельефа (обычно на таких местах уже существовало туземное укрепление, возле которого местные жители привыкли искать защиты). И, наконец, неподалеку нужны были земли, пригодные для пашни и продуктивного сенокоса.

Всем этим условиям соответствовало местоположение будущего Томска. Томский город и острог поставлены «в крепком месте» на высоком мысу между реками Томью и Ушайкой в районе зимних пастбищ «князя Томския волости» Тояна, где раньше высился его сторожевой «городок», частично раскопанный в 1951 г. Г.В. Трухиным [1]. Новый русский форпост возник в средоточии владений тюрков-эуштинцев, к тому времени поставивших в зависимость от себя не только близкородственных соплеменников других «родов», но и часть темерчинцев и чатов. В наказе Бориса Годунова основателям Томска (1604 г.) говорится: «...велети ему (Тояну. – *Л.Ш.*) быти под его царскою высокою рукою, и велети быти в отчине его в Томи поставити город... и как де город поставят и те его ясачные люди... ясак учнут платить, а которые де и будут около города государевы непослушники, и он Тоян учнет... приводить их под государеву царскую высокую руку... А которые волости и городки подошли к Томскому городу ближе Сургутского города и Нарымского и Кетских острогов, и волости и городки и в них князьков и мурз и остяков велеть переписать и в дань их с судом и управою и ясаком в новом Томском городе... и в дальние земли... к князькам и мурзам и к ясачным людям посылать служилых людей... чтобы они были под государевой царскою высокою рукою и государю... служили и прямили и в новый Томский город приходили... А которые волости ново проведывают, и те б волости приводити под

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 03-01-00-359а.

государеву царскую высокую руку... и пашенные в новом Томском городе промышляти и пашню устроить...» [2, с. 138].

Не менее важным фактором, обеспечивавшим жизнеспособность и значимость Томского города, стали особые отношения между русскими властями и местным князем Тояном, по просьбе которого был поставлен Томск. Уже отмечалось, что добровольный и скорый переход Тояна под власть государя московского был вызван к жизни не только внешними опасностями, но и причинами внутреннего порядка – в частности, непростыми отношениями с соплеменным князем Басандаем, в своем соперничестве ориентировавшемся, судя по всему, на енисейских кыргызов. В то же время кыргызы, пусть и периодически, но все же контролировали земли эуштинцев и стремились довести их полузависимость до логического завершения. Что дело обстояло именно так, подтверждается хотя бы тем, что алтысарский князь Ишей как раз Тояна и его подданных называл «лучшими своими кыштымами», а также тем, что следы заговора Басандая, Лачи и Бадагды (1604 г.) против русских напрямую вели на восток: его инспирировал алтысарский князь Немчи [3, с. 79]. Судя по тому, сколь активно тояновы эуштинцы участвовали в военных походах томских воевод на кыргызов чуть ли не с основания Томска, есть основания предполагать в этом своеобразную месть бывшим сюзеренам. В 1621 г., например, эуштинцы обстоятельно пограбили кочевья кыргызов и захватили большой полон, который тут же продали казакам и «бухарцам».

Неординарная роль Тояна проявилась и в «телеутской политике» томских властей. Отнюдь не случайно князец в 1609 г. вошел в посольство к телеутскому князю Абаку. Тоян, очевидно, пользовался и доверием телеутов тоже, так как лишь после того, как эуштинец поклялся, что Абака не оставят в Томске заложником, тот решил на поездку в русскую крепость. В том же году (и тут не без стараний Тояна) Абак, его мурзы и лучшие люди шертовали (присягали) царю в том, чтобы «быти под царскою рукой, служить, ходить в походы на непослушников» и т.д. За это телеуты просили разрешения кочевать «блиско Томского городу, не брать с них ясака, оберегать от Алтына-царя и Казачьей Орды». По царскому указу эти просьбы были тогда удовлетворены [4].

С очень большой долей уверенности можно допустить, что томские воеводы с самого начала внимательно прислушивались к суждениям перешедшего «под высокую царскую руку» по собственной инициативе «томския волости князя» и доверяли ему. Тем более что рассматривали – во всяком случае, поначалу – подвластных Тояну эуштинцев не столько как данников, сколько как союзников. Такое предположение подкрепляется многими строками «Наказа» царя Бориса. Видимо, не случайно в этом уникальном документе подчеркивается: «Великий государь... велели их от недругов от дальних земель оберегати... и ясак с них до своего государства указа имать не велели... и чтобы томския волости князя и мурзы и средние люди ... велели людям своим на городовое дело лес ронити и возити и город ставити с государевыми людьми вместе» [2, с. 139 – 140]. Очевидно, с самого начала существовала директива Москвы: не ясак, а служба – главная задача тояновых эуштинцев. Поэтому уже в 1636 г. в составе томского гарнизона насчитывалось 130 «служилых татар» – эуштинцев, чатов, телеутов. С 1633 г. часть их, как и русские служилые, стала получать годовое жалованье в сумме 3 – 8 рублей [3, с. 107 – 108].

Следовательно, эуштинцы изначально воспринимались как неотъемлемая часть томского населения, а их князь – как верный союзник Москвы. Особо отмечу: память о паритетных отношениях между русскими и подданными Тояна долго сохранялась в среде их потомков. Когда в начале XIX в. возник земельный спор между ними и жителями г. Томска, они напомнили не только местным, но и центральным властям, что «бывший их князец Тоян Ермаштеев с прадеды, деда и отцы

их до поселения еще города Томска жили в Сибири, где ныне существует Томская губерния, за Томью рекой по течению оной на левой стороне своим городком... С подчиненными своими ездил в Москву к государю... Пришел в подданство и назначил к строению на своей землице на правой стороне реки Томи город Томск, пообещал со своими подчиненными быть в подданстве вечно... Прадеды, деды и отцы служили государю верно, и в походах бывали, и от неприятелей охраняли и тем себе против других по заслугам и по подданнической верности и по грамотам велено иметь преимущество...» [5].

С начала XVII по начало XVIII в. почти не менялось и административное устройство «томских татар» (кстати, сам этот этноним вошел в обиход с начала XIX в.). Особенность заключалась в том, что некоторая их часть – потомки Тояновых эуштинцев – продолжала проживать в Томске, в том месте (Татарская слобода и Заисточье), которое было определено в 1631 г. воеводой П. Пронским, когда он, в связи с закладкой на томской Юрточной горе Алексеевского мужского монастыря, выселил оттуда «юртовских эуштинцев» к Томи. Методы, жесткие в духе времени, равно применялись не только к тюркам, но и к русским: воевода, «изгоняючи томских служилых и всяких людей... Отнял у тех людей дворовые их бани и отдал татарам и велел у них в тех банях поделать юрты, и ис татарского городка велел перевести под город на луг в новый (Нижний. – *Л.Ш.*) острог и содиначить (объединить. – *Л.Ш.*) татарские юрты с крестьянскими дворами вместе» [3, с. 70]. В начале XIX в. томские городские татары составили особую «Казанскую волость общества ясачных татар». В 1819 г. их волостным старшиной был Абдулла Москов. Из его прошения на имя томского губернатора следует, что «сия волость состоит в городе Томске и никаких земель к хлебопашеству, ни сенокосов не имеет, а старожилов (т.е. коренных эуштинцев. – *Л.Ш.*) здесь не более 15 домов или семей, которые... по бедному состоянию едва пропитываются... платят подати и нужное жизни содержание снискивают работою по другим уездным селениям, почему и едва... могут иметь хотя бы дома свои, т.к. мест под оные удобных к отводу не видится по причине ежегодных весенних наводнений» [6, л. 81].

Таким образом, подгородные эуштинцы сохранили и в начале XIX в., и гораздо позднее место компактного проживания на луговой пойме Томи, где имели свой орган управления – Казанскую ясачную волость. Подобный принцип городского устройства «по национальным концам» был издревле характерен для Северной Руси вообще (Великий Новгород), и для Московского царства в частности. Его основа – невмешательство в повседневные дела горожан.

Однако часть эуштинцев мало-помалу переселилась, видимо, за пределы Томска; к тому же, окончательно размылись бывшие этнородовые различия внутри нижнетомских автохтонов. То и другое отразилось в изменении названия аборигенной волости, в которую входило тюркоязычное население, проживавшее на север от Томска до впадения Томи в Обь. В середине XVII в. она называлась Томской волостью, а уже в XVIII в. – Эуштинской. В начале XIX в. в нее входило три юрта: Эуштинский, Тигильдеев и Горбунов, общей численностью в 159 душ обоего пола [7, л. 37 об.].

Судя по всему, к середине XVIII в. значение служилых людей из местного населения неуклонно падало. Российские пределы отодвинулись от Томска, и он потерял свое прежнее военно-стратегическое значение. Формировавшаяся с 1730-х гг. Кольвано-Кузнецкая крепостная линия пополнялась гарнизонами из казаков и регулярных войск, и бывшая роль служилых из союзников сводилась на нет. В 1737 г. в Томске среди служилых людей числилось 52 чата, 15 выезжих калмыков и только 9 человек томских татар. Штат 1737 г., по мнению Н.Ф. Емельянова,

действовал без изменений до начала XIX в., следовательно, сохранялся примерно тот же процент служилых из аборигенов [8]. Видимо, во второй половине XVIII в. большая их часть, среди которых оказались и потомки тояновых эуштинцев, окончательно уравнилась в социальном статусе с остальными аборигенами. Они стали такими же ясачными и на них распространились принципы общегосударственной политики.

В частности, в Сибирь высылали как православных уголовных преступников, так и мусульман. Только в одной городской Томской Казанской ясачной волости, по данным губернской канцелярии, было водворено следующее количество уголовных ссыльных-мусульман: в 1815 г. – 2 человека на поселение; в 1816 г. – 3 человека на пропитание; в 1817 г. – 7 человек на поселение, 9 человек на пропитание; в 1818 г. – 2 человека на поселение, 3 человека на пропитание; в 1819 г. – 2 человека на поселение. Таким образом, за пять лет среди томских татар в городе прибавилось 13 сосланных на поселение и 15 – на пропитание. Сама же волость насчитывала в 1819 г. «старожилов не более 15 домов или семей», т.е. около 75 – 90 человек [6, л. 81 – 82].

Показательно, что к началу XIX в. изменилась и конфессиональная принадлежность томских татар. Как отмечала З.Я. Бояршинова, в XVII в. среди эуштинцев действовали шаманы, а в 1646 г., принося присягу царю Алексею Михайловичу, эуштинцы соблюдали «языческий обряд» т.е. мусульман среди них не было [3, с. 74]. Однако под влиянием «бухарцев» и разновременных переселенцев-мусульман изменилась их конфессиональная принадлежность. В начале XIX в. среди эуштинцев было 109 мусульман и 50 православных [7, л. 41]. Сохранявшаяся в Томске Казанская инородная управа (ранее ясачная волость), которую составляли потомки подданных Тояна, а также ссыльные казанские, тобольские, ялutorовские татары, насчитывала в 1849 г. 212 человек. Все они исповедовали ислам [9].

Интенсивные межэтнические контакты городских жителей Томска нивелировали хозяйственно-бытовые особенности русского и тюркского населения. Сохранявшиеся остатки этничности городских татар могли укрепиться, опираясь на конфессиональный фактор. Параллельно ненавязчивой исламизации разнородных тюркских этнических компонентов шло накопление элементов общего татарско-мусульманского этнокультурного комплекса. Сохранение в Томске административно оформленных групп «бухарцев» (в 1834 г. к Томской Бухарской управе было приписано 267 человек) [10], прибытие на «поселение и пропитание» мусульман-татар расширяли этнополитический кругозор всего местного тюркского (татарского) населения. Постоянные контакты городских и сельских татар также ускоряли процесс исламизации.

Более активные горожане влияли на пристрастия сельских эуштинцев, помогая осознать свое этноконфессиональное отличие от русских, хотя в то время сохранялись и группы татар-христиан, а язычество не было забыто. Так, православие исповедовали почти все жители Горбуновских Юрт, поэтому это эуштинское поселение даже в ранних официальных документах именовали «деревней Горбуновой». Но все же большая часть потомков «Тояновых людей» к концу XIX в. приняла ислам. В известной степени это ослабляло их ассимиляцию и аккультурацию с русскими, особенно в такой зоне интенсивных этнокультурными контактами, каковой является городское пространство. К тому же, в условиях уже значительно размытых этнографических признаков укрепление их этнического самосознания проходило под влиянием ислама.

Итак, с момента возникновения Томска Тояновы эуштинцы (позднее – «томские татары») всегда были частью его этнокультурного пространства. Следует отметить, что подданные князя Тояна в начале XVII в. сильно отличались от сво-

их потомков XIX в., но последние всегда помнили о том, какую роль сыграли их предки в становлении и развитии города. Его история окажется неполной без подробного изучения истории томских татар как неперменного компонента городского этнокультурного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды Томского обл. краеведческого музея. Томск, 1956. Т. 5. С. 114.
2. Пугачев А. Древнейший документ о нашем городе // Томск. Март – июнь 1946 г. Томск, 1946. С. 138.
3. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университета. Томск, 1950. Т. 112.
4. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII – XVIII веках. Новосибирск. 1980. С. 36.
5. ГАТО. Ф. 144. Оп. 2. Д. 2. А. 59 об.
6. ГАТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 961. Л. 81.
7. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
8. Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984. С. 47. *Он же.* Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII – первой половине XIX в. // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 19. С. 93.
9. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 782. Л. 7.
10. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 29. Л. 287.

**ЭТНИЧЕСКАЯ ПАЛИТРА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ТОМСКА
НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ**

Е.В. КАРИХ

Томск на рубеже XIX – XX вв. являлся крупным губернским городом Сибири (65 тыс. человек по переписи 1897 г). Как административный, культурный и торговый центр губернии он был населен представителями многих народов России. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. дает нам возможность представить не только основные занятия населения того времени, но и выделить специфику каждой этнической группы в хозяйственной жизни города [1]. Кроме основных занятий городского населения (ремесла, торговли и наемного труда), большое значение здесь имели сфера управления и транспорт.

Помимо русских (составляющих около 80% населения Томска), заметную роль в общественной жизни играли этнические группы украинцев, немцев, поляков, татар, евреев. 80 – 90% человек во всех отраслях были русскими, около 1% – украинцами. В администрации и на государственной службе кроме них работали 3% поляков. Евреи и татары – вторая и третья по численности группы населения Томска – практически не участвовали в его управлении. Среди людей, занятых свободными профессиями в науке, культуре, образовании, врачебной практике и пр., можно выделить 5,4% евреев, 4,4% поляков, 2,9% немцев, почти 2% татар.

Около 10% ремесленников являлись евреями, татары и поляки составляли здесь чуть более 2%, а немцы – 1%. Строительством в Томске занимались почти исключительно русские (более 90%), кроме них была заметна только доля евреев – 3,4%.

В транспорте и торговле доля русских сокращалась до 77%. В этих отраслях хозяйства с ними конкурировали представители других народов. Около 1% стабильно составляли немцы и украинцы. Транспорт в Томске на рубеже XIX – XX вв. представлял из себя извозный промысел, и здесь доля евреев составляла 11,3%, татар – 5,3%; поляков – 3,4%. В сфере самой разной торговли занимались 11% евреев, 7% татар и 2% поляков.

Еще более специфично выглядит межэтническое разделение труда, если рассмотреть хозяйственные предпочтения внутри каждой этнической группы. Ремесла, работа по найму, транспорт были основными занятиями выходцев из Прибалтики. Подавляющее число цыган, 80% обосновавшихся здесь, торговали живым скотом.

Среди украинцев в Томске 6,8% были чиновниками, 13,5% занимались ремеслами и кустарными производствами, причем, так же как и для русских, для них характерно отсутствие специализации, 11,5% работали во всех видах транспорта. 13% – торговали, главным образом продуктами сельского хозяйства, спиртными напитками. Значительная часть украинцев занималась гостиничным бизнесом, разносной и развозной торговлей. Представителей свободных профессий среди них было немного.

Евреи практически не работали в администрации и почти не занимались свободными профессиями. Лишь 3,6% из их числа были заняты в образовании и медицине. Более 30% евреев в городе занималась всеми ремеслами, включая сложное ручное производство: часовое, ювелирное, изготовление инструментов, предметов роскоши, полиграфию. В 1890 г. томский полицмейстер писал, что благодаря указам в Томск прибыло много евреев из Европейской России, что способствовало развитию здесь ремесел [2].

Строительством были заняты 5% евреев. Основным видом транспорта, в котором работали евреи, был извоз. Поэтому в губернском городе Томске евреев-извозчиков было 13%. Большая часть евреев (30%) торговала. В Томске в 1900 г. было около 170 еврейских лавок, которые вели продажу мяса, готового платья, вина и пр. Еврейки – хозяйки предприятий содержали магазины одежды, белья и галантереи, прачечные, бани, постоялые дворы, меблированные комнаты и публичные дома [3]. В Томске из 10 купцов первой гильдии был 1 еврей, из 104 купцов второй гильдии – 25 [4].

Обычно в городах татар, так же как и евреев, практически не было среди чиновников и интеллигенции, но в Томске 2% татар (пришлых) были заняты свободными профессиями, в основном медициной. 13% татар занималось ремеслами: обработкой металлов, выделкой шкур, меха, шерсти, шитьем одежды, изготовлением предметов домашнего обихода, а 11,5% участвовали в извозном промысле. Большинство татар в Томске – 36% – торговали. Бухарцы, узбеки, персы и другие выходцы из Азии вели торговлю фруктами и азиатскими товарами. Томские татары (аборигены) продавали кожу, пушнину и пр. Казанские татары скупали сырье, держали мануфактурные и мясные лавки, портняжные мастерские.

Поляки, проживавшие в Томске в конце XIX в., зачастую были людьми образованными, причем получившими образование еще в Польше (Царство Польское и Привислинский край). Российское законодательство (указ от 25 октября 1865 г.) запрещало им как политическим ссыльным государственную и военную службу [5]. Большинство из них служили по вольному найму и занимались частной практикой [6]. Например, в Томскую казенную палату нанимали письмоводителей поляков по вольному найму. Таким образом, среди них большую долю составляли чиновники – 7%, а свободными профессиями занималось 7,5% (в основном в сфере врачебной или юридической частной практики). Ссылным ксендзам (католическим священникам), не лишенным прав состояния, разрешили отправлять богослужения и даже разъезжать для этого по округу [7].

Около 20% поляков были заняты в ремесле и кустарном производстве. Они лидировали в пищевой промышленности Сибири: кондитерском деле, пивоварении и винокурении. В Томске в 1900 г. они держали около 20 колбасных мастерских. Наиболее известны из них Ф. Богушевский и А. Юшкевич. 10% были заняты в транспорте и 13% – в торговле. В 1868 г. полякам разрешили выдавать патенты на торговлю и промыслы, многие смогли развернуться, устроив дела практически с нуля. У них были мелочные съестные лавки (колбасные, кондитерские и пр.), винные погреба. Они широко вели питейную торговлю (27 поляков – купцы второй гильдии) [8]. Например, Никодим Варфоломеевич Довят в 1869 г. подавал прошение на имя губернатора, желая переехать из Мариинска, куда он был сослан, в Томск для приискания занятия [9]. В 1900 г. у купца второй гильдии Н.В. Довяты в Томске было 3 ренсковых погреба и торговые лавки [10]. Предприниматели охотно брали к себе в услужение грамотных ссыльных. Начиная в услужении у русских купцов, поляки нередко выходили в самостоятельные хозяева. Наиболее известны из них В.А. Поклевский-Козелл, Зеленовский [11].

Немцев тогда в сфере управления было немного. 14% из них зарабатывали себе на жизнь свободными профессиями, причем во всех областях культуры, науки, образования. Большинство их ремесленничало – 25%, также охватывая весь список производств, 15% немцев в Томске торговали. Извозом занимались 5,5%.

Большая часть проживавших в Томске немцев приехали сюда из европейской России, с Поволжья и Приуралья, где ремеслами занимались еще их предки. Однако часть их попадало в Томск непосредственно из метрополии (разных германских государств). Например, прусский подданный Эрнест Густавович Фельзенмайер приехал в Россию в 1865 г., в 1880 г. переехал на постоянное жительство в Томск, в котором занимался «торговлею и фабрикацией консервов» [12]. Позднее он принял российское подданство и стал купцом второй гильдии, занимался виноторговлей, галантереей и имел бакалейные лавки.

Нередко австрийские и германские подданные работали представителями крупных германских фирм. Немцы держали аптеки, магазины канцелярских товаров.

Русские составляли большинство населения Томска, поэтому для них характерно отсутствие внутренней специализации. Большая часть из них, как и положено населению города, занималась ремеслами (17,7%), торговлей (14,2%) и строительством (8,6%). Меньшее число было занято в транспорте (6%), управлении (5,4%), культуре и образовании (3,7%).

Итак, Томск на рубеже XIX – XX вв. представлял собой полиэтничный центр, где основное население, состоящее из русских, органично дополняли евреи, украинцы, немцы, поляки, татары и др., занявшие свои хозяйственные ниши в экономической жизни города, используя навыки и предпочтения, приобретенные многими поколениями их предков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи. СПб., 1897. Табл. 22; Томская губерния. С. 159 – 209.
2. *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 2. Д. 42 – 70.
3. *ГАТО*. Ф. 196. Оп. 4. Д. 34. С. 1 – 420.
4. *Сибирский* торгово-промышленный и справочный календарь. СПб., 1896. С. 514 – 526; Дмитриенко Н.М. Евреи – предприниматели в дореволюционном Томске // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 40 – 45.
5. *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6867. Л. 2 – 6; Оп. 5. Д. 7727. Л. 1 – 6.
6. *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7724. Л. 1 – 10.
7. *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6318. Л. 1 – 18.
8. *Сибирский* торгово-промышленный и справочный календарь. СПб., 1896. С. 514 – 526.
9. *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 4. Д. 527. Л. 9.
10. *ГАТО*. Ф. 196. Оп. 4. Д. 34.
11. *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX веков. Томск, 1975. С. 70.
12. *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3136. Л. 1

**ТОМСКОЕ МЕЩАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ¹**

Ю.М. ГОНЧАРОВ

Община как одна из наиболее значимых традиционных форм общественного и экономического быта русских с давних пор привлекала внимание исследователей. Однако исторически сложилось так, что исследовательский интерес в данной области концентрировался почти исключительно вокруг сельской общины, городские же общины долгое время оставались в тени. В силу этого большой интерес для историка представляет мещанская община в пореформенном русском городе.

Вступление России в период модернизации после буржуазных реформ 60 – 70-х гг. XIX в. предопределило и изменение роли мещанства. В ходе судебной реформы были ликвидированы сословные суды. Мещане были освобождены от телесных наказаний. По Городовым положениям 1870 и 1892 гг. они сохранили свое право на участие в городском самоуправлении, но их избирательные права были ограничены высоким имущественным цензом, что давало преобладание в городских органах дворянам, купцам и почетным гражданам.

В то же время, изъяв Городовым положением 1870 г. мещанскую общину из общегородского управления, законодатели продолжили ее интеграцию в управленческие структуры. Как было отмечено, «... никто... всерьез не собирался отказываться от тех финансовых, организационных и кадровых выгод, которые давал сословный строй в государственном управлении и контроле. Консервация сословий и связанных с ними общинных структур у горожан стоит, таким образом, в непосредственной связи с реформами» [1].

Противоречивость реформ проявилась в том, что мещанская община как обособленный социальный институт сословного характера возникла во время городской реформы 1870 г. До этого мещане организационно были включены в «общество градское», куда кроме них входили еще и общины купцов и ремесленников. Только по некоторым делам (например, рекрутским и податным), мещане собирались отдельно от остальных горожан.

После вступления в силу Городового положения 1870 г. в городах учреждались мещанские управы. В частности, в Томске 14 декабря 1871 г. в общем собрании «по примеру других мещанских обществ и на основании нового городского положения» было решено «учредить Мещанскую управу в составе четырех лиц, избираемых обществом особо, а именно: мещанского старосту, двух членов и письмоводителя» [2, л. 2 – 2 об.].

Центральным органом мещанских обществ в городах являлся общинный «сход», или «собрание». Он обладал распорядительной властью и вокруг него строились все остальные институты общины. На сходе мещане обсуждали теку-

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ.

щие общинные дела, утверждали бюджеты и различные предложения, избирали должностных лиц для управления общиной.

После вступления в силу Городового положения 1870 г. мещанские сходы созывались уже не городским головой, а мещанской управой или мещанским старостой. На управы и старост возлагалась и ответственность за порядок во время схода. Они должны были также свидетельствовать подписание приговоров именно теми лицами, которые в них участвовали.

Участвовать в собраниях имели право все мещане мужского пола, которые являлись действительными членами мещанской общины данного города, т.е. были причислены к ней с согласия ее членов. Следуя правилам, было принято различать причисление к общине и приписку к ней по распоряжениям Казенных палат. Приписанные мещане, в массе своей отставные и запасные солдаты, ссыльные и их дети, не имели права голоса на собраниях, а также права быть избранными на должности по общинному управлению.

Избирательный голос имели лица не моложе 25 лет, имевшие в городе капитал, приносящий минимум 15 руб. ежегодного дохода. В уездных городах, где материальная обеспеченность была ниже, право выбора в должности по общинному управлению предоставлялось также и тем, кто получал доход менее установленного или вообще не имел дохода. Для учета всех мещан-выборщиков города предусматривалось составление старостами и управами специальных списков [3].

В компетенции общинного схода были прием в общину и увольнение из нее, ежегодное определение количества денежных сборов на уплату государственных податей и на общинные нужды, контроль за расходованием средств из общинных касс, выборы старосты, сборщиков денежных сборов, членов мещанских управ и сиротского суда, а также различных комиссий, которым поручалось исполнение решений собрания и ведение текущих дел. Кроме того, сход решал вопросы установления опеки, запись в семейства мещан приемных детей, удаление из общины мещан, многократно нарушавших общественный порядок, выбор членов городских оценочных комиссий, а также различные хозяйственные вопросы: о найме пастухов, аренде полей, лугов и пр.

Все решения сходов фиксировались письменно в так называемых приговорах. Вот один из таких примеров: «1891 г. февраля 10 дня мы, нижеподписавшиеся мещане города Томска, быв сего числа в общественном собрании своем под председательством старосты нашего сословия Тимофея Ильича г. Аверкиева для обсуждения разных вопросов, относящихся до общественных дел, между прочим вследствие распространившихся упорных слухов в городе Томске о приезде в оный в настоящем году Его императорского высочества Благоверного государя наследника Цесаревича и Великого князя Николая Александровича, все единогласно заявили г. старосте, что если это окажется действительно справедливым, то в честь приезда такового для нас дорогого Гостя все единодушно желаем учредить воспитательный дом для детей-сирот томских мещан, а равно и детей крайне бедных родителей сказанного звания, для чего и ассигновать в основание фонда из наших общественных сумм 2 тыс. руб. и установить навсегда раскладку между обществом нашим с каждой наличной и способной к физическому труду души муж. п. по 50 коп. на учреждение и содержание поясненного дома...» [2, л. 32].

Приговоры подписывали как правило все участвовавшие в их составлении мещане. За неграмотных расписывался кто-либо из грамотных участников схода с указанием своей фамилии и имени. Приговоры собраний имели официальный статус и были обязательны для всех членов общины.

Контроль за общинными сходами и их приговорами осуществлялся местной администрацией в лице губернаторов, губернских правлений и присутствий по городским делам.

Текущими делами общества занималась мещанская управа. О том, что входило в круг ее обязанностей, позволяет судить «Протокол № 1 заседания Томской мещанской управы марта 1914 г. о распределении занятий между членами управы», в котором говорилось: «Мещанская управа постановила: 1. Наблюдение за делопроизводством мещанской управы, за исполнительностью членов и служащих управы возлагается на обязанность мещанского старосты Федора Ивановича Ерохина. 2. Заведование кассой мещанской управы, богадельней, хозяйственной частью поручается члену управы Петру Павловичу Анисимову. 3. Сбор в сиропитательный капитал и справки по выдаче паспортов поручаются члену управы Василию Ильичу Мальцеву» [4]. На этом же заседании решались вопросы об оплате различных счетов, о выплате жалованья служащим управы, о ремонте зданий, принадлежавших обществу, о выделении 10 руб. на ежегодную панихиду о жертвователе Иване Степановиче Вильянове.

Служащие управы получали за свою работу жалованье, которое, например, в Томске перед Первой мировой войной составляло: старосте – 80 руб. в месяц, членам управы – 40 – 55 руб., делопроизводителю – 20 руб. в месяц [5].

Мещанское общество в Томске в конце 1880-х гг. насчитывало около 25 тыс. чел., при этом значительная часть из них проживала вне города, поскольку городская управа ежегодно выдавала мещанам около 3000 паспортов. Около половины членов общества были ссыльными или их детьми, причисленными без согласия общества. Для того чтобы причислиться к обществу, необходимо было подать в мещанскую управу или лично мещанскому старосте прошение с приложением паспорта, свидетельства об отбывании воинской повинности, удостоверения от местных мещан домовладельцев с ручательством, что он исправный плательщик повинностей, удостоверения о неподсудности и метрические выписка на всех членов семьи. «Запасной зауряд военный чиновник» Иван Антонович Штейнбер писал в прошении о приеме в общество в 1910 г.: «Имея постоянное место жительства в городе Томске с 1904 г., почти все время служу бухгалтером в здешнем отделении Торгового дома «Бр. Форер», покорнейше прошу Томскую мещанскую управу предложить мещанскому обществу, не пожелает ли оно принять меня в свою среду. Я семейный, имею жену Марию Прокофьевну 27 лет и сына Константина 10 мес., самому же мне 32 года. На нужды благотворительности жертвую 15 руб.» [6, л. 1].

С каждого вступающего в мещанское общество города брали одновременно «добровольных пожертвований» на богадельню «смотря по состоятельности», а затем ежегодно, с каждого человека по 5 коп. Общество при принятии выдавало приемный приговор. В документах Томского мещанского общества в 1910 г. указывалось: «...в среду мещан г. Томска принимаются лица при соблюдении следующих условий: желающий причислиться по приемному приговору должен приложить к прошению документ о личности, удостоверение Томских мещан, рекомендующих с хорошей стороны; что же касается денежного взноса, то таковой взимается от 10 до 30 руб.» [6, л. 42].

Мещанское общество Томска владело крупной недвижимостью, в конце 1880-х гг. это было: несколько каменных домов, каменные лавки, четыре корпуса деревянных лавок, здание богадельни – общей стоимостью 107 257 руб. 36 коп. Это имущество сдавалось в аренду и приносило ежегодно до 10 тыс. руб. дохода, совокупные же доходы общества превышали 20 тыс. руб. [7, с. 105].

В Томске богадельня мещанского общества была основана в 1861 г. В нее принимались только томские мещане православной веры, «бедные, безродные, хорошего поведения». В 1888 г. на призрении состояло 14 мужчин и 33 женщины, на содержание которых было израсходовано 1759 руб. 39 коп. [7, с. 188 – 189]. В 1914 г. в богадельне содержалось уже 23 мужчины и 68 женщин, их обслуживало 9 чел. (3 няньки, 2 дворника, 1 кухарка, 1 помощница кухарки, 1 прачка и 1 смот-

ритель). Некоторые из призреваемых жили в богадельне по многу лет. Так, например, Дарья Крылова и Татьяна Поспелова содержались в богадельне еще с 1890 г., т.е. на протяжении 24 лет [8].

Призреваемые в богадельне питались достаточно просто. Например, в 1870-х гг. призреваемому в богадельне Томского мещанского общества полагалось в непраздничные дни мяса – $\frac{3}{4}$ фунта, в праздничные дни (Рождество и первые три дня Пасхи) – 1 фунт (на Пасху также пекли куличи и выдавали по 1 яйцу), масла коровьего – 3 золотника (12,8 г), крупы на кашу для 50 чел. – 15 фунтов (чуть больше 120 г на человека), на щи – 2 фунта, гороху на 50 чел – 25 фунтов, капусты – $\frac{1}{2}$ ведра, чаю кирпичного – 7 кирпичей. На освещение богадельни расходовалось ежемесячно 25 фунтов керосина, призреваемым также выдавалось по 1 сальной свече в месяц [2, л. 243].

В доме, принадлежавшем Томскому мещанскому обществу, содержался ночлежный приют. Он состоял из мужского и женского отделений с нарами для спанья и столовой. В приют впускались лица всех званий и сословий, без предъявления документов, не пускали только пьяных. Время пребывания в приюте – от 4 часов вечера до 8 утра, в течение ночи никто не выпускался. Плата за вход составляла 5 коп. Каждый ночлежник получал вечером чашку щей с полунфунтом мяса и фунт хлеба, а утром – кружку чая и также фунт хлеба [7, с. 111 – 112].

В быт сибирских горожан конца XIX – начала XX в. входят различные общественные праздники, связанные с чествованием памятных дат и юбилеев. Повсеместно, например, отмечалось 300-летие дома Романовых. Программа таких праздников обычно включала службу в соборе, торжественные речи в честь празднуемого события, выступления учащих с чтением стихов, пение хора. В это событие старались внести вклад все общественные организации. Так, Томское мещанское общество создало специальную комиссию из 11 чел. по подготовке праздника, наметило программу участия общества в нем: «... в день исполнения 300-летия... устроить иллюминацию Дома управы, выставить портрет первого царя из Дома Романовых, кроме того устроить на берегу Ушайки вечером фейерверк, на что ассигновать до 100 руб. ... помимо устройства иллюминации и фейерверка отпустить в распоряжение господина начальника губернии от 50 до 100 руб. на устройство народных увеселений». На имя императора мещанским обществом была послана поздравительная телеграмма с выражением верноподданнических чувств [9].

В целом мещанские общества играли значительную роль в повседневной жизни их членов – представителей самого массового городского сословия дореволюционной России. Несмотря на разложение сословного строя, процессы классовообразования, протекавшие в городах региона во второй половине XIX – начале XX в., сословная организация горожан продолжала сохранять большое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каплуновский А.П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870 – 1918 гг. (Этно-историческое исследование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
2. ГАТО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 19.
3. Свод законов Российской империи. СПб., 1876. Т. 9: Законы о состояниях. С. 518 – 535, 541 – 556, 597, 621.
4. ГАТО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.
5. ГАТО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 145.
6. ГАТО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 43.
7. Адрианов А.В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890.
8. ГАТО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 120. Л. 1 – 5.
9. ГАТО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 65. Л. 3 – 18.

**ТОМСК В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ**

Д.Н. ШЕВЕЛЕВ

В последнее время среди исследователей наметился явный интерес к социальной истории, особенно к таким, без сомнения перспективным ее направлениям, как история повседневности, микроистория, история частной жизни, гендерная история. В то же время следует отметить то обстоятельство, что работ в данном направлении, посвященных периоду Гражданской войны, на материале сибирского региона, за исключением исследования отдельных сюжетов (быт и настроения крестьянства, интеллигенции, офицеров), нет.

Во многом это связано с состоянием источниковой базы. Источники личного происхождения этого периода, а именно на них основано большинство подобных работ, крайне немногочисленны. Мемуарной литературы, содержащей бытовые зарисовки, мало. В этой связи особую ценность для изучения Гражданской войны в целом и повседневной жизни в частности приобретает периодическая печать тех лет. Тем более что ее информационный потенциал не исчерпан до сих пор. Сопоставление и анализ региональной прессы, в свою очередь, позволяет уловить местную специфику, выделить общее и особенное в истории повседневности того или иного сибирского города.

Влияние Гражданской войны прослеживается во всех структурах повседневной жизни Томска и характеризуется ухудшением как бытовых условий, так и психологического климата. Остановимся лишь на одном аспекте истории повседневности, который можно воссоздать при помощи периодической печати тех лет – сфере непосредственного жизнеобеспечения.

Эта сторона повседневности связана с удовлетворением физиологических потребностей человека. Она включает устройство жилого пространства, обеспечение продуктами питания, одеждой, предметами повседневного обихода, другими промышленными товарами, бытовую санитарно-гигиеническую практику, организацию медицинской помощи.

Материалы, опубликованные в периодической печати (городская хроника, отчеты о деятельности городской думы, заметки, частные объявления и т.п.) дают вполне отчетливую картину этой стороны повседневности, позволяют проследить изменения в культуре быта тех лет, вызванные как революцией, так и последовавшей за ней гражданской войной. Можно говорить о двух составляющих этой сферы обыденной жизнедеятельности: а) деятельности государственных и негосударственных институтов, учреждений и организаций, связанной с регулированием и нормированием повседневности; б) индивидуальных повседневных практиках непосредственного жизнеобеспечения, устройстве быта, специфике ведения домашнего хозяйства в условиях Гражданской войны.

Газеты тех лет с пугающей подробностью обозначили и тот круг проблем, с которыми сталкивался человек в повседневной жизни. Это и хронический дефицит целого ряда продовольственных товаров (для Томска это, прежде всего, острая нехватка чая, сахара; последний приходилось заменять медом, изюмом и т.д.), предметов повседневного обихода (керосин, спички, табак, свечи, нитки). Это и болезненный «квартирный» вопрос. Его решение осложнялось не только наплывом беженцев, но и размещением в городе тыловых военных учреждений и расквартированием воинских частей. На протяжении 1918–1919 гг. в городе наблюдался резкий рост цен на дрова, в связи с чем в близлежащих рощах вырубались деревья. Неблагополучным было и санитарно-гигиеническое состояние города, о чем неоднократно писали газеты. Это, в свою очередь, приводило к увеличению числа инфекционных заболеваний (тиф, холера, дизентерия), зачастую принимавших эпидемический характер.

Спад промышленного производства, образование политических анклавов, что при неравномерном экономическом развитии отдельных регионов России вело к кризису снабжения, транспортные проблемы (в частности, пресловутая «читинская пробка», мешавшая организации нормального товарообмена с Дальним Востоком), внутренние миграции, казнокрадство, спекуляция и т.п. явления обусловили перебои со снабжением, товарный дефицит, рост цен и, соответственно, падение уровня жизни. Знаковой фигурой тех лет являлся спекулянт. «Спекулянт, – писала в декабре 1918 г. «Народная газета», – как «птица небесная, не сеет и не жнет», но не только... кормится, а богатеет. Он богатеет, потому что другие беднеют; вернее потому, что беднеет страна в целом. ...Спекулянт – социальный паразит, и, как последний, он питается падалью – разложением социальных организмов». Прогрессировавшая в Сибири в годы гражданской войны спекуляция проникала и на бытовой уровень, превратившись в своего рода норму повседневности. Та же «Народная газета» отмечала: «А так спекуляция – бытовое и массовое явление: ею насыщена вся наша атмосфера, она проникает во все поры нашей жизни, ею мы дышим... она определяет психологию не одних непосредственных спекулянтов» [1].

Вследствие отсутствия нормального товарообмена между городом и деревней, а также того, что с 10 декабря 1918 г. Российское правительство фактически отказалось от обеспечения населения продовольственными и потребительскими товарами через государственные структуры и от содействия общественным и кооперативным органам снабжения, произошло вытеснение последних более конкурентоспособными частными торговцами. В то же время частная торговля не могла обеспечить население Томска всеми необходимыми товарами. Это, в свою очередь, привело к возникновению «мешочников» – особо предприимчивых людей, которые скупали у крестьян продукты и перепродавали их в городе по более высокой цене. Мешочничество было, таким образом, одной из разновидностей спекуляции. Кроме того, явной спекуляцией занимались владельцы торговых лавок и магазинов, которые либо припрятывали товары с целью продать их подороже, либо просто взвинчивали цены, чувствуя свою полную безнаказанность.

В условиях гражданской войны элементарные бытовые услуги, текущий квартирный ремонт, устранение даже самых простых поломок в доме превращались в серьезную проблему, требовали значительных затрат. Например, в городах исчезло из продажи стекло, и стекольщики получили возможность повышать цены по своему усмотрению. «За отсутствием в продаже стекла, – отмечала «Народная Сибирь», – стекольщики прямо-таки «обдирают» бедного обывателя, назначая за обыкновенные оконные стёкла по 10 руб. за штуку» [2]. Таким образом, в спекуляцию оказались вовлечены также парикмахеры, сапожники, стекольщики и даже

прачки, словом, все те, кто в то нелегкое и суровое время мог воспользоваться дефицитом товаров и услуг.

В этих условиях бороться со спекулянтами, которые являлись по сути дела неотъемлемой частью повседневности, сложившихся в городских условиях того времени социальных микропрактик, оказалось для белых правительств невозможно. Каждый день у части спекулянтов конфисковали продукты, их штрафовали и подвергали арестам, но эти меры не приносили реальных результатов. Рыночно ориентированная экономика с ее неотъемлемой составляющей – свободной торговлей в условиях Гражданской войны лишь усиливала рост спекуляции, инфляцию и другие негативные явления.

В этих условиях весьма показателен случай, описанный в «Народной газете»: «Один мелкий пекарь на Благовещенском переулке продавал хлеб за 1 руб. 20 коп. за фунт, а на другой день за этот же хлеб брал уже 1 руб. 30 коп. и при этом говорил: «Приучать вас надо к ценам». Привыкнуть было тем проще, что одновременно с резкими скачками цен имел место постепенный рост их – по копейке в день, – что не так заметно было для покупателей. Для многих слоев городского населения недоступным по цене стал готовый хлеб, преимущественно белый. Практичнее считалось печь хлеб на дому из тех ингредиентов, которые были наиболее доступны по цене: из муки низших сортов с добавлением отрубей и прочих примесей. Экономия и погоня за дешевизной вынуждала горожан покупать продукты не просто низкого, но и весьма сомнительного качества, зачастую откровенно фальсифицированных (масло, чай).

Первые трудности со снабжением начались в городе уже летом 1918 г. В конце июня «Народная газета» отмечала в Томске острую нехватку писчей бумаги. Примерно в то же время в больницах все больше стал ощущаться недостаток перевязочных средств, вследствие чего, как писала «Сибирская жизнь», городским властям пришлось взять на учет «всю имеющуюся как у учреждений, так и у частных лиц вату».

Серьезные трудности возникли и со снабжением топливом. «В Самару, – указывала в конце лета 1918 г. «Народная газета», – отправлен представитель «Огнетоба» для переговоров о поставках в Западную Сибирь нефти. Вызвано это тем, что запасы нефти в Сибири истощаются. Следствием этого стали перебои с керосином. Томские газеты с тревогой отмечали, что на городских складах имеются весьма незначительные запасы керосина, который отпускался преимущественно различным учреждениям и предприятиям (мастерским, больницам, тюрьмам). Еще в начале июля 1918 г. «Сибирская жизнь» констатировала: «Полностью истощились запасы керосина. У населения его практически нет».

Городские учреждения, а также простые обыватели постоянно испытывали сложности при заготовке дров. «Город Томск испытывает огромный недостаток в топливе, – информировала осенью 1919 г. читателей «Надежда России», – в городских больницах нет дров даже для выработки пищи, вследствие чего смертность заметно увеличилась. 7 октября на баржах, в которых живут беженцы-рабочие, от холода скончалось 16 больных беженцев. На помощь городу пришёл Златоустовский завод, который взялся поставить 10 тыс. сажень дров при условии отвода леса вблизи города. Для вырубki намечена роща Фуксмана, одна из красивейших окрестностей города» [3]. Поставку дров осуществляли городские организации, товарищества, благотворительные комитеты. Горожане могли сами организовывать кооперативы по заготовке дров для собственных нужд. Острая нехватка дров и порожденные ею самовольные вырубki леса отразились на облике города. «Томск обезлесивается в быстро увеличивающейся прогрессии, – писала «Сибирская жизнь». – Значительные площади леса вырублены, например, у

станции Томск-I. На днях особая комиссия осмотрела места порубок близ концентрационных лагерей. Было установлено, что военнопленными вырублено 169 погонных саженой берёзового леса».

Городское освещение также порождало ряд трудностей. Одна часть квартир освещалась электричеством, другая более традиционными средствами – свечами, керосином.

В начале августа 1918 г. постановлением городской думы были повышены тарифы на электроэнергию. Новые ставки для правительственных и муниципальных учреждений составили 82 коп., для частных лиц – 1 руб., а для банков, торговых и увеселительных заведений – 1 руб. 50 коп. за кВт/ч. Осенью того же года городская управа повысила плату за электроэнергию еще на 50% для частных лиц и правительственных учреждений, объясняя это стремлением стабилизировать ситуацию на городской электростанции.

За пользование электрической энергией устанавливалась оплата по счётчикам либо по количеству лампочек. Электрические лампочки являлись дорогим и дефицитным товаром. Появилась даже группа аферистов, занимавшаяся кражей лампочек: «По Томску за последнее время ходят лица, называющие себя монтажниками городской электрической станции. Они заходят в квартиры, где есть электрическое освещение, и под предлогом проверки установленных на улице коммутаторов, просят дать им электрическую лампочку. Доверчивые граждане из желания помочь мнимым монтажникам, обещающим через полчаса лампочку вернуть, исполняют просьбу, но обратно лампочки не получают. Необходимо электрической станции принять что-нибудь со своей стороны, так как самозванцы, пользуясь её именем, могут похищать не только лампочки, но и счётчики» [4].

Да и сами обыватели были не прочь попользоваться электрической энергией бесплатно, так как даже при использовании трех лампочек вынуждены были платить с каждой по 10 руб. в месяц. Так, «Голос Сибири» отмечал в январе 1919 г.: «При проверке электрических проводов и счётчиков замечено, что в некоторые дома берётся энергия без ведома электрической станции: проводят от ближайшего провода ветвь и, не имея счётчика, тратят энергии, сколько заблагорассудится. В некоторых квартирах обнаружено более 6-ти бесплатных лампочек» [5].

В то же время тарифы на электроэнергию не шли ни в какое сравнение со скачками цен на свечи и керосин. Поскольку спрос на свечи был у населения высок, спекулянты часто шли на различные уловки. Так, на рынках многих сибирских городов дефицитным товаром стало свиное сало, которое быстро скупил торговцы-спекулянты для переработки его в свечи. Для всех желающих в городах открывались курсы по отливке свечей. Например, следующее объявление предлагало: «Учись сам делать свечи. Предлагаем обучение и 2 вида лейки: выливать свечи стоит 20 руб., свечи с секретом особого состава – 40 руб.» [6]. В лавках стали появляться свечи со сроком горения от 10 до 15 часов.

Довольно частым явлением для города стали перебои с продовольствием, нередко связанные с кризисной ситуацией на железных дорогах. Уже летом 1918 г. вследствие закрытия дороги на Владивосток в Томске ощущался острый дефицит чая и сахара. В марте 1919 г. из-за остановки багажного движения на некоторых участках Томской железной дороги в городе возникла нехватка сливочного масла. Но продовольственные кризисы возникали не только из-за недостатка привозных продуктов, но и продуктов местного производства. Крестьяне весьма неохотно снабжали города продовольствием, так как в обмен им зачастую предлагали быстро обесценивающиеся деньги.

Серьезные трудности испытывали томичи и в снабжении промышленными товарами. Как отмечала «Сибирская жизнь»: «Цены на обувь столь высоки, что

многие малосостоятельные семьи не в силах её приобрести, а потому в городе начинает прививаться приготовление сапог и ботинок домашним способом, для чего кое-где даже открылись курсы по сапожничеству» [7]. Изготовление обуви, а также пошив одежды домашним способом в годы Гражданской войны стали таким обычным явлением, что в прессе даже говорилось о том, что сапожники и портные, лишившись части своего заработка, должны будут сократить расценки. В условиях товарного голода горожане вынуждены были обращаться к услугам старьевщиков и солдат, распродающих казённую одежду.

Особую остроту в годы Гражданской войны приобрел квартирный вопрос. В Томске ситуация отчасти усугублялась тем, что город обязан был не только расквартировывать находящиеся на его территории войска и принимать беженцев, но и обеспечить в течение учебного года жильём студентов. Вследствие этого не нашедшие себе пристанища студенты вынуждены были даже жить по нескольку дней на вокзале. При общем жилищном дефиците малообеспеченные горожане считали себя счастливыми, если им удавалось снять хотя бы угол. «Отсутствие в городе квартир и комнат в связи с наплывом беженцев, – сообщала «Народная газета», – вызвало усиленный спрос на так называемые углы. На окраинах города сдача углов с каждым днём практикуется всё шире и шире. Растёт, конечно, и цена на углы, сдающиеся теперь от 15 до 30 руб. в месяц» [8]. Люди посостоятельнее предлагали предприимчивым лицам, которые смогут подыскать им квартиру, деньги, продукты, ценные вещи. Но ни 500, ни даже 1000 руб. комиссионных не приносили часто никаких результатов. Беженцы создавали массу проблем: их наплыв вызывал рост цен на продукты, а также препятствовал работе железной дороги, что заставляло городские власти искать способы удаления части переселенцев в другие города или в сельскую местность. «За истёкший период в Томск прибыло 35 тыс. беженцев, – писала в августе 1919 г. «Надежда России», – на днях ожидается прибытие из Тобольска водой 9 тыс. Ижевских и Воткинских рабочих, прибыли Сарапульские кожевенные заводы. Особое совещание о беженцах выяснило возможность отправки ежедневно 1 тыс. человек маршрутными поездами прямо с пристани Черемошники Томской дороги на Восток. Уполномоченный по топливу предлагает беженцам-рабочим работы по разработке Судженских и Анджерских копей, а также строительные работы там же. Вследствие внезапного увеличения населения и реквизиции речного флота, подвозившего продовольствие в Томск, цены выросли... и Томску угрожает продовольственный кризис» [9]. Из-за отсутствия свободных помещений беженцы вынуждены были жить на баржах, в вагонах.

Коллизии Гражданской войны привели к изменению поведенческих стереотипов людей. Старая система социально интегрирующих мотиваций оказалась разрушена. Пресса тех лет фиксирует нарастание у людей усталости от войны, ощущения неуверенности в завтрашнем дне, потерянности, социальной незащищенности, что, в свою очередь, порождало чувство озлобленности на весь окружающий мир. В этих условиях доминирующим принципом поведения становится – «каждый сам за себя». Томские газеты с тревогой писали о возрастании случаев немотивированной жестокости, хулиганства. «Хулиганство, особенно в пьяном виде, – отмечала, в частности, «Сибирская жизнь», – настолько сильно укоренились в нашем городе, что к нему относятся как к явлению обыденному. Проявить свою злую волю, сделать вред другому, обругать встречного и поперечного – многим ничего не стоит, наоборот, в известной среде такие поступки даже одобряются» [10]. Отрицательная энергия, длительное время накапливавшаяся в людях под воздействием тяжелых бытовых условий и общей неустроенности, искала

свой выход, и зачастую она направлялась на более слабых (детей, стариков, домашних животных).

Человек, поставленный в экстремальные условия, постоянно находится в состоянии поиска своего рода «стратегий выживания». Это может проявляться в стремлении, с одной стороны, выжить, обеспечить максимально возможные в данной ситуации условия проживания, а с другой – избежать непосредственного участия в военных действиях, уклониться от выполнения государственных повинностей. Такое поведение было характерным для части городского населения в рассматриваемый период и нашло своё отражение в целом ряде критических статей, заметок и фельетонов. В данном случае интересы граждан и политического режима расходились и «белые» правительства при помощи прессы пытались добиться того, чтобы общественное мнение с осуждением воспринимало подобные явления.

Чувство неопределённости в конечном итоге порождало у населения нервные стрессы, депрессию, апатию, нервозность. Не случайно в этот период увлечение горожан магией, гаданием. Они готовы были верить самым абсурдным предсказаниям, если те отвечали их ожиданиям. «Во время войны развелось много гадалелей на картах, по линиям рук и пр. – сообщала газета «Сегодня», – а в нашем городе они свили себе целое гнездо. Достаточно пройти по некоторым улицам города, и вам бросятся в глаза таинственные вывески в виде 3 нарисованных игральных карт. Это значит: следует войти во двор и где-нибудь в подвальном углу искать притаившуюся гадалку. Любопытно отметить, что к гадалкам приходит много интеллигентных граждан, в особенности дам и барышень».

Фактически самоустранившись от решения насущных бытовых проблем, попустительствуя безудержному росту спекуляции, Российское правительство адмирала А.В. Колчака вольно или невольно вызывало недовольство горожан. С одной стороны, квартирный, продовольственный, топливный и иные вопросы возникли во многом не по вине белых правительств, а являлись закономерным следствием многолетней войны, социальных потрясений, разрушения политической и экономической инфраструктуры страны. В то же время отсутствие сколько-нибудь четкой программы преобразований и видимых улучшений лишь усугубляло ситуацию. Обозначенная правительством основная цель сводилась исключительно к достижению победы над большевиками. Однако при отсутствии сплочённого тыла не могло появиться той боеспособной и победоносной армии, о которой так мечтал Колчак. В условиях Гражданской войны любая бытовая проблема быстро трансформировалась в политическую. По существу, решался вопрос о доверии населения к политическому режиму и той социально-экономической модели, которую он предлагал. Население Советской России также испытывало многочисленные бытовые трудности. Однако большевикам удалось увлечь народные массы картиной светлого будущего, к которому они проведут их через все лишения, а белым – нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Народная газета* (Томск). 1919. 18 дек.
2. *Народная Сибирь* (Новониколаевск). 1918. 30 нояб.
3. *Надежда России* (Новониколаевск). 1919. 8 окт.
4. *Сибирская жизнь* (Томск). 1919. 20 янв.
5. *Голос Сибири* (Томск). 1919. 30 янв.
6. *Голос Сибири* (Томск). 1919. 17 дек.
7. *Сибирская жизнь* (Томск). 1919. 28 янв.
8. *Народная газета* (Томск). 1918. 11 нояб.
9. *Надежда России* (Новониколаевск). 1919. 2 авг.
10. *Сибирская жизнь* (Томск). 1919. 20 июля.

**ТРУДОВОЙ ВКЛАД В ПОБЕДУ
ЭВАКУИРОВАННОГО В ТОМСКУЮ ОБЛАСТЬ
ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1941 – 1945 гг.)**

Л.И. СНЕГИРЕВА

Война внесла коренные изменения в жизнь томичей. В июле 1941 г. в Томск стали прибывать первые эшелоны с эвакуированными. На 23 декабря 1941 г. город уже принял и разместил 29 заводов и фабрик, 15 учреждений, 9 учебных и научно-исследовательских институтов, 7 РУ и ФЗО, 7 госпиталей и 12 прочих организаций с общей численностью 34 949 чел. [1, л. 81 – 85]. Общее количество принятого томичами за годы войны эвакуированного населения составляло около 50 тыс. чел. [2, л. 160]¹.

Для размещения прибывших предприятий, учреждений, учебных заведений и эвакуированного населения, для развертывания госпиталей и размещения воинских частей было выделено 733 109 кв. м жилой площади [2, л. 160]. Для приема эвакуированных, разгрузки эшелонов мобилизовывался весь городской транспорт. Для оказания помощи больным и ослабленным создавались медицинские комиссии. Открывались новые столовые для прибывающего населения. Семьи с больными детьми получали питание через кухни прикорма, остро нуждающимся выдавалось единовременное денежное пособие. Эти выплаты за годы войны составили 58 000 руб. Кроме того, за это же время эвакуограждане получили промтоваров на сумму 154 490 руб., бесплатно 128 т картофеля, 134 т капусты, 112 т прочих овощей [2, л. 93, 109 – 110].

Вопросом трудоустройства эвакуированного населения занимались эвакуотдел горисполкома и городское бюро по учету и распределению рабочей силы. Большинство из прибывающих с предприятиями и учреждениями сразу же включались в работу. Сложнее было трудоустроить неорганизованно прибывшее население. Не без трудностей, но и эта задача решалась. За годы войны эвакуотделом и отделом по мобилизации горисполкома было трудоустроено 15 тыс. таких эвакуограждан, что составляло абсолютное большинство трудоспособных из них. В промышленность было направлено 10 255 чел., на железнодорожный и водный транспорт – 673, в строительные и лесосплавные организации – 521, предприятия связи – 94, в РУ и ФЗО – 2 239 чел., часть эвакуированных была направлена на сельскохозяйственные работы [2, л. 111].

На протяжении всех лет войны советские, партийные, профсоюзные организации города уделяли большое внимание улучшению условий жизни и труда эвакуированных. Отмечая это внимание и заботу, сотрудники Ленинградского филиала Всесоюзного института экспериментальной медицины им. А.М. Горького,

¹ Есть разные данные о количестве эвакуированного в Томск населения: 55 582 чел. плюс 8 358 детей [2, л. 110]; около 50 тыс. чел. [2, л. 160]; на 1 июня 1943 г. в Томске размещено было 41 723 чел. в т.ч. прибывших с предприятиями, организациями, учреждениями – 18 404, детей в составе детских учреждений – 8 358, прибывших в индивидуальном порядке – 14 961 чел. [3].

проведшие около 3 лет в г. Томске, писали впоследствии: «Мы с чувством глубокой благодарности отмечаем внимательное отношение к нашей группе советских, партийных и научных организаций города. Наш коллектив, возглавляемый академиком Заварзиным, встретил в Томске заботливое и теплое отношение, обеспечившее возможность плодотворной работы на благо Родины» [4].

«С чувством огромной благодарности мы вспоминаем, как нас приняли, как согрели своим сердечным теплом томичи, – писал в своих воспоминаниях артист I Белорусского Государственного драматического театра З.Ф. Стомма. – Партийные и советские организации сделали все, чтобы нас разместить, одеть (мы были очень легко одеты, по-летнему), накормить и дать возможность работать» [5, с. 198].

Вместе с томичами эвакуированные бок о бок трудились во имя Победы. Коллективы эвакуированных предприятий стали ядром, вокруг которого формировались новые томские заводы.

На базе двух заводов – Московского электролампового и Запруднинского стекольного родился Томский электроламповый завод¹. Среди тех, кто по приказу правительства в эвакуации создавал первый в Сибири электроламповый завод, были первый директор А.Т. Иванов, являвшийся для коллектива образцом бескорыстного служения делу; начальник производства И.Б. Гарцман, человек неугасимой и вдохновляющей инициативы; мастер металлозаготовительного цеха Е.Г. Могилевская, умевшая работать на всех технологических операциях, механик сборочного цеха И.Я. Демидов, первый наставник «мальчишек» (новых рабочих), ставших под его руководством настройщиками и слесарями, оператор А.И. Миронов, начальник смены стекольного цеха С.А. Голубев, воспитавший первоклассных выдувальщиков и операторов колбовых выдувных автоматов, и многие другие [5, с. 61]. Каждый из них сыграл свою незаменимую роль в скорейшем пуске завода и трудовом вкладе коллектива завода в Победу в целом.

Родине, как хлеб и боеприпасы, нужны были электрические лампы. Чтобы скорее дать их стране, была смонтирована и пущена во временную эксплуатацию первая сборочная линия. Монтажом ее руководил И.Я. Демидов. Одновременно круглосуточно достраивался корпус мединститута, где устанавливалось и монтировалось технологическое оборудование. 15 декабря 1941 г. была отправлена на фронт первая тысяча самолетных ламп.

Но ни один цех завода не мог работать без технологического газа, а для его получения необходим был газовый цех, который должен был включить в себя парокотельную, газогенераторную и водонасосную станции. Создание этого цеха стало главной задачей коллектива.

С нечеловеческим напряжением работала бригада монтажников газового цеха. Она находилась на казарменном положении – без права ухода домой. Душой бригады был слесарь Н.А. Федотов – москвич с МЭЛЗа. Он работал так, будто сражался на самом горячем участке фронта. Слова «нет», «невозможно» в его лексиконе отсутствовали. Все сложнейшие газовые, паровые и водяные коммуникации завода вышли из-под рук Н.А. Федотова. Весной 1943 г. коллективом завода был пущен первый газогенератор, в начале 1944 г. был сдан второй, а затем и третий. Завод получил возможность наращивать производство. За выполнение

¹ 24 сентября 1941 г. оборудование и 229 рабочих Московского электролампового завода прибыли в Томск. В конце 1941 г. эвакуировалась в Томск часть коллектива подмосковного стекольного завода из Запрудни [1, л. 29, 86]. В январе 1942 г. электроламповое и стекольное производство объединились и был создан «Томский электроламповый завод». Директором его стал Алексей Тимофеевич Иванов, бывший директор запрудненского завода, а главным инженером – Лев Григорьевич Ульмишек, бывший начальник производства Московского электролампового завода [5, с. 62, 63].

заданий правительства, за успехи во Всесоюзном социалистическом соревновании по итогам третьего квартала 1944 г. коллективу завода было присуждено переходящее Красное знамя ГКО и первая денежная премия. В этот победный для коллектива год было изготовлено 5 700 000 электроламп, почти в 5 раз больше, чем в 1942 г. [5, с. 62, 64 – 65].

Осенью 1941 г. и в начале 1942 г. несколькими эшелонами в Томск прибыло 130 семей (1050 чел.) с московским государственным подшипниковым заводом (ГПЗ-1), среди которых были: А.К. Фролов, П.И. Семенов, И.Т. Ситников и его супруга Александра Васильевна, Б.М. Беленький, И.Б. Аносов, Н.Е. Токарь, А.Е. Солдатов, А.Е. Сергунин, И.Д. Селиванов, А.А. Ильясов и многие другие.

Производство подшипников в корпусах бывшего военного городка требовало много электроэнергии. Двух маломощных подстанций не хватало. Пришлось строить отдельную воздушную линию на деревянных опорах до ТЭЦ-1, что и было сделано в предельно короткие сроки. Но и этого было недостаточно. Совместными силами красноармейцев стройбата и рабочих завода было построено центральное распределительное устройство с девятью распределительными камерами и двумя подстанциями. Для электроснабжения водонасосной станции на реке Ушайке в 1942 г. была построена воздушная ЛЭП, чуть позднее введены в строй подстанции в инструментальном, кузнечном и других цехах. Для строительства и обслуживания энергохозяйства был создан электроцех, в который вошли высоковольтный, монтажный, моторный участки и АТС. В числе первых электромонтеров ЭРЦ были москвичи Д.Г. Кулешов, М.В. Савостеня, Е.Г. Никитин, А.А. Двуреченский, Е.А. Иванов, Н. Фролов, Н. Кузнецов, Д.Ф. Карпухин, В.В. Андражиевский, И.А. Волкова, И.А. Солдатов. Рядом с москвичами работали молодые рабочие – бывшие учащиеся эвакуированных с Украины ремесленных училищ – А.П. Дремощенко, Н.И. Радченко, Чуприна, П. Пухирь [1, л. 86 – 87; 6, с. 20 – 22].

Работа основного производства во многом зависела от инструментальщиков. Первым начальником инструментального цеха на Томской земле стал бывший руководитель экспериментального цеха ГПЗ-1 Николай Сергеевич Круглов, ядро коллектива составили москвичи Н.Е. Токарь, В.М. Полукаров, В. Чуфаров, А.А. Гудков, Т. Кулагин, Б.М. Беленький, В. Фролов, А. Закройщиков, Л.Б. Майзляина. Коллектив завода трудился в две смены без отпусков и выходных, по 12 и более часов находясь в промерзших цехах. В двадцатых числах ноября 1941 г. был собран первый томский подшипник. Коллектив ГПЗ-5 вступил в новую фазу своего развития. К концу декабря 1941 г. страна получила 30 200 подшипников, собранных на томской земле [6, с. 22 – 24].

Нелегким был и 1942 г. Производство расширялось, требовались квалифицированные кадры. Контингент рабочих пополнялся за счет женщин и подростков, воспитанников Одесского, Винницкого и других эвакуированных ремесленных училищ, из которых на заводе выросли такие замечательные работники, ставшие неотъемлемой частью и гордостью коллектива, как В. Колесник, В. Черкасский, В. Кузин, П. Бронский, Н. Завгородний, В. Притула, Н. Варнавская, О. Банникова, Н. Горбуля, Н. Радченко, Н. Кучеренко, Е. Болтовский и многие другие.

В конце 1942 г. на завод пришла радостная весть. Указом Президиума Верховного Совета СССР за ввод предприятия в строй действующих, за успехи в труде, группа работников завода награждена была высокими правительственными наградами. Орден Ленина получила шлифовщица Т.В. Мельникова, орденом «Знак Почета» награждены наладчик А.М. Кауров, зам. начальника цеха И.М. Мосин, главный инженер С.В. Пинегин и другие.

Т.В. Мельникова в первое время на томской земле выполняла полторы нормы в смену, а затем увеличила выработку до 6 норм. Она руководила стахановской школой молодых рабочих завода, передавая им свой опыт. Орден Ленина был вручен ей 1 марта 1943 г. на первом съезде женщин – передовиков производства (съезд проходил в г. Новосибирске в большом зале тогда еще недостроенного театра оперы и балета). В своем выступлении Т.В. Мельникова взяла обязательство выполнять в смену 7 норм и призвала всех женщин давать фронту столько продукции, сколько он требует [7].

За первый полный год работы на Томской земле, коллектив ГПЗ-5 выпустил подшипников различного назначения почти на 2 млн руб., освоив 48 типоразмеров. В 1944 г. выпуск подшипников достиг 2 млн 668 тыс. штук [6, с. 24 – 27].

С огромным напряжением сил работали и другие коллективы эвакуированных в Томск предприятий. Так, электромоторному заводу был установлен срок пуска завода – 15 октября 1941 г., (т.е. два месяца) со дня его прибытия в город. Основные трудности заключались в отсутствии рабочей силы, материалов и транспорта. С первых же дней прибывшие с заводом эвакуированные кадры, работая без спецодежды, в своих городских костюмах, ботинках, перевыполняли нормы строительных рабочих в 2 – 3 раза. Особо отличались бригады Дорогановой, Яковлевой, Жемчужиной, Конькова, Степанова [8].

На заводе «Фрезер» одной из лучших (из 62 комсомольско-молодежных бригад) была комсомольско-молодежная бригада токарей Анны Яковлевны Будановой, до войны работавшей токарем на автомобильном заводе в Москве.

В феврале 1944 г. в период соцсоревнования в честь XXVI годовщины Красной армии, бригада А.Я. Будановой завоевала звание Гвардейской. При контрольных цифрах (для получения звания Гвардейской комсомольско-молодежной бригады) 350% выполнения норм выработки – бригада А.Я. Будановой выполнила: в феврале – 511%, в марте – 411%, в апреле – 413%, в мае – 427 % [9, с. 327 – 328].

Большую помощь коллективам эвакуированных заводов оказывали ученые города, среди которых было немало и эвакуированных. Директор томского завода режущих инструментов («Фрезер») И.С. Блохин в письме от 25 октября 1942 г. Наркомунстанкостроения СССР отмечал самоотверженную работу коллектива филиала Мосстанкина в Томске. Несмотря на малочисленность профессорско-преподавательского состава специальных кафедр филиала, конструкторское бюро под руководством профессора Н.С. Ачеркана за пять месяцев своей работы закончило и сдало заводу ряд оригинальных проектов по модернизации существующего парка станков. Специальная бригада под руководством профессора Б.Л. Богуславского работала над вопросом повышения режима токарных, фрезерных и шлифовальных станков. Под руководством профессора И.Е. Городецкого филиалом была проведена работа по ремонту и восстановлению измерительного инструмента, по контролю и оснастке инструментального хозяйства, по паспортизации, пересмотру технологических процессов, а профессорско-преподавательским составом в целом велись систематические консультации по техническим вопросам, возникающих в ходе оперативной работы завода. На завод было направлено 150 студентов МЭИИТа, которые работали непосредственно у станков, помогая заводу по выполнению производственной программы.

Всю работу по оказанию конкретной помощи заводу «Фрезер» и другим заводам непосредственно возглавлял директор филиала доцент Ж.З. Бейлин [9, с. 173 – 175].

Говоря о помощи эвакуированных ученых производству, нельзя не отметить их роль в обосновании внедрения в промышленность лунинских методов. Инициаторами этого почина стали научные работники эвакуированного в Томск Московского электромеханического института инженеров железнодорожного транс-

порта им. Ф.Э. Дзержинского (МЭМИИТа), которые 16 апреля 1942 г. обратились в Томский горком партии с предложением развернуть работу по внедрению лунинских методов в промышленность города и получили поддержку [9, с. 132 – 133]. Ученые МЭМИИТа во главе с его начальником Н.Ф. Бочаровым стали главными помощниками партийных, советских и хозяйственных организаций города по превращению этой идеи в жизнь.

14 – 15 июня 1942 г. была проведена Первая конференция лунинцев в промышленности, подготовленная штабом при горкоме партии с участием ученых МЭМИИТа, сыгравшая большую роль в дальнейшем развертывании лунинского движения. Новосибирский обком партии одобрил мероприятия Томского горкома ВКП (б) по развитию лунинского движения в промышленности и старался перенести этот опыт томичей на все предприятия области.

Редакция газеты «Красное знамя» и городское радиовещание получали многочисленные запросы от центральных учреждений с просьбой выслать все материалы об опыте внедрения лунинских методов в промышленность. По существу томичи первыми в СССР в годы войны внедрили эти методы в промышленность и провели Первую конференцию лунинцев. Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР специальным приказом от 6 мая 1942 г. также одобрил инициативу ученых МЭМИИТа. Вузам предлагалось совместно с партийными и общественными организациями оказывать систематическую помощь местным производственным и транспортным предприятиям в деле развития стахановского и лунинского движения [10].

Свой вклад в дело Победы внесли и эвакуированные работники культуры, в частности 1 Белорусский государственный драматический театр. Прибывший в Томск без всякого сценического оформления, опираясь на помощь, оказываемую коллективу городскими органами власти, театр в эвакуации творчески окреп и поднялся на еще более высокую идейно-художественную ступень. В Томске театр восстановил 11 своих старых и поставил 13 новых спектаклей, отражающих борьбу народов Советского Союза с немецкими захватчиками и представляющих русскую и зарубежную классику.

На томской сцене шли пьесы «Русские люди» и «Парень из нашего города» К. Симонова, «Крылатое племя» А. Первенцева, «Душа Москвы» Л. Никулина, «Фронт» Корнейчука, «Продолжение следует» А. Бруштейн, «Урок жизни» В.Г. Головчинера, «Партизаны» и «Кто смеётся последним» К. Крапивы, «Поздняя любовь» А. Островского, «Собака на сене» Лопе-де-Вега, «Павлинка» и «Примаки» Я. Купалы и др. [11, л. 27; 5, с. 199]. Даже простое перечисление пьес говорит о том, чем жил коллектив театра, что он нес зрителю. Это были в основном «военные» пьесы высокого героико-патриотического накала, звавшие на подвиг, пробуждавшие святую ненависть к врагу. Всего театром в Томске за период эвакуации было поставлено 870 спектаклей. Их просмотрело 747 тыс. человек.

Неотъемлемой частью деятельности коллектива театра была широкая общественная работа. Летом 1943 г. концертная бригада театра совершила двухмесячную поездку по Нарыму, обслужив тысячи трудящихся. Другая бригада артистов была направлена на Калининский фронт, а когда была освобождена Гомельская область Белоруссии, группа артистов театра весной 1944 г. выезжала с концертами в родные места. Всего театр дал 216 шефских спектаклей и концертов госпиталям, воинским частям, колхозникам, оказывал творческую помощь красноармейской, городской и детской художественной самодеятельности [12].

Томичи полюбили и высоко оценили деятельность коллектива 1 Белорусского орденосного драматического театра. 31 мая 1944 г. на объединенном заседании Томского горисполкома и бюро горкома ВКП (б) был отмечен большой вклад

коллектива в художественное воспитание населения, 30 работников театра были награждены Почетными грамотами городского Совета. Среди награжденных были: директор театра Ф.Х. Аллер, художественный руководитель лауреат Сталинской премии, народный артист БССР Г.П. Глебов, режиссеры Е.А. Минович, Л.Н. Литвинов, главные художники И.М. Ушаков и Б.Е. Малкин, зав. литературной частью Е.С. Романович, народные артисты БССР Г.Ю. Григонис, И.Ф. Жданович, В.И. Владимирский, Л.И. Ржецкая, заслуженные артисты БССР Б.В. Платонов, С.С. Бирилло, И.Б. Шатилло, Р.Н. Кошельникова, С.К. Станюта, В.Н. Дедюшко, В.Н. Полло, О.В. Галина, Б.К. Кудрявцев, артисты П.А. Пекур, Т.М. Шашалевич, Л.П. Шинко, Б.З. Ямпольский и др., заслуженно пользовавшиеся у томичей большим уважением и симпатией [11, л. 27; 12].

В связи с предстоящей реэвакуацией театра по решению горисполкома и бюро горкома ВКП (б) в августе 1944 г. коллективу был вручен Почетный адрес от общественных, партийных, советских организаций и трудящихся города, в котором говорилось: «Провожая Вас на Родину, трудящиеся Томска благодарят Вас за Ваши спектакли. Они помогали нам в труде и вселяли в нас бодрость и веру в то, что фашистская гадина будет уничтожена... Счастливого пути, дорогие товарищи – белорусы!» [13].

Большую работу среди трудящихся Нарымского края в годы войны вел коллектив эвакуированного из Украины театра им. Шевченко. Этот театр проработал в г. Колпашево один год и показал замечательный репертуар оборонной тематики, украинской классики и фольклора, который неподдельно волновал зрителя. Коллектив вел также большую общественную работу. Решением исполнительного комитета Нарымского окружного Совета депутатов трудящихся от 20 июля 1943 г. коллективу театра была объявлена благодарность, большая группа работников театра была отмечена персонально, среди них: А.В. Лучицкая, С.М. Слуцкий, Н.А. Расцветалова, К.О. Данич, И.К. Бровченко, Н.Ф. Нестерова, Г.М. Лазарева, директор театра С.Г. Колчинский, зав. художественной частью Н.З. Осипенко, З.И. Толстогоградская, В.А. Белоусова, В.И. Кречет, Г.И. Данилевский, Д.П. Иваницкий, В.Ф. Гося, Я.А. Склярский и др. [14].

Таким образом, в условиях войны бок о бок с томичами трудились тысячи эвакуированных, приближая великую Победу.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 7. Д. 6.
2. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 834.
3. ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 280. Л. 31
4. Красное знамя. 1945. 6 мая.
5. «Все для фронта, все для Победы»: Сборник воспоминаний тружеников тыла. Новосибирск, 1985.
6. О людях с чистой совестью. Из истории группы томских заводов. М., 1992.
7. ГАТО. Ф. П-4. Оп. 71. Д. 202. Л. 40 – 93: (Стенограмма I областного съезда женщин передовиков промышленности и сельского хозяйства Новосибирской области).
8. Из истории земли Томской: Сборник документов. Новосибирск, 1981. Вып. 1. С. 97.
9. Томская городская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945): Сборник документов. Томск, 1962.
10. Петрова Т.Н. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Томск, 1968. С. 104 – 107.
11. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 7. Д. 10.
12. ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 323. Л. 10.
13. ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 378. Л. 13.
14. ГАТО. Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 913. Л. 1.

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
ТОМСКИХ ВУЗОВ С ПРОМЫШЛЕННЫМИ
ПРЕДПРИЯТИЯМИ ГОРОДА
В КОНЦЕ 50-х – НАЧАЛЕ 80-х гг. XX в.**

А.Н. ПЕРШИКОВ

Повышение эффективности современной экономики всецело связаны с развитием инновационных процессов, с развитием и внедрением новой техники, передовой технологии. В этой связи возникает практическая потребность изучения и обобщения опыта прошлых лет по укреплению связи вузовской науки с производством. Постановка данной проблемы диктуется также назревшими теоретическими задачами наших дней, в том числе и такой важной задачей, как переосмысление советского периода отечественной истории на микро- и макроуровнях.

Во второй половине 1950-х гг., когда в СССР была предпринята попытка ускорения научно-технического прогресса и усилилось освоение восточных регионов страны (прежде всего, за счет предприятий оборонного назначения), реальный сектор экономики сибирских городов, в том числе и г. Томска, стал изменяться. Создавались новые высокотехнологичные предприятия (завод математических машин, приборный и радиотехнический заводы), модернизировались, оснащались новой техникой ранее действовавшие предприятия («Томкабель», «Сибэлектромотор», ГПЗ-5 и др.). На предприятиях машиностроения и металлообработки в 1970-е – первой половине 1980-х было обновлено более 400 тыс. единиц оборудования [1].

Происходившие изменения в промышленности весьма остро поставили проблему укрепления связи науки с производством, изменения вузовской структуры. В Томском государственном университете, в Томском политехническом институте открылись новые факультеты, кафедры, обеспечивающие подготовку специалистов в соответствии с требованиями научно-технического прогресса. В политехническом институте появились новые специальности «Автоматизация и комплексная механизация машиностроительного производства», «Физика твердого тела», «Бионика», «Промышленная электроника». В 1962 г. на базе радиотехнического факультета Томского политехнического института был создан Томский институт радиоэлектроники и электронной техники (ТИРиЭТ), впоследствии преобразованный в институт автоматизированных систем управления и радиоэлектроники (ТИАСУР) [2].

Преобразования в структуре вузов, с одной стороны, модернизация и наращивание производственных мощностей промышленных предприятий – с другой, потребовали поиска путей развития их научно-технического сотрудничества. Как прежде, особо важная роль в решении этой проблемы отводилась научно-техническим обществам. На рубеже 1950 – 1960-х гг., в условиях либерализации советской системы и ускорения научно-технического прогресса, они претерпели определенные изменения. Научные инженерно-технические общества были преобразованы в научно-технические общества (НТО) по отраслям производства. По новой структуре на промышленных предприятиях города и области было создано

95 первичных организаций НТО, насчитывающих в своем составе более 3 тыс. человек. Координирующим органом стал областной совет НТО, состоявший из ведущих ученых и специалистов. За 1959 – 1961 гг. силами научно-технических обществ в городе и области было проведено около ста конференций, совещаний, дискуссий. На конференциях и совещаниях рассматривались вопросы совершенствования техники и технологии промышленного производства, а также перспективы развития предприятий. К их работе часто привлекались ученые вузов, академических институтов. В 1959 г. областной совет НТО провел конференцию на тему «Комплексная механизация и автоматизация производственных процессов на промышленных предприятиях города». В работе конференции приняли участие 600 человек, в том числе 175 научных работников. Среди них были профессор А.П. Казачек, доцент С.С. Воробейчиков и другие. Подобного рода конференции, совещания укрепляли связь науки с производством, содействовали изысканию и принятию необходимых практических рекомендаций. Так, в результате реализации мероприятий, намеченных на вышеуказанных конференциях, на заводах «Томкабель», «Сибэлектромотор» были изысканы и введены в действие крупные внутренние резервы повышения производительности труда [3].

Но, как показывают документы, большие возможности научно-технических обществ использовались в те годы не в полной мере. Во-первых, их деятельность всецело регламентировалась и направлялась партийными органами, которые видели в научно-технических сообществах не столько элитные объединения инженерно-технической интеллигенции, сколько массовые организации трудящихся. Такой подход приводил к тому, что деятельность научно-технических обществ ограничивалась решением текущих производственных задач, ликвидацией «узких мест» в работе предприятий, зачастую сводилась к проведению различного рода конкурсов, смотров и других массово-политических мероприятий. Во-вторых, многие из практических рекомендаций и предложений, получивших широкое признание и рекомендованных к внедрению, не претворялись в жизнь. Их внедрение всецело находилось в компетенции хозяйственных руководителей, а они далеко не всегда проявляли к этому интерес, поскольку действовавшая в те годы экономическая система делала крайне невыгодным внедрение нововведений. Чем они были сложнее и масштабнее, тем выше становилась степень риска для хозяйственного руководителя. Чтобы внедрить технические новшества, необходимо было нарушить производственный ритм, отступить от плановых заданий, изыскать дополнительные средства, которые не всегда удавалось своевременно возместить. Нередко технические и технологические новшества и усовершенствования вели к снижению себестоимости продукции, что предприятиям было экономически невыгодно, ибо работа их оценивалась в основном по количественным показателям. Поэтому руководители предприятий и ведомств, боясь срыва плановых заданий, лишних затрат и перестройки технологических процессов, не проявляли особой заботы о внедрении рекомендаций научно-технических обществ. Вводились в основном те новшества и усовершенствования, которые не требовали больших затрат, длительной остановки цехов и производственных участков. Бюрократизм хозяйственных руководителей отрицательно сказывался на работе научно-технических обществ, снижал интерес к ним со стороны ученых и инженерно-технических работников. Поэтому не случайно, что постепенно работа некоторых отраслевых советов НТО стала приобретать формальный характер, ограничиваться проведением различного рода заседаний, конкурсов, смотров.

Но были и другие причины снижения эффективности НТО. Начиная с 1960-х гг. внедряется и получает распространение практика заключения хозяйственных договоров между руководителями предприятий и вузов. Это явилось важным шагом в деле

укрепления связи вузовской науки с производством. Научно-техническое сотрудничество высших учебных заведений и промышленных предприятий города приобрело стабильный характер. Под него подводилась определенная финансовая и правовая основа. Вузы, кафедры, научные лаборатории получили возможность за счет хозяйственных средств расширять экспериментальную базу, осуществлять материальное стимулирование научных исследований.

На основании хозяйственных договоров разрабатывались и решались многие сложные и важные технические и технологические проблемы промышленных предприятий города. По заказу электролампового завода ученые ТГУ и ТПИ разработали новые газопоглотительные материалы, продлевающие сроки эксплуатации электрических ламп. Только в ТПИ в одном 1970 г. было выполнено для Томска и области 10% хозяйственных работ стоимостью 3 млн руб. [4, с. 271]. Наибольшее количество выполненных работ приходилось на машиностроительные и металлообрабатывающие заводы, на предприятия военно-промышленного комплекса, а позднее и на Томский нефтехимический комбинат. Большую работу по восстановлению и ремонту оборудования, воздуходувок, вентиляторов, смесителей проделали сотрудники кафедры прикладной механики Томского политехнического института: А.Е. Беляев, Ан-И-Кон, Г.П. Борисенко, В.Г. Горбенко, Ю.Л. Морозов, Б.А. Сериков [5].

Совершенно очевидно, что как расширение и модернизация действовавших предприятий, так и освоение новых произведенных объектов осуществлялись при активном и непосредственном участии томских вузов. На некоторых промышленных предприятиях города, таких как завод «Сибэлектромотор», приборный завод, создавались филиалы кафедр Томского политехнического института, Томского института радиоэлектроники и электронной техники. Они превращались в своеобразные научно-производственные центры, где проводились семинары, конференции, рассматривались назревшие производственно-технические проблемы промышленных предприятий и высказывались предложения по их решению. Неоднократно на таких семинарах и конференциях выступали профессора Томского политехнического института Э.К. Стрельбицкий, Ю.П. Похолков, Г.А. Сипайлов. По инициативе и при непосредственном участии профессоров Э.К. Стрельбицкого, Ю.П. Похолкова были проведены исследования надежности отдельных элементов электродвигателей, разработана и внедрена новая методика расчета их прочности [6].

К разработке и практическому решению производственно-технических проблем промышленных предприятий города привлекались также студенты томских вузов. Это проблема решалась как за счет филиалов вузовских кафедр, хозяйственных и других общих форм научно-технического сотрудничества, так и с помощью специфических форм привлечения студенческой молодежи к изысканию технических и технологических новшеств и усовершенствований. Происходившие в те годы изменения в промышленности страны и города, в самой вузовской среде не могли не оказывать влияния на научно-техническую деятельность молодежи. Она характеризуется, с одной стороны, дальнейшим совершенствованием таких традиционных форм, как научные кружки и студенческие конференции, а с другой – возникновением новых форм, отличавшихся конкретностью и целенаправленностью, относительно высокой эффективностью практического действия. В начале 1970-х гг. по инициативе студентов, специализировавшихся на кафедре «Оптимизация систем управления» Томского политехнического института возникло творческое объединение «Система» из 70 человек, которые занимались активным научным поиском. На кафедре «Гироскопические приборы и устройства» того же института студенты создали объединение под названием, «НИРС на предпри-

ятии» [4, с. 281 – 282]. Таким путем они участвовали в автоматизации технологических процессов, проводимых НИИ технологии и приборостроения на предприятиях г. Томска. Однако, как правило, такие новаторские творческие объединения молодежи возникали и действовали в тех вузах, на тех факультетах и на тех кафедрах, где сложились тесные и длительные связи с промышленными предприятиями города, где имелись научные школы и традиции, где их участники получали своевременную поддержку и действенную помощь со стороны ученых, где была творческая, научная атмосфера.

Несмотря на взаимовыгодность и на очевидную практическую значимость, научно-техническое сотрудничество вузов и промышленных предприятий города во второй половине 1980-х гг. прекратилось. Предприятия, оказавшись в трудном экономическом положении, стали не в состоянии финансировать научные разработки, обеспечивать их внедрение. Преодоление кризисной ситуации в промышленности потребует её модернизации, а следовательно, привлечения и широкого использования научного потенциала вузов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Томск. История города от основания до наших дней.* Томск, 1999. С. 340.
2. *Петрик В.В.* Развитие сети высшей технической школы Сибири в конце 50-х – начале 90-х гг. XX в. // *Известия Томского политехнического университета.* Вып. 7. Сибирь в евроазиатском пространстве. Томск, 2002. С. 139 – 140.
3. *ЦДНИТО.* Ф. 1653. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 – 3.
4. *Томский политехнический университет 1896 – 1996: Исторический очерк.* Томск, 1996.
5. *Машиностроительный факультет – ровесник века.* Томск, 1996. С. 37 – 38.
6. *Политехники родному Томску.* Томск, 2001. С. 120 – 121.

**РОЛЬ ОРГАНОВ КОНТРОЛЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ
В РЕШЕНИИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ
НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1970-е ГОДЫ**

В.А. ЧЁРНЫЙ

За годы восьмой пятилетки на территории Тюменской и Томской областей появилась новая отрасль – нефтедобывающая промышленность, создавалась газовая. На 1971 – 1975 гг. предусматривалось резкое увеличение объема нефти, добываемой в Западной Сибири. Если за восьмую пятилетку Тюменская область поставила 68 млн т, то к концу пятилетки объем добычи должен был вырасти до 110 – 120 млн т [1], в Томской области соответственно с 5,5 до 33 млн т нефти [2].

Для выполнения этого плана предстояло развернуть поисковые и разведочные работы на нефть и газ. В 1970 г. партийные комитеты Тюменской и Томской областей определили конкретные меры по реализации постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 11 декабря 1969 г. «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» [3].

В феврале – марте 1971 г. в Тюмени и Томске прошли областные партийные конференции. На них секретари обкомов КПСС Б.Е. Щербина и Е.К. Лигачев обратили внимание на тревожное положение, сложившееся в геологоразведочных организациях нефтегазового комплекса. Именно от этих организаций зависело дальнейшее развитие нефтегазовой промышленности Западной Сибири, но здесь из года в год снижалась скорость проходки, росла аварийность при бурении скважин [4].

Ориентиром для тюменских нефтяников в начале девятой пятилетки стала норма проходки 80 – 100 тыс. м в год разведочных скважин на одну буровую бригаду. Передовые коллективы были близки к этому рубежу. Однако, как отмечал Ханты-Мансийский окружной КНК, был слишком велик разрыв между достижениями передовых коллективов и показателями бригад, которые занимали последние места в объединении «Запсибурнефть».

В выступлении первого секретаря Томского обкома КПСС Е.К. Лигачева в областной печати в июне 1972 г. говорилось о крупных недостатках в работе томских геологоразведчиков и буровиков: не выполнялись планы проходки глубоких скважин; допускались аварии; простои на буровых; не сокращалось время, затрачиваемое на переход с законченной скважины на новую буровую и т.п. [5]

Народные контролеры нефтегазового комплекса Западной Сибири трудились в особых условиях, которые усложняли выполнение функций. Речь идет о сложных и суровых природно-климатических условиях, на которые накладывалась еще и обстановка вопиющей бесхозяйственности, беззаботности и рвачества, характерная для районов нового освоения. Так, в Правдинской нефтеразведочной экспедиции, располагавшейся в п. Горноправдинске Тюменской области, ближайшая буровая находилась в 120 км от поселка, а дальняя – более чем за 300 км. Часть материалов для геологических работ привозили в навигацию баржами. Зимой и в период распутицы – только вертолетом. Нетрудно представить, какую ценность в этой таежной глуши представлял каждый метр труб, тонны цемента или горючего. И здесь нужен был глаз контролеров.

Настоящим бичом нефтеразведочных экспедиций комплекса стали аварии. Высокая аварийность была характерна не только для Васюганской экспедиции, но и для Томского геологического управления в целом. Этим вопросом в октябре 1973 г. занялось бюро Томского обкома КПСС. Безрадостную картину нарисовал в своем выступлении на пленуме Александровского обкома КПСС зав. отделом нефтяной и газовой промышленности и геологии Томского обкома КПСС Н.И. Воронков [6].

Порочная практика некоторых контрольных органов замалчивать глубину проблем в работе предприятий и организаций нефтегазового комплекса Западной Сибири приводила к тому, что просчеты и упущения оставались не решенными годами и десятилетиями. Обратимся к конкретным фактам.

Тревожная ситуация сложилась в первые годы девятой пятилетки в Каргасокской нефтеразведочной экспедиции: себестоимость проходки значительно превышала плановую, не велась борьба с бесхозяйственностью. Народные контролеры, зная об этом, не проявили инициативы, настойчивости и последовательности в устранении этих серьезных недостатков в работе предприятия и его руководителей [7].

Перейдем непосредственно к анализу использования фонда эксплуатационных скважин. В этом деле имелись крупные недостатки. Так, на Советском нефтяном месторождении нефтегазодобывающего управления «Томскнефть» к октябрю 1974 г. число бездействующих скважин превысило норматив более чем в три раза, т.е. составило 15,3 % вместо 5 % по норме. В управлении был плохо налажен почасовой учет простых скважин. Согласно материалам проверки, проведенной Томским областным КНК в октябре 1974 г., Стрежевским управлением буровых работ в нарушение действующих правил было сдано 10 некачественных скважин. Трест «Томскнефтьстрой» не обеспечил к 1 октября 1974 г. перевод 12 скважин, вышедших из бурения, на насосный способ эксплуатации. По подсчетам контролеров, потенциальные потери нефти из бездействующих скважин составляли приблизительно 700 т в сутки [8, л. 254].

Главными причинами сложившейся ситуации явились: отсутствие дорог и вездеходного транспорта, несвоевременная подготовка ремонтной службы управления «Томскнефть» к массовому переходу на механизированную добычу, медленное обустройство трестом «Томскгазстрой» месторождения и др. [8, л. 255]. Томский областной КНК обратил внимание руководства управления «Томскнефть» на недостатки и обязал принять соответствующие меры [9]. В результате выполнения организационно-технических мероприятий фонд бездействующих скважин был значительно сокращен. На 1 января 1975 г. их стало 5,9 %, тогда как во время проверки в октябре 1974 г. было 15,3% [10].

Комитеты народного контроля Западно-Сибирского нефтегазового комплекса периодически осуществляли проверки использования фонда эксплуатационных скважин.

Для осуществления конкретных производственных задач требовалось выполнение ранее принятых решений. Именно такой подход был характерен для Александровского районного КНК: в августе 1975 г. он вновь рассмотрел выполнение постановления областного КНК от 10 декабря 1974 г. «О результатах использования эксплуатационных скважин на Советском месторождении НГДУ «Томскнефть». Такая практика работы комитета народного контроля способствовала наведению порядка в использовании фонда скважин. В 1975 г. в управлении провели значительную работу. По итогам первого полугодия число бездействующих скважин составляло уже 4,5% вместо плановых 5%. Судя по документам, в 1975 г. не было случаев сдачи и приема в эксплуатацию скважин, пробуренных с недоделками [11].

Девятую пятилетку Томское территориальное геологическое управление завершило с неудовлетворительными результатами: план по проходке скважин и приросту запасов нефти и газа не был выполнен, снизились объемы бурения, возросла стоимость одного метра проходки. Плохо работала самая крупная экспедиция – Васюганская. Томский областной КНК 17 марта 1976 г. рассмотрел результаты проверки выполнения постановления бюро Томского обкома КПСС по сокращению аварий в Васюганской НРЭ. Выводы были неутешительными: эта работа в экспедиции оставалась малоэффективной, и в результате в 1975 г. были допущены две сложные аварии, на ликвидацию которых затратили 3087 часов, что равнялось 46% потерь рабочего времени по всему геологоуправлению [12]. Васюганская НРЭ в 1975 г. не справилась с выполнением производственных планов. Прямые убытки из-за аварий составили 54,4 тыс. руб., дополнительные затраты на аренду авиатранспорта при ликвидации аварий – более 148 тыс. руб. Перерасходовали, естественно, фонды бурильных труб, цемента, дизтоплива и др.

Основными причинами срывов работы экспедиции, по мнению контролеров, стали нарушения технологии производства буровых работ, нарушения технологической, производственной и трудовой дисциплины, недостаточная квалификация исполнителей, отсутствие должного контроля за деятельностью основных служб со стороны администрации. Томский областной КНК, проанализировав результаты проверки, объявил выговор начальнику Васюганской НРЭ А.Д. Барышеву и главному инженеру экспедиции Б.И. Савельеву, обязал их принять необходимые меры [13]. Любопытно совпадение: в Васюганской экспедиции и партбюро неудовлетворительно направляло деятельность народных контролеров [14], по крайней мере, так утверждала районная пресса.

Следует отметить, что обращения контрольных органов не остались без внимания: в Васюганской экспедиции была проведена внушительная работа по снижению аварийности при бурении. Были разработаны и вручены исполнителям должностные инструкции, инструкции по выполнению ответственных работ. Регулярно стали составлять план по спуску обсадных колонн, усилили контроль за качеством обсадных и бурильных труб, обновили парк насосно-компрессорных труб для испытания скважин. В результате за первое полугодие 1976 г. пробурили сверх плана 130 м, ликвидировали отставание по скорости проходки, выработке в расчете на одного работающего, по приросту запасов нефти и газа. Во втором квартале в Васюганской экспедиции изжили аварийность в бурении и испытании скважин. Это позволило Томскому областному КНК уже 11 августа 1976 г. снять с контроля выполнение своего постановления от 17 марта 1976 г. [15].

Итак, на предприятиях Западно-Сибирского нефтегазового комплекса – в нефтеразведочных экспедициях, управлениях буровых работ, нефтегазодобывающих управлениях – усилия, предпринимаемые народными контролерами, администрацией и парторганами, дали некоторые положительные результаты в деле рационального использования фонда эксплуатационных скважин, ликвидации аварий. Но полностью решить поставленные задачи в 1971 – 1980 гг. не удалось. Основной причиной, как показывают документы, явилось то обстоятельство, что высокие партийные и государственные органы и структуры и, соответственно, администрация предприятий нефтегазового комплекса на местах стремились не столько к рациональному, хозяйскому использованию уже вовлеченных в хозяйственный оборот нефтяных и газовых месторождений, сколько к лихорадочному освоению все новых и новых месторождений, не считаясь при этом ни с какими затратами и потерями. Впрочем, это был характерный стиль «хозяйствования» в исследуемый период. Поэтому никакие обращения, рейды, сигналы народных контролеров не могли в принципе переломить ситуацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦДНИТО. Ф. 2044. Оп. 4. Д. 1. Л. 7.
2. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3942. Л. 43.
3. КПСС в резолюциях... М., 1972. Т. 10. С. 130 – 139.
4. Красное знамя. 1971. 20 февр.; Тюменская правда. 1971. 6 марта.
5. Красное знамя. 1972. 14 июля.
6. Пленум Александровского райкома КПСС, 23 окт. 1973 г. // ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 7. Д. 3942. Л. 137.
7. Северная правда. (Каргасок). 1973. 17 апр.
8. ГАТО. Ф. Р-1669. Оп. 1. Д. 612.
9. Красное знамя. 1974. 28 дек.
10. Отчет Томского обл. КНК за 1974 г. // ГАТО. Ф. Р-1669. Оп. 1. Д. 615. Л. 11.
11. Красное знамя. 1975. 28 окт.
12. ГАТО. Ф. Р-1669. Оп. 1. Д. 728. Л. 68.
13. Там же. Д. 683. Л. 4, 5.
14. Северная правда. 1976. 15 мая.
15. ГАТО. Ф. Р-1669. Оп. 1. Д. 737. Л. 31.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ТОМСКА

**ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ В ПРОЕКТАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ
ЛИБЕРАЛОВ ТОМСКА (1905 г.)**

О.А. ХАРУСЬ

Проблема реорганизации системы местного управления рассматривалась либералами как одна из центральных в социально-политическом реформировании России. Отправным пунктом их проектов государственного переустройства являлся тезис о единстве форм местной и центральной власти. Поясняя этот тезис на примерах из истории русского государственного права, профессор Томского университета кадет И.А. Малиновский в своих лекциях указывал: «Абсолютной монархии соответствует система бюрократической опеки в местном управлении, а народному представительству в верховном управлении соответствует система местного самоуправления». Логическим следствием этой констатации являлось признание того, что «насколько для развития местного самоуправления необходима реформа государственного строя, настолько для укрепления результатов последней необходимо развитие подлинного самоуправления» [1]. Аналогичное мнение отстаивал и профессор Томского университета, член кадетской партии Н.Я. Новомбергский, подчеркивавший: «Никакие декларации прав и конституционные хартии не выведут нашего отечества из переживаемого кризиса, если в основу преобразования не будет положена самая широкая реформа местного управления. Только в этой области нужно искать фундамента для обновления России, иначе народное представительство окажется висящим в воздухе» [2].

Приведенные высказывания идеологов либерализма в Сибири во многом объясняют реакцию их единомышленников на издание рескрипта 18 февраля 1905 г. о создании законосовещательного органа. С энтузиазмом откликнувшись на представленное рескриптом право подачи петиций «по вопросам усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния», либералы в качестве одного из основных направлений в разработке проектов политических реформ обозначили реорганизацию существовавшей системы городского управления.

Особенно отчетливо акцент на постановку проблем местного самоуправления прослеживался в проектах «усовершенствования государственного благоустройства». Отчасти, по-видимому, это было связано и с большей осведомленностью и компетентностью гласных в данных вопросах (по сравнению с проблемами общегосударственного масштаба), позволявшей перевести их постановку в плоскость практических требований, а также с непосредственной заинтересованностью членов городских дум во внесении изменений в действовавшее Городовое положение.

Основным направлением совершенствования системы городского управления, согласно проектам, должно было стать расширение прав и самостоятельности городских общин. Делегируя в марте 1905 г. своих представителей на Всероссийский съезд городских управлений, гласные Томской думы уполномочивали их, в частности, отстаивать следующее положение: «Городские общины должны быть самоуправляющимися в смысле самоопределения, самоизбрания и самообложения и должны широко ведать все местные нужды, как духовные, так и материальные, санитарно-образовательные, благоустройства, безопасности и т.д.» [3].

Стремясь к расширению самостоятельности и независимости городской дум, к созданию и закреплению правовых основ их деятельности, либералы настаивали на регламентации законом взаимоотношений органов местного самоуправления с государством и, соответственно, предусматривали ответственность как отдельных должностных лиц, так и городских коллегий в случае противозаконной деятельности только перед судом [3]. Дополнительным инструментом для укрепления статуса и расширения полномочий городской думы, по мнению гласных томской думы, могла стать демократизация системы городских выборов путем предоставления права голоса всем русским подданным – плательщикам основных городских налогов без различия пола, племени и вероисповедания, достигшим 25 лет, прожившим в городе не менее года и не ограниченным в правах по суду [3].

Предлагая соответствующие изменения в Городовом положении, гласные, вероятно, всерьез рассчитывали, что необходимые, на их взгляд, реформы будут санкционированы Государственной Думой в ближайшее же время. Свидетельством эйфорического состояния, в котором пребывали либералы перед созывом обещанного императором представительного учреждения, являлось, в частности, предложение группы гласных Томской думы (19 чел.) возбудить мотивированное ходатайство об отсрочке предстоявших в 1905 г. очередных городских выборов до решения вопроса о городской реформе в Государственной Думе. При этом выражалась уверенность, что его положительное решение последует уже в январе наступающего 1906 г. [4, л. 407, 409]. Аргументом в пользу отсрочки выборов служило заявленное либерально настроенными гласными намерение «воспользоваться услугами нового избирательного корпуса с участием в нем более широких классов населения, которые могут предъявить иные требования к своим избранникам, чем те, которые предъявлялись представителям существующего высокого имущественного избирательного ценза» [4, л. 409].

Однако подобные намерения разделялись далеко не всеми. Представитель правого фланга либеральной оппозиции И.Д. Сычев (впоследствии член томской октябристской организации) в выступлении на заседании думы выразил в адрес инициаторов отсрочки выборов подозрение в стремлении продлить полномочия в обход воли избирателей. Помимо этого, у консервативно настроенных либералов были возражения против идеи переноса городских выборов. Принцип легитимности, уважения к положительному (т.е. существующему) праву являлся для них приоритетным по отношению к любым реформистским устремлениям. Эти соображения четко сформулировал А.К. Завитков: «Пока существует закон, – хороший он или плохой, – ему необходимо подчиняться до тех пор, пока он не отменен... Баллотировка вопроса о возбуждении или невозбуждении ходатайства об отсрочке выборов равносильна баллотировке о подчинении или неподчинении существующему закону, а потому... незаконна» [4, л. 408]. К этому мнению присоединились А.Е. Кухтерин и А.И. Мисюрев¹. Таким образом, будущие октябристы продемонстрировали

¹ Впоследствии А.К. Завитков, А.Е. Кухтерин и А.И. Мисюрев вступили в октябристскую партию.

приверженность не только духу, но и букве классического либерализма, последовательно отстаивавшего идею отделения права от политики, нормативного и аксиологического приоритета закона над политической свободой. Их стремление к ограничению политики рамками закона было продиктовано осознанием необходимости предотвратить произвольное принятие политических решений и выливалось в представление о верховенстве закона как высшей ценности в системе принципов государственного устройства и гарантии действительной свободы человека.

Однако в начале XX в. подобные настроения воспринимались уже не только демократами, но и многими либералами как архаичные и ассоциировались с консерватизмом. Обострение общественного кризиса в России способствовало радикализации либеральной оппозиции. Проявлением этой тенденции стало принятие Томской городской думой большинством в 18 голосов против 13 (несмотря на возражения в духе призывов к соблюдению законности) постановления о возбуждении ходатайства об отсрочке выборов гласных на предстоящее четырехлетие до решения вопроса о городской реформе в Государственной Думе [4, л. 410].

Приведенные факты свидетельствуют, что решение проблемы реорганизации местного самоуправления на демократических основаниях либералы непосредственно связывали с проведением общеполитических преобразований. Реформа городского самоуправления представлялась им возможной только в рамках общегосударственного законодательства, на началах, определяемых в конституционном порядке. Тезис теоретиков либерализма об единстве форм местной и центральной власти встретил полное понимание и поддержку в среде либеральной оппозиции. Неслучайно, определив свой идеал городского самоуправления, либерально настроенные гласные Томска сошлись во мнении, что «существовать такая община может только в правильно организованном правовом государстве» [3, л. 114].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малиновский И.А.* Лекции по истории русского права. Томск, 1907. Вып. 2. С. 434, 437.
2. *Новомбергский Н.Я.* Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г. Томск, 1907. С. 1.
3. *Журнал* заседания городской Думы Томска 8 марта 1905 г. // ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2951. Л. 114; Ф. 233. Оп. 2. Д. 2837. Л. 10.
4. *Журнал* заседания городской Думы Томска 16 сентября 1905 г. // ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2591.

АНАРХИСТЫ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

С.В. МАКАРЧУК

Стараниями политических ссыльных идеи анархизма достаточно рано стали распространяться в Томской губернии, в частности, в Кузбассе. Согласно воспоминаниям известного анархиста-синдикалиста А.Н. Буйских, им уже в 1904 г. был создан кружок революционного синдикализма на Анжерских коях. Кружок состоял из рабочих, а его заседания чаще всего проходили в доме сапожника Юрченко. Вскоре Буйских переехал на станцию Тайга и продолжил анархистскую агитацию среди местных рабочих-железнодорожников. Заложенные им анархистские традиции вылились в создание в Тайге действенной группировки анархистов, имеющей в 1906 г. связи с красноярской группой анархистов и сумевшей поставить целую «фабрику» по изготовлению бомб [1; 2, с. 81, 86, 91]. Однако с отъездом наиболее активных анархистов Тайги в Красноярск деятельность тайгинской группы и вообще анархистское движение в Кузбассе ни в чем не проявлялось. Это еще раз показывает его очаговый, не массовый характер, а также решающую роль отдельных «выдающихся личностей» в движении. За счет этих личностей (в основном ссыльных) держались многие организации сибирских анархистов.

Группа анархистов-коммунистов в губернском Томске смогла организовать только летом 1907 г. Наряду с экспроприациями она уделяла внимание агитационно-пропагандистской работе. Особое значение придавалось пропаганде среди военных. Имеются сведения об участии члена группы А. Дзегановской в военной организации, руководимой Томским комитетом РСДРП [3]. В сентябре в городе распространялась отпечатанная на гектографе листовка Томской группы анархистов-коммунистов «Товарищи рабочие», призывающая к экспроприациям, террору, ликвидации частной собственности и государства, к установлению анархистской общины [4]. 20 октября анархистами было совершено нападение на казначея технологического института Саковнина. Одним из организаторов этой акции был студент Томского технологического института И. Добролюбов [5, с. 28]. К делу об убийстве Саковнина привлекался также член группы, студент Томского университета Г.И. Попов [6]. Озабоченные действиями группы Томское охранное отделение внедрило в нее своего агента Феофанова (конспиративная кличка – Краснов) [7]. Поступившая за ноябрь – декабрь сводка агентурных сведений указывает на нахождение под негласным наблюдением 14 членов Томской группы анархистов-коммунистов [8].

В ночь с 28 на 29 декабря 1907 г. группа анархистов-коммунистов в Томске была ликвидирована полицией [6]. Но отдельные члены ее не пострадали, в частности, осталась на свободе А. Дзегановская, которая в 1908 г. только «привлекалась к переписке» по делу группы [3]. 5 февраля 1908 г. был составлен протокол осмотра, произведенный при одном из обысков у анархистов Томска. Составлен-

ный подробнейшим образом с приведением обширных цитат из документов и переписки, он позволяет реконструировать не только практическую деятельность группы, но и ее идейное состояние [9]. Так в письме, направленном анархистам в г. Белосток, сообщается о предпринимаемых попытках к выступлению на общих митингах, организуемых в Томске эсерами и эсдеками. «Но должны признаться, товарищи, – с горечью констатируется в письме, – что в данном случае нам приходится нередко молчать, благодаря недостатку пособий по критической литературе в специальных вопросах». Из письма следует, что томские анархисты пытались организовать кружки по изучению основ своего учения, но и здесь они натолкнулись на недостаток литературы: «У нас большой недостаток в литературе для кружков, высылайте все, что будет можно». И товарищи одной из самых крупных и организованных анархистских групп России старались помочь томичам. В частности, при обыске найдены печатные воззвания Белостокской группы анархистов-коммунистов «Памяти павшего товарища». Найдено также воззвание «Товарищи рабочие», отпечатанное в типографии анархистов в Москве. Кроме того, обнаружена многочисленная социал-демократическая и эсеровская литература, подборки произведений П. Кропоткина, К. Каутского, В. Ленина.

Программные и тактические положения анархизма нашли отражение в запроколированном реферате и Манифесте группы. Реферат, по всей видимости, служил официальной Программой организации, так как к нему была приложена печать Томской группы анархистов-коммунистов. Он дает представление об анархистском понимании устройства гражданского общества в виде безвластных, самоуправляющихся общин-коммун. Реферат призывал к освобождению от любых форм власти – царской, религиозной, парламентской и даже коллективистской: «Освобождая человека от подчинения небу и земным царям, анархизм стремится к победе еще над тремя большими врагами: частной собственностью, коллективизмом и парламентаризмом, т.е. властью, от кого бы она не исходила». Анархисты резко противопоставляли общество граждан (народ) любым носителям политической, экономической, религиозной власти, видя единственным способом борьбы их экспроприацию. «Анархисты дают народу верное средство для осуществления своих планов и уничтожения собственности, – отмечалось в реферате, – это экспроприация – и экспроприация, которая должна простирается на все, что позволяет кому бы то ни было – банкирам, фабрикантам, землевладельцам – приписывать себе чужой труд». Экспроприация, по мнению анархистов, должна способствовать созданию подлинного гражданского общества, основанного на принципах всеобщего равенства и благоденствия: «Чтобы решить социальную проблему на счастье всех, есть только одно средство: изгнать революционным путем всякое правительство, экспроприировать революционным путем владельцев социальных богатств: предоставить все в распоряжение всех и сделать так, чтобы все силы, все способности, все добрые воли, существующие среди людей, действовали для удовлетворения потребностей всех». «Государство не только излишне, но и вредно...» – утверждал Манифест Томской группы анархистов-коммунистов. – Оно может быть уничтожено только революционным путем, причем невозможно разделить борьбу против государственной власти на 2 периода – вначале за политическую свободу, а затем – за осуществление коммунистического строя. Любые частичные реформы и «программы-минимумы» вредны, – заявлял Манифест. – Следует теперь же вести борьбу за непосредственное достижение сразу всех поставленных перед собой задач, а для этого «стремиться к устройству всеобщей забастовки в городах и деревнях, которая может послужить началом революции не только политической, но и коммунистической».

В протоколе зафиксированы факты нахождения у членов группы рецептов для изготовления бомб, а также описаний способов приготовления саморазрывных фугасов, запалов, ударных снарядов для бомб, бикфордова шнура. Некоторые содержащиеся в протоколе записи позволяют сделать вывод, что томские анархисты готовили «общий съезд сибирских анархистов». Отмечены наиболее активные члены группы: А. и С. Устюжанины, Н.Ю. Вайперман, М.Л. Гершенфельд, Ширман.

Группа завязала связи со ссыльными анархистами Нарыма, в котором существовала внепартийная колония политссыльных. Только в 1913 г. в департамент полиции поступили агентурные сведения о том, что «беспартийной организации среди ссыльных Нарымского края больше не существует, взамен ее образовались: две группы эсеров, одна группа эсдеков и одна группа анархистов-коммунистов» [10]. В самом Томске группа анархистов так и не смогла возродиться. Попытки ее воссоздания предпринимались во время студенческих волнений в Томске в конце 1910 – начале 1911 г. [5, с. 28]. В это же время под гласным надзором полиции «за принадлежность к Томской организации анархистов-коммунистов» состоял Ш.С. Богуславский [11]. В 1912 г. агентурным путем было перехвачено письмо из Томска, направленное М. Горькому в Италию от В.И. Анучина, проходившего в департаменте полиции по наблюдению за анархистами. Общественно-политическую жизнь Томска он характеризовал следующим образом: «ворчат кадеты», «областники отвлекают от реальной политики», а анархистов «преследует администрация и донимают эсдеки» [12]. В 1913 г. в Томске был арестован С. А. Гуманюк – беглый ссыльнокаторжанин Нерчинской каторги, проживавший в Томске нелегально под фамилиями Дерикчаянц, Мырзенко. Следствие установило, что он анархист-коммунист, осужденный еще в 1907 г. за вооруженное ограбление в Кишиневе и принадлежность к местной анархо-коммунистической группе [13]. В этом же году в Томске шло наблюдение за анархистом-коммунистом А. Даниловым, проживающим по подложному паспорту на имя М.М. Спирина [14]. По сведениям А.И. Беленца, отдельные анархисты имелись среди членов организованного социал-демократов в войсках в Томске Военно-социалистического союза [15].

За пределами губернского центра анархистское движение проявилось еще слабее. В январе 1908 г. поступили агентурные сведения о наличии Новониколаевской группы анархистов и имеющихся у нее взрывчатых веществах [16, л. 3]. Небольшая группа анархистов имела в Барнауле [17]. В 1908 г. в департамент полиции поступили сведения о том, что «для целей и нужд анархистов-коммунистов» в Барнауле была ограблена почта – при этом 2 анархиста погибли [16, л. 5]. Однако в дальнейшем сведения об этих группах не поступали. А с 1914 по 1917 г. в Барнауле и Новониколаевске, по сведениям А.А. Штырбула, мирно проживали по одному анархисту [2, с. 107]. Поодиночке в разных местах губернии проживали и вели сильную работу ссыльные анархисты. Колония ссыльных анархистов, по данным Э. Хазиахметова, имела в Колпашево [18]. В с. Тогур Томского уезда отбывал ссылку член Виленской группы анархистов-коммунистов, работавший в Виленской группе рабочих-террористов А. Аронович [16, л. 10]. В 1907 – 1908 гг. на Анжерских копиях продолжал вести пропаганду анархо-синдикалист А.Н. Буйских [2, с. 108].

Итак, всего на территории Томской губернии, исключая кружки ссыльных, анархистскую работу в межреволюционный период вели 3 группы (Томск, Новониколаевск, Барнаул). Наибольшей интенсивностью экспроприаторская и пропагандистская работа отличалась в начале периода. Вторая половина рассматриваемого десятилетия характеризуется лишь неорганизованными действиями одиночек.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буйских А.Н.* Революционные очерки. Из воспоминаний за 25 лет. Новосибирск, 1922. Кн. 1. С. 13.
2. *Штырбул А.А.* Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Ч. 1. 1900 – 1918. Омск, 1996.
3. *ГАРФ.* Ф. 102. ДП. ОО, 1913 г. Ед. хр. 9, ч. 25. Л. 4.
4. *Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т.* Томск, 1991. Т. 3. С. 86.
5. *Толочко А.П.* Непролетарские партии в Сибири. 1905 – февраль 1917 гг.: Учебное пособие. Омск, 1995.
6. *ГАРФ.* Ф. 102. ДП ОО, 1909 г. Ед. хр. 5, ч. 63. Л. 8.
7. *Матвеев М.* Студенты Сибири в революционном движении. Томск, 1966. С. 216.
8. *ГАРФ.* Ф. 102. ДП ОО, 1907 г. Ед. хр. 12, ч. 63, литера А. Л. 2 – 5.
9. *ГАНО.* Ф. 5. Оп. 2. Д. 341. Л. 1 – 4.
10. *ГАРФ.* Ф. 102. ДП ОО, 1913 г. Ед. хр. 9, ч. 82, литера Б. Л. 11.
11. *ГАРФ.* Ф. 102. ДП ОО, 1910 г. Ед. хр. 12, ч. 26. Л. 4.
12. *ГАРФ.* Ф. 102. ДП ОО, 1912 г. Ед. хр. 12, ч. 81, литера Б. Л. 8.
13. *ГАРФ.* Ф. 1913. ДП ОО, 1909 г. Ед. хр. 12, ч. 81. Л. 8.
14. *ГАРФ.* Ф. 1913. ДП ОО, 1909 г. Ед. хр. 12, ч. 81, литера Б. Л. 19.
15. *ЦДНИТО.* Ф. 4204. Оп. 4. Д. 740. Л. 64.
16. *ГАРФ.* Ф. 102. ДП ОО, 1908 г. Ед. хр. 12, ч. 65.
17. *Ноздрин Г.А.* Деятельность организаций мелкобуржуазных партий в сибирской деревне в 1907 – 1914 гг. // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 152.
18. *Хазиахметов Э.Н.* Сибирская политическая ссылка 1905 – 1917: облик, организации и революционные связи. Томск, 1978. С. 36.

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ
ГОРОЖАНОК ТОМСКА В КОНЦЕ XIX в.**

В.В. ВЕРХОТУРОВА

В годы, последовавшие за распадом Советского Союза, в гуманитарной науке возрос интерес к проблемам повседневности, появились исследования по проблемам бытовой культуры, образа жизни в различные эпохи, философскому осмыслению обыденности (тогда как для советского периода отечественной истории было характерно более пристальное внимание к макропроцессам, происходящим в обществе). Пришло понимание того, что из подробностей и мелочей быта, образа жизни, складывается устойчивая типологическая определенность, своеобразное «лицо» общества как такового. Ценность исследований быта в том, что он выступает «обратной стороной» общественного бытия [1].

При изучении проблем повседневности в науке все чаще на первый план выходят проблемы междисциплинарного характера. Создание схем повседневной истории зачастую позволяет исследователю включиться в диалог, например, лингвистики и других гуманитарных наук. Зачастую такой подход позволяет осуществить «прочтение» структур повседневности. Научные методы очень часто опираются именно на ту реальность, в которой находится сам исследователь, поэтому они неразрывно связаны между собой. Изучение повседневности позволяет взглянуть на систему культурного развития в ее эволюции [2].

Одним из инструментов, помогающих человеку ориентироваться в повседневных возникающих событиях, являются стереотипы. Так, по мнению Е.А. Азаровой, моральные гендерные стереотипы аккумулируют опыт поколений относительно должного и недолжного поведения мужчин и женщин, характерных для них черт характера и моральных качеств, относительно представлений о необходимых добродетелях, различающихся в зависимости от пола человека и т.д. Их усвоение происходит в рамках моральной социализации и включает в себя приобретение как устойчивых представлений о поведении в той или иной ситуации, устойчивых образов морального облика мужчин и женщин, так и моральных стереотипизированных норм. В результате постепенного усвоения моральных гендерных стереотипов человек начинает ориентироваться в сфере отношений между полами, у него формируются устойчивые представления не только об образах мужчины и женщины (характерных моральных качествах и т.д.), но и о тех ролях, которые они должны играть в обществе [3].

В процессе познания из окружающего мира вычленяются и именуется предметы, свойства, процессы не только реальных, но и духовных миров (образы, символы, эталоны культуры, признаваемые обществом ценности). По мнению М.Д. Городниковой, в виде когнитивно-концептуальных структур (т.е. архетипов) они образуют основание картины мира, зависящей (в современном понимании) от особенностей истории и общественного устройства, природы, традиционных видов деятельности и других форм проявлений данной национально-культурной общности [4].

Следовательно, по мнению Л.Н. Пушкирева, мы неизбежно приходим к понятию «менталитет», если понимать под ним совокупность образов, чувств, впечатлений и представлений, возникающих у человека в результате его общения с внешним миром [5]. Менталитет – это важная составляющая часть духовной культуры народа, в которой гендерные различия зачастую становятся особенно очевидными. Принадлежность к полу – одна из важнейших характеристик личности, во многом определяющая ее культурную ориентацию в мире. Эта принадлежность во многом обуславливает и менталитет человека. Вместе с тем, сравнивая понятия «менталитет» и «обыденное сознание», можно сказать, что первая дефиниция более емкая и включает в себя, помимо обыденного сознания, такой фактор, как образование, а также национальную и социальную принадлежность личности. Менталитет оказывает влияние на формирование обыденного сознания человека, включая те или иные культурные или социальные стереотипы.

В связи с этим представляют интерес различного рода жалобы и прошения, написанные в конце XIX – начале XX в. томичками на имя томского губернатора. Например, среди архивных документов встречаются прошения женщин о разрешении им построить дома. Хотя инициаторами прошений являлись женщины, документы написаны другими людьми с их слов вследствие неграмотности просительниц, причем в числе свидетелей, удостоверявших истинность написанного, встречаются как мужские, так и женские фамилии. Под прошением Аксины Дмитриевой «за неграмотностью просительницы» поставила свою подпись мещанка Сорокина, а в числе опрашиваемых по прошению томской мещанки Балахниной фигурирует некая «гражданка Чегурова» [6].

Следующим представляющим определенный интерес документом является договор о совершении крепостного акта на дом жены сельского обывателя Акулины Каракуловой, проданный Василию Кривенкову во второй половине XIX в. А. Каракулова продала В. Кривенкову два двухэтажных дома, сумма сделки составила 10 тыс. руб. серебром. При этом к тексту сделки приложено страховое свидетельство на случай пожаров, выданное Каракуловой, на сумму 7,5 тыс. руб. В тексте сделки также отдельно оговаривается, что в случае неустойки с чьей-либо стороны виновный в этом платит правой стороне. То обстоятельство, что женщина, выступающая одной из сторон в данной сделке, позаботилась о том, чтобы застраховать имущество и учесть возможность того, что сделка не состоится, свидетельствует об определенной юридической грамотности томички. Однако документ свидетельствует, что собственно само прошение и проект купчей «вследствие неграмотности» Каракуловой и по ее доверенности было составлено ее мужем [7]. Данная ситуация была достаточно типичной для зажиточной городской среды и особенно для купеческих семей, когда номинально управляла доставшейся ей по наследству собственностью женщина (кстати, оба дома достались Каракуловой в наследство от умершего первого мужа), а фактически вел дела ее муж.

С другой стороны, существуют источники, свидетельствующие о том, что женщины зачастую выступали одной из сторон в разного рода сделках. Таковой является купчая сделка, согласно которой томская мещанка Аксины Волкова продала купцу 2-й гильдии Е. Ульянову дом с землей в городе. Сумма сделки составила около 3,5 тыс. руб. и была довольно значительной по тем временам. В данном документе, в отличие от всех предыдущих, не делается традиционной оговорки, что «вследствие безграмотности» документ написан от имени женщины кем-то другим, ничего не говорится и о том, что сделка совершена от имени Волковой, из чего можно сделать вывод, что женщина действительно была самостоятельна в принятии подобного рода решений [8].

Отдельную группу источников составляют обращения женщин на имя томского губернатора с просьбой о разрешении содержать то или иное небольшое семейное предприятие (мукомольную мельницу, мыловаренный завод). При этом интересно, что женщины позволяли себе не согласиться с решениями властей и вступали с ними в переписку, добиваясь положительного для себя решения. Так, например, в 1896 г. в томское губернское управление поступило прошение крестьянки Пономаревой о разрешении ей дальнейшего содержания мукомольной мельницы. Причем в прошении указывается, что Пономаревой уже был получен отказ губернского управления на ее предыдущее прошение о содержании мельницы. Однако женщина вновь обращается со своей просьбой, объясняя первый отказ возможным непониманием со стороны властей. Под документом стоит собственная подпись Пономаревой, поэтому можно предположить, что она была знакома с основами письма (по крайней мере, с азбукой), а возможно, и была грамотной. За данным документом следует еще одно, более позднее по времени прошение, в котором Пономарева требует от Томского губернского управления свидетельства «на право промышленности на сказанную выше мельницу, каковое и выслать по месту моего жительства». Иными словами, женщина из крестьянского сословия сначала добилась своего и выиграла дело, а затем потребовала и юридического подтверждения этой своей победы: к документу приложено решение томского губернатора – работу мельницы разрешить, свидетельство выдать [9].

Таким образом, если рассматривать приведенные выше архивные документы с точки зрения отражения ими обыденного сознания горожанок в конце XIX в., то можно сделать вывод, что женщины даже простых сословий смело вступали в переписку с властями, добиваясь требуемого. Возвращаясь к утверждению о том, что письменный источник зачастую отражает те или иные тенденции в обыденном сознании социальной группы, можно сделать вывод, что согласно упомянутым документам, многие женщины, во всяком случае, в Томске, отнюдь не чувствовали себя подавляемыми, по крайней мере, со стороны властей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабаева А.В.* Роль междисциплинарных исследований в изучении проблем повседневности // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора М.С. Кагана: Материалы междунар. науч. конф., 18 мая 2001 г., Санкт-Петербург. Сер. «Symposium». Вып. 12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 177 – 179.
2. *Бабаева А.В.* Проблемы повседневности в исторической науке. <http://www.we-my.ru/issues/22/history.html>
3. *Азарова Е.А.* Функционирование моральных гендерных стереотипов в современном коммуникационном пространстве // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя: Материалы науч. конф. 26 – 27 сентября 2002 г.: Тез. докл. и выступлений. СПб., 2002. С. 9 – 12. <http://anthropology.ru/ru/texts/azarova/ethics02.html>
4. *Городникова М.Д.* Гендерный аспект обращений как фактор речевого регулирования // Гендер как интрига познания: Сб. ст. / Сост. А.В. Кирилина. М., 2000. <http://www.owl.ru/library/002t.html>
5. *Пушкарев Л.Н.* Гендерный анализ и его применение к изучению истории культуры // Отечественная история. 1999. № 1. С. 19 – 29.
6. *ГАТО.* Ф. 3. Оп. 41. Д. 164. Д. 270.
7. *Там же.* Оп. 2. Д. 358.
8. *Там же.* Д. 3586
9. *Там же.* Д. 3540. Д. 3529.

ЛАТЫШСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ, КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1885 – 1919 гг.)

К.Н. СЕМЁНОВА

В последнее десятилетие в России, в том числе и в Томской области, наблюдается активный процесс формирования и развития различных национально-культурных обществ и центров. В этой связи безусловный интерес представляет изучение истории возникновения первых национальных культурно-просветительских и благотворительных объединений. Их трансформация и развитие будут рассмотрены на примере латышских общественных организаций в Томской губернии в конце XIX – начале XX в. Данная работа основана преимущественно на материалах периодической печати и на опубликованных архивных документах.

В начале XX в. Томская губерния занимала гораздо большую территорию, чем Томская область в настоящее время. На территории бывшей Томской губернии сейчас размещаются Томская, Кемеровская, Новосибирская области и Алтайский край. Поэтому в работе освещается деятельность организаций, образованных в городах, ныне являющихся центрами других областей, но до 1917 – 1919 гг. входивших в состав Томской губернии.

В конце XIX – начале XX в. в обществе еще не было распространено деление населения по национальному признаку, его заменяла конфессиональная принадлежность. Жизнедеятельность национальных меньшинств также концентрировалась вокруг конфессиональных институтов: синагог, костелов, мечетей, кирх. Однако она не ограничивалась чисто религиозными интересами и включала такую форму деятельности, как благотворительность, направленную в первую очередь на членов своих этнических общин [1, с. 4 – 5].

Латыши по вероисповеданию большей своей частью лютеране, и поэтому их общественная жизнь в Томской губернии было тесно связана с Томско-Барнаульским лютеранским приходом. Число его прихожан в 1908 г. достигало 5,5 тыс. человек, большинство из которых были немцы. Латыши составляли лишь небольшую часть, однако они также принимали участие в жизнедеятельности прихода.

В рамках Томско-Барнаульского прихода существовали Лютеранский детский приют, Лютеранское благотворительное общество. В 1905 г. открылось Евангелическо-лютеранское благотворительное дамское общество, которое декларировало своей целью «доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных лютеран» [2, с. 245]. Оно проводило благотворительные вечера, лотереи-аллегро и прочие мероприятия.

С изменением политической ситуации в стране, обусловленным революционными событиями 1905 – 1907 гг., изданием Манифеста 17 октября 1905 г., в котором провозглашалось право на свободу собраний и объединений, изменилось и содержание, а также формы жизнедеятельности национальных меньшинств.

Вслед за Европейской Россией в Томской губернии стали возникать светские культурно-просветительские и филантропические организации. (Например, польское литературно-музыкальное объединение) [2, с. 6]. Особенно активизировался этот процесс в годы Первой мировой войны, когда в Сибирь хлынул поток беженцев, поставивший вопрос о необходимости создания организаций по оказанию помощи вынужденным переселенцам. К сентябрю 1916 г., по данным Томского губернского комитета по оказанию помощи беженцам, в Томской губернии насчитывалось 32 318 беженцев, из них 1 687 были латышами, то есть более 5% от общего числа беженцев [2, л. 54а].

В октябре 1915 г. в местной латышской колонии возникла мысль о создании по примеру польской и еврейской колоний Комитета по оказанию помощи беженцам-латышам. Для этой цели в Томск из Петрограда были командированы уполномоченные по организации отделения Латышского Центрального комитета по оказанию помощи беженцам (ЛЦКПБ).

11 октября 1915 г. состоялось организационное собрание Томского латышского комитета. Были проведены выборы членов правления и обсуждены предстоящие дела. Первым из таких дел стало ходатайство управлению Томской железной дороги о разрешении вывесить на станциях Томск-I и Томск-II плакаты с указанием адреса комитета [2, л. 79]. Это было чрезвычайно важно для людей, которые попали в совершенно чужой город и не знали, к кому обратиться за помощью.

Спустя полгода после образования Томского комитета в феврале 1915 г. комитет по оказанию помощи беженцам-латышам был образован в Новониколаевске. Он также присоединился к ЛЦКПБ и через него получал средства на содержание беженцев. Одним из первостепенных дел Новониколаевского комитета стало открытие латышской школы. В августе 1916 г. комитет обратился в городскую управу с просьбой о выделении «предметов школьного обихода» [2, л. 87]. А уже в сентябре 1916 г. в школе начались занятия.

Важным событием в культурной жизни латышей стало появление в январе 1917 г. еженедельной газеты на латышском языке «Latweetis Sibirija» («Латыш в Сибири»), издававшейся в Новониколаевске. Газета содержала в себе: 1) правительственные распоряжения; 2) обзор военных действий, телеграммы и сообщения о войне; 3) статьи по вопросам, поясняющим правительственные распоряжения по восстановлению благоустройства Прибалтийского края, а также по вопросам возвращения беженцев на родину, колонизации, земледелия, сельского хозяйства, кооперации, сибиреведения, сибирского крестьянского быта, народного образования и трезвости; 4) обзоры внутренней и иностранной политической жизни; 5) обзоры русской и латышской печати; 6) корреспонденцию; 7) сибирскую хронику; 8) библиографию; 9) беллетристику [2, л. 96 – 97]. «Latweetis Sibirija» являлась важным источником информации для латышских беженцев, многие из которых не знали русского языка и не могли читать местные газеты.

Деятельность национальных организаций по оказанию помощи беженцам привела к расширению культурной работы в национальных общинах. Среди постоянно проживавших в Томске латышей возникла идея учредить в городе латышское общество, в задачи которого входило бы объединение латышей на почве культурно-просветительской работы.

23 апреля 1917 г. в Томске состоялось общее собрание городской латышской колонии, в котором приняли участие около 150 человек. Здесь был принят проект устава Латышского культурного общества и избраны члены правления: Х.С. Грингоф, Х.К. Гринберг, Я. Дукуль, И.И. Куссе-Кюз, М. Озолынь, И. Орнын, Х. Гринберг; кандидатами стали Н.И. Куссе-Кюз, Михельсон, Ласис, Пауга, Эглит, Гарант и Клявин [2, л. 119]. Общество занималось подготовкой и

проведением рождественских благотворительных вечеров, устраивало праздник Лиго (Иванов день). В ведение Латышского культурного общества была передана также латышская школа, которая до этого находилась на попечении Латышского комитета помощи жертвам войны [3]. Позднее в помещении школы (Черепичная, 1) были открыты клуб, читальня и библиотека, а также организован хор [4]. Обществом устраивались вечера дискуссий на латышском языке с пением и декламацией, благотворительные музыкально-драматические вечера в пользу детей латышских беженцев, обучающихся в школе при общегитии. 20 сентября 1917 г. было образовано начальное училище Латышского культурного общества.

Латышские культурные общества возникли также в Барнауле и Бийске. Причем Бийское латышское культурно-просветительское общество, устраивавшее семейные вечера с пением и национальными играми, приглашало на них не только латышских беженцев, но и русских гостей. Это способствовало как удовлетворению собственных культурных потребностей, так и знакомству русского общества с культурой и традициями латышского народа.

Таким образом, на примере латышских благотворительных и культурно-просветительских организаций видно, что процесс самоорганизации национальных меньшинств, зарождавшийся вокруг конфессиональных институтов, в начале XX в. вышел за их рамки и вылился в формирование светских общественных организаций. В латышской колонии первоначально это были комитеты по оказанию помощи беженцам. Их деятельность, сводившаяся к добыванию средств и устройству на местах вынужденных переселенцев, затем привела к постановке более широких – просветительских целей и возникновению в Томской губернии латышских культурно-просветительских организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А.* Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни 1885 – 1919. Томск, 1999.
2. *ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5.*
3. *Сибирская жизнь.* 1917. 9 мая.
4. *Сибирская жизнь.* 1917. 11 мая.

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ
И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1914 – 1918 ГГ.)¹**

И.В. НАМ

Первая мировая война породила проблему бегства из оккупированных и прифронтовых районов, которое существенно повлияло на усложнение национального состава внутренних губерний и областей России, принявших беженцев. Эта проблема, однако, до недавнего времени, за редкими исключениями, почти не привлекала внимания отечественных исследователей [1]. Лишь в последние несколько лет наметились определенные сдвиги в ее изучении [2]. В нынешних условиях политической нестабильности и перманентно возникающих межэтнических конфликтов, неизбежным следствием которых являются массовые вынужденные миграции населения из так называемых «горячих точек», изучение исторического опыта организации материальной и психологической поддержки и помощи беженцам периода Первой мировой войны представляет безусловный интерес.

В Сибири беженцы появились в июле 1915 г. К 1 февраля 1917 г. общая их численность в регионе достигла 86 664 человек [3]. Среди них доля нерусских беженцев, по нашим подсчетам, составляла 25 – 30%. Так, в Томской губернии из 30 488 беженцев, зарегистрированных к 15 ноября 1916 г., русские (в это число входили украинцы и белорусы) составляли 22 868 человек (75,0%), поляки – 3 454 (11,32%), немцы – 1 395 (4,57%), латыши – 1 366 (4,48%), евреи – 878 (2,87%), литовцы – 444 (1,45%), галичане, эстонцы и бельгийцы – 83 человека (0,27%). После Октября количество беженцев в Сибири не только не уменьшилось, но и постоянно увеличивалось: по данным Новониколаевского переселенческого пункта, с 12 сентября по 2 ноября 1917 г. на восток только по бесплатным билетам, т.е. без учета беженцев, следовавших по билетам, купленным на свои средства, проследовало 11 398 человек [4]. К марту 1918 г. в Томской губернии числилось 36 862 беженца [5].

Правительственная помощь начала оказываться спустя год после начала беженского движения. Летом 1915 г. было создано Особое совещание по размещению и устройству беженцев с функциями высшего консультативного органа МВД в отношении всех нужд беженцев в России. Оно состояло из представителей министерств, обеих законодательных палат, общественных организаций, включая национальные, и Всероссийского земского и городского союзов, которые имели собственный аппарат – объединенный отдел по устройству беженцев (Собеж). Рабочим органом МВД был отдел по устройству беженцев на правах временного департамента, который после февраля 1917 г. был переименован во Всероссийский комитет помощи пострадавшим от войны. Оказание помощи беженцам возла-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 04-01-00380 а.

галось также на полуправительственную организацию – Татьянинский комитет, а также на особых главноуполномоченных по устройству беженцев.

В местах размещения беженцев создавались губернские (областные), уездные и городские совещания и комитеты, которые занимались общей координацией нужд беженцев и попечением об эвакуированных русского происхождения. Помощь нерусским беженцам оказывалась национальными организациями, которые обеспечивали как материальные, так и культурно-духовные потребности беженцев, включая языковое общение, поддержку национальных и религиозных традиций. Во все центры скопления беженцев были направлены уполномоченные Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского (ЦОК), руководящие позиции в котором занимали видные деятели Национал-демократической партии (эндеки). Первоначально уполномоченные направлялись в каждую губернию (область) Сибири. Но в августе 1916 г. Главное управление ЦОК, «преследуя цели экономии», отозвало окружных уполномоченных. Заведование отделениями ЦОК в Сибири передавалось присяжному поверенному И.И. Здзеницкому, его местопребыванием был сначала Красноярск, а с июня 1917 г. – Омск. ЦОК ставил своей главной задачей оказание помощи беженцам-сельчанам. Для привлечения к труду работоспособной части беженцев они объединялись в партии по 100 человек. Для таких партий подыскивались квартиры, работа, оказывалась помощь при доставке продуктов и т.п. [6].

Деятельность Польского общества помощи жертвам войны (ПОПЖВ) направлялась Польским комитетом в Москве. Во главе его стоял А. Ледницкий, член ЦК партии кадетов, один из наиболее известных представителей польского либерализма в России. Во всех районах размещения беженцев создавались отделения общества. В Томской губернии отделы ПОПЖВ были открыты в Томске, Барнауле, Татарске, Новониколаевске, Каинске [7, л. 9, 19, 34, 55, 60]. В отличие от ЦОК, поддерживавшего преимущественно беженцев из сельской местности, ПОПЖВ имело своей целью, согласно уставу, оказание помощи всем полякам, пострадавшим от войны. Его демократизм выражался в более внимательном отношении к нуждам бедноты, в оказании им медицинской помощи, организации школ, детских садов и яслей, приютов и «убежищ» для детей и стариков. Оно не чуждалось оказывать помощь ссыльным полякам, как административно высланным, так и политическим, а также подданным воюющих с Россией держав. Для оказания помощи военнообязанным иностранным подданным с разрешения МВД при местных отделах ПОПЖВ открывались патронаты, которые к началу 1916 г. функционировали во многих городах Европейской России, а в Сибири – в Иркутске. Но в Томске все усилия поляков, направленные на то, чтобы открыть патронат, успехом не увенчались [7, л. 1, 21, 23 – 24, 30].

Помощь латышским беженцам оказывалась Центральным Латышским комитетом, возглавлявшимся депутатами IV Государственной Думы Я. Гольдманом и Я. Залитом. В Томске латышский комитет образовался в октябре 1915 г. [8], в Новониколаевске – в феврале 1916 г. [9]. Помощь беженцам-евреям оказывали отделения петроградского Еврейского комитета помощи жертвам войны (ЕКОПО) в Томске, Каинске и Новониколаевске. В январе 1916 г. в Томске образовалось отделение Литовского общества помощи пострадавшим от войны. Помощь беженцам-армянам в Томске оказывал Армянский студенческий кружок помощи жертвам войны [10]. В октябре 1917 г. был создан эстонский комитет по устройству беженцев в Бийске [11].

Систематическая помощь беженцам по линии государства начала оказываться только в марте 1916 г., когда были опубликованы выработанные Особым совещанием «Руководящие положения по устройству беженцев», определившие ее ха-

ракти и размеры. Но очень скоро началось свертывание политики государственного призрения беженцев под предлогом того, что они уже успели освоиться на новых местах. Летом 1916 г. Особое совещание дважды принимало положения, предусматривавшие снятие с пайка сначала 10 – 15%, затем 50% беженцев. В этих условиях деятельность национальных организаций, которые сочетали распределение среди беженцев и государственных средств, и благотворительной помощи, создавала для нерусских беженцев более сносные условия для выживания, чем для их русских товарищей по несчастью.

Первоначально оказываемая национальными организациями помощь сводилась к добыванию средств и устройству беженцев. В дальнейшем они ставят культурно-просветительные цели, создавая школы для детей беженцев, устраивая литературные вечера и спектакли. К примеру, в Томске отделом ПОПЖВ к октябрю 1915 г. были созданы следующие секции, характеризующие направления и содержание его деятельности: материальная, приютов, санитарная, юридическая и труда. В предоставленном ксендзом Демикисом помещении приходского дома при костеле открылось бюро регистрации беженцев, пожертвований, предложений труда. Было снято 20 квартир, в которых размещалось около 400 человек, еще 600 человек, находившихся на попечении общества, снимали квартиры самостоятельно. Нетрудоспособные беженцы обеспечивались продовольственной помощью, дети в школе получали горячие завтраки. Для престарелых беженцев был организован приют в убежище Римско-католического благотворительного общества. Для оказания медицинской помощи устроена амбулатория и приглашена фельдшер, которая посещала квартиры беженцев, наблюдая за их санитарным состоянием. Чтобы обеспечить беженцев одеждой и частично решить проблему заработка для женщин-беженок, была организована швейная мастерская. Осенью 1915 г. открылась школа, в которой наряду с общеобразовательными предметами преподавался польский язык. Школа была рассчитана на 20 детей, но уже в октябре их число достигло 180, а в 1916 г. – 312. Летом 1916 г. в окрестностях Томска (д. Заварзино) была организована летняя колония для детей. Духовные потребности беженцев-католиков удовлетворялись как местными ксендзами, так и специально командированными в Сибирь. Так, в 1916 г. по направлению могилевского архиепископа Цепляка в Томскую губернию прибыл сначала ксендз Казимир Ясас, а несколько позднее Юлиан Юркевич, по линии ПОПЖВ – священник Котарский. Барокровский приход Мариинского уезда обслуживал ксендз М. Шварась, Боготольский – ксендз И. Янулис, Мариинский – ксендз И. Папалейгис. Совершая необходимые требы бесплатно, они также безвозмездно исполняли обязанности инструкторов ЦОК [12].

В условиях революции беженцы становились объектом воздействия различных политических партий. На фоне демократизации политической жизни произошла и «демократизация» беженского дела. Этому способствовало ухудшение реального положения беженцев, помощь которым, несмотря на рост дороговизны и преобладание в их массе нетрудоспособных, не индексировалась и выплачивалась нерегулярно, что влекло за собой рост недовольства, нередко перераставшего в беспорядки. Так, в июле 1917 г. толпа женщин-беженок в Томске, как сообщалось в газетах, «учинила возмутительную расправу» над одним из членов польского комитета, «избив его и, в буквальном смысле слова, выбросив в окошко из помещения». «Оскорбления действием» были нанесены также секретарю комитета. Поводом к беспорядку послужило «незаконное требование» беженок о выдаче им 20-рублевого пособия, тогда как в распоряжении комитета имелась лишь сумма, из которой можно было выплатить не более 7 руб. 50 коп. на человека [13].

Задачу «демократизации» беженского дела после Октябрьской революции взял на себя Всероссийский союз беженцев, созданный на I Всероссийском съезде беженцев в сентябре 1917 г. II съезд беженцев, состоявшийся 19 – 25 ноября 1917 г., избрал Центральное правление Всероссийского союза беженцев [14]. Циркуляром Центрального правления местным советам предписывалось создавать комиссии по делам беженцев, которые, действуя в контакте с революционными организациями, в том числе национальными, должны были создать беженские советы, избираемые общими собраниями или съездами беженцев. Опираясь на эти постановления, исполком Запсибсовдепа предложил местным советам провести демократизацию беженских учреждений. Временно разрешалось организовывать беженцев по национальностям, с тем чтобы затем слить их в единый центр. При этом указывалось, что целесообразнее было бы не считаться с национальными различиями [15].

Реорганизация беженских учреждений происходила в острейшей борьбе. В Томске на совещании представителей беженских организаций 28 января 1918 г. большинством в 13 голосов при 10 воздержавшихся была принята резолюция председателя губернской беженской управы большевика К.К. Ансона, в которой предлагалось провести реорганизацию беженских учреждений на основе положений, выработанных Всероссийским союзом беженцев. Предложение представителя польской организации признать существующие комитеты помощи беженцам, включая национальные, не подлежащими коренной перестройке получила лишь 3 голоса [16]. Выборы в совет польских беженцев в Томске 24 марта 1918 г. дали победу списку польских социалистов и демократической части беженцев [17]. Для сравнения: на выборах в Польскую раду в Иркутске победу одержал социалистический список [18], в Омске функции беженского совета были переданы Польскому комиссариату [19].

В этой борьбе стороны, как правило, не стеснялись в выборе средств. Так, в Новониколаевске правое крыло латышской колонии развернуло яростную кампанию против большевистского руководства Латышским комитетом. Председателя правления Витолина обвиняли в том, что он получает 12 тыс. руб. жалования и посылает деньги Ленину для германского штаба. Ревизионная комиссия признала, однако, эти обвинения клеветническими. 17 февраля 1918 г. на собрании латышских беженцев в Новониколаевске большинством голосов, несмотря на сопротивление правой части собрания, было принято предложение местного совета о реорганизации Латышского комитета и о том, чтобы вступить в переговоры с другими беженскими организациями по вопросу о создании единого городского совета беженцев [20].

Политическая борьба разворачивалась на фоне все более ухудшавшегося положения беженцев. Весной 1918 г. они не только не получили обещанных советским правительством прибавок в связи с ростом дороговизны, но даже из того, что им следовало по нормам царского времени, была выплачена лишь незначительная часть. «Октябрьский переворот создал в беженском деле прямо катастрофу», – писал председатель Главного управления ЦОК в письме на имя председателя Совнаркома, выражая «протест против той разрухи, которая внесена ныне в беженское дело...» [21]. Разразившаяся вскоре в России гражданская война окончательно разрушила налаженную систему оказания помощи беженцам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горюшкин Л.М.* Беженцы в Сибири в годы Первой мировой войны // Бахрушинские чтения. 1977 г.: Сб. научн. тр. Новосибирск: НовосибГУ, 1977.
2. *Бартеле Т., Шалда В.* Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 18; *Гетрелл П.* Беженцы и проблемы пола во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999; *Курцев А.Н.* Беженство // Там же; Он же. Беженцы Первой мировой войны в России (1914 – 1917) // Вопросы истории. 1999. № 8; *Он же.* Беженцы Первой мировой войны на территории Центрального Черноземья в 1914 – 1917 гг. // Проблемы исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Липецк, 1998. С. 80 – 88; *Лахарева Н.В.* Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1920 – 1921 гг. (на примере Курской губернии) // Там же; *Она же.* Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918 – 1919 гг. // Армия в истории России: Материалы межвуз. науч. конф. (г. Курск, 23 мая 1997 г.). Курск, 1997; и др.
3. *Киржниц А.Д.* Беженцы и выселенцы // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Стб. 263.
4. *Свободный край* (Иркутск). 1917. 9 нояб.
5. *Знамя революции* (Томск). 1918. 15 марта.
6. *ГАТО*. Ф. 7. Оп. 1. Д. 97. Л. 2, 117; Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 4. Л. 236..
7. *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 67. Д. 239. Л. 9,19, 34, 55, 60.
8. *Сибирская жизнь* (Томск). 1915. 8,10, 11, 13 окт.
9. *Алтайское дело* (Новониколаевск). 1916. 18, 26 февр.
10. *Сибирская жизнь*. 1916. 14 янв., 19 марта.
11. *Алтай* (Бийск). 1917. 20 окт. (1 нояб.)
12. *ГАТО*. Ф. 7. Оп. 1. Д. 37. Л. 48 – 49, 70, 312, 316; Д. 97. Л. 48, 65 – 66, 145; *Сибирская жизнь*. 1915. 17, 28, 30 окт., 4 нояб; 1916. 13 авг.; *Томский вестник*. 1915. 31 окт.
13. *Сибирская жизнь*. 1917. 20 июля.
14. *РГИА*. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 1750. Л. 1.
15. *ГАОО*. Ф. Р-662. Оп. 1. Д. 50. Л. 7; *Знамя революции*. 1918. 19 янв., 20 февр.
16. *Знамя революции*. 1918. 20 февр.
17. *Знамя революции*. 1918. 27 марта.
18. *Власть труда* (Иркутск). 1918. 20 марта.
19. *ГАОО*. Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 126. Л. 37.
20. *Дело революции* (Новониколаевск). 1918. 9 янв., 22 февр.
21. *ГАРФ*. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1082. Л. 72 – 73.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ ТОМСКА (1918 – 1920 гг.)¹

Н.И. НАУМОВА

К началу XX в. Томск приобрел значение крупного многофункционального центра – экономического, административного, культурного. Сибирь осваивалась представителями различных этносов, что, в свою очередь, не могло не отразиться на населении Томска, который являлся одним из самых многонациональных городов Сибири в этот период времени. Здесь проживало более пятидесяти народов. Поликультурный состав населения обогащал жизнь города, делая ее колоритной. Томск выполнял роль центра межкультурного обмена. Именно на это обращал внимание В.М. Флоринский, поскольку постоянный приток новых поселенцев создавал благоприятные условия развития, совершая «бесперывный обмен как физических, так и моральных сил – обмен, при котором слагается тип и увеличивается рост каждой нации, подновляются ее силы, сглаживаются недостатки» [1, с. 122].

Общая численность жителей г. Томска в 1917 г. составляла 150 тыс. человек, а в ноябре 1919 г. – 211 тыс. [1, с. 107]. В 1912 г. 89% томичей составляли русские, 3,5 % – евреи, 3,4 % – татары, 2,8% – поляки, прочие – 1,3% [1, с. 102]. Томск обеспечивал существование различных типов культур (христианской, мусульманской, иудейской), включая их в свою городскую культуру. Для города характерна была и поликонфессиональность. Здесь действовали две мечети, три синагоги, один костел, лютеранская церковь и десятки православных храмов.

Для всех этносов необходимо было освоение определенного духовно-культурного пространства. Каждой этнической общине важно было иметь школу, библиотеку, возможность организовывать разнообразные мероприятия и встречи. Национальная культура обладает особой, присущей только ей самобытной картиной мира, собственной религией, мифологией. Этносы стремятся создать и развить механизм сохранения своих традиций, обеспечить национальную самоидентификацию на личностном и коллективном уровне, что проявлялось в деятельности украинцев, белорусов, эстонцев и др. народов, проживавших на территории губернского центра. Все это в той или иной степени обеспечивалось городом в сложных условиях радикально меняющихся политических режимов. В тяжелой экономической и социальной ситуации, когда разрушалась жесткая ролевая структура общества, этносы сохраняли определенное внутреннее единство, способность к самоорганизации и защите своих прав.

В начале XX в. в Томске, как и во всей России, в ходе модернизационных экономических процессов и всего уклада жизни народов развивался взаимообмен культур, реформировалось образование в национальных школах в соответствии с новыми потребностями индустриального общества. Но одновременно этносы ста-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ. Грант № 04-01-00380а.

ли проявлять особый интерес к своей истории и традициям. Конфессионально замкнутые сообщества становились более открытыми, их внутренняя жизнь усложнялась. В Томске и губернии формировались местные отделы национальных организаций («Бунд», сионистские, мусульманские организации, Демократический литовский союз, Партия социалистов-народников интернационалистов Латвии, латышские и эстонские группы РКП(б) и др.), новые национально-культурные организации (Польский учительский союз, Сибирско-польское товарищество потребителей и др.).

Национальная жизнь в годы Гражданской войны сохранила свою интенсивность. Различные этносы увеличивали свои стремления к самоорганизации и защите, в первую очередь, коллективных прав. После Февральской революции общественно-культурная жизнь поляков, евреев, украинцев, эстонцев, латышей, литовцев, мусульман и других народов губернского центра переживала подъем. Появились новые возможности войти в публичное пространство. Всплеск общественной активности проявлялся в участии в многочисленных митингах, собраниях, на которых обсуждались основные проблемы, общие для всего населения города: отношение к власти, положение беженцев, национальные школы. Представители всех национальностей принимали участие в общественно-политической жизни города, выбирая депутатов в городскую думу.

И в то же время национальные меньшинства деятельно участвовали в решении своих национальных проблем. Так, в 1917 г. в Томске был проведен съезд мусульман Томской губернии, а затем – Первый сибирский мусульманский съезд. В 1917 г. в Томске функционировал городской комитет сионистской организации, который объединял городскую, рабочую и студенческую организации. Здесь действовали молодежные сионистские организации – «Геховер», «Гистадрут», группа «Ахдув», «Поалей-Цион», «Цеире-Цион». Активно работала организация «Бунда» во главе с ее председателем Д.И. Розенбергом. Западно-Сибирская конференция «Бунда» в 1917 г. прошла в Томске.

В губернском центре в этом же году состоялся 1-й съезд сионистов Западной Сибири. В ноябре 1918 г. в городе был проведен 3-й Всесибирский сионистский съезд, на котором присутствовало более 40 делегатов от Урала, Сибири и Дальнего Востока. На нем рассматривались вопросы политической, культурно-просветительной и общинной деятельности сионистов на востоке страны. Съезд эстонских колоний Томской губернии прошел в марте 1918 г., а в декабре здесь был проведен Всесибирский эстонский конгресс, где обсуждались вопросы, касающиеся жизни эстонцев в Сибири. Съезд, прошедший в марте, выразил желание сотрудничать с земскими организациями губернии и уезда, поскольку без их поддержки нельзя было обеспечить нужды колонии в полном объеме.

Все это свидетельствовало о расширении этнического пространства, об увеличении национальной самоорганизации всех этносов, проживавших в губернском центре. Февральская революция создала условия по реализации национальных интересов, предоставив свободу национального самовыражения.

Национальные права не были уменьшены и в период существования Сибирского Временного правительства, Директории и в условиях наиболее длительной колчаковской власти. В Томске продолжали функционировать украинская, еврейская, мусульманская, польская и другие библиотеки, все национально-благотворительные общества. У этносов сохранилась возможность национального воспитания через сохранившиеся и открывавшиеся заново национальные школы. Первая в Сибири татарская учительская семинария открылась в 1917 г., а летом 1919 г. она была включена колчаковским Советом министров в государственную сеть. Томское губернское земское собрание приняло решение о содержании за

счет земства большинства национальных школ города. Периодически открывались курсы по изучению родного языка всеми национальными обществами города. По инициативе учительской организации «Гамойро» весной 1918 г. начались занятия в первой сибирской еврейской окружной гимназии, а осенью была создана еврейская учительская семинария с преподаванием на иврите. Представители национальных меньшинств организовывали педагогические курсы по подготовке преподавателей родного языка, истории, литературы в своих школах. Были проведены еврейские и мусульманские педагогические курсы в Томске.

Новым толчком для активизации политической и культурно-просветительной деятельности Национальных советов и организаций стали признание права наций на самоопределение на Парижской мирной конференции, создание независимых Польского, Эстонского, Литовского, Латышского и других национальных государств, поддержка требований сионистов со стороны Англии. В частности, это привело к появлению таких новых организаций, как Польский военный совет, Польский национальный совет. Их отделения открылись в Томске. Они ставили своей целью опеку над польским населением, набор солдат в польские воинские формирования, рассматривая сибирских поляков как граждан суверенной Польши.

Поляки имели свой организационный центр – Польский народный дом, что отражало высокий уровень их внутренней самоорганизации, стремление к объединению просветительной и образовательной работы. При Польском народном доме действовали культурно-просветительный отдел, драматический кружок, библиотека. Украинцы и литовцы г. Томска имели свои клубы.

Для просветительных организаций характерно было чтение многочисленных лекций по национальной истории, культуре. Так, еврейский национальный союз «Ахдус» проводил литературные вечера, посвященные анализу творчества еврейских писателей. Те же формы работы были характерны и для национально-культурных обществ других этносов.

Национальные организации обращались к семье для более эффективного воздействия и потому часто устраивали семейные вечера, на которых звучали национальные песни, исполнялись национальные танцы. В программу их включались национальные игры, ставились пьесы национальных авторов на родном языке. Зачастую такие вечера проводились с благотворительными целями, когда полученные средства шли на помощь беженцам, особо нуждающимся соплеменникам, в пользу раненых воинов, иногда – на поддержку национально-культурных объединений и их работы.

Составной частью национальной жизни являлись широко отмечавшиеся традиционные праздники – как светские, так и религиозные, в которых принимало участие наибольшее количество представителей отдельных народов. Так, летом 1919 г. томские мусульмане праздновали Гайды-Физир, в котором участвовали старые и молодые, женщины и дети. Был устроен спектакль по пьесам татарских авторов, читались стихи [2, с. 233]. Евреи отмечали Новый год, День прощения и др.

Активно участвовала в национальной жизни молодежь, включая студенческую. Заметной была роль землячеств – грузинского, армянского и других. Польские, эстонские и еврейские студенты сформировали организации – «Огниско», «Геховер», «Ээсти», «Гистадрут» (ученическая организация). Томский технологический институт предоставлял для их работы свои помещения. Национальные сообщества раскрывали творческий потенциал своих членов, формируя драматические кружки, музыкально-драматические общества (еврейский народный театр, украинский, латышский, литовский драматические кружки, мусульманское музыкально-драматическое общество) [2, с. 180, 184, 189, 195, 199, 201, 204 – 205].

Деятельность национальных организаций находила отражение в томских газетах. В них давались объявления (и не только на русском языке), в которых извещалось о предстоящих событиях в жизни национальных меньшинств (лекции, собрания, благотворительные вечера), о намерениях национальных организаций, их обращениях к своим соплеменникам. Подобная информация позволяла поддерживать связи на городском, губернском и региональном уровнях, координировать деятельность этносов. В то же время подобные сведения становились достоянием всего городского сообщества, знакомили с особенностями их национальной жизни, спецификой их участия в политическом и культурном поле города. Имелись и собственно национальные издания, в частности газета «Сибирский колонист», издававшаяся Центральным комитетом эстонских колоний в Томске на эстонском языке. Украинское общество в октябре 1918 г. издало в Томске первый номер газеты «Украинское слово».

Сохраняли свою роль религиозные институты, способствуя единению национальных меньшинств. Они являлись составной частью социокультурного городского пространства, продолжали быть религиозными институтами. И в то же время они служили воспитанию национального самосознания, где проходили службы, торжественные молебны не только по случаю религиозных праздников, но и в связи с важными историческими событиями. Так, в римском католическом костеле Томска был отслужен молебен в честь 509-й годовщины Грюнвальдской битвы. Были приглашены представители союзных держав, местных властей поляков, польских организаций, а также начальник Томского гарнизона.

Таким образом, в рамках общегородского поселения сохранялось множество культур даже в годы социальных потрясений. Этнические культурные ценности накладывали отпечаток на социально-политическую жизнь города. Общественно-культурная жизнь г. Томска в годы Гражданской войны достаточно быстро менялась. Социокультурное пространство города расширялось и обогащалось. В той или иной степени это влияло на усвоение идей и ценностных установок, вырабатываемых «чужой культурой», увеличивало межкультурную коммуникацию. Одним из важных достижений подобного общения стало то, что в этот период город избежал конфликтов на национальной почве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дмитриенко Н.М.* Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX вв.: управление, экономика, население. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.
2. *Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А.* Национальные меньшинства Томской губернии: Хроника общественной и культурной жизни. 1885 – 1919 гг. Томск, 2000. С. 233.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ
ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ТРУДОВЫХ
КОНФЛИКТОВ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
В МАРТЕ – ОКТЯБРЕ 1917 г.**

В.А. ДРОБЧЕНКО

После свержения самодержавия на местах повсеместно были сформированы органы революционной власти – Комитеты общественной безопасности (КОБы). 2 марта 1917 г. был создан Томский Временный комитет общественного порядка и безопасности, вскоре преобразованный в губернский. В первые мартовские дни такие комитеты были образованы в Новониколаевске, Тайге, Кузнецке, Колывани, Нарыме, на Анжерских, Судженских, Кольчугинских, Кемеровских коях, Мариинских приисках, Гурьевском заводе [1].

Комитеты формировались на многопартийной основе, в них были представлены все слои населения. В составе КОБов преобладали представители социалистических партий, которые пытались воплотить в жизнь идеи широкой демократической коалиции и социального мира. Сразу же с момента своего образования комитеты выдвинулись в центр борьбы за местную власть. Томский комитет уже 5 марта принял постановление об отстранении губернатора от управления делами. В тот же день комитетом был избран губернский комиссариат, в котором вскоре были созданы отделы труда и по работе в деревне. В начале марта комитет назначил уездных комиссаров и направил своих представителей в крупные рабочие поселки. Комитетом были отстранены от должности наиболее одиозные чиновники прежней администрации, среди которых оказались уполномоченный по водным перевозкам граф Гейлин и исполняющий обязанности инспектора судоходства Томского округа путей сообщения Пифон. На их место комитет назначил своих представителей – комиссаров [2].

Комитетам с первых дней своего существования пришлось решать массу вопросов, среди которых одним из самых острых был рабочий вопрос. Особенно сложной была обстановка в промышленных центрах Кузбасса, где за годы войны ощутимо снизился уровень жизни и развернулось массовое забастовочное движение. В начале марта 1917 г. на Судженских коях и Кемеровском руднике ощущалась нехватка продовольствия. Управляющий Судженскими коями Г.И. Прошковский сообщал губернским властям что из-за этого «падение добычи угля становится угрожающим». На Щербиновских коях Мачини несколько месяцев задерживалась выдача зарплаты. Экономические требования к владельцам и администрации в начале марта предъявили рабочие Анжерских, Судженских, Кольчугинских, Кемеровских, Щербиновских копей, Гурьевского завода, Мариинских приисков [3].

В этих условиях Губернскому комитету нередко приходилось выступать в роли арбитра при решении трудовых споров. В начале марта комитет направил в Анжерку, Судженку, Кемерово, Кольчугино, на рудники «Юлия» и «Улень» специальные технические комиссии «для обследования состояния предприятий и

урегулирования взаимоотношений между трудом и капиталом». В состав комиссий включались представители Томского КОБа, общественных и партийных организаций. Один из членов комиссии на Судженских коях Ф.Г. Чучин впоследствии отмечал, что «при помощи таких комиссий не только устанавливалась постоянная связь центра с местами, но, первое время в особенности, предупреждались также неорганизованные выступления со стороны рабочих, вводились в известные рамки аппетиты предпринимателей, создавались местные партийные, советские, рудничные и профсоюзные рабочие организации» [4].

Весной 1917 г. деятельность Губернского комитета была направлена на реальное улучшение положения трудящихся. 15 марта комитет поручил предпринимателям принять меры по введению 8-часового рабочего дня. Представители Губернского комитета лично участвовали в урегулировании наиболее острых конфликтов. Так, А.А. Азлецкому сразу же после его назначения комиссаром отдела труда пришлось вмешаться в конфликт между рабочими и предпринимателями на Кемеровском химзаводе. В течение марта на Щербиновские копи Мачини неоднократно выезжал Е.В. Захаров. Он встречался с рабочими, добился от владельца и администрации предприятия частичного погашения долгов по зарплате и улучшения снабжения рабочих. По инициативе Захарова в Томске было проведено специальное совещание, на котором обсуждалось положение на Щербиновских коях и были разработаны меры по выводу предприятия из кризиса [5].

В составе технической комиссии, работавшей на Судженских коях в конце марта 1917 г., были представители Губернского комитета М.П. Лебедев, С. Ф. Лебедев и Ф.Г. Чучин. Комиссия провела тщательное обследование предприятия и вместе с представителями администрации наметила меры по повышению оплаты труда, улучшению условий труда и быта рабочих. По предложению комиссии Губернский комитет назначил своего представителя – большевика Ф.Г. Чучина инструктором-комиссаром Судженских копей [6].

В своей работе КОБы пытались опереться на широкую общественную поддержку. Они предпринимали шаги, направленные на вовлечение трудящихся в профессиональные и иные организации. В начале марта 1917 г. Томский временный комитет обратился к рабочим каменноугольных копей с призывом объединяться в мощные профсоюзы, являющиеся «залогом улучшения условий труда и жизни рабочего класса». В то же время в воззваниях комитета подчеркивалось, что для создания новой жизни необходимо сохранять полное спокойствие, продолжать работать, чтобы «исправить разруху, оставленную старой властью». В конце марта в очередном обращении к горнякам комитет призвал их увеличить добычу угля [7].

В марте 1917 г. большинство предпринимателей и чинов администрации выражали готовность идти на существенные уступки по отношению к рабочим. Немалую роль в этом сыграла и позиция Губернского комитета. Переговоры с представителями рабочих вели администрации Кольчугинского рудника, Кемеровских копей, Гурьевского завода. Администрация Судженских копей, «желая успокоить рабочих», уже 7 марта установила надбавку к зарплате на 25 %. Владелец Судженских копей Л.А. Михельсон в середине марта дал распоряжение управляющему копиями спешно приступить к постройке Народного дома для устройства в нем библиотеки, читальни, проведения лекций, концертов и курсов. Первый съезд горных инженеров и техников каменноугольных копей Томской губернии, проходивший с 15 по 17 марта 1917 г., высказал пожелание «о необходимости установления между администрацией копей и рабочими отношений, основанных, соглас-

но нового направления жизни в свободной России, на полном доверии и полной трудовой дисциплине» [8].

В марте – мае 1917 г. в Томской губернии КОБы стали полноправными органами власти, контролировавшими все сферы общественной жизни. Особенно значима была их роль в уездных центрах и рабочих поселках. В Тайге Временный исполнительный комитет порядка и безопасности постановил разоружить жандармов, образовать милицию, провести учет продовольственных товаров. В Кузнецке комитет общественной безопасности поручил заняться продовольственным вопросом кредитному товариществу и городскому самоуправлению и направил комиссаров на почту, в склад крестьянских представителей и в управление войсковой команды. Мариинский комитет принял жесткие меры для борьбы с незаконной продажей спиртного, вел работу среди амнистированных и крестьян [9].

В рабочих поселках, где в составе комитетов преобладали рабочие, КОБы сразу же стали вмешиваться в производственные дела, присвоили себе часть функций администрации. Комитет Кемеровского рудника взял под контроль распределение продовольствия и принял меры к его пополнению. На Анжерских копиях Временный комитет общественного порядка и безопасности 21 марта рассмотрел вопрос о деятельности начальника копи Н.Н. Щукина и постановил отстранить его от занимаемой должности «за систематическое игнорирование распоряжений и предложений комитета, касающихся установления общественного порядка и безопасности». Щукин был арестован и передан Томскому КОБу. В ответ на попытки властей восстановить Щукина в должности рабочие заявили, что в случае возвращения Щукина на его на тачке вывезут за пределы копи, а с ним работать не будут [10].

КОБам не всегда удавалось сдерживать радикальные настроения рабочих, требования которых порой были явно завышены и невыполнимы. В поиске компромисса КОБам приходилось лавировать, что вызывало их критику со стороны рабочих организаций, снижало доверие к комитетам в рабочих массах. С апреля и предприниматели стали занимать более жесткую позицию, уже не столь охотно шли на удовлетворение требований рабочих. В ряде случаев комитеты не смогли добиться снижения социальной напряженности. В апреле комитет Кемеровского химзавода арестовал несколько рабочих за подстрекательство к беспорядкам и «подрыв престижа исполнительного комитета и вообще всякой другой руководящей власти». После того как арестованные были направлены в Томск, обстановка на заводе еще более накалилась. Комитет вынужден был обратиться к губернским властям с просьбой срочно освободить арестованных и вернуть их на копи [11].

На Судженских копиях, где Совет рабочих и солдатских депутатов проводил жесткий курс на ограничение прав администрации, КОБ не смог сохранить за собой всей полноты власти. Техническая комиссия, работавшая на копиях в марте – апреле, отметила там наличие двоевластия. 29 апреля Совет и профсоюз служащих отстранили администрацию копей и передали руководство копиями Совету управления, в который вошли представители от Совета рабочих и солдатских депутатов, союза служащих, комитета порядка и безопасности [12].

Владелец копей Л.А. Михельсон с жалобами «на самоуправство рабочих» обращался в различные инстанции, требовал применить против рабочих силу. Однако представители губернских властей фактически поддержали действия Судженского Совета. 6 июня 1917 г. губернский комиссар по топливу Б.И. Степанов и главный инспектор Обенитопа Д.А. Стрельников направили Л.А. Михельсону телеграмму, в которой предложили ему прибыть лично для улаживания конфликта на копиях, либо прислать своего уполномоченного. В начале июня Губернский

комитет направил Михельсону телеграмму, в которой в достаточно жесткой форме потребовал считаться с требованиями рабочих [13].

Отсутствие какой-либо правовой базы, регламентировавшей деятельность КОБов, вело к тому, что они сами определяли свои функции, действовали исходя из местных условий, причем нередко самочинно. Губернскому комитету спешно пришлось решать задачу по упорядочиванию действий органов местного самоуправления различного уровня. Уже 13 марта 1917 г. в прессе было опубликовано постановление комитета «О порядке выборов Народных собраний и исполнительных комитетов», в котором определялась вертикаль власти в рамках губернии с учетом принципа разделения властей. Законодательная власть сосредоточивалась в руках сельских, волостных, уездных, городских и губернского Народных собраний, исполнительная – в соответствующих исполнительных комитетах. В ведении Народных собраний находились вопросы охраны труда и защиты интересов трудящихся. Им надлежало разработать правила о биржах труда, примирительных камерах, нормировании труда и рабочего дня, условиях найма и расчета рабочих [14].

Формирование Народных собраний на местах не было единовременным процессом. Так, в Мариинске уездное Народное собрание уполномоченных от волостных, городских и приисковых комитетов общественной безопасности и кооперативов открылось уже 21 марта 1917 г., а на Судженских коях было сформировано только к концу июля [15]. Губернское Народное собрание открылось 20 апреля 1917 г. Его работа растянулась почти на месяц – до 18 мая. Делегаты обсудили вопросы о власти, о войне, о земле, об автономии Сибири и в последний день своей работы избрали исполнительный комитет губернского Народного собрания в составе 16 человек, который возглавил Б. Ган¹.

28 мая 1917 г. через газету «Голос свободы» Томский Временный комитет общественного порядка и безопасности известил о передаче своих полномочий Томскому губернскому исполнительному комитету. В обращении к гражданам исполнительный комитет определил свои главные задачи, которые видел в закреплении и расширении на местах свобод и завоеваний революции, укреплении органов народовластия, решении продовольственного вопроса, развитии образования, обеспечении населения врачебной помощью, снабжении его средствами для улучшения обработки земли, охране труда и безопасности.

К середине лета 1917 г. в Томской губернии оформилась новая структура органов местной власти. Высшим законодательными органами стали губернское, городские, уездные и волостные Народные собрания, а исполнительными – соответствующие исполнительные комитеты. В составе Губернского комитета были выделены отделы: финансовый, статистический, страховой, просвещения, труда, строительный, продовольственный, общественного призрения и земельный. Отдел труда, к этому времени уже имеющий определенную структуру, функции и штат, попросту был переподчинен Губернскому исполнительному комитету и не прекращал свою работу. 27 мая было опубликовано одно из последних постановлений Томского Временного комитета общественного порядка и безопасности, в котором указывалось на необходимость неуклонного соблюдения нанимателями правил расчета, установленных отделом труда [16].

¹ Б. Ган – беспартийный социалист, был председателем Томского Временного комитета общественного порядка и безопасности, с июня совмещал посты председателя губернского исполнительного комитета и губернского комиссара.

В отчете о работе отдела труда в Томской губернии, направленном губернским комиссаром Б. Ганом министру труда М.И. Скобелеву в конце июня 1917 г., отмечалось, что с марта по июнь включительно в губернии было зарегистрировано около 200 трудовых конфликтов, из которых 15 крупных, с количеством участников от 10 до 150 человек. По профессиональному признаку конфликты распределялись следующим образом: 25 % – конфликты домашней прислуги с хозяевами; 20 % – рабочих фабрик, заводов, железной дороги, пароходских предприятий; 20 % – поденных чернорабочих; 10 % – рабочих мелких ремесленных предприятий; 10 % – приказчиков; 10 % – конторщиков, чиновников; 5 % – официантов, поваров, прислуги гостиниц и ресторанов. Основными причинами конфликтов были необоснованные увольнения, неоплата сверхурочных работ, незаконные вычеты из заработка, отсутствие пособий за утрату трудоспособности, задержка выдачи документов при расчете, недовольство условиями службы, заработной платой, продолжительностью рабочего дня.

Б. Ган указывал, что при улаживании конфликтов отдел труда расследовал обстоятельства дела, а при необходимости привлекал представителей профессиональных союзов. В ряде случаев спорные дела передавались на рассмотрение согласительных комиссий. Отдел труда оказывал содействие рабочим в разработке соглашений, коллективных договоров, создании профсоюзов, их регистрации и объединению в Центральное бюро. Отделом было разработано положение о примирительных камерах, изданы постановления «Об установлении 8-часового рабочего дня в торговых и торгово-промышленных предприятиях г. Томска», «О нормировании рабочего дня для служащих ресторанов, столовых, кофейных и чайных», а также об установлении праздничного отдыха для различных категорий служащих.

Губернский комиссар указывал, что работу отдела серьезно затрудняло отсутствие нормативно-правовой базы в области регулирования трудовых отношений, недостаток «в культурных силах» и низкий уровень сознательности местного пролетариата. Б. Ган подчеркивал, что «без издания общегосударственных норм по обеспечению рабочих на случай инвалидности, болезни, безработицы и старости, без законов, действительно охраняющих женский и детский труд, без норм, обновляющих институт фабричной инспекции, без точного определения правовой силы местных отделов труда, без установления прочной связи их с центром строительная работа отдела будет зданием, построенным на песке» [17].

Все же, несмотря на имеющиеся проблемы, губернский исполнительный комитет и отдел труда продолжали свою работу. В июле отдел труда направил на Анжерские копи расценочную комиссию, в состав которой включил представителей от Совета солдатских и рабочих депутатов и общественных организаций. Другая комиссия в августе 1917 г. на Анжерских и Судженских копиях проверяла правомерность предоставления отсрочек от призыва на военную службу. По-прежнему сохранялась практика направления для разрешения конфликтов представителей исполнительного комитета или лиц, которые наделялись специальными полномочиями. Так, в начале лета Губернский исполнительный комитет поручил инженеру Салаирского рудника Степанову уладить конфликт между администрацией Кемеровского химзавода и рабочими. В августе для ликвидации забастовки на строительстве Кольчугинской железной дороги на юг Кузбасса выезжал губернский комиссар труда [18].

Аналогичные методы использовали в своей работе по урегулированию трудовых отношений уездные и поселковые комитеты. В начале лета 1917 г. Мариинский уездный исполнительный комитет направил на Бериккульский рудник для улаживания конфликта члена комитета М.Я. Хмарина и инструктора Л.С. Мазова.

Представители исполнительного комитета Центрального рудника участвовали в работе съезда золотопромышленников Мариинского района, проходившего 30 – 31 мая 1917 г. [19].

Для преодоления продовольственного кризиса комитетами разрабатывались нормы потребления, предпринимались попытки установить твердые цены на продовольствие и товары первой необходимости, организовывалось снабжение продовольствием городов и рабочих поселков. Часто в решении этого вопроса они сотрудничали с Советами и профсоюзами. Комитетам приходилось решать накопившиеся проблемы социальной сферы. Ими принимались меры для ремонта школ и больниц, устанавливались новые ставки для медиков и педагогов. В г. Тайге комитет контролировал охрану порядка, ведал продовольственными делами. Мариинский городской комитет занимался распределением продуктов, определял размер продовольственного пайка, контролировал снабжение углем местных предприятий, принимал меры, направленные на ограничение спекуляции. В Кузнецке в конце сентября члены исполнительного комитета провели обыски в частных лавках и изъяли продовольственные и промышленные товары, которые были распределены среди беднейших жителей города [20].

В конце лета – начале осени работа губернского отдела труда прежде всего была направлена на преодоление экономического кризиса. На различных совещаниях рассматривались вопросы о повышении производительности труда и укреплении трудовой дисциплины. Так, в октябре 1917 г. Томский губернский исполнительный комитет при участии Томского губернского комиссара, комиссара труда и представителя Центрального бюро союза горнорабочих заслушал доклад специальной комиссии исполнительного комитета о причинах падения производительности на Судженских коях и принял постановление, в котором определил нормативы рабочего времени, оплаты труда, выработки, установил количество обязательных выходов на работу, запретил «самоуправное действие рабочих по отношению к лицам администрации, неисполнение их законных распоряжений и ...устранение лиц администрации с занимаемых должностей» [21].

С осени 1917 г. увеличилось число трудовых конфликтов, усилилась их острота. Ухудшилась обстановка на приисках Мариинской тайги, владельцы стали закрывать предприятия. 10 сентября на Центральном руднике рабочие отстранили от занимаемых должностей управляющего и бухгалтера и изгнали их с прииска. 16 октября рабочие и служащие Стефано-Тихвинского прииска, предъявив администрации экономические и правовые требования, обратились за содействием в губернский отдел труда. После вмешательства представителя отдела труда администрация прииска отменила приказ об увольнении членов рабочего комитета, а разрешение конфликта было передано на рассмотрение Томской районной примирительной камеры. Осенью представителям губернского отдела труда приходилось участвовать в решении конфликтов на Анжерских, Судженских, Кольчугинских коях, Кольчугинской железной дороге, Георгиевском прииске Мариинского горного округа, Салаирском руднике [22].

Губернский комиссар Б. Ган, выступая с отчетом о деятельности Губернского исполнительного комитета на чрезвычайной сессии губернского земского собрания 6 декабря 1917 г., подчеркнул, что главной задачей комитета была охрана завоеванной свободы, поддержание спокойствия и порядка в губернии. Он отметил, что далеко не все задуманное удалось осуществить. Одной из причин этого была постоянная нехватка средств. Однако больше всего, по мнению Гана, «сохранению порядка и правильного хода жизни в губернии мешало невежество». Многие распоряжения комитета не выполнялись, в губернии не платились налоги, распространились спекуляция хлебом и самогонование, росла преступность. Б. Ган подчеркнул, что «нельзя что-нибудь выкроить для народа, когда сам народ тому мешает» [23].

В тот же день Томский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил себя верховной властью в городе. К концу 1917 г. буржуазно-демократические органы власти в губернском центре были расформированы.

С марта по октябрь 1917 г. буржуазно-демократическими органами власти была проделана большая работа по урегулированию трудовых отношений, выработке отраслевых нормативов, разработке трудовых договоров и тарифных соглашений. Представители органов власти принимали непосредственное участие в решении трудовых споров и конфликтов. Характерным явлением в этот период стало взаимодействие и сотрудничество органов власти с Советами, профсоюзами и иными общественными и политическими организациями в решении проблем трудящихся. КОБы, а затем исполнительные комитеты, являясь реальной властью на местах, пытались не допустить роста социальной напряженности. В целом их деятельность сводилась к поиску компромисса между различными слоями общества. Однако им не удалось найти выход из экономического кризиса и эффективно противостоять росту массового радикализма. Идея достижения социального мира осталась нереализованной.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАТО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 63. Л. 115; Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 3. Л. 116; Д. 28. Л. 5; Ф. Р-1380. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; Д. 8. Л. 19; *Известия* Томского Временного комитета общественного порядка и безопасности. 1917. 13 марта; *Голос свободы* (Томск). 1917. 15 апр., 2 мая, 6 июня; *Утро Сибири* (Томск). 1917. 15, 16 марта; *Сибирская жизнь* (Томск). 1917. 10, 14, 15 марта; *Известия* Совета солдатских депутатов Томского гарнизона. 1917. 7 апр.; *Бабикова Е.Н.* Двоевластие в Сибири. Томск, 1980. С. 57, 58, 77, 79.
2. *Известия* Томского Временного комитета общественного порядка и безопасности. 1917. 13 марта; Томск. История города. Томск, 1999. С. 182 – 183.
3. ГАТО. Ф. 428. Оп. 1. Д. 3186. Л. 3; Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 10. Л. 3; Д. 13. Л. 18 – 19; Д. 28. Л. 5; *Установление* Советской власти в Кузбассе (1917 – 1919 гг.): Сб. документов. Кемерово, 1957. С. 21, 38 – 39, 40 – 43, 44 – 48, 82.
4. *Горняки Сибири: Революция и гражданская война. Профсоюзное строительство. 1917 – 1927 гг.*: Сб. статей и воспоминаний. Новосибирск, 1927. С. 178 – 179.
5. ГАТО. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 13. Л. 5, 6, 18 – 19, 26, 28; *Сибирская жизнь*. 1917. 18 марта; *Знамя революции*. Томск, 1917. 23 июня.
6. *Новая жизнь*. 1917. 6 апр.; *Установление* Советской власти в Кузбассе. С. 57 – 67; *Чучин Ф.Г.* Из ответов на анкету участников Октябрьского переворота // В огне революционных битв: Сб. воспоминаний. Томск, 1964. С. 110.
7. ГАНУ. Ф. Д-143. Оп. 1. Д. 25. Л. 16; *Утро Сибири*. 1917. 17 марта; *Голос свободы*. 1917. 30 марта.
8. *Знамя революции*. 1917. 15 июня; *Сибирская жизнь*. 1917. 24 марта; *Горняки Сибири...* С. 313; *Установление* Советской власти в Кузбассе. С. 59, 82.
9. ГАТО. Ф. Р-1138. Оп. 1. Д. 5а. Л. 380 – 385, 389; ГАТО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 11. Л. 9; *Утро Сибири*. 1917. 16 марта; *Сибирская жизнь*. 1917. 14, 15 марта; *Октябрь* в Сибири: Хроника событий. Новосибирск, 1987. С. 17.
10. ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 110. Л. 5 – 6; ГАТО. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 28. Л. 5; *Новая жизнь* (Томск). 1917. 13 апр.
11. ГАТО. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 28. Л. 4, 8 – 12.
12. ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 570. Л. 16; *Горняки Сибири...* С. 179 – 181; *Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917 – 1919 гг.)*. Томск, 1957. С. 56; *Октябрь* в Сибири. С. 65.
13. ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 241. Л. 8, 23, 24; ГАТО. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 10. Л. 48; Д. 20. Л. 1; *Сибирская жизнь*. 1917. 8 июня.
14. ГАТО. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 11. Л. 227; *Известия* Томского Временного комитета общественного порядка и безопасности. 1917. 13 марта.
15. *Голос свободы*. 1917. 12 апр., 27 июля.
16. *Голос свободы*. 1917. 27 мая.
17. *Знамя революции*. 1917. 23 июня.
18. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 67. Л. 90; *Голос свободы*. 12, 13 июля; *Знамя революции*. 1917. 1 сент.; *Путь народа* (Томск). 1917. 25 авг.
19. *Социалист-революционер*. Мариинск, 1917. 23 июня; *Крестьянский союз*. 1917. 30 июня.
20. ГАТО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 16. Л. 1, 3; *Голос свободы*. 1917. 30 сент.
21. ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 27. Л. 1 – 10; *Голос свободы*. 1917. 15 окт.
22. ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 241. Л. 87 – 88; *Голос свободы*. 1917. 10 сент., 19, 23 нояб.; *Анфилофьев И.* Кузбасс в борьбе за Октябрь. Новосибирск, 1942. С. 18 – 19.
23. *Известия* внешкольного бюро при Томском губернском исполнительном комитете. Томск, 1917. № 6. 1 – 20 дек.

ПОЧЕМУ ТОМСК НЕ СТАЛ СТОЛИЦЕЙ «БЕЛОЙ» СИБИРИ?

Е.В. ЛУКОВ

Антибольшевистское движение на Востоке России, и в частности в Сибири, однозначно ассоциируется с Омском, «омским правительством» или «омским режимом». Современные исследователи полагают, что какой-либо альтернативы относительно центра белой власти не было. Так, В.В. Журавлев пишет: «По сути, у лидеров комиссариата (Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. – *Е.Л.*) не было выбора – из старых административных центров, освобожденных на тот момент и расположенных на Транссибирской магистрали, реально роль «столицы» мог играть только Омск. До революции он был центром не только области, но и Степного генерал-губернаторства... Наличие в городе необходимых общественных зданий, а также значительного по сибирским масштабам количества кадров бюрократии и решило вопрос» [1].

С приведенными доводами трудно не согласиться, однако нам представляется, что все было не так однозначно, поскольку наряду с административными, экономическими и социально-демографическими факторами, значительную роль в условиях гражданской войны играют факторы политические.

Особенностью зарождения антибольшевистского движения в Сибири стала его тесная связь с областничеством. В связи с этим особое значение приобрел Томск, являвшийся центром этого движения, тем более что там проживал признанный лидер областников Г.Н. Потанин и действовал кружок его имени.

Как писал один из первых историков гражданской войны в Сибири В. Вегман: «...не будет преувеличением, если скажем, что в первые месяцы февральской революции руководителем политического движения – как либерального, так и социалистического – всей Сибири был Томск. Там, между прочим, имелась также налицо самая крупная в Сибири эсеровская организация и здесь находился ее областной центр» [2].

В течение весны – лета 1917 г., в условиях тяжелейшего кризиса российской государственности, областниками-автономистами и поддержавшими их социалистами-революционерами был созван Первый областной съезд, начавший свою работу 15 октября 1917 г. в Томске. Он объявил себя «высшим законодательным органом» Сибири. На нем был избран Сибирский областной совет (и его исполнительный комитет), который объявлялся высшим органом власти в перерывах между Областными съездами. Таким образом, Томск становился своеобразной столицей «автономной» Сибири.

После захвата власти большевиками, в условиях укрепления власти Советов, с 6 по 15 декабря в Томске состоялся Чрезвычайный областной съезд. Он провозгласил создание Сибирской областной думы как высшего представительного и законодательного органа, а также избираемого ею Сибирского областного совета. Открытие думы было намечено на 8 января 1918 г.

По мере избрания депутаты собирались в Томске, где уже с конца декабря 1917 г. до приезда необходимого числа депутатов, начали свою работу частные совещания членов думы. Однако начать работу СОД так и не удалось. В ночь с 25 на 26 января Томский совет рабочих и солдатских депутатов санкционировал проведение арестов депутатов и членов Временного областного совета. Избранное на тайном заседании думы Временное правительство автономной Сибири (ВПАС) избрало своей временной резиденцией Харбин. В Томске же был создан Западно-Сибирский комиссариат (ЗСК), который должен был руководить антибольшевистским движением в Западной Сибири.

Однако, наряду с ЗСК, во многих городах Сибири в течение февраля – мая 1918 г. появляются комиссариаты, действовавшие от имени Сибирского правительства. Среди них достаточно влиятельной стала организация в Омске, где между местными деятелями были распределены портфели предполагаемого временного правительства, а военная организация насчитывала до трех тысяч человек.

В апреле штаб Западно-Сибирского военного округа переехал из Томска в Новониколаевск. Там же нередко находилась и члены ЗСК. Однако Томск продолжал восприниматься своего рода политическим центром. Даже направленная в Сибирь делегация Добровольческой армии во главе с генералом Флугом имела «относительно Томска... смутные сведения об образовании там какого-то «Сибирского» небольшевистского правительства» [3].

К началу июня 1918 г. часть Западной Сибири с городами Новониколаевском, Мариинском и Томском была освобождена от Советской власти в ходе чехословацкого выступления, поддержанного русскими антибольшевистскими организациями. Сразу же после переворота в городах Сибири заявили о себе члены подпольных организаций, которые объявили себя «Уполномоченными Сибирского правительства». Самым «легитимным» из всех претендентов на власть оказался ЗСК, который выступал от имени Сибирского правительства, избранного Областной думой.

До настоящего времени окончательно не выяснен вопрос о том, где Комиссариат начал свою деятельность. Дело в том, что в момент выступления чехов Комиссариат оказался разделен. Б.Д. Марков и В.О. Сидоров были арестованы и находились в томской тюрьме. П.Я. Михайлову удалось избежать ареста, но он находился на нелегальном положении в Томске. М.Я. Линдберг же находился в Новониколаевске. Поскольку Новониколаевск был освобожден раньше Томска, то первые воззвания от имени ЗСК появляются именно там, а затем уже в Томске, от имени освобожденных членов Комиссариата.

В то же время омская организация полковника Иванова-Ринова решила перехватить инициативу по созданию верховной власти. Подобные действия вызвали серьезные опасения у ЗСК. 5 июня Комиссариат принимает решение о переезде в Новониколаевск, где уже находился штаб Западно-Сибирского военного округа, а затем в Омск. После проведенных там переговоров Западно-Сибирский комиссариат стал сибирским высшим органом власти. Соответственно новой резиденцией правительства стал Омск. В то время «Сибирская речь» писала, что «Омск – центр Сибири, средоточие деловой и административной жизни. Томск – провинциальный в деловом и политическом смысле город» [4]. Однако дело было не только в этом. Реальной властью обладали военные, которые тяготели к Омску, где располагались руководящие органы Сибирского казачьего войска.

В то же время Томск оставался политическим центром, поскольку там с 5 июня начало работу Частное совещание членов Сибирской думы [5]. Причем ни правительство в Омске, ни Частное совещание не чувствовали себя уверенно, поскольку не обладали достаточной легитимностью. В конечном итоге, между раз-

личными политическими группировками был достигнут компромисс. Председатель думы И.А. Якушев «оформил» передачу власти от ЗСК к ВСП, а Сибирское правительство соглашалось на созыв думы при условии ее пополнения цензовыми элементами. Днем возобновления работ СОД правительство назначило 15 августа. К этому времени всем депутатам предлагалось прибыть в Томск.

В начале июля эсеровская фракция Частного совещания направила в Омск делегацию, которая должна была убедить правительство переехать в Томск и объединиться с думой, чтобы тем самым заставить военное командование подчиниться «демократической» власти. Была достигнута договоренность, что министры придут в Томск для открытия думы и там обсудят вопрос о переезде правительства. 9 июля делегация вернулась в Томск. Газета «Сибирская жизнь» отмечала по этому поводу: «Прибывшие члены правительства, вероятно, останутся здесь совсем, в ожидании переезда остальных из Омска» [6].

Открытие работы Сибирского «парламента» состоялось в назначенный срок. Во время работы Областной думы П.В. Вологодский посетила делегация в составе депутатов М.А. Кроля, И.Г. Гольдберга и М.С. Фельдмана. Они вновь стали настаивать на переносе резиденции правительства в Томск. Вологодский начал было склоняться к этому и даже направил в Омск телеграмму, где говорилось: «... часть Правительства, находящаяся в настоящее время в Томске, высказывается в виду изменившихся условий за перемещение центра правительственной деятельности в Томск» [7].

16 августа по этому поводу состоялось совещание управляющих министерствами и их товарищей в Омске. Все они, кроме представителя Государственного контроля, высказались против переезда правительства в Томск и постановили свое решение довести до сведения министров в Томске. 18 августа в «Сибирской речи» появилась статья под характерным названием «Омск или Томск?». В ней указывалось на то, что «если только сибирское Временное правительство не пришло к выводу о необходимости заменить властью иного состава, оно не может и думать об уходе из Омска» [7].

20 августа ночью Вологодский и члены правительства в связи с опасностью «государственного переворота» срочно выехали в Омск специальным поездом. На заседании 25 августа Совет министров признал, что «перемена местопребывания (правительства. – *Е.Л.*) в настоящее время невозможна. Допустим лишь переезд в Томск некоторых ведомств, например, министерств народного просвещения или туземных дел» [8]. Также 7 сентября Совет министров принял постановление об учреждении Высшего сибирского суда, местом пребывания которого был определен Томск.

Временно вопрос о переносе столицы в Томск был снят с повестки дня, однако, как писал в своих воспоминаниях Г.К. Гинс, решить его без конфликта было нельзя [9]. И этот конфликт не заставил себя ждать. Накануне открытия Государственного совещания в Уфе, где предполагалось избрать Всероссийское правительство, активизировалась борьба политических групп за власть. В Сибири она вылилась в противостояние Административного совета и Сибирской областной думы. Эта борьба достаточно подробно освещена в исторической литературе. Отметим лишь, что члены думы не решились использовать в своей борьбе чехословаков, что давало им единственный шанс поставить командование Сибирской армии под контроль гражданской власти. При этом Томск мог вернуть себе статус «столицы». Однако Сибирская дума, да и эсеры в целом, проиграли борьбу за власть на Востоке России. Более того, вскоре Томск лишился и оставшейся небольшой части столичных функций – Высший сибирский суд так и не был создан,

а Министерство народного просвещения в январе 1919 г. вновь было переведено в Омск.

Подводя итог, отметим главные политические причины, не позволившие Томску удержать роль политического центра. Во-первых, Томск заявил о себе как центр областничества, а областнические идеи уступили место лозунгу восстановления «единой и неделимой» России. Во-вторых, Томск стал центром эсеров, опирающихся на думу, а они не смогли создать своих собственных вооруженных отрядов, и не решились опереться на «чехословацкие штыки» во время сентябрьского кризиса и в итоге потерпели поражение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Журавлев В.В.* Государственная власть сибирской контрреволюции (май – ноябрь 1918 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. С. 14.
2. *Вегман В.* Как и почему пала в 1918 г. Советская власть в Томске // *Сибирские огни*. 1923. № 1 – 2. С. 127.
3. *Отчет о командировке из Добровольческой Армии в Сибирь в 1918 г.* // *Архив русской революции*. М., 1991. Т. 9. С. 244.
4. *Сибирская речь* (Омск). 1918. 23 июня.
5. *ГАРФ*. Ф. 151. Оп. 1. Д. 5. Л. 51.
6. *Сибирская жизнь* (Томск). 1918. 10 июля.
7. *Сибирская речь*. 1918. 18 авг.
8. *Омский вестник* (Омск). 1918. 27(14) авг.
9. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. 1918 – 1920 гг. Пекин, 1921. Т. 1, ч. 1. С. 177.

**ТОРГОВО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ТОМСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО РАБОЧЕГО КООПЕРАТИВА
В 1924 – 1925 гг.**

Н.В. ВОРОБЬЕВ

Исследованию кооперативного движения в нашей стране посвящена обширная литература, но ее основные выводы и заключения до сих пор не востребованы практикой. В условиях перехода к рыночным отношениям необходимо позаботиться о совершенствовании механизма защиты потребителей, и в этом плане опыт городской и рабочей потребительской кооперации в годы нэпа представляет существенный интерес.

На примере деятельности Томского Центрального рабочего кооператива (ЦРК) в 1924 – 1925 гг. можно рассмотреть главные направления его торгово-хозяйственной работы, выявить вклад кооператива в обслуживание потребительских нужд пайщиков. Временные рамки исследования обусловлены тем, что Томский ЦРК к 1924 г. развернул широкую торговую и кооперативно-массовую работу. В 1925 г. в значительной степени проявились преимущества перехода потребительской кооперации на добровольное членство. В целом это был период наиболее полного воплощения кооперативных принципов в практику деятельности потребительских обществ в годы нэпа, за которым последовало огосударствление кооперации.

В первые годы нэпа в Томске насчитывалось большое число рабочих кооперативов, что было обусловлено как политикой государства, так и стремлением трудящихся к решению вопросов обеспечения промышленными и продовольственными товарами своими силами. В мае 1922 г. Томским губернским рабочим кооперативным комитетом (Губрабкоопом) в Томске было зарегистрировано 25 рабочих кооперативов [1, с. 7]. Однако эти карликовые объединения были не в состоянии решить задачу полного обслуживания потребительских нужд своих пайщиков. Между ними существовала конкуренция, параллелизм, поэтому в 1923 г. была проведена реорганизация сети городской и рабочей кооперации г. Томска. Суть ее заключалась в ликвидации маломощных рабкоопов, их укрупнении и слиянии. В мае 1923 г. был образован Томский ЦРК (многолапочный кооператив с централизованной системой управления)¹. Этим была достигнута концентрация сил и средств, ликвидирована конкуренция внутри рабочей кооперации. Была упорядочена торговая сеть: часть магазинов в центре была закрыта, а число лавок на окраинах города увеличено. Более того, было открыто два отделения при загородных промышленных предприятиях. Только с образованием ЦРК рабочая кооперация получила возможность организации плановой работы и получения широкого кредита от государственных и кооперативных органов. Торговые обороты с июня по декабрь 1923 г. возросли в 8 раз (с 25 000 до 199 000 руб.), а численность

¹ В ЦРК не вошли рабкооп психолечебницы и «Кубу» (кооператив сотрудников вузов). Кооператив «Звезда» вступил в ЦРК 18 июня 1925 г.

пайщиков увеличилась в 9 раз (с 880 человек на 1 июля 1923 г. до 7 912 человек на 1 января 1924 г.) [1, с. 33].

Таким образом, организация ЦРК послужила предпосылкой бурного роста рабочей кооперации, который наблюдался со второй половины 1923 г. до конца рассматриваемого периода. Развитие Томского ЦРК в 1924 – 1925 гг. проходило в условиях перехода потребительской кооперации на добровольное членство, что было узаконено постановлением ЦИК и СНК СССР от 28 декабря 1923 г. Это способствовало частичному преодолению тех антидемократических принципов кооперативного строительства, которые сохранялись со времен «военного коммунизма» (обязательное членство в кооперации, жесткий контроль со стороны партии и государства и т.д.) [2]. В это время наблюдался общий хозяйственный подъем в стране, проводилась денежная реформа, отмечался рост реальной заработной платы трудящихся. Все это способствовало росту покупательной способности населения. В этих условиях 13-й съезд РКП(б) (май 1924 г.) в качестве одной из основных задач городской и рабочей кооперации выдвинул достижение максимально возможной реализации заработной платы рабочих и служащих в ее торговой сети. В связи с этим было предложено как можно быстрее перейти от обслуживания всего населения к обслуживанию членов-пайщиков городских и рабочих кооперативов. В резолюции 13-го съезда РКП(б) определялось также, что «...задача развития кооперации есть прежде всего задача вытеснения из торговли частного капитала» [3]. Вопросы улучшения деятельности городской и рабочей потребительской кооперации, укрепления ее финансового состояния являлись предметом постоянной заботы профсоюзных организаций Сибири. На сибирском совещании губернских советов профсоюзов в мае 1924 г. было решено добиваться увеличения капитала ЦРК и городских потребительских обществ (ГорПО), расширения ассортимента товаров в торговых точках городской и рабочей кооперации, улучшения обслуживания рабочего потребителя, снижения наценок [4].

Торгово-хозяйственная деятельность городской и рабочей кооперации Сибири в 1924 г. отличалась стремительным ростом торговых оборотов. В этом ей оказывали прямую поддержку партийные, государственные, торговые и кредитные учреждения. Так, за 4 месяца 1924 г. розничный товароборот Томского ЦРК увеличился со 183 435 руб. в январе до 488 121 руб. в апреле (т.е. более чем в 2,5 раза) [5]. Однако дальнейшее развитие торговых оборотов упиралось в нехватку средств, так как стремительное увеличение лавочной сети и торговых оборотов рабочей и городской кооперации требовало все новых и новых капиталов. Поэтому Сибкрайком РКП(б) 24 июля 1924 г. принял постановление «Об усилении средствами рабочей кооперации». Оно предписывало создать спецфонд из активов Сибкрайсоюза для целевого кредитования ЦРК и ГорПО [6]. Всего на обслуживание городской и рабочей потребительской кооперации Сибкрайсоюз выделил 500 тыс. руб., но и эта сумма была в 2 раза меньше требуемой: ведь только губернские ЦРК Сибири запрашивали 480 тыс. руб. [7].

Переход потребительской кооперации на добровольное членство открыл новые возможности пополнения оборотных средств. Кооперативы получили право включать в свой состав на правах юридических лиц профсоюзы, жилищные товарищества и т.д., что предполагало внесение соответствующих взносов. Если рассмотреть такой способ увеличения капиталов ЦРК и ГорПО, как вклады и займы, то основные их суммы в 1924 – 1925 гг. вносились не физическими лицами, как было в 1921 – 1923 гг., а юридическими. Так, в Томском ЦРК сумма вкладов и займов на 10 июня 1923 г. была 654 руб., а на 1 октября 1924 г. – 36 512 руб., что составило 3,3% всех средств (по другим губернским ЦРК Сибири – 3%) [8].

Стремление Томского ЦРК к энергичному расширению товарооборота и полному овладению рынком вызвало осенью 1924 г. сильный финансовый кризис. Самым уязвимым местом его торгово-коммерческой деятельности стал недостаток собственных средств, основу которых составляли паевые взносы и торговая прибыль. Доля собственных средств ЦРК снизилась с 46,3% на 10 июня 1923 г. до 14,5% на 1 октября 1924 г. (в некоторых ЦРК ситуация была еще более кризисной: доля собственных средств в Омском ЦРК составила лишь 3,9%, в Бийском – 10,5%) [9; 1, с. 27].

Ввиду незначительности собственных средств потребовалось привлечение кредитов в гораздо больших размерах, чем это допускало финансовое состояние кооператива. Ненормальность такого положения сказалась при снижении розничных цен, предпринятом по инициативе партийных органов в 1924 г. Общая сумма уценок в Томском ЦРК за 1924 г. составила 127 тыс. руб. Кроме того, Томский ЦРК продолжал расширять лавочную сеть несмотря на серьезные затруднения при погашении платежных обязательств банкам и госпромышленности. Если в мае 1923 г. сеть включала 8 торговых пунктов, то на 1 января 1925 г. – 22. Часть торговых точек не приносила прибыли, оборот в некоторых из них не превышал 1 тыс. руб. в месяц [10, с. 22; 1, с. 19].

В конце 1924 г. ухудшились условия получения кредитов: сроки кредита сократились, а условия его предоставления ужесточились. При покупке товаров у госорганов требовалась предоплата от 20 до 50 % стоимости [1, с. 29]. Поэтому с осени 1924 г. усилия правления Томского ЦРК сосредоточились не на привлечении все новых средств, а на наиболее рациональном использовании уже имеющихся.

Тяжелое финансовое положение ЦРК и ГорПО стало предметом особого внимания партийных, профсоюзных и кооперативных органов. Сибкрайком РКП (б) 5 февраля 1925 г. принял постановление «О рабочей кооперации», где предлагал устранить недостаток за счет максимального кооперирования членов профсоюза, увеличения собственных средств кооперации, усиления самостоятельности пайщиков, оживления деятельности выборных органов кооперации, укрепления рабочей кооперации квалифицированными кадрами [11].

Набор антикризисных мер, проводимых правлением Томского ЦРК, включал в себя активизацию работы по кооперированию населения, усиление сбора паевых взносов, сокращение расходов на содержание аппарата и т.д. Так, общее число сотрудников Томского ЦРК, достигнув на 1 января 1925 г. 317 человек, уже к 1 апреля 1925 г. сократилось до 230 человек. Это привело к уменьшению расходов почти на 1% [1, с. 15].

Вместе с тем были приняты меры к увеличению численности Томского ЦРК. С этой целью проводились пропагандистские кампании среди профорганизованного населения, предоставлялись льготы при вступлении в кооператив (например, широко практиковалась рассрочка по внесению пая). Кооперирование членов профсоюза в г. Томске без железнодорожников и работников водного транспорта составило на 1 декабря 1925 г. 72,8%, увеличившись по сравнению с 1 января 1925 г. на 15,7%. Общая численность пайщиков Томского ЦРК возросла с 14 987 человек на 1 декабря 1924 г. до 18 524 человек на 1 декабря 1925 г., среди которых мужчины составляли 75,5%, женщины – 24,5%; рабочие – 49,2%, служащие – 38,3%, учащиеся – 6,8%, крестьяне – 1,9%, военные – 1,7%, прочие – 2,1% [10, с. 9, 11]. Активная работа по кооперированию членов профсоюза и сбору паев способствовала увеличению собственных капиталов по сравнению с 1924 г. на 41,2% (в среднем по городской и рабочей кооперации Сибири – на 29,3%) [12, с. 9].

Важным элементом сохранения реальной заработной платы трудящихся являлся ассортимент рабочей кооперации. Ассортимент Томского ЦРК в 1925 г.

состоял на 53,6% из продуктов питания, бакалейных и гастрономических товаров, 21,5% – мануфактуры, 9,1% – обуви и кожаных товаров, 5,6% – галантереи и парфюмерии, 4,8% – посуды и железно-скобяных товаров, 4,1% – вино-водочных изделий, 1,3% – прочих товаров, что свидетельствовало о преобладании предметов рабочего потребления. Сходный ассортимент товаров имелся и в других губернских ЦРК Сибири [10, с. 32; 13, с. 24]. Правление Томского ЦРК принимало меры по сокращению накладных расходов, наценок, увеличению оборота товаров, но все-таки по этим показателям не удалось достичь среднего общесибирского уровня [12, с. 10].

На повышение материального благосостояния пайщиков было направлено долгосрочное индивидуальное кредитование. С 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. в Томске кредитом воспользовалось 3 790 человек (или 20% членов профсоюза – без железнодорожников и водников). Средний размер кредита составлял 34 руб. 90 коп., а для малооплачиваемых категорий трудящихся устанавливался повышающий коэффициент [10, с. 38]. По основным показателям торговой работы по итогам 1925 г. Томский ЦРК входил в число лидеров среди сибирских кооперативов. Прибыль от торговой работы по итогам 1924/25 хозяйственного года составила 9 394 руб. 25 коп., тогда как за 1923/24 хозяйственный год она равнялась всего лишь 110 руб. 37 коп. [14, с. 7]. Правление Томского ЦРК вело борьбу с убытками, растратами и хищениями. Все виновные в злоупотреблениях отстранялись от работы, а в случае необходимости на них заводились уголовные дела. Общая сумма растрат за период с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. составила 29 830 руб. 89 коп. [14, с. 3]

Томский ЦРК был крупной организацией, осуществлявшей многоплановую деятельность по улучшению обслуживания своих пайщиков и других жителей города. Он имел хлебпекарню (ее прибыль за 1924/25 хозяйственный год составила 15 904 руб. 17 коп.), столовую, кондитерскую, заключил договор с артелью сапожников численностью более 100 человек на поставки обуви в магазины кооператива [10, с. 51 – 55; 14, с. 7]. В сентябре 1924 г. была открыта столовая для обслуживания студентов. Ее средняя пропускная способность в день – более 800 обедов, 74% которых отпускалось в кредит. Важно отметить некоммерческий характер данного предприятия, стремление «...дать пролетарскому студенчеству сытный, доброкачественный обед по наиболее дешевой цене». Поэтому столовая принесла убыток, который составил в июне 1925 г. 384 руб. 46 коп. [10, с. 53]. Этот дефицит покрывался за счет прибыльной работы других предприятий.

Правление ЦРК в августе 1924 г. заключило договор с артелью сапожников, которая поставила в магазины ЦРК с середины апреля по 1 октября 1925 г. 7 911 пар обуви на сумму 120 658 руб. 76 коп. Прибыль от этого производства за 1924/25 хозяйственный год – 9 756 руб. 67 коп. [10, с. 55]. В течение 1924 г. ЦРК арендовал кондитерскую фабрику у Губкомхоза. Продукция предприятия была очень высокого качества и пользовалась спросом в масштабах всей губернии. Прибыль фабрики за 1924 г. составила 6 234 руб. 66 коп. В начале 1925 г. она была передана Губернскому кооперативному объединению инвалидов [1, с. 39-40]. В целом, производственная деятельность Томского ЦРК ограничивалась теми предприятиями, которые непосредственно способствовали улучшению домашнего быта трудящихся. По балансу на 1 июля 1925 г. в промышленные предприятия было вложено около 20 тыс. руб., т. е. не больше 2% всех средств ЦРК или около 9% собственных средств [1, с. 39-40]. Важно отметить, что кроме обеспечения населения товарами первой необходимости, производственная деятельность Томского ЦРК способствовала решению важных социальных задач.

Успехи Томского ЦРК не могли не сказаться на повышении его значения в городском розничном товарообороте. Он стал самой крупной розничной торговой организацией города, но и в 1925 г. уступал первенство частному капиталу. Значение ЦРК в деле обслуживания потребительских нужд своих пайщиков было гораздо весомее: степень реализации заработной платы в ЦРК среди членов профсоюза достигла осенью 1925 г. 47%, что лишь немного уступало достижению одного из лидеров рабочей кооперации СССР – Ленинградского ЦРК, где этот показатель на тот же период времени – 50% [10, с. 37; 15]. Вместе с тем успехи кооперации могли быть более значительными, если бы произошло не частичное, а полное восстановление принципов и механизма деятельности, присущих этой организации. Для продуктивного функционирования кооперация нуждалась в гарантии права свободного проявления, но этого права Советское государство не могло ей представить.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чеканов В.* Краткий очерк развития рабочей кооперации г. Томска за период июнь 1921 – июль 1925 // *Материалы 4-го собрания уполномоченных Томского ЦРК, 3-5 января 1926 г.* Томск, 1926.
2. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 385.*
3. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986 гг.).* 9-е изд. Т. 3. М., 1983. С. 168, 237–239.
4. *Профессиональное движение.* 1924. № 11. С. 1.
5. *Ботвинник Е.Г.* Торговля в 1923-24 г. и ближайшие задачи // *Жизнь Сибири.* 1924. № 7-9. С. 51 - 61.
6. *РГАСПИ.* Ф. 17. Оп. 32. Д. 8. Л. 9; *ГАНО.* Ф. П-2. Оп. 2. Д. 16. Л. 45.
7. *Кооперативная Сибирь.* 1924. № 27. С. 11.
8. *Кооперативная Сибирь.* 1924. № 47–48. С. 21; *Чеканов В.* Указ. соч. С. 27.
9. *ГАРФ.* Ф. 374. Оп. 14. Д. 131. Л. 126; *ГАНО.* Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 191. Л. 54.
10. *Отчетный доклад Правления Томского ЦРК с 1 января по 1 декабря 1925 г.* // *Материалы 4-го собрания уполномоченных Томского ЦРК, 3-5 января 1926 г.* Томск, 1926.
11. *Известия Сибкрайкома РКП(б).* 1925. № 2. С. 35 - 36.
12. *Протоколы 4-го собрания уполномоченных Томского ЦРК, 3-5 января 1926 г.* // *Материалы 4-го собрания уполномоченных Томского ЦРК, 3-5 января 1926 г.* Томск, 1926.
13. *Отчет правления Красноярского ЦРК «Самодетельность» за 1924-25 операц. год 7-му собранию уполномоченных.* Красноярск, 1925. С. 24.
14. *Доклад ревизионной комиссии Томского ЦРК к собранию уполномоченных о работе за 1925 год* // *Материалы 4-го собрания уполномоченных Томского ЦРК, 3-5 января 1926 г.* Томск, 1926.
15. *Рабочая кооперация Ленинграда.* Л., 1926. С. 16.

**ТОМСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ
(1920 – 1925 гг.)**

В.Н. ГУЗАРОВ

Ленинская партия объединяла коммунистов огромной страны. До 1919 г. чёткой структуры местных организаций не существовало. Лишь в ходе гражданской войны ЦК РКП(б) создал губернские комитеты, которые стали его непосредственной опорой в регионах. Уставы партии никогда не фиксировали число сотрудников аппарата губкома. В декабре 1919 г. на VIII Всероссийской партийной конференции прозвучало предложение ограничить количество ставок для губернского комитета, но оно не прошло.

В апреле 1920 г. Сибирское бюро ЦК опубликовало инструкцию по организации губернских комитетов партии. Структура губкома строилась под аппарат ЦК. В секретариате губернского комитета выделялось 7 отделов: агитационно-пропагандистский, организационно-инструкторский, учётно-информационно-статистический, общий, по работе в деревне, среди женщин, национальные секции [1]. Внутренняя структура отделов не уточнялась.

Томский губернский комитет правящей партии был сформирован ЦК РКП(б) и Сибирским бюро ЦК в январе 1920 г. Губкому подчинялись уездные, районные и волостные комитеты. В августе 1920 г. в штате губернского комитета насчитывалось 55 сотрудников. По терминологии того времени, они делились на «ответственных» и «технических». Первые были задействованы на руководящей работе, а вторые – на канцелярской. На 11 «ответственных» приходилось 44 «технических».

В сентябре 1920 г. ЦК РКП(б) признал нецелесообразным для губкомов отделы военные и субботников. С ликвидацией деревенских отделов ЦК решил повременить¹. В аппарате губернского комитета оставалось 6 отделов со штатом 44 сотрудника. Как правило, это были молодые люди после армии, с минимальным образованием, уроженцы западных губерний России. Немногие из них могли гордиться длительной работой у станка. За 1920 г. общий отдел переместился с четвёртого места на первое, организационно-инструкторский сохранил вторую позицию, а информационно-статистический – третью. Это отражало реальности партийной жизни того времени. Значение организационной работы явно возрастало.

В январе 1921 г. ЦК утвердил единую структуру построения губернских комитетов. Важнейшей функцией губкома становилось инструктирование нижестоящих организаций. Губернским инструкторам предоставлялись довольно большие права: «а) Изучение всех подчинённых губкому организаций; б) наблюдение за правильностью их построения и инструктирования по всем вопросам; в) осуществление организационного единства и укрепление партийного аппарата» [2]. В июле 1921 г. в Сибири появился проект увеличения пролетарской прослой-

¹ В Томском губкоме деревенский отдел ликвидировали 16 ноября 1920 г.

ки в партийном аппарате до 25%. Однако он явно запоздал. В марте 1921 г. X съезд РКП(б) по инициативе В.И. Ленина осудил подобное квотирование как анархическое.

Важным нововведением X съезда РКП(б) стали контрольные комиссии (КК), призванные бороться с бюрократизмом. В действительности контрольные комиссии создавались прежде всего для ликвидации оппозиционных группировок. Противодействие бюрократизму и карьеризму так и не стало приоритетной задачей КК. Численность губернской контрольной комиссии определялась в 5 человек. Таким образом, штаты губкома продолжали увеличиваться.

XI Всероссийская партийная конференция (декабрь 1921 г.) повысила планку требований к секретарям губернских комитетов. Претенденты на эту должность, помимо прочих достоинств, обязаны были иметь солидный партийный стаж: до октября 1917 г. Конференция высказала также пожелание, чтобы «секретари губернских и уездных партийных комитетов утверждались вышестоящей партийной инстанцией» [3]. Это положение конференция выносила на утверждение очередного XI съезда РКП(б). Конференция вдвое увеличила сроки созыва губернских и уездных конференций. Теперь губком избирался раз в 6 месяцев. Новые кандидатуры рекомендовали ЦК и Сиббюро. Постоянная ротация секретарей рассматривалась Москвой как надёжное противоядие против областного сепаратизма. Среди руководителей губкома коренных томичей не было. В октябре 1921 г. орготдел губкома возглавлял Мартемьян Рютин, прибывший из Иркутской губернии. Позднее он будет работать в одном из районов Москвы и войдёт в историю как автор знаменитой антисталинской платформы.

В отчёте Томского губкома за вторую половину 1921 г. сообщалось: «До последнего времени сотрудники губкома были поставлены в столь тяжёлые материальные условия, что если они попадали в губком, то не выдерживали и стремились скорей перевестись на другую работу, в другое учреждение» [4]. В августе 1922 г. ЦК принял решение срочно улучшить материальное положение активных партийных работников. Эта мера коснулась не всего аппарата. Каждый из ста губкомов мог повысить зарплату не более чем 17 активистам. Вводилась новая тарифная сетка. Секретари губкомов были отнесены к высшему 17-му разряду, наравне с членами ЦК. Члены губернской КК получили 16-й разряд, инструкторы губкома – 14-й. Для заведующих отделами губкомов крупных промышленных центров допускалось повышение на один разряд, но не выше 16-го. Разрешалось и персональное повышение ставки на один разряд.

В промежутке между XI и XII съездами (апрель 1922 – март 1923 гг.) была проделана большая работа по подбору подпольщиков на должности секретарей губернских комитетов. Секретариат ЦК отозвал из одних губерний в другие или вовсе снял с должности 37 секретарей губкомов. Кроме того, в провинцию ЦК рекомендовал 42 человека на посты секретарей губкомов [5]. Одним из них был А.П. Марцинковский. До 1917 г. он работал в Риге, Петрограде, Германии и США. В годы гражданской войны возглавлял ревтрибунал Восточного фронта [6]. А.П. Марцинковский возглавлял агитпроп, а затем стал секретарём Томского губкома. В апреле 1923 г. ЦК отозвал его на пост секретаря Новониколаевского губкома. Однако Марцинковский заболел и умер. Разумеется, секретари губкома с подобной биографией были редким исключением.

На 1 января 1923 г. в губкоме служили 65 сотрудников. Из них 10 были студентами, лишь двое имели высшее образование. В октябре 1923 г. ЦК развернул кампанию по сокращению штатов губернских комитетов. Томский губком был урезан с 76 до 50 ставок [7]. Это делалось с целью лишить аргументов Л.Д. Троцкого и других оппозиционеров, акцентировавших внимание коммунистов на росте

партийной бюрократии. В ноябре 1923 г. томичи сократили аппарат ещё на 7 человек, уволив в том числе 3 инструкторов. В конце 1923 г. новое штатное расписание губкома имело только 37 ставок. Однако Центральный комитет постоянно издавал директивы об усилении отдельных звеньев губернского аппарата. Возникали и новые звенья: национальные секции, отделы по работе в деревне, комиссии по истории партии и т.д. В результате количество ставок опять увеличивалось.

В октябре 1923 г. Л.Д. Троцкий обвинил ЦК в отмене выборов секретарей губернских комитетов. В коллективном ответе членов Политбюро оппозиционеру содержались ссылки на решения XI и XII съездов РКП(б) о повышении стажа секретарей губкомов. Однако далее в ответе членов Политбюро появились такие положения, которые съездом одобрены не были. Например, секретари губкомов и укомов «должны утверждаться вышестоящими партийными инстанциями. Это, конечно, значительно ограничивает «развёрнутую демократию» – но это абсолютно необходимо в видах ограждения партии от нэповских влияний» [8]. Таким образом, Л.Д. Троцкий вынудил Политбюро довести до сведения партийных организаций ранее келейно принятое решение о назначении или утверждении губернских секретарей.

Критика фракционного выступления Л.Д. Троцкого началась в Сибири лишь в конце декабря 1923 г. и продолжалась около месяца, до смерти В.И. Ленина. Секретарь Томского губкома В.С. Калашников поддержал линию ЦК, выступил в защиту партийного аппарата. Следует учитывать, что в конце 1923 – начале 1924 г. губернские функционеры считали Л.Д. Троцкого вождём и были весьма сдержаны на критику в его адрес. Газета Томского губкома писала: «Партия не допустит “перетряхивать” аппарат так, как этого хотят некоторые особенно ретивые товарищи» [9]. Лишь в ноябре 1924 г. томичи начали открытую критику Л.Д. Троцкого. Губернская партийная конференция обратилась в ЦК с просьбой «принять все нужные меры к тому, чтобы решительно прекратить дальнейшие шаги тов. Троцкого в подобном направлении» [10].

В апреле 1924 г. Томский губком отмечал: «Основной работой орготдела, которая красной нитью проходила через всю его деятельность за эти последние два с лишним года, являлась работа по укреплению партийного аппарата, и она до известной степени выполнена» [11]. Более чем из пятидесяти должностей Томского губкома Центральный комитет непосредственно контролировал 11 важнейших. Это посты секретаря губкома, заведующего учётно-распределительным отделом и так далее. Прежде чем выдвигать человека на должность, губком должен был заручиться согласием Москвы.

В июне 1925 г. Томский губернский комитет перестал существовать. Его правопреемниками стали Томский и Кузнецкий окружные комитеты. Штат каждого из них составлял 44 сотрудника.

Таким образом, на протяжении пяти лет состав губкома колебался в пределах 50 – 60 сотрудников. Соотношение «ответственных» и «технических» работников изменилось в пользу первых. «Ответственные» работники были профессиональными руководителями фактически независимыми от ячеек. Каждое сокращение сопровождалось последующим ростом числа выделенных ставок. Временное сокращение аппарата в конце 1923 г. сменилось резким ростом в 1925 г. Переход на окружную систему почти в два раза увеличил партийный аппарат в прежних границах губернии. Если учитывать выделение Новониколаевской губернии из состава Томской, то этот рост будет ещё большим.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Изв.* Сиббюро ЦК РКП(б). 1920. 4 апр.
2. *Изв.* ЦК РКП (б). 1921. № 27. С. 2.
3. *КПСС* в резолюциях... Т. 2. С. 309.
4. *Красная звезда*. 1922. № 7–8. С. 14.
5. *Изв.* ЦК РКП (б). 1923. № 3(51); № 4(52).
6. *Чугунов М.* Революционер ленинской школы // *Кузбасс*. 1971. 15 июля.
7. *ЦДНИТО*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109. Л. 22.
8. *Изв.* ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 185.
9. *Красное знамя*. 1924. 5 янв.
10. *Бюл.* № 5, 6 9-й Томской губернской партийной конференции РКП(б). 1924. Дек. С. 33.
11. *ЦДНИТО*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 14.

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРОВ
И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В 1945 г. – НАЧАЛЕ 1980-Х гг.¹**

К.В. ПЕТРОВ

Прежде всего, необходимо отметить, что преподаватели и студенты университета в послевоенное десятилетие помогали преодолеть последствия войны не только подготовкой специалистов, но и вполне конкретными мероприятиями. Они работали на строительстве трамвайной линии в городе, помогали городу в заготовке дров и в восстановительных работах на ряде промышленных предприятий Томска. Молодежь университета ежегодно участвовала в уборке урожая в колхозах и совхозах Томской области.

Ректоратом и партбюро университета в 1953 г. были созданы специальные шефские комиссии по оказанию помощи Асиновской МТС и колхозу «Путь к коммунизму». Помощь носила научный, технический и культурно-массовый характер. В дальнейшем шефство университета приняло широкие масштабы. Университет шефствовал над инструментальным, электроламповым и химическим заводами, над городской типографией, двумя детскими садами и несколькими школами [1].

Одним из важнейших проявлений шефства являлась агитационно-пропагандистская работа. В рассматриваемый период преподаватели и студенты университета прочитали несколько тысяч лекций.

Профессора и преподаватели ТГУ вели в городе и области большую пропагандистскую деятельность. Они преподавали в вечерних университетах, выступали на страницах областной газеты и по радио, проводили вечера, посвященные памятным литературно-историческим датам, читали лекции для населения и т. д. Как правило, преподаватели начинали заниматься общественной работой еще со студенческой скамьи. Нередко у каждого из них было по несколько поручений, что отнимало много времени и мешало основной работе. Д.М. Зольников пишет в своих воспоминаниях: «Даже я, со своими болями и инвалидностью, немало поработал: руководил агитколлективом на первых послевоенных выборах Верховного Совета СССР, избирался первым секретарем, потом – заместителем секретаря партбюро ВЛКСМ историко-филологического факультета, членом парткома ТГУ, пять лет редактировал университетскую многотиражку «За советскую науку». Времени на редактирование я затрачивал не меньше, чем на подготовку к лекциям и семинарам. И бесплатно» [2].

На протяжении почти всего рассматриваемого периода, начиная с 1947 г., особенно много внимания уделялось участию преподавателей в распространении политических и научных знаний.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 03-03-00585 а/Т).

Активное участие преподавателей Томского университета в просвещении населения было традицией, идущей практически с момента открытия вуза. Учредительное собрание «Общества по распространению политических и научных знаний» состоялось 7–10 июля 1947 г. (в 1963 г. было переименовано в общество «Знание»). На нем присутствовал делегат от ТГУ И.П. Лаптев. Среди членов Общества были профессора и доценты всех вузов Томска. Долгое время правление возглавлял академик АМН СССР, ректор ТМИ И.В. Торопцев, после него – директор НИИЯФ при ТПИ А.Н. Диденко, затем – Г.А. Месяц.

Обществом был предусмотрен гонорар за чтение лекций. В самом начале деятельности общество получало финансовую помощь государства, а с 1963 г. перешло на самоокупаемость. Организации Общества заключали договоры с предприятиями и учреждениями на лекционное обслуживание и выполняли их с помощью лекторов-общественников.

Среди лучших лекторов были профессора и преподаватели университета: И.П. Лаптев, Б.Г. Иоганзен, А.Л. Ременсон, А.И. Ким, К.П. Ярошевский, В.Н. Сагатовский, А.П. Бычков, Н.Ф. Бабушкин, Н.Н. Киселев, И.М. Разгон, М.С. Кузнецов, Л.И. Боженко, М.Е. Плотникова, А.Т. Коняев, Б.Г. Могильницкий, Н.С. Черкасов, С.В. Вольфсон и др.

Одной из разновидностей просветительской деятельности Общества стали Народные университеты. Это целая сеть учебных заведений, работавших на общественных началах, которая была призвана способствовать самообразованию, культурному развитию и повышению профессионального уровня трудящихся. Они существовали в дореволюционной России. В связи со становлением государственной системы народного образования после Великой Октябрьской социалистической революции они исчезли. Возрождение народных университетов в Западной Сибири наблюдалось в конце 50-х – начале 60-х гг. В Томской области их число увеличилось с 35 в 1960 г. до 73 в 1965 г. [3, с. 208].

Лучшие лекторы и организаторы пропаганды знаний поощрялись. В частности, доцент Я.А. Домбровский и профессор ТГУ Л.И. Боженко были удостоены звания «Заслуженный работник культуры РСФСР». Несколько десятков членов Общества были награждены знаком Всесоюзного общества «Знание» «За активную работу». Лекторам вручались также памятные подарки и денежные премии. Одной из форм поощрения были путевки в санатории и дома отдыха. В пансионате «Знание» в г. Сочи и доме отдыха в г. Геленджике отдыхало по бесплатным и льготным путевкам 30 – 40 лекторов ежегодно.

Лекторы направлялись в составе специализированных групп в зарубежные туристические поездки. Так, по совместному решению с облсовпрофом была организована специальная туристическая группа из 30 активистов Общества для туристической поездки в Индию и Шри-Ланку [3, с. 217].

В конце 70-х гг. председателем правления общества «Знание» ТГУ был профессор Г.Х. Рабинович. В 1978 г. университетское отделение Общества насчитывало более 750 членов, в том числе 47 (из общего числа 54) профессоров и 279 доцентов [4].

В 1973 г. было прочитано 5 704 лекции, в 1977-м – 6 190 лекций, проведено 413 бесед, 110 тематических вечеров вопросов и ответов и т.д. При этом доля общественно-политической тематики за один год (с 1976 по 1977 г.) выросла на 80 % [5, л. 14 – 15].

Тематика читаемых лекций была разнообразной и постоянно обновлялась. В центре внимания находились проблемы марксистско-ленинской теории, внутренней и внешней политики КПСС, документы съездов КПСС, труды и выступления

генерального секретаря ЦК КПСС, Конституция СССР, научно-техническая и естественнонаучная тематика. Аудиторией была практически вся область [5, л. 10].

Во второй половине 70-х гг. профессора ТГУ читали в год по 8–9 лекций для населения города и области. Более половины профессоров читали свыше 10 лекций в год, а некоторые – еще больше. За 1976 и 1977 гг. профессор А.П. Бычков прочитал около 100 лекций, профессора А.И. Ким, В.Ф. Волович и Л.И. Боженко – около 70, профессора М.П. Евсеев, И.П. Лаптев, К.П. Ярошевский и М.С. Кузнецов – около 50. В 1977 г. цикл из 9 лекций о Великой Октябрьской революции прочитал по телевидению профессор И.М. Разгон [5, л. 15–16].

В 1978 г. начали проводиться «Дни профессора», когда профессора и доценты организованно выезжали с лекциями и беседами на предприятия и в районы области. Тринадцать профессоров ТГУ участвовали в «Днях профессора», проведенных в 7 районах области – Асиновском, Первомайском, Верхнекетском, Колпашевском, Парабельском, Каргасокском и Чаинском. Среди них были В.Д. Филимонов, А.Л. Ременсон, Б.Л. Хаскельберг, И.П. Лаптев, М.С. Кузнецов, С.С. Григорьевич, Н.Н. Киселев, В.Е. Панин, В.Г. Багров и др. [5, л. 13]. По воспоминаниям Г.М. Залесова, выпускника историко-филологического факультета ТГУ (в 1975–1985 гг. – заместитель председателя томского отделения Общества), профессора, многие из которых были уже в возрасте, стойко переносили все тяготы проселочных дорог и нелетной погоды.

Признанием заслуг и свидетельством отношения власти к профессорско-преподавательскому составу университета было награждение правительственными наградами. Факт награждения имел важное значение с точки зрения оценки научной и педагогической карьеры специалиста, его значимости и авторитета. Например, из 98 дореволюционных профессоров ТГУ орденами Российской империи были награждены 80 человек, то есть 81,6% (их в свое время получили бы и остальные 18, если бы не революция 1917 г.). Из 121 профессора, получившего это звание в 1945 – 1980 гг., правительственные награды имели 103 (85,1%). Но если вычесть награжденных только боевыми наградами за участие в Великой Отечественной войне и медалями «Ветеран труда», то количество отмеченными правительственными наградами за основную профессиональную деятельность сократится до 76 (62,6%) [6].

Отличием советского периода от дореволюционного стало то, что орденом могли наградить, наряду с авторитетнейшим профессором, лаборанта или столяра университетской мастерской. Так, например, в 1953 г. указом Президиума Верховного Совета СССР 6 преподавателей университета наградили орденом Ленина (среди них профессора М.А. Большанина, А.П. Бунтин, доценты Р.П. Бережков, Л.П. Сергиевская, Л.В. Шумилова и Е.Ф. Киселева), 5 – орденом Трудового Красного Знамени (среди них профессора В.А. Пегель, П.П. Куфарев и лаборант Е.Я. Ипатова), 10 – орденом «Знак Почета» (среди них профессора В.Т. Макаров, М.М. Окунцов и лаборант М.Т. Яковлева), 21 – медалью «За трудовую доблесть», 14 – медалью «За трудовое отличие». Массовые награждения профессоров, преподавателей и сотрудников университета имели место также в 1961, 1976 и 1981 гг. Так, в 1981 г. указом Президиума Верховного Совета СССР орденами и медалями были награждены 75 работников университета.

Правительственные награды были не единственной формой общественного признания ученых. Признанием научных заслуг были Сталинская (Государственная) премия и почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

Так, например, почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР» были последовательно удостоены профессора М.А. Большанина (1957), Б.В. Тронов (1959), В.А. Хахлов (1960), В.Н. Кессених (1964), А.И. Данилов (1966), М.В. Тро-

нов (1967), П.П. Куфарев (1968), Н.А. Прилежаева (1969), А.П. Бычков (1976), А.В. Положий (1981), А.К. Сухотин (1981), В.Н. Щеглов (1981), И.П. Лаптев и Р.Н. Щербаков.

Одним из самых отмеченных Советской властью ученых университета рассматриваемого периода был профессор, директор СФТИ В.Д. Кузнецов. Академик, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Сталинской премии II ст., Герой Социалистического труда, он избирался также депутатом советских представительных органов, вплоть до депутата Верховного Совета РСФСР [7].

Многие из преподавателей не единожды выбирались в представительные и партийные органы Советской власти. Так, например, А.И. Данилов был членом Томского обкома ВЛКСМ (1948–1949), членом Томского горкома КПСС (1953–1954), членом обкома КПСС (1954–1955), депутатом облсовета (1965–1967), делегатом XXIII, XXIV и XXV съездов КПСС, депутатом Верховного Совета СССР (1966–1970) [8].

Число общественных нагрузок, возложенных на отдельных профессоров и доцентов, было весьма внушительно. Профессор радиофизического факультета В.Н. Кессених входил в состав совета Научной библиотеки ТГУ и был его председателем. Наряду с этим он был членом редколлегии журнала «Известия вузов. Физика», являлся членом Всесоюзного научного совета по радиофизике АН СССР, членом Совета ионосферной службы при НИИ земного магнетизма Главного управления метеорологической службы Совета министров СССР, руководителем секции распространения радиоволн ВНТОРиЭ им. А.С. Попова, членом комиссии по координации научно-исследовательских работ по проблеме «Радиофизика и радиоастрономия» при научно-техническом совете МВиССО СССР, членом Советского национального объединения историков естествознания и техники. Кроме того, он вел большую работу по программе Международного геофизического года и Международного года спокойного Солнца [9]. Кроме того, когда профессора В.Н. Кессениха выбрали депутатом горсовета Томска, в число его обязанностей вошло присутствие (все депутаты дежурили по очереди) при регистрации браков в Томском городском отделении ЗАГСа [10].

В.Д. Кузнецову принадлежит меткое выражение, характеризующее то, что происходило на многочисленных заседаниях и собраниях различных обществ, комитетов и т. д., – «заседательская суетня». Чрезмерная общественная нагрузка отражалась на качестве выполнения основной работы профессорско-преподавательского состава – лекций и научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Томский университет. 1880–1980.* Томск, 1980. С. 261.
2. *Зольников Д.М.* Времена и нравы (от Гражданской войны до наших дней глазами участника событий и ученого-историка). Новосибирск, 2000. С. 146.
3. *Залесов Г.М.* Пропаганда научных знаний в Томской области в 60–80-е гг. // Томск Советский: Материалы городской науч.-практ. конф. Томского регионального отделения Общерос. обществ. объединения «Российские ученые социалистической ориентации» / Под ред. Н.А. Хлыстовой. Томск, 2003.
4. *Рабинович Г.* Лекционная пропаганда в ТГУ // За советскую науку. 1978. 16 марта.
5. *ГАТО.* Ф. Р-1822. Оп. 1. Д. 116.
6. *Шиловский М.В.* История старейшего университета Сибири в лицах // Отечественная истории. 2003. № 6. С. 206–207.
7. *Профессора* Томского университета. Томск, 1998. Т. 2. С. 215–223.
8. *Профессора* Томского университета. Томск, 1998. Т. 3. С. 126.
9. *ГАТО.* Ф. Р-1783. Оп. 1. Д. 271. Л. 4–57.
10. *ГАТО.* Ф. Р-1783. Оп. 1. Д. 323. Л. 42.

ВЫБОРЫ МЭРА: ТОМСКИЙ ВАРИАНТ

В.В. САВИНА

На протяжении второго десятка лет в России идет процесс формирования и развития демократических основ общества, одним из критериев которого являются выборы различных уровней власти. В связи с этим большой интерес представляют собой предвыборные кампании не только главы государства и субъектов РФ, но и глав городских администраций мэров. Заостряя внимание именно на этой проблеме, необходимо отметить, что на протяжении последних восьми лет в г. Томске электорат отдает свои голоса в пользу одного и того же кандидата – А.С. Макарова. Эта тенденция характерна для страны вообще и для сибирского региона в частности. Примером могут послужить глава администрации г. Барнаула Владимир Николаевич Баварин, занимавший эту должность с сентября 1986 по февраль 2003 г., Владимир Васильевич Михайлов – глава г. Кемерово (1986 – 2002).

В 1996 г. совпали по времени проведения предвыборные кампании на пост президента РФ и мэра г. Томска. Президентская предвыборная кампания, безусловно, наложила свой отпечаток на жизнь Томской области и ее центра. В весенние месяцы ход этой кампании не был слишком бурным. Основная информация поступала по каналам центрального телевидения и центральной печати. Местные периодические издания не были слишком перегружены, во всяком случае, объем предвыборных материалов совершенно несопоставим с тем, что было опубликовано в конце 1995 г. в период выборов в Государственную Думу РФ.

Вместе с тем уровень политизации населения был относительно высок. Тема выборов президента обсуждалась населением активно. На этом фоне меркли выборы мэра Томска, которые должны были состояться 23 июня. Томская пресса весьма сдержанно информировала читателей о деятельности властных структур [1].

Предвыборная гонка 1996 г., в отличие от последующих, не отличалась сильными колебаниями и потрясениями общественного мнения. Очевидно, это было связано не только с личностями кандидатов, но и с социально-экономической и политической обстановкой в стране и регионе. Низкий уровень доходов населения, растущие безработица и инфляция, время от времени заставлявшая население страны идти на крайние меры – забастовки, ставшие нормой нерегулярные выплаты зарплат и ряд других трудностей, видимо, не особо привлекали людей выдвигать свою кандидатуру на пост главы города. Об этом свидетельствует и весьма ограниченный круг кандидатов.

Городская избирательная комиссия Томска зарегистрировала кандидатами на должность мэра Томска: М. Сеньковскую – директора Томского отделения фирмы «Финколсалтинг» (выдвинута Томским объединением «Яблоко»), Ю. Бобровина – главного энергетика МП «Томскводоканал» (выдвинут областной организацией ЛДПР), Г.В. Коновалова, действовавшего с 1993 г. мэра г. Томска [2], А.С. Макарова – главу администрации Советского района. В ходе выборов предпочтения

томичей оказались на стороне Макарова, и он впервые вступил на должность мэра г. Томска 3 июля 1996 г.

Следующие выборы на пост главы городской администрации, состоявшиеся в 2000 г., носили совершенно иной характер. Во-первых, выборы проходили в два тура, во-вторых, кандидатов было намного больше, да и фигуры были весьма колоритны, и, в-третьих, не обошлось без активного использования заинтересованных сторон услуг черного PR. Выборы мэра первоначально были назначены городской думой на 20 февраля 2000 г., но затем суд отменил это решение. Было принято решение проводить выборы 26 марта 2000 г.

Избирательная кампания проходила под лозунгом борьбы с «грязными технологиями». Избирателям объясняли, что на свете существует множество «грязных технологий», поэтому нельзя верить никому, кроме Макарова, – остальные, как правило, врут. Под остальными (видимо) подразумевался главный редактор газеты «Томская неделя» Олег Плетнев, состоявший в партии «Яблоко», кандидат на пост мэра г. Томска. Несколько позже остальных заявил о намерении вступить в борьбу за кресло мэра столичный чиновник, бывший вице-губернатор Томской области, депутат Государственной Думы первого созыва Владимир Бауэр. Но Томская городская избирательная комиссия отказала в регистрации инициативной группе по выдвижению Бауэра кандидатом, так как, по городскому законодательству, кандидатом может быть только гражданин, живущий в Томске и имеющий томскую прописку.

Кандидат на пост мэра Н. Шульга подавал иск о неправомерности действий А. Макарова во время избирательной кампании (подкуп избирателей, распространение ложных автобиографических данных, расходование денег не из кандидатского фонда). Суд состоялся после выборов 4 апреля и отказал Н. Шульге в удовлетворении иска. Ю. Галямов также обратился в суд с иском о возбуждении дела о клевете и нанесении морального ущерба.

Необходимо отметить один факт – перед губернаторскими выборами Александр Макаров высказался в поддержку Виктора Кресса и сообщил, что тот хотя и медленно, но неуклонно растет в профессиональном плане. После своей победы, во время выборов мэра в марте 2000 г., губернатор В.М. Кресс тоже поддержал Макарова. Эта ситуация повторилась на последующих выборах в марте 2004 г. Авторитет губернатора мог послужить неплохой рекламой для Александра Сергеевича и повлиять на общественное мнение.

Выборы мэра г. Томска проходили в два тура. Первый тур состоялся 26 марта 2000 г. В выборах приняли участие 65,71% избирателей. На пост мэра претендовало 9 кандидатов. Полученные результаты: А.С. Макаров – 34,98%, Ю.Ю. Галямов – 21,78%, О.Н. Плетнев – 18,41%, В.В. Еремин – 10,88%, М.Н. Стрижевский – 1,14%, А.Н. Шульга – 1,00%, И.А. Корчак – 0,69%, С.Н. Зотов – 0,66%, Н.Н. Сторчак – 0,38%. Во втором туре, проходившем 2 апреля 2000 г., приняли участие 46,40% избирателей. А.С. Макаров получил 54,32% голосов; Ю.Ю. Галямов – 34,52%, против всех проголосовали 10,30%.

Нельзя сказать, что после выборов страсти улеглись. Один за другим разгорались скандалы, в конце апреля 2000 г. возникло дело Н. Суслиной. Предложение прокурора г. Томска о прекращении полномочий народной избранницы депутатами было отклонено. В конце июня того же года начался судебный процесс по иску мэра города А. Макарова к главному редактору газеты «Томская неделя», одному из своих соперников на последних выборах, Олегу Плетневу. В конце сентября начался судебный процесс по иску главного редактора газеты «Томская неделя» О. Плетнева к мэру города Томска А. Макарову.

Дальнейшая политическая расстановка сил оказалась для Макарова не совсем удачной. 1 апреля 2001 г. в Томскую городскую думу были избраны все пять баллотировавшихся членов «Яблока». Вновь стали депутатами О. Плетнев, Н. Шульга и Т. Бычкова, кроме того, депутатами избраны «яблочники» К. Шелевой и Е. Кротов, а также два сторонника «Яблока» – Н. Исмагилова и А. Лопарев, а 15 августа 2001 г. председателем Томской городской думы избран О. Плетнев. Вновь избранный председатель находился в жесткой оппозиции по отношению к городской исполнительной власти и мэру Томска А. Макарову. Таким образом, депутатами стали 7 из 8 кандидатов, входивших в блок «Оппозиция». Всего в городской думе Томска насчитывалось 18 депутатов. Можно с уверенностью говорить, что фракция «Яблоко», насчитывающая 40% от общего числа депутатов, должна была сыграть решающую роль в работе думы. Успех «Яблока» на выборах в Томске достигнут благодаря целенаправленной и профессиональной работе региональной организации, наличию сильного лидера О. Плетнева и хорошему взаимодействию с отделом партии по выборам [3].

К сожалению, городская дума с момента выбора мэра в 1996 г. не имела своего самостоятельного статуса, что противоречило федеральному законодательству о местном самоуправлении. У думы не было своего руководителя, все решения подписывались мэром. Судебный вердикт, запрещающий подобную практику, был утвержден еще в 1999 г. И только в 2000 г., накануне выборов мэра, собрание Томской городской думы внесло в городской Устав изменения и дополнения, связанные с постом председателя городской думы. Администрация города Томска за 2000 г. приняла 273 нормативно-правовых акта, Томская городская дума – 42 нормативных документа. По итогам прокурорских проверок в 1999 г. было выявлено 174 нарушения в органах местного самоуправления в Томской области. Всего прокурами различных уровней на территории Томской области опротестовано 102 правовых акта органов местного самоуправления [4].

Последняя волна выборов мэра захлестнула Томск в марте 2004 г. В отличие от предыдущих, они прошли в один этап, была весьма динамичная предвыборная борьба с уже прогнозируемым результатом (за несколько недель до назначенной даты выборов Фонд поддержки и развития социально-экономических инициатив «Сотрудничество» проводил опрос общественного мнения, результат – 43,6 % опрошенных отдали бы свои голоса в пользу Макарова, а 61,9 % были уверены в его победе).

Выборы мэра города Томска назначены на 14 марта 2004 г. – решение о совмещении даты выборов градоначальника с выборами президента РФ приняли 29 декабря 2003 г., депутаты городского собрания. Решение о совмещении местных выборов с федеральными было продиктовано несколькими причинами. Во-первых, прогнозируемой высокой явкой избирателей на участки, во-вторых, экономией бюджетных средств – в случае совмещения экономия составит около 3 млн руб. И наконец, традицией – в 1996 и в 2000 гг. выборы мэра были совмещены с выборами президента РФ. Справедливости ради стоит отметить, что не все присутствующие депутаты были согласны с этими аргументами. Звучали и другие предложения, в частности назначить выборы мэра города Томска на 11 – 18 апреля, по истечении срока его полномочий. В данном случае депутаты говорили о соблюдении интересов всех претендентов на кресло мэра, о приведении Устава города Томска в соответствие с новым законом «О местном самоуправлении». Однако эта точка зрения не была поддержана большинством парламентариев. Одновременно с назначением даты выборов депутаты утвердили смету расходов на проведение избирательной кампании – выделено около 4,5 млн руб.

Предвыборная кампания началась задолго до 14 марта – это был натиск на избирателя путем опубликования совершенно неизвестного происхождения данных о биографии, личных скрываемых доходах и имуществе кандидатов. Официальная пресса была перенасыщена проблемами города и способами их решения по Резникову, по Дееву, по Дронникову и т.д.

Во время предвыборной кампании все способы хороши, для того чтобы добиться желаемого результата, как считают некоторые из кандидатов. В городе была распространена печатная продукция под громким лозунгом «Наш мэр – новый мэр», содержащая информацию явно обвинительного характера. В ней говорилось, что «за годы своего правления мэр умудрился распродать по смехотворным ценам наиболее престижные участки и помещения Томска и что многие из них достались членам семьи мэра и его друзьям». Авторы высказывали сомнения в дееспособности Макарова как главы города в будущем. Пожалуй, томичей трудно удивить подобной информацией: схожий компромат фигурировал и во время предвыборной гонки в 2000 г. Этот шаг со стороны конкурентов Макарова был направлен на привлечение части электората на свою сторону.

В более сдержанной форме выступали в своих интервью кандидаты, опять-таки критикуя деятельность действующего мэра практически по всем направлениям. Поразительным спокойствием отличался А.С. Макаров во время предвыборной кампании. В одном из интервью он сказал, что считает «своим долгом гражданина и общественного деятеля участвовать в выборах на должность мэра и рассказать в ходе выборной кампании о коренных проблемах нашего города, предложить пути их решения на ближайшие годы». Кандидат заявил, что он не собирается отступать от принципов социальной справедливости, экономического роста, борьбы с нищетой и безнравственностью. «Для меня главное – уровень и качество жизни каждого горожанина. Моя цель и мечта – сделать город Томск территорией безопасного проживания» [5].

В отличие от других кандидатов, Макарову в прессе оказывали поддержку (не в виде агитации, а словами одобрения) достаточно влиятельные политики: губернатор В. Кресс, председатель Томской областной думы Б. Мальцев. «Александр Сергеевич Макаров – уникальный продукт современной эпохи. Ребенок, рожденный революцией. ... Один из немногих деятелей, которые удержались во власти благодаря своему природному дару – дару политика» [6]. Может быть, это и помогло ему набрать 30,5% голосов и в третий раз одержать победу на выборах.

Эта предвыборная гонка томского уровня запомнится на долгие годы. Особенно оригинальными на этот раз были слоганы кандидатов: на общем фоне традиционных по форме слоганов («Макаров проверен временем, проверен делом», «Николайчук – свежий мэр») заметно выделялись такие, как «Дронников знает» и «До выборов Владимира Резникова осталось столько-то дней».

Выделялись эти выборы и колоритностью кандидатов – регулярно критикуемый Макаров; скандально известный депутат городской думы А. Деев, достаточно опытный участник предвыборных кампаний; глава «Горэлектросетей» Резников; «государственник с безупречной репутацией» А. Дронников и даже самый молодой из зарегистрированных кандидатов – телеведущий А. Урсу.

Не обошлось здесь и без судебных разбирательств – А. Деев и В. Еремин сообщили правоохранительным органам о многочисленных нарушениях, которые, как они считали, с благоволения действующего мэра были допущены городским департаментом недвижимости в ходе приватизации муниципального имущества, заключения договоров аренды и выделения земельных участков [6].

И последний, не менее интересный факт: не все участники предвыборной кампании дошли до финишной прямой. Еремин, Галямов, Деев сняли свои кандидатуры.

Уже после проведения выборов в прессе был опубликован рейтинг влиятельных лиц в экономике и политике на региональном уровне в 2003 г.:¹

	в политике (%)	в экономике (%)
А.С. Макаров	3,71	3,11
А.Н. Деев	2,67	–
А.М. Дронников	2,60	–

Учитывая приведенные показатели, можно сказать, что исход предвыборной кампании был достаточно закономерным. Бесспорно, опыт профессиональной и управленческой деятельности кандидатов обширен, но хотелось бы действительно увидеть достойные в этическом и моральном плане выборы, ведь «умному городу нужны чистые выборы».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисова И.* Дислокация избирательных участков по проведению выборов в г. Томске // Томский вестник. 1996. № 82. С. 10, 12, 14, 16.
2. *Новые кандидаты в мэры* // Томский вестник. 1996. № 92. С. 1; *Счастливая Н.* Мэр временно стал безработным // Томский вестник. 1996. № 94. С. 2.
3. <http://www.yabloko.ru/Persons/Pletnev.html>. <http://www.yabloko.ru/Persons/Pletnev.html>.
4. *Права человека в регионах Российской Федерации: Доклад 2001 (События 2000 г.)*. Томская область. <http://www.hro.org/docs/resp/2000/tomsk/3-2.htm>.
5. *Макаров А.С.* Слово к томичам // Томский вестник. 2004. № 13. С. 3.
6. *Борисов А.* Мэр под прицелом конкурентов // Красное знамя (Томск). 2004. 30 янв. С. 1.
7. *Севостьянов А.* Табель о рангах // Красное знамя (Томск). 2004. 31 марта. С. 10–11.

¹ Составлено автором по материалам, опубликованным в прессе [7].

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1994–1997 гг.
(ПЕРВЫЙ ОПЫТ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА)**

П.С. ШАРАЕВ

В основе демократического правления лежит идея народного представительства. Во всех странах, где существует система разделения властей, представительный орган является одновременно и законодательным. Он призван выполнять волю народа через разработку и принятие законов.

Целью данной статьи является рассмотрение законотворческой деятельности регионального законодательного (представительного) органа – Государственной Думы Томской области как первого опыта парламентаризма.

Государственная Дума Томской области, впервые заявила о себе в 1994 г. Она пришла на смену Областному Совету народных депутатов. В отличие от Облсовета, дума имела ограниченное число депутатов, которые выбирались путем альтернативных демократических выборов. После принятия новой Конституции каждый субъект Федерации получил право выбирать себе собственный законодательный орган государственной власти. Выборы в думу первого созыва состоялись 27 марта 1994 г. Вся территория области была разбита на избирательные округа. Из 21 одномандатного округа выборы из-за неявки избирателей не состоялись только на двух округах, где впоследствии были проведены довыборы. Таким образом, в думе первого созыва был 21 депутат.

На первом собрании 14 апреля 1994 г. были избраны председатель думы – Б.А. Мальцев и два его заместителя [1]. Второе собрание 27 апреля 1994 г. утвердило регламент и структуру нового законодательного органа. В областной думе первого созыва было три комитета: бюджетно-финансовый, правовой, контрольный [2]. Осуществляла свою деятельность дума в форме заседаний комитетов и собраний. В 1994 г. перед депутатами вновь избранного областного парламента стояла непростая задача – создание новой законодательной базы области в условиях становления новой российской государственности и кризисной ситуации в экономике. Депутатам нужно было разработать на законодательном уровне правовой статус области.

Одновременно создавался аппарат думы. Все депутаты в ходе предвыборного марафона набрали целый пакет наказов от избирателей, и этот пакет обозначил на первых порах рабочее поле деятельности думы. За каждым депутатом стояли его избиратели с конкретными проблемами, а дума как областной парламент есть представительный и законодательный орган всей области. От депутатов первого созыва требовалось связать воедино различные наказаы избирателей и создать законодательную базу для решения многочисленных проблем и реализации областных и федеральных программ.

Приоритетными направлениями в законотворческой деятельности думы с первых дней её существования были разработка и принятие Устава области – основополагающего документа, который регулирует взаимоотношения местного представи-

тельного органа с другими ветвями власти и является основой жизнедеятельности области как субъекта Федерации.

Уже на третьем собрании думы 8 июля 1994 г. депутаты приняли как основу макет Устава области (был разработан правовым комитетом думы). Была создана рабочая группа по разработке проекта Устава в составе сотрудников аппарата, депутатов, экспертов-юристов [3, с. 6]. На шестом собрании думы 22 декабря 1994 г. была определена редакционная комиссия для подготовки Устава области. В состав комиссии входили председатель думы, его заместитель, председатели комитетов, руководитель аппарата думы, первый зам. главы администрации области, мэр города, эксперты-юристы из ТГУ, депутаты думы. После одиннадцатого собрания, на заключительном этапе работы в состав комиссии вошли губернатор области и председатель облсуда. По итогам работы комиссии был подготовлен проект Устава, который публиковался в местной печати. Депутаты при встречах с избирателями на округах обсуждали проект Устава. Рассматривался проект и на заседании общественной палаты при представителе президента по Томской области. В целом редакционная комиссия рассмотрела около 400 предложений и замечаний по проекту Устава от самих депутатов, жителей области, администрации, общественной палаты. Вся деятельность по разработке Устава области продолжалась около года.

Двенадцатое собрание областного парламента 26 июля 1995 г. стало историческим. На нем был принят Устав (основной закон) Томской области [3, с. 13]. Так был заложен своего рода фундамент правового здания области. Устав был переведён на английский язык и получил высокую оценку экспертов-юристов США и Германии. Наша область стала тринадцатой по счёту, принявшей собственный Устав.

В качестве основных направлений законодательной деятельности областной думы первого созыва можно выделить следующие: экономика и финансы области, местное самоуправление, органы государственной власти. Принятые законы и программы развития области явились результатом совместной деятельности депутатского корпуса и исполнительной власти. Так, первым документом, разработанным совместно думой и областной администрацией, стал проект договора «О разграничении предметов ведения между РФ и Томской областью и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти Томской области», который так и не был принят. Учитывая существовавший тогда системный кризис в обществе и тяжелейшую ситуацию в экономике страны в целом, первым законом, разработанным новым законодательным органом, стал закон Томской области «Об административной ответственности граждан и должностных лиц за правонарушения, посягающие на общественный порядок в территории Томской области», принятый 25 июля 1994 г. на четвертом собрании думы.

Для ознакомления населения с законотворческой деятельностью было решено издавать сборник «Официальные ведомости. Томская областная дума. Администрация Томской области» для публикации всех нормативных и правовых актов государственной власти на территории области, а с апреля 1995 г. стал выходить думский сборник: «Официальные ведомости».

В это же время складывались такие формы работы думы, как депутатские слушания и семинары. На первых слушаниях, состоявшихся в мае – июне 1994 г., были всесторонне проанализированы проблемы экономики области, борьбы с преступностью, развитие лесной отрасли, нефтегазового комплекса и другие. Уже в конце июня 1994 г. состоялся международный семинар по проблемам местного самоуправления, что сыграло положительную роль при разработке в Уставе области раздела о местном самоуправлении.

Больше всего законов (26) было принято в сфере финансово-экономического законодательства. В 1994 г. дума вынуждена была «играть по правилам» администра-

ции области, только утверждая план финансирования. После рассмотрения планов финансирования на первый квартал 1995 г. депутаты поставили перед администрацией вопрос о подготовке закона Томской области «Об областном бюджете на 1995 год». Было принято решение о создании согласительной комиссии совместно с областной администрацией. Поэтому сам закон был принят 30 марта 1995 г. на 8-м собрании думы. В дальнейшем принятие закона о бюджете стало ежегодным.

Обсуждение уже на третьем собрании думы областного бюджета и планов финансирования до конца текущего года убедили областных парламентариев в необходимости разработки и принятии областной Программы комплексного развития области на период до 2000 г. с учётом интересов всех отраслей экономики. На семнадцатом собрании думы (22.12.1995) депутатам была представлена программа «Реформы и развитие Томской области в 1995–1999 гг.», подготовленная исполнительной властью области по проблеме стратегического развития.

А первая областная целевая программа, представленная Администрацией области, «Приватизация государственных и муниципальных предприятий в Томской области» была принята в октябре 1994 г. На выездном собрании 25 мая 1995 г., состоявшемся в городе Стрежевом, была принята важнейшая по своему финансово-экономическому значению программа «Развитие нефтяной и газовой промышленности в Томской области». Подобная программа «Устойчивое развитие лесопромышленного комплекса Томской области на основе рационального лесопользования и глубокой переработки лесопроductии» была принята в 1997 г.

Вторым значимым направлением деятельности стало местное самоуправление (принято 25 законов). Годом законодательного оформления системы самоуправления стал 1996 г. – третий год функционирования областного парламента. Область благодаря думе получила 7 законов о местном самоуправлении. Это был достаточно серьёзный шаг в региональной политике. Базовым здесь стал закон «О местном самоуправлении в Томской области». В 1997 г. была разработана Программа становления местного самоуправления в Томской области. Само же областное законодательство о местном самоуправлении было дополнено еще 17 законами¹.

Третье направление – это законодательство об органах государственной власти в области. В качестве основных можно выделить законы «О выборах Главы Администрации (Губернатора) Томской области», «О референдуме в Томской области», «О государственной службе в Томской области». На семнадцатом собрании 22 декабря 1995 г. состоялась инаугурация губернатора области, впервые в истории выбранного всенародным голосованием. Надо заметить, что сам Указ президента РФ за № 1052 от 16.10.95, по которому область получила право выбрать губернатора, появился в результате активной работы и принципиальной позиции областных депутатов.

О других направлениях законотворческой деятельности депутатов говорит статистика: по обеспечению правотворчества и правопорядка было принято по 9 законов, о природопользовании и в социально-культурной области – по 5. Следует сказать, что разработанная и принятая областной думой в 1997 г. программа «Сохранение и развитие культуры и искусства Томской области» была признана одной из самых лучших Министерством культуры РФ. Одним из социально значимых законов, принятых в последний год деятельности думы (январь 1997 г.), стал закон «Об основах энергосбережения на территории Томской области».

Если рассматривать законодательную деятельность областной думы первого созыва по годам, то, конечно, наиболее продуктивным был 1997 г. Дело в том, что в

¹ Среди них такие законы, как: «О муниципальной службе в Томской области» и «О выборах органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в Томской области».

начале работы в 1994 г. дума только вникала в специфику законодательства и была вынуждена начинать «с нуля». Итогом работы за первый год стали 4 основных закона. В 1995 г. дума смогла ускорить процесс принятия законов, по сравнению с первым годом своего существования. Было принято уже 15 законов, из которых 9 основных и 6 законов, вносящих изменения и дополнения к основным законам. Если коротко проанализировать деятельность думы в 1996 г., то следует отметить, что общее количество принятых законов равно 34. Завершающим в работе областного парламента первого созыва стал 1997 г. Расставленные акценты деятельности способствовали тому, что наибольшее количество законов было принято в области местного самоуправления – 17 и финансово-экономической – 14. Показателем активного законодательства и уровня профессионализма явился итог, представленный в 46 законах (33 основных и 13 в качестве изменений и дополнений к основным). Необходимо заметить, что наиболее слабым звеном стала законодательная база в социально-культурной сфере, за 4 года было принято всего 5 законов.

Всего депутатский корпус первого созыва за 3,5 года деятельности принял 99 (66 основных и 33 о внесении дополнений и изменений) законов и 9 областных целевых программ [3, Приложение, табл. 1]. Областным парламентом было направлено 6 законодательных инициатив в Государственную Думу Российской Федерации.

Таким образом, согласно ст. 76 Конституции РФ, дума функционировала путём принятия собственных законов и других нормативно-правовых актов. Она показала большой потенциал, основанный на богатом жизненном опыте и творческой активности самих депутатов. В то же время ей не удалось конструктивно взаимодействовать с администрацией в плане принятия бюджета. Дума слабо использовала возможности СМИ для формирования у населения правовой и политической культуры, недостаточно освещая принимаемые законы и иные нормативные и правовые акты. В активе у представительного (законодательного) органа несколько значительных результатов: создание работоспособного, достаточно профессионального аппарата; систематизация структурирование многочисленных проблем, стоящих перед областью; увязка приоритетов в законодательной деятельности с приоритетными направлениями развития области; начало формирования системы законов для становления социально ориентированной экономики; сильной и эффективной государственной власти; развития системы органов местного самоуправления и обеспечения стабильных условий жизнедеятельности всех жителей области.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Красное знамя*. 1994. 16 апр.
2. *Красное знамя*. 1994. 26 апр.
3. Ильин С.П., Бяликов В.А. Законодательная деятельность Государственной Думы Томской области первого созыва (аналитический обзор). Томск. 1997.

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ТОМСКА В МЕМОРИАЛЬНЫХ ДОСКАХ

Т.В. ГАЛКИНА, О.О. ПЕТУНИНА

В год своего 400-летия сам город как музей, обладающий аттрактивностью подлинника, становится источником внимания исследователей. Городская архитектура, скульптура, мемориальные комплексы, зеленые зоны и многое другое составляют единый и неповторимый облик Томска. Важным визуальным объектом общего образа города, его «лица» являются и мемориальные доски. Выполняя свою миссию – напомнить и увековечить, они фиксируют внимание окружающих на памятных исторических событиях, именах выдающихся сограждан, документируют новые названия улиц и возведение проектируемых памятников. Мемориальные доски, как своеобразные точки над *i*, доводят до художественного завершения уникальный исторический почерк города.

Целью настоящей работы является анализ современного состояния мемориального «хозяйства» г. Томска, нашедшего свое воплощение в мемориальных досках. Рассматривая мемориальную доску как своеобразный знак, служащий для увековечения памяти выдающихся людей и событий, авторы пытаются посредством классификации мемориальных досок выявить степень отражения в них исторических «моментов» XX–XXI вв.

Для реализации этой задачи авторами при содействии студентов исторического факультета Томского государственного педагогического университета был составлен список, включающий 90 мемориальных досок города. Они расположены, главным образом, в центре города, по пр. Ленина – 37%, пл. Ленина (на так называемой пл. Согласия в Губернаторском квартале) – 18 %, ул. Советской – 7%, ул. Гагарина – 4%. Единичные доски установлены также в различных районах города на улицах Лермонтова, Гоголя, Рузского, Лыткина, Киевской, 19-й Гвардейской дивизии, 79-й Гвардейской дивизии, Ачинской, Ильмера и др.

Для характеристики томских мемориальных досок были выбраны следующие параметры внешнего описания: 1) материал; 2) внешняя форма; 3) форма выражения (текстовая, текстовая с изображением – барельеф, горельеф); 4) место расположения доски; 5) автор; 6) время открытия.

Большинство мемориальных досок (более 70%) изготовлены из бронзы и алюминия, а остальные – из мрамора. По мнению архитектора А.Н. Гнедых, металл по сравнению с камнем более пластичен и динамичен, он позволяет решить многие задачи художественного архитектурного замысла. Так, из бронзы изготовлены мемориальные доски для увековечения имен основателя сибирской школы терапевтов М.Г. Курлова (пр. Ленина, 34), заслуженного деятеля науки и техники РСФСР И.Н. Бутакова (пр. Ленина, 28), выдающегося российского хирурга, академика А.Г. Савиных (ул. Савиных, 12), известного кардиохирурга В.В. Пекарского (пр. Ленина, 38) и др., из алюминия – доски для увековечения памяти о редакторе газеты «Знамя революции», большевике В.Д. Вегмане (ул. Гагарина, 9), известном советском историке и деятеле народного образования А.И. Данилове (пр. Ленина, 34), исследователе Сибири Р.С. Ильине (пр. Ленина, 75) и др. Мемо-

риальные доски из мрамора посвящены выдающемуся химику, академику Н.М. Кижнеру (пр. Ленина, 43-а), заслуженному деятелю науки и техники РСФСР, лауреату Государственной премии Л.П. Кулеву (пр. Ленина, 43-а), устройтелю и первому директору Томского технологического института, видному общественному деятелю Сибири Е.Л. Зубашеву (пр. Ленина, 30), ректору технологического института, внесшему значительный вклад в развитие высшего образования и металлургии Сибири, Н.В. Гутовскому (пр. Ленина, 30), выдающемуся организатору высшей школы Сибири А.А. Воробьеву (пр. Ленина, 30), выдающемуся советскому хирургу, академику, первому президенту Академии медицинских наук СССР, Герою Социалистического труда Н.Н. Бурденко (пр. Ленина, 38) и др.

Что касается формы мемориальных досок, то она в большинстве своем прямоугольная, реже квадратная. Относительно формы выражения следует отметить, что 33% выявленных досок являются текстовыми. Одними из последних текстовых досок можно назвать доски с текстами об истории Томской губернии, установленные на пл. Согласия (слева от театра Драмы) в Губернаторском квартале на пограничных столбах, выполненные архитекторами Н.П. и А.Н. Гнедых.

Большинство мемориальных досок (около 70 %) имеют текст и изображение. При этом в последнее время прослеживается тенденция создания самобытного художественного образа посредством ухода от низкого и среднего рельефа – вплоть до создания не только барельефа, но и горельефа. Прекрасным образцом горельефного образа являются мемориальные доски академика А.Г. Савиных (ул. Савиных, 12, архитектор А.Н. Гнедых), академика С.П. Карпова (пр. Ленина, 32, архитектор А.Н. Гнедых), Героя Социалистического труда, академика Д.Д. Яблокова (пр. Ленина, 38, архитектор Н.П. Гнедых), кардиохирурга В.В. Пекарского (пр. Ленина, 38, архитектор Н.П. Гнедых). Эти мемориальные доски поражают точностью, соразмерностью, одухотворенностью созданных «живых» образов, причем архитекторам удалось ввести в образный контекст даже медицинский инструментарий в качестве профессионально значащего символа.

Мемориальные доски располагаются в большинстве своем (90%) на фасаде здания, реже сбоку (доска, посвященная А.И. Данилову, по адресу пр. Ленина, 34). Иногда они размещаются внутри здания (доски, посвященные видным советским ученым, основателям томских научных школ, историку И.М. Разгону и философу П.В. Копнину находятся в учебном корпусе № 3 ТГУ).

Авторами большинства мемориальных досок в Томске являются выпускник архитектурного факультета Новосибирского строительного института Николай Петрович Гнедых и его сын, выпускник архитектурного факультета Томского государственного архитектурно-строительного университета Антон Николаевич Гнедых. Изготовлением досок занимались В.Г. Муштакова, Л. Майоров, а также государственные и частные фирмы. Началом массового возведения мемориальных досок в Томске следует считать середину 1970-х гг. Большая активность в этом направлении наблюдается в последнее десятилетие.

Переходя к анализу содержания мемориального «хозяйства» Томска, необходимо выявить его структуру, хронологию и тематику. В структуре содержания выделяются: 1) мемориальные доски, посвященные определенным историческим событиям, – событийные доски, – 1%. Например: в память черносотенного погрома в Томске в 1905 г. – («1905–1925. Вечно будет жить память о первых борцах и мучениках за дело рабочего класса. Здравствующим ветеранам первой революции слава. В здании Сибирской ЖД погибло от рук черносотенцев 1354 человека», пр. Ленина, 40); 2) *именные мемориальные доски* разделяются на доски, содержащие только имя («Перегудов Феликс Иванович (1931–1990) – доктор технических наук, профессор, выдающийся организатор науки и образования», пр. Ленина, 40), – 15%, и доски, объединяющие имя и место («Здесь учился с 1918 по 1923 гг. на механическом факультете Камов Николай Ильич 1902–1973. Вы-

дающийся конструктор отечественных вертолетов, Герой Социалистического труда, лауреат Государственной премии СССР», пр. Ленина, 30), – 33%, причем текст на таких досках начинается с типичных слов «Здесь» или «В этом здании»; 3) *наградные доски* («За большие заслуги в подготовке специалистов для народного хозяйства и развитии научных исследований Президиум Верховного Совета СССР 11 мая 1971 г. наградил Томский политехнический институт орденом Октябрьской революции», пр. Ленина, 30), – 2%; 4) *юбилейные доски* («За победу в социалистическом соревновании в ознаменование 50-летия Великого Октября коллектив Томского ордена Трудового Красного Знамени политехнического института им. С.М. Кирова 24 октября 1967 награжден памятным знаменем Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета министров РСФСР и ВЦСПС. Памятное знамя было оставлено в коллективе на вечное хранение как символ трудовой доблести», пр. Ленина, 30), – 2%; 5) *мемориальные доски, посвященные основанию какого-либо учреждения* («Томский технологический институт императора Николая II основан в 1896 году. Главный корпус построен по проекту академика, архитектора В.Р. Марфельда гражданским инженером Ф.Ф. Гумом. 1896–1900 годы», пр. Ленина, 30), – 2%; 6) *мемориальные доски, содержащие благодарственный текст* («Сия доска установлена в годовщину 100-летия закладки Томского технологического института, состоявшейся 6 июля 1896 года, в знак благодарной памяти томских политехников об учредителях ТТИ: Императору Николаю II, С. Ю. Витте министру финансов, статс-секретарю В.М. Флоринскому попечителю Западно-Сибирского учебного округа, председателю строительного комитета ТТИ с 1896 по 1899 год, графу И.Д. Делянову министру народного просвещения...», пр. Ленина, 30), – 1%; 7) *мемориальные доски, фиксирующие имена организаторов, спонсоров, строителей какого-либо объекта* («Часовенка в память Святого Феодора Томского установлена по инициативе и с помощью австрийской гражданки Ксении Марии Олеговны Романовой 23 июня 2001 г. День всех сибирских святых. По благословению Ростислава, епископа Томского и Асиновского, при участии игумена Силуана, иерея Евгения Воронкова, по проекту Скворцова Г.В. и Вертмана Е.Г. Изготовлена в селе Семилужки Аносовым А.Г., Ильиным В.Ф., Борисовым А.Е. Баклашовым В.А.», п. Хромовка), – 2%; 8) *доски, напоминающие о каком-либо историческом месте* («В этом здании размещался штаб 166-й стрелковой дивизии, ушедшей на фронт 26 июня 1941 года. Участвовала в боях под Москвой». «Здесь в период Великой Отечественной войны находился штаб по формированию 284-й, впоследствии 79-й Гвардейской четырежды орденоносной стрелковой дивизии. Прошла боевой путь от Сталинграда до Берлина» и пр.), – 8%; 9) *мемориальные доски, поясняющие то или иное наименование улицы* (Героев-чубаровцев, 79-й Гвардейской дивизии, Федора Лыткина, Карла Ильмера и др.), – 4%; 10) *мемориальные доски, служащие своеобразным паспортом здания* («Памятник архитектуры. Особняк в стиле русского модерна. 1908 год. Охраняется государством», ул. Гагарина, 42), – 10%; 11) *мемориальные доски с изображением гербов Томска разного времени*, размещенных в центре площади Согласия, – 4%; 12) *доски в форме стел* в Лагерном саду и на Южном кладбище, – 15%.

В хронологическом порядке содержание мемориальных досок выстраивается следующим образом: 1) 1903–1904 гг. («Здесь находился аптекарский магазин «Пойзнер и Нови», в адрес которого на имя томички Елены Яковлевны Тернер в 1903–1904 гг. поступала нелегальная корреспонденция и литература от В.И. Ленина, ЦК РСДРП и редакции газеты «Искра», ул. Набережная р. Ушайки, 12), – 2%; 2) период Первой русской революции 1905–1907 гг. (пр. Ленина, 40), – 2%; 3) период Гражданской войны («Адрианов Александр Васильевич – выдающийся этнограф, археолог, публицист работал здесь в 1917–1919 годах главным редактором газеты «Сибирская жизнь». Родился 26 октября 1854 года. Расстрелян 7 марта

1920 года», ул. Гагарина, 9), – 7%; 4) период Великой Отечественной войны («В этом здании в годы Великой Отечественной войны размещался эвакуогоспиталь для раненых воинов Советской армии», пр. Ленина, 38; «Здесь учился в 1939–1941 годах Герой Советского Союза Калашников Александр Петрович. Погиб 30 октября 1943 года», ул. Киевская, 60), – 11%; 5) период 1970–2004 гг. («Князев Алексей Иванович. 1926–1989. Прокурор Томской области 1971–1989. Заслуженный юрист РСФСР. Почетный работник прокуратуры СССР», пр. Фрунзе, 17), – 3%. Однако на эту хронологическую сетку накладывается большой хронологический период с 1898 по 2004 г., связанный с именами выдающихся деятелей науки, образования и культуры, учившихся или работавших в Томске («Здесь с 1918 по 1920 год учился в аспирантуре Семенов Николай Николаевич. 1896–1986. Академик, лауреат Нобелевской премии», пр. Ленина, 43; «Здесь учился с 1925 по 1930 на инженерно-строительном факультете Никитин Николай Васильевич (1907–1973). Выдающийся архитектор, автор проекта и строитель Останкинской телебашни и ряда высотных сооружений в России и за рубежом. Лауреат Ленинской и Государственной премий, член-корреспондент АН, архитектор и строитель», пр. Ленина, 30), – 46%.

Тематика досок охватывает в основном три направления: революционные события в Томске 1905, 1917–1920 гг., Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. и научные достижения выдающихся ученых. Единичные мемориальные доски посвящены ссылке (ссылным А.Н. Радищеву, Г.С. Батенькову, Г.Г. Шпету, Н.А. Ключеву и др.), архитектуре города.

Иногда встречаются мемориальные доски, текст которых не содержит точной информации: «Здесь в застенках бывшего исправительно-арестантского отделения № 2 в годы царизма и белогвардейщины томились в заключении многие видные революционеры, активные борцы за Советскую власть» (ул. Советская, 47).

Таким образом, подводя итоги внешнего описания мемориальных досок, необходимо констатировать, что в настоящее время мемориальное «хозяйство» Томска включает в себя мемориальные доски прямоугольной и квадратной формы, изготовленные из бронзы, алюминия и мрамора. Отмечая некоторую консервативность общепринятой формы, хотелось бы надеяться на расширение диапазона как применяемых форм, так и материалов.

Выявленная структура мемориального «хозяйства» включает в себя событийные, именные, наградные, юбилейные, благодарственные, гербовые доски, а также посвященные основанию, фиксации имен спонсоров и строителей, памяти об историческом месте, объекте, названии улицы, служащие архитектурным паспортом, доски в форме памятных стел.

Хронологическая и тематическая характеристики ограничиваются несколькими наиболее памятными периодами в жизни страны и города: революции, войны. В то же время довольно подробно фиксируется развитие науки, деятельность выдающихся ученых, научных школ и их основателей. Эти мемориальные доски позволяют значительно расширить представления томичей и гостей города об истории Томска и его традициях, создают образ города науки и образования, внесшего существенный вклад в дело просвещения и научного развития Сибири и России.

Однако обращает на себя внимание некоторая стихийность процесса установления мемориальных досок, отсутствие в мэрии общей концепции развития мемориального «хозяйства» города, несбалансированность размещения досок в центре Томска и на его окраинах, необходимость текстовой цензуры мемориальных досок, расширение их тематического спектра, широкое обсуждение открытия мемориальных досок не только городской думой, но и общественностью города, каталогизация всего городского мемориального «хозяйства».

**НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
ТОМСКА**

**П.Н. КРЫЛОВ – ОСНОВАТЕЛЬ СИБИРСКОЙ
БОТАНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ:
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ¹**

К.В. ЗЛЕНКО

Порфирию Никитичу Крылову (1850–1931) более чем кому-либо из естествоиспытателей и путешественников конца XIX и первой четверти XX в. пришлось пролагать новый путь к изучению растительного мира востока России, особенно Алтая и Западной Сибири. До него флора Западной Сибири никем детально не изучалась. Масштабы проведенных им исследований, исключительная любовь к работе и энтузиазм этого ученого, приводили в изумление не только его ближайших учеников из сослуживцев, но и современников, прежде всего биологов, работавших в вузах и исследовательских центрах страны. Его многотомная «Флора Западной Сибири» явилась ценным вкладом в мировую биологическую науку. Признанием заслуг П.Н. Крылова явились степень доктора ботаники, присужденная ему *honoris causa* Казанским университетом в 1909 г., и премия академика К. Бэра Петербургской академии наук 1914 г. П.Н. Крылов избран членом-корреспондентом Украинской академии наук в 1925 г. и Академии наук СССР в 1929 г. Гербарию Томского университета приказом по наркомату просвещения РСФСР 20 января 1933 г. было присвоено имя его основателя профессора П.Н. Крылова. Порфирий Никитич являлся почетным членом 9 научных обществ. В его честь ботаники назвали 50 видов растений и род «Krylovia» [1].

Изучение жизненного пути П.Н. Крылова, его научного творчества в наши дни весьма актуально. В последнее время проблемы истории отечественной науки все больше привлекают внимание исследователей, а проблемы экологии вышли на первый план.

Первые работы о П.Н. Крылове появились еще при его жизни. В 1912 г. известный ученый и общественный деятель Сибири Г.Н. Потанин опубликовал на страницах газеты «Сибирская жизнь» статью «Первый сибирский флорист», в которой высоко оценил его заслуги. Поводом для нее послужил выход в свет 6-го выпуска «Флоры Алтая». Г.Н. Потанин назвал П.Н. Крылова «лучшим знатоком нашей сибирской флоры, не имеющим пока соперников между сибирскими флористами» [2].

В 1913 г., когда исполнилось 25 лет со дня открытия Томского университета, был издан исторический очерк, написанный тогдашним ректором М.Ф. Поповым, в котором говорилось и о деятельности П.Н. Крылова [3]. В 1917 г. увидел свет

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 03-03-00585 а/Т).

«Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.)», где имеется раздел «Ботанический кабинет, музей и сад». В нем кратко излагается история этих научных учреждений, подчеркиваются заслуги П.Н. Крылова в их создании. В частности, говорится о том, что основанием коллекции живых растений в оранжереях Ботанического сада Томского университета явилось довольно значительное количество экземпляров, пожертвованных ботаническим садом Казанского университета и привезенных в Томск П.Н. Крыловым в 1885 г. [4].

В 30–50-е гг. XX в. появился ряд публикаций, рассказывающих о жизни и деятельности ученого-флориста. В 1930 г., еще при жизни П.Н. Крылова, во второй том «Сибирской советской энциклопедии» вошла статья, посвященная ему [5]. После смерти ученого был напечатан ряд некрологов, в которых подводились итоги жизненного пути П.Н. Крылова. Статья Л.П. Сергиевской повествовала об истории Гербария ТГУ [6]. В 1952 г. вышла небольшая брошюра того же автора о П.Н. Крылове [7].

В 1950 г. в связи со столетием со дня рождения П.Н. Крылова в ТГУ проходило торжественное заседание ученого совета университета, на котором доклад о жизни и деятельности ботаника сделала его ученица Л.П. Сергиевская. В том же году прошла научная конференция, посвященная юбилею П.Н. Крылова. На ней с докладами выступили ученики и продолжатели его дела: В.В. Ревердатто, Л.В. Шумилова, Л.А. Уткин, Б.К. Шишкин, А.В. Куминова и другие.

На следующий год в издательстве ТГУ вышли материалы этой конференции, в которых нашли отражение самые разные стороны жизни и деятельности сибирского ботаника [8]. Так, В.В. Ревердатто охарактеризовал П.Н. Крылова как ботаника-географа. По его словам, Порфирий Никитич являл собой яркую и самобытную фигуру в истории русской ботанической и географической науки конца XIX и начала XX в. и был «единственным в своем роде ученым-ботаником в Сибири» [9].

О роли и месте П.Н. Крылова в истории Томского университета говорится и в работах, посвященных истории ТГУ и Сибирского ботанического сада. В книге «Томский университет», изданной в 1980 г., отмечается, что благодаря П.Н. Крылову и В.В. Сапожникову в Томском университете в дореволюционный период возникла томская ботаническая школа [10].

В 1986 г. в издательстве ТГУ вышла книга А.В. Положий, посвященная истории университетского гербария. Ее автор сменила на посту хранителя Гербария ТГУ ученицу П.Н. Крылова Л.П. Сергиевскую. Первый раздел книги содержит биографический очерк о П.Н. Крылове. А.В. Положий осветила также процесс складывания и развития крыловской ботанической школы в ТГУ. Затронула она и вопрос о состоянии и деятельности Гербария Томского университета в первой половине 80-х гг. [11]. О формировании ботанической школы в Томском университете и роли в этом П.Н. Крылова говорится и в докладе А.С. Ревушкина на научной конференции, посвященной 125-летию основания ТГУ и 70-летию биолого-почвенного факультета, проходившей в 2003 г. [12].

Биографическая статья о П.Н. Крылове содержится в 1-м выпуске биографического словаря «Профессора Томского университета» [1]. О научной школе П.Н. Крылова речь идет и в монографии Е.С. Ляхович и А.С. Ревушкина, а также в кандидатской диссертации и учебном пособии С.А. Некрылова, кандидатской диссертации А.В. Литвинова [13].

Жизнь П.Н. Крылова нашла отражение и в художественной литературе. Это произведения Бориса Тучина и Тамары Каленовой. Книга Т. Каленовой «Университетская роща» была переиздана совсем недавно.

Однако, несмотря на то, что жизни и деятельности П.Н. Крылова посвящен ряд работ, вышедших в дореволюционный, советский и постсоветский периоды, эта тема еще до конца не раскрыта. Научно-педагогическая и общественная деятельность П.Н. Крылова нуждается в дополнительном исследовании.

К сожалению, значительная часть архива П.Н. Крылова погибла во время пожара в его квартире на территории Ботанического сада. В Гербарии Томского университета среди других документов хранятся его многочисленные экспедиционные дневники. В Национальном архиве Республики Татарстан сосредоточены документы, относящиеся к периоду работы П.Н. Крылова в Казанском университете вначале сверхштатным лаборантом при доцентуре аналитической химии, а затем садовником, ученым садовником [14]. В Государственном архиве Томской области (далее ГАТО) в фонде 245 (Оп. 1. Д. 120) хранятся документы, связанные с работой П.Н. Крылова на посту директора Мариинского детского приюта. Это формулярный список П.Н. Крылова, переписка Томских губернских властей с Томским губернским попечительством детских приютов и Ведомством учреждений императрицы Марии о назначении и смещении П.Н. Крылова с поста директора приюта, о награждении его перстнем за работу и т. д. В фонде 815 (Томский государственный университет) Оп. 18. Д. 199 имеются документы, раскрывающие историю работы П.Н. Крылова над трудом «Флора Западной Сибири», и его публикации в 20–30-е гг. XX в. Особый интерес представляет переписка с советскими властями на предмет выделения средств на издание этого труда, а также заявки на будущий тираж книги. В деле есть также написанный рукой П.Н. Крылова документ, дающий представление об основных этапах работы над книгой и подготовкой к ее изданию.

Заслуживают внимания и журналы заседаний совета Императорского Томского университета за 1888–1905 гг., опубликованные в «Известиях Императорского Томского университета» (Кн. 1–42). В них можно обнаружить сведения о запросах, которые делал П.Н. Крылов в правление и совет университета по поводу выделения средств на содержание Ботанического сада, Гербария, экспедиционные поездки и др. Есть в «Журналах» и информация о защите П.Н. Крыловым магистерской диссертации в 1897 г. Сведения о деятельности П.Н. Крылова в качестве хранителя Гербария и директора Ботанического сада встречаются и в «Отчетах Императорского Томского университета» за 1888–1916 гг.

Обширный материал о жизни и деятельности П.Н. Крылова разбросан на страницах томских газет. Это «Томский листок», «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь», «Красное знамя» и другие. Так, в 1913 г. в газете «Сибирская жизнь» были напечатаны воспоминания П.Н. Крылова, относящиеся к его приезду в Томск в 1885 г. и первым годам его деятельности на Томской земле. В газетах встречается много фактов, связанных с экспедиционной деятельностью П.Н. Крылова, его общественной деятельностью, например в Томском отделении Московского общества сельского хозяйства, Общества вспомоществования учащимся, Общества естествоиспытателей и врачей и др.

Важным источником явились труды самого П.Н. Крылова, вышедшие отдельными изданиями и включенные в «Известия Императорского Томского университета» (с 1917 г. «Известия Томского университета», затем «Труды ТГУ»). Они дают представление о характере и итогах научных изысканий П.Н. Крылова на всем протяжении его работы в Томском университете.

Большой интерес представляют воспоминания учеников П.Н. Крылова. Фрагменты воспоминаний содержат упомянутые выше работы Л.П. Сергиевской, Б.К. Шишкина, Л.А. Уткина и других его учеников. Так, например, Л.А. Уткин следующим образом характеризует своего учителя: «...Его исключительное тру-

долюбие, трудоспособность и талантливость, огромная эрудиция в ботанических вопросах, «Флора Алтая и Томской губернии» и «Флора Западной Сибири». Вся жизнь П.Н. протекала в служении науке, в служении другим» [15].

Маршруты путешествий Порфирия Никитича охватили высочайшие горные хребты Урала, Алтая и Саян, необъятные сибирские степи от Предуралья до Даурии, широкие долины могучих сибирских рек Оби и Иртыша, тайгу и болота Томского севера, пустынные степи, пески и горы Казахстана. П.Н. Крылов принадлежит к крупным ученым нашей страны. Его исследовательская деятельность в Сибири по изучению флоры и растительности составила целую эпоху. Ряд его работ признаны классическими и цитируются в учебниках и монографиях. Дело П.Н. Крылова продолжили его ученики.

Ботанический сад Томского университета, основателем которого был П.Н. Крылов, в настоящее время является старейшим ботаническим научно-исследовательским учреждением в азиатской части России, а Гербарий Томского университета превратился в крупный учебно-научный ботанический центр Сибири. На сегодняшний день в его 12 отделах с различной тематикой хранятся более 500 тыс. образцов (гербарных листов) растений. Гербарий поддерживает тесные связи со многими зарубежными ботаническими институтами, гербариями Канады, США, Монголии, Японии, Китая. Ботаники сибирской ботанической школы внесли большой вклад в изучение растительных богатств Сибири. В ТГУ неизменно сохраняются и поддерживаются традиции, заложенные основателем этой школы П.Н. Крыловым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Профессора* Томского университета: Биографический словарь. 1888–1917. Томск, 1996. Т. 1. С. 125–132.
2. *Потанин Г.Н.* Первый сибирский флорист // *Сибирская жизнь*. 1912. 4 июля.
3. *Попов М.Ф.* Краткий исторический очерк Императорского Томского университета. Томск, 1913.
4. *Краткий исторический очерк* Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск, 1917.
5. *Сибирская советская энциклопедия*. Новосибирск, 1930. Т. 2. Ст. 1071.
6. *Сергиевская Л.П., Шишкин Б.К.* П.Н. Крылов и его научная деятельность // Изв. Томского отделения Русского ботанического общества. 1931. Т. 3. С. 12–14; *Сергиевская Л.П., Шишкин Б.К.* Памяти Порфирия Никитича Крылова (1850–1931) // *Советская ботаника*. 1933. № 2. С. 129–132. *Сергиевская Л.П.* Гербарий им. П.Н. Крылова // Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. Томск, 1937.
7. *Сергиевская Л.П.* П.Н. Крылов. Новосибирск, 1952.
8. *Памяти* Порфирия Никитича Крылова в связи со столетием со дня рождения: Труды ТГУ. 1951. Т. 116.
9. *Ревердатто В.В.* П.Н. Крылов как ботаник-географ: Из истории исследования природы Сибири // Труды ТГУ. 1951. Т. 116. С. 39–64.
10. *Томский университет*. 1880–1980. Томск, 1980. С. 62.
11. *Положий А.В.* Гербарий имени П.Н. Крылова в Томском университете: К 100-летию со времени основания. Томск, 1986.
12. *Ревушкин А.С.* Кафедра ботаники: история и современность // *Вестн. ТГУ. Приложение*. 2003. № 5. С. 15–16.
13. *Ляхович Е.С., Ревушкин А.С.* Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998; *Некрылов С. А.* История становления и развития научных школ и направлений в Томском университете в дореволюционный период: Учеб. пособие. Томск, 2001. *Литвинов А.В.* Профессорско-преподавательский корпус Томского университета (20 – 30-е годы XX века): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002.
14. *Национальный архив* Республики Татарстан. Ф. 997. Оп. 4. Д. 6986-а, 7026, 7029.
15. *Уткин В.Л.* П.Н. Крылов как учитель и человек // Труды ТГУ. 1951. Т. 116. С. 76.

**СИБИРСКИЕ ВЫСШИЕ ЖЕНСКИЕ КУРСЫ В Г. ТОМСКЕ
В ОБЩЕРОССИЙСКОМ ДВИЖЕНИИ ЗА ПРАВО ЖЕНЩИН
НА ОБРАЗОВАНИЕ**

Е.Ф. КУЗЬМИНОВА

В начале XXI в. проблема женской эмансипации в России не только не становится меньше, но и возрастает. Сегодня женское движение приобретает все больший размах в связи с изменением экономических отношений и политической ситуации. Оно усиливается во многом из-за перемен в сознании общества, когда меняются стереотипы в отношении гендерных ролей.

В связи с актуализацией идей феминизма, гендерных аспектов возрастает внимание и к истории этих идей. В этом направлении особенно интересно движение за право женщин на образование, ставшее первым этапом в российском феминистском движении. С этого времени женщины начали занимать активную общественную позицию, и это уже не встречало жесткого отпора со стороны традиционно настроенных слоев общества. Таким образом, тема высшего женского образования актуализируется в рамках «женского вопроса», феминистского движения.

Актуальность изучения истории женского образования связана также с изменением подходов к образованию. Опыт специализированных учебных заведений для женщин становится актуальным в современной ситуации, когда начинают указывать на гендерные особенности, гендерные аспекты обучения.

Если в начале XIX в. только мужчины имели право на получение высшего образования, то в середине XIX в. под натиском демократических идей и сложной экономической обстановки женщины устремились в те сферы, которые считались прерогативой мужчин: медицину, юриспруденцию, педагогику.

Однако в ситуации, когда происходит изменение экономических условий и когда половину населения составляют «лица женского пола», возникает вполне закономерное стремление выйти из круга традиционных представлений о семье, браке, женщине-матери и т.д.

Демократические круги, провозглашавшие равенство всех, не могли обойти вниманием проблему воспитания нового гражданина. Именно в этом аспекте впервые был поднят вопрос о женском образовании. Женщина рассматривалась в первую очередь как мать. Указывалось, что именно мать – связующее звено между будущим гражданином и общественными институтами и благодаря ей ребенку прививаются моральные и нравственные ценности, которые определяют его как гражданина.

В периодической печати середины XIX в. шли споры о необходимости женского образования. Преобладающими были следующие точки зрения:

1) Женщина не должна получать высшее образование, ее уделом были и есть дом и семья. Предоставление женщинам права на высшее образование приведет к разрушению традиционных ценностей в обществе.

2) Женщина – самостоятельная личность и находится в равном положении относительно мужчины, поэтому имеет право на получение образования, в том числе и высшего.

3) Женщина не способна получать высшее образование в силу биологических особенностей или исторических условий (указывалось, что женщины никак не проявили себя в науке и соответственно не способны ею заниматься).

4) Женщина отличается от мужчины мышлением, но это никак не ограничивает ее способностей к усвоению знаний.

В итоге преобладающей становится следующая точка зрения: женщина должна быть образованна, так как от нее зависит воспитание и образование нового поколения граждан. Но при этом указывалось, что научное знание, получение высшего образования не должны быть целью женщин, так как это убьет в ней «истинную женственность»; женское образование должно включать в себя лишь минимум, необходимый будущей матери. И это положение становится определяющим в официальных общественных настроениях. Но в целом, к концу XIX в. в обществе утвердилась мысль о необходимости женского образования.

Однако более прогрессивная часть общества высказывала мнение, что женщине необходимо получать профессиональное образование и тем самым вырваться из патриархальной действительности.

Несмотря на готовность части общества к перемене статуса женщины и стремление самих женщин вырваться из привычного образа, правительственные круги, представители консервативных течений препятствовали доступу женщин в университеты. Как только женщины переступили порог университетов в качестве вольнослушательниц, последовали запреты со стороны правительства. Так произошло в 1863 г., когда был принят новый университетский устав, и в 1908 г. после выхода циркуляра Министерства народного просвещения (МНП). Ответом на запреты стало учреждение в университетских городах специализированных женских высших заведений, так называемых высших женских курсов. От «мужских университетов» они отличались единственно составом учащихся. Программа приравнивалась к курсу университета, преподавали на курсах профессора этих же высших учебных заведений.

Высшие женские курсы на протяжении нескольких десятилетий были единственными учреждениями в России, где женщины могли получить высшее образование. Они открывались во всех университетских городах. И если в европейском регионе России было достаточное количество таких курсов, то девушки в Сибири имели возможность быть зачисленными только на Сибирские высшие женские курсы в г. Томске (СВЖК), открывшиеся в 1910 г. Томск как единственный университетский город в Сибири стал местом, куда обратила свои взоры общественность в своем стремлении «образовывать женщину». Еще раньше, в 1906 г., женщины Сибири получили право посещать лекции в Томском университете и Томском технологическом институте на правах вольнослушательниц. Но после циркуляра 1908 г., запретившего прием женщин в вузы, только СВЖК позволяли женщинам получить гарантированное высшее образование.

Открытие курсов было обусловлено общероссийскими тенденциями, а также стремлением сибирской общественности, в первую очередь интеллигенции, дать образование женщинам. Это было следствием нехватки кадров педагогов и исследователей в регионе.

Согласно правилам СВЖК объявлялись «частным высшим учебным заведением, имеющим целью предоставление лицам женского пола высшего научного образования, но не предоставляющим никаких прав и преимуществ ни учащим,

ни учащимся». Курсы состояли в ведомстве МНП и «в ближайшем ведении попечителя Западно-Сибирского учебного округа» [1, с. 1].

Сибирские высшие женские курсы открылись в составе отделения естественных наук физико-математического факультета. Это объяснялось, прежде всего, результатом анкеты, проведенной перед открытием курсов, где большинство подавших прошения высказалось в пользу естественного отделения (76 из 80).

Попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев также настойчиво советовал открыть физико-математический факультет, мотивируя это недостатком квалифицированных учителей в гимназиях и начальной школе [2].

Помимо этого, профессор Томского университета Н.Ф. Кашенко указывал: «Есть еще одна область, в которой высшие женские курсы, наверное, сыграют видную роль, даже в их нынешнем неполном составе, – дело исследования Сибири в естественноисторическом отношении. Университет натуралистов не выпускает, на высших женских курсах специально изучают естествознание. В этом их цель и призвание. Сибирская природа будет получать постоянный приток вполне подготовленных исследовательниц» [3]. В 1911 г. было открыто второе отделение курсов – математическое.

За десятилетний период деятельности курсов на заседаниях совета курсов нередко возникали дискуссии по поводу открытия того или иного факультета и отделения. Так, в разное время предлагалось учредить экономическое, историко-филологическое, медицинское, химико-фармацевтическое, педагогическое отделения и факультет сибиреведения.

В 1918 г. от имени совета курсов была послана телеграмма в МНП с вопросом: «во-первых, находит ли МНП возможным разрешить открыть при курсах педагогическое отделение в следующем [1918/19] году, и, во-вторых, могут ли курсы рассчитывать на получение с их стороны субсидий?» [4]. В результате курсы получили финансирование от МНП, и в 1918 г. педагогическое отделение было открыто.

Согласно «Правилам о Сибирских высших женских курсах» «преподавание на курсах велось ассистентами и лекторами, утверждаемыми в должностях попечителем учебного округа». Преподавателями на курсах могли быть, «по избранию их советом, только лица, имеющие право преподавать в русских правительственных высших учебных заведениях, а лица, состоящие при учебно-вспомогательных учреждениях, должны обладать таким же образовательным цензом, какой требуется для занятия соответствующих должностей в русских правительственных высших учебных заведениях» [1, с. 3]. На курсах работали преподаватели и профессора Томского университета и Томского технологического института.

Что касается слушательниц СВЖК, то согласно правилам «в слушательницы курсов принимаются лица, окончившие курс женских гимназий или одинаковых с ними по правам учебных заведений и удовлетворяющих требованиям, установленным МНП для поступления в соответствующие высшие женские заведения» [1, с. 5]. Это были выпускницы восьмых классов женских гимназий и епархиальных училищ.

Достаточно широкой была география курсов, охватывающая не только сибирский регион. Если в первый 1910/11 учебный год из 86 поступивших 51 были томичками, то уже в 1912/13 учебном году из 114 слушательниц естественного отделения 37 были из Томска [5], а в 1915/16 из 205 слушательниц на естественном отделении – лишь 45 томичек [6]. Наибольшее представительство было из крупных городов Сибири: Томска, Иркутска, Красноярска, Барнаула, Омска, Минусинска, Новониколаевска.

За свою десятилетнюю деятельность курсы приняли 1426 слушательниц, из которых 1266 – на естественное отделение и 160 – на математическое.

Именно СВЖК показали сибирской общественности, что женщины могут не только освоить университетскую программу, но и продолжить в дальнейшем исследовательскую деятельность. Некоторые из слушательниц оставались на курсах в качестве лаборантов и ассистентов. Многие из выпускниц стали преподавателями в Томском университете.

Среди них можно выделить: В.М. Кудрявцеву, ставшую профессором, зав. кафедрой оптики и спектроскопии (была одной из первых женщин СССР, которой была присуждена степень доктора наук в области физики); М.П. Орлову, впоследствии профессора кафедры аналитической химии; Л.П. Сергиевскую, профессора кафедры ботаники, которая после смерти профессора П.Н. Крылова возглавила Гербарий ТГУ; С.В. Беневоленскую – преподавателя кафедры патофизиологии ТГУ, которая совместно со своим мужем А.Д. Тимофеевским внесла значительный вклад в развитие патофизиологии в Томске; И.И. Молодых – кандидата технических наук, ассистента, которая руководила занятиями при лаборатории неорганической химии Томского технологического института; Е.Н. Аравийскую – кандидата математических наук, доцента Томского университета. Только в 1924 г. из 26 женщин – преподавателей физико-математического факультета ТГУ 14 были выпускницами СВЖК.

Благодаря тому, что на СВЖК женщины получали системное образование, руководству курсов удалось добиться от Министерства народного просвещения разрешения на организацию при курсах особой испытательной комиссии. После сдачи экзаменов в этой комиссии выпускницы получали дипломы, равные университетским, то есть тем самым они получали права выпускников университета.

Таким образом, на протяжении всего времени существования курсов с 1910 по 1920 г. широкий круг женщин Сибири имели постоянную возможность получать высшее образование, в то время как доступ в университетские аудитории был для них ограничен.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Правила о Сибирских высших женских курсах* в г. Томске. Томск, 1910.
2. *Сибирская жизнь* (Томск). 1910. 27 авг.
3. *Кащенко Н.Ф.* Сибирские высшие женские курсы: их положение, нужды и надежды. Томск, 1912. С. 12.
4. *ГАТО*. Ф. 193. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.
5. *ГАТО*. Ф. 193. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–4, 13–19.
6. *ГАТО*. Ф. 193. Оп. 1. Д. 23. Л. 2–12.

ТОМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В 80 – 90-х гг. XX ВЕКА¹

А.С. УЛЬЯНОВ, С.Ф. ФОМИНЫХ

Начавшаяся с середины 80-х гг. перестройка с ее лозунгами демократии, гласности, ускорения научно-технического прогресса страны открывала радужные перспективы. В Томском университете, как и в других вузах страны, велся поиск новых форм и методов обучения, включавших гармоничное сочетание научных исследований и учебного процесса. В учебный процесс стали широко внедряться электронно-вычислительные машины, усилилась математическая подготовка студентов, стали применяться деловые игры, активные методы обучения и т. п. Для этого пришлось пересмотреть учебные планы, чтобы увеличить время на самостоятельную работу студентов. В результате во второй половине 80-х гг. объем аудиторных занятий сократился до 24–28 часов в неделю. Больше времени стало уделяться практическим занятиям.

На ряде факультетов Томского университета больше внимания стало уделяться компьютеризации учебного процесса. Занятия по программированию и вычислительной технике велись в дисплейных классах, вычислительная техника начала применяться в течение всего времени обучения. В 1987/88 учебном году для части студентов гуманитарных и естественных факультетов продолжительность обучения была увеличена до 5,5 года для того, чтобы они смогли специализироваться по информатике.

Научная работа Томского университета в 80-е гг. строилась с учетом тенденции к интеграции науки, образования и производства. Университет принимал активное участие в программах «Ускорение-90» и «Социальный прогресс Сибири». Научные исследования проводились не только на кафедрах и в лабораториях университета, но и непосредственно на предприятиях и в отраслевых НИИ [1]. Стали возникать студенческие научно-исследовательские лаборатории (СНИЛ). Так, на историческом факультете была создана СНИЛ археологии (научный руководитель – Л.А. Чиндина).

В составе университета произошли структурные изменения. В 1986 г. был открыт факультет информатики, а в 1987 г. на базе исторического факультета и философских кафедр ТГУ был сформирован философский факультет. На 13 факультетах велось обучение по 24 специальностям, а в 1988 г. уже по 26 [2]. В процессе преподавания было занято 74 профессора и 464 доцента. Набор на 1-й курс составил 1325 человек. В 1988 г. было уже 90 профессоров, докторов наук. Однако более 40% заведующих кафедрами не имели ученой степени доктора наук. Средний возраст докторов наук был около 60 лет.

Середина 80-х гг. была временем заметного укрепления материально-технической базы университета. В 1984–1985 гг. завершилось строительство кон-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 03-03-00585 а/Т).

цертного зала на 1000 мест и столовой с несколькими залами, сдано в эксплуатацию общежитие на 640 мест, начаты строительство учебного корпуса для кафедры военной подготовки, реконструкция оранжереи Сибирского ботанического сада, студенческого общежития и профилактория [3].

Однако самой серьезной проблемой для университета оказалось аварийное состояние главного корпуса, построенного еще в XIX в. Северное крыло здания, оказавшееся в аварийном состоянии, было закрыто. Возник острый дефицит аудиторных площадей. В срочном порядке было начато строительство учебного корпуса в районе университетского стадиона на Московском тракте. В рекордные сроки, всего за 10 месяцев, корпус (типовая школа) был построен и в сентябре 1987 г. введен в эксплуатацию. Это несколько разрядило ситуацию.

В январе 1987 г. начались ремонтно-реставрационные работы в северном крыле главного корпуса. В них участвовали студенты, преподаватели, научные сотрудники всех подразделений университета и даже работники областного управления внутренних дел. Уже в начале 1988 г. реконструкция северного крыла была завершена.

К началу 90-х гг. в ТГУ обучалось около 10 тыс. студентов. Научно-образовательный процесс обеспечивали около 2200 преподавателей и научных сотрудников, в том числе 144 профессора-доктора и около 700 кандидатов наук. В июне 1991 г. в качестве структурного подразделения университета была создана Высшая школа бизнеса.

После событий августа 1991 г. и последующего распада СССР система высшего образования оказалась в тяжелом положении. Нарастание в стране инфляционных процессов, непосильное налоговое бремя, резкое повышение тарифов на коммунальные услуги – все это поставило университет в крайне сложное положение. Ограниченность выделяемых средств в условиях многократного роста цен привела к сокращению ассигнований на приобретение материалов и оборудования, не давала возможности обеспечить необходимые темпы проведения ремонтных работ капитального строительства, продолжать в полном объеме научные исследования, обеспечить сохранение рабочих мест и уровня оплаты труда. Частыми были задержки заработной платы [4].

Возникли серьезные трудности и с финансированием научной работы. До минимума сократилось число конференций, экспедиций, командировок преподавателей и научных сотрудников. Катастрофически уменьшились штаты научно-исследовательских институтов при ТГУ, сократился приток молодых сотрудников. Многие фундаментальные исследования были приостановлены. В 1993 г., например, те же НИИ при проведении научных исследований финансировались не более чем наполовину от потребностей. Под вопросом была и интеграция научной работы институтов и факультетов. Научная библиотека из-за нехватки средств резко сократила приобретение новинок научной литературы, подписку на периодические издания. Наблюдался спад в издательской деятельности университета [5].

Тем не менее Томский университет продолжал оставаться центром подготовки кадров высокой квалификации, хотя ситуация и здесь сильно осложнилась. Под угрозой закрытия оказалась работа ученых советов по защите диссертаций. В 1993 г. их было 20, в том числе 11 докторских. Аспирантские стипендии были низкими. Наиболее талантливые студенты, молодые преподаватели и научные сотрудники уходили работать в коммерческие структуры или уезжали за границу. Распадались складывавшиеся годами научные коллективы. Развал вузовской науки мог привести к утрате преемственности научных школ. В этой сложной обста-

новке необходимо научиться зарабатывать деньги, необходимые для выживания науки и университета.

Начавшийся переход к рыночной экономике потребовал решения задачи внедрения научных разработок в производство, усиления инновационно-коммерческой деятельности, развития широких научных и экономических связей, в том числе зарубежных, создания в университете координирующего центра. Была реорганизована НИЧ. Еще осенью 1991 г. из ее состава был выделен отдел зарубежных связей, который с 1992 г. стал самостоятельным подразделением университета во главе с проректором по международным связям.

В 1993 г. при университете появился Томский научно-координационный центр, призванный содействовать проведению в области единой научно-технической политики, интеграции потенциала вузовских, академических и отраслевых научных организаций, формированию и реализации региональных научно-технических программ и проектов. Центр выступил в качестве головной организации, руководившей выполнением региональных научно-технических программ и проектов, финансирование которых осуществляли Министерство науки и технической политики, Госкомитет по высшему образованию, администрация Томской области. В 1994 г. решением научно-технического совета межвузовской программы «Поддержка малого предпринимательства и новых экономических структур в науке» появился Томский инновационный центр Западно-Сибирского региона «Университет».

Однако дальнейшее развитие университета сдерживала затянувшаяся реконструкция его главного корпуса. В этих условиях важно было сохранить университетские традиции, складывавшиеся на протяжении более века усилиями многих поколений студентов и преподавателей. Перед университетом встала задача выжить.

В марте 1994 г. была создана общеуниверситетская комиссия для того, чтобы разработать рекомендации и предложения по поддержке и обеспечению всех видов функционирования вуза. После отставки в марте 1995 г. с поста ректора профессора М.К. Свиридова новым ректором ТГУ на альтернативной основе был избран профессор Г.В. Майер. Была поставлена задача завершения реконструкцию главного корпуса университета. Уже в 1996 г. работы на главном корпусе были закончены.

Существенное значение для содержания инфраструктуры и развития университета обрела внебюджетная деятельность. В 1996 г. Ученым советом университета было принято соответствующее Положение, предоставившее структурным подразделениям гарантированную возможность самостоятельно распоряжаться частью зарабатываемых средств. Этому должно было способствовать и Положение о платных образовательных услугах.

Благодаря принятым мерам за счет активного участия всех подразделений университета во внебюджетной деятельности доля собственных средств вуза выросла с 14 (1994) до 47% (1998). В 2001 г. она составила уже 54%. Это обеспечило не только содержание инфраструктуры университета, но и решение насущных хозяйственных вопросов, позволило заметно укрепить его материально-техническую базу.

Университет стал вести обучение по широкому спектру специальностей. Если в 1990 г. их было 30, то в 2001 г. уже 63, причем большинство из них составили гуманитарные и социально-экономические (менеджмент, международные отношения, социология, политология и др.). Новыми для университета были развитие музыкального образования и подготовка профессионалов-исполнителей, а также открытие прикладных специальностей в области сельского и лесного хозяйства, разных отраслей промышленности, медицины и т. д. (более 12). В 1992 г. в рамках международной программы «Образование и бизнес в Сибири» по соглашению с

университетом штата Огайо (США) при ТГУ был создан Российско-американский гуманитарный колледж, позднее он стал называться Международным гуманитарным колледжем, а в 1998 г. получил статус международного факультета управления ТГУ. В 1994 г. были открыты культурологический факультет с двумя специальностями – «культурология» и «хоровое дирижирование» (в 2001 г. он был преобразован в Институт искусств и культуры) и международный факультет сельского хозяйства, природопользования и окружающей среды.

В 1994 г. при поддержке федеральных ведомств и Российской академии ракетных и артиллерийских наук в ТГУ был организован Центр исследований и образования в области ракетно-артиллерийских наук (ЦИОРАН) [6, с. 132]. Во второй половине 90-х гг. были открыты факультеты иностранных языков (1995) и психологии (1996), а военная кафедра была преобразована в факультет военного обучения (1998). В 1999 г. Новосибирский юридический факультет ТГУ был преобразован в Новосибирский юридический институт ТГУ. Открылись филиалы ТГУ в Междуреченске, Прокопьевске, Юрге, Улан-Удэ и др.

Заметно увеличился набор студентов. В 2001 г. в ТГУ на 22 факультетах обучалось более 22 тысяч студентов, из них на дневном отделении почти 12 тысяч, причем до 25% студентов дневного и свыше 40% общего числа студентов обучались на платной основе. Интенсивно развивалось довузовское образование. Примерно половину студентов составила молодежь, приехавшая учиться в ТГУ из других регионов России и государств СНГ.

Еще в начале 90-х гг. университет перешел на новую для российских вузов многоуровневую систему образования. Она включала не только бакалавриат и магистратуру, но и давала возможность выбирать элективные и факультативные курсы. В 1998 г. обучение по этой системе велось по направлениям: биология, почвоведение, физика, радиофизика, прикладная механика, геология, химия, философия, экология, юриспруденция и др.

Развивались различные формы дополнительного образования. В результате сотрудничества с фондом Сороса в России – Институтом «Открытое общество» – Томский университет получил мощный Интернет-центр. Достаточно быстро стало развиваться дистанционное образование, разрабатывались мультимедийные курсы. В июле 1998 г. с целью формирования научно-образовательного пространства на основе современных средств телекоммуникаций и информационных технологий, координации деятельности подразделений университета в области информатизации образования, а также осуществления образовательных программ с использованием технологий дистанционного образования при ТГУ был открыт Институт дистанционного образования. На базе этого института были созданы городской Центр новых информационных технологий и Сибирский межвузовский центр дистанционного образования. Их деятельность была направлена на развитие информатизации образования и совершенствование инфраструктуры информатизации в регионах Сибири и Дальнего Востока.

В целом развитие образования в университете в 90-е гг. XX в. определяли гуманитаризация и фундаментальность. В учебные планы по всем специальностям были включены основные естественнонаучные, социально-экономические и гуманитарные дисциплины. Это позволило формировать у выпускников представление о современной научной картине мира. Фундаментальное университетское образование и ряд комплексно ориентированных спецкурсов позволяли выпускникам быстро приспособиваться к запросам рынка труда.

Заметно возросло число аспирантов в ТГУ: с 339 в 1990 г. до 700 в 2001 г. В докторантуре обучалось 100 человек по 34 специальностям. В период с 1991 по 2001 г. в диссертационных советах университета, а их число увеличилось с 12 до

21 (в том числе 15 докторских), было защищено 935 кандидатских и 239 докторских диссертаций. Защищаться в ТГУ приезжали также соискатели из регионов России и стран ближнего зарубежья. С 1996 по 2001 г. 96 сотрудникам ТГУ была присуждена степень доктора наук, 386 – кандидата наук.

Что касается научной деятельности, то в 90-е гг. университету, несмотря на трудности, удалось сохранить и развить основные научные школы в области физики, математики и механики, наук о земле, биологии и гуманитарных наук. Сохранился курс на развитие фундаментальных исследований, усилилась интеграция с учреждениями СО РАН и СО РАМН, в первую очередь с академическими институтами Томского научного центра. Этому способствовало активное участие университета в Федеральной целевой программе «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 гг.».

Ученые университета принимали активное участие в конкурсах на гранты ведущих российских научных фондов, региональных конкурсах грантов Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и администрации Томской области. По числу выигранных грантов ведущих национальных фондов ТГУ в 2000 г. занимал третье место после Московского и Санкт-Петербургского университетов. Гранты РФФИ, предназначенные для ведущих научных школ Российской Федерации, получил ряд научных школ ТГУ.

В рассматриваемый период в ТГУ была усилена работа по практическому внедрению научных разработок и развитию инновационной деятельности, в том числе и с целью привлечения дополнительных источников средств, необходимых для проведения фундаментальных научных исследований. В университете были отработаны принципиальные схемы такого вида деятельности, создан ряд инновационно-технологических структур.

В 1998 г. при Научном управлении ТГУ создан Молодежный центр, который осуществляет организационно-методическое руководство работой подразделений университета по подготовке молодой научной смены. Выполнение проектов «Академический университет» ФЦП «Интеграция» и «Система выявления и поддержки талантливой молодежи» позволило поднять на качественно новый уровень степень интеграции фундаментальных исследований и учебного процесса. В конце 1999 г. было выделено 3 млн руб. на развитие информационной инфраструктуры проекта «Академический университет» [7].

В 90-е гг. заметно усилилась международная деятельность университета. Было подписано несколько соглашений о сотрудничестве с университетами зарубежных стран. Они касались проведения совместных научных исследований и обмена студентами и специалистами. Это проекты TEMPUS Европейского союза с объемом финансирования около 3 млн долл., включавшие программы по информатизации библиотеки университета, по созданию и развитию магистерской программы по экологическому менеджменту, программу специализации по международным отношениям. Партнерами ТГУ являлись университеты Шеффилда, Эксетера и Оксфорда (Великобритания), Утрехта (Нидерланды) и Лунда (Швеция) [8, с. 222].

Сотрудники университета чаще стали принимать участие в научных конференциях, проводившихся в других странах, выезжать в зарубежные научно-образовательные центры для стажировки. В Научной библиотеке ТГУ был открыт немецкий читальный зал (1993 г.), в 1994 г. – Американский информационный центр [6, с. 144].

Заметными по значимости явились 3 проекта «Программы поддержки кафедр» Института «Открытое общество», выполнение которых было направлено

на развитие образовательных программ и научной работы по истории и психологии, политологии и экономике, международным отношениям [8, с. 222].

Международное сотрудничество стало дополнительным источником финансирования и способствовало укреплению материальной базы университета, повышению уровня научной и учебной работы. Во многом благодаря ему университет стал располагать современными информационными технологиями.

Во второй половине 90-х гг. заметно оживилась издательская деятельность ТГУ. Внебюджетная деятельность университета позволяла не только развивать материально-техническую базу, но и существенно увеличить фонд оплаты труда и социальных выплат.

В целом Томскому университету, несмотря на все сложности, удалось сохранить ведущие научно-педагогические школы, создать условия для роста талантливой молодежи. Укрепилась система подготовки кадров высокой квалификации на основе интеграции учебного процесса и фундаментальных научных исследований. Университет стал готовить специалистов, потребность в которых испытывал рынок. Указом президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 15 января 1998 г. Томский университет был внесен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. В том же году университет торжественно праздновал 120-летие со дня своего учреждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макушкин Ю.С. На пороге больших свершений // За советскую науку. 1985. 4 июля.
2. На пороге открытий // За советскую науку (Томск). 1988. 7 июля.
3. За советскую науку (Томск). 1987. 24 дек.
4. Финансы, финансы... // Alma Mater (Томск). 1995. 29 сент.
5. Профессора Томского университета: биографический словарь. Томск, 2003. Т. 4. ч. 1. 1980–2003. С. 10–11.
6. Томский университет: Ежегодник-97 / Под ред. Г.В. Майера. Томск, 1998.
7. Томский университет: Ежегодник-99 / Под ред. Г.В. Майера. Томск, 2000. С. 167–169.
8. Томский университет: Ежегодник-2000 / Под ред. Г.В. Майера. Томск, 2001.

**ОТКРЫТИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА И ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ЕГО РАБОТЫ
(1917–1921 гг.)**

Д.В. ХАМИНОВ

Историко-филологический факультет (ИФФ) в Томском университете открылся одновременно с физико-математическим в 1917 г. Их появление завершило процесс становления Томского университета как классического университета. Процесс появления нового факультета был долгим и болезненным. Он растянулся почти на три десятилетия.

Известно, что первый университет в Сибири первоначально предполагалось открыть в составе 4 факультетов. Однако в 1888 г. он был открыт для занятий в составе лишь одного медицинского факультета [1]. Министерство народного просвещения опасалось, что ввиду ограниченного количества средних учебных заведений в Сибири (в основном гимназий и духовных семинарий) будет ощущаться острая нехватка студентов для обучения на всех четырех факультетах (медицинском, юридическом, историко-филологическом и физико-математическом), а студенты из европейской части России не захотят ехать в Сибирь за тысячи верст для получения высшего образования. Поэтому было решено ограничиться одним медицинским. К тому же врачи были на то время более необходимы в этом регионе, нежели любые другие (на 1 врача в Сибири в то время приходилось в среднем несколько тысяч населения).

Спустя 10 лет, в 1898 г., был открыт юридический факультет, положено начало гуманитарному образованию. В университете не только стали готовиться высококвалифицированные кадры юристов и экономистов, но и было положено начало исследованиям в этих областях знаний. Еще до открытия юридического факультета в «Известиях Императорского Томского университета» появлялись работы по археологии, этнографии, антропологии и истории. Достаточно назвать публикации В.М. Флоринского, С. К. Кузнецова, Н.Ф. Катанова и др. В университете имелся музей истории, этнографии, археологии и нумизматики с его богатейшими коллекциями. Томский университет принимал участие во всевозможных выставках, посылая туда экспонаты из своих музеев [2].

С самого начала существования университета в его библиотеке имелись издания по различным отраслям гуманитарного знания, в том числе по истории и филологии. Таким образом, к моменту открытия историко-филологического факультета была подготовлена довольно обширная материальная база.

Почти все годы существования университета велась борьба за открытие историко-филологического и физико-математического факультетов. Она то затихала, то усиливалась. На страницах сибирских и центральных газет по этому поводу публиковались статьи. В Министерство народного просвещения неоднократно посылались на этот счет различного рода записки. Летом 1907 г. по вызову министра народного просвещения в Петербург ездил ректор В.В. Сапожников, где по-

ставил вопрос об открытии этих факультетов. В 1909 г. ректор И.А. Базанов представил в Министерство народного просвещения обширную докладную записку по вопросу об открытии новых факультетов [3]. За это же выступала и сибирская фракция в Государственной Думе. В январе 1914 г. по инициативе выпускника юридического факультета Томского университета В.Н. Пепеляева была развернута кампания за расширение Томского университета новыми факультетами. В первую очередь депутаты настоятельно требовали открыть историко-филологический факультет, не требовавший больших затрат. В своей речи в защиту законопроекта он говорил, что «вопрос о расширении Томского университета относится к числу тех вопросов сибирской жизни, разрешение которых давно уже намечено, а осуществления до сих пор нет» [4, ст. 85–86].

Неоднократно выступая на заседаниях думы, В.Н. Пепеляев приводил веские аргументы в пользу открытия новых факультетов. В первую очередь он ратовал за историко-филологический факультет, для того чтобы обеспечить сибирские средние учебные заведения (гимназии, духовные семинарии и реальные училища) достаточным количеством педагогических кадров. Он хотел, чтобы учителя для этих учебных заведений воспитывались здесь, в родном крае, а не приглашались из Центральной России (откуда они приезжали неохотно). Пепеляева также волновала и проблема развития сибиреведения. В одном из своих выступлений он подчеркнул: «Жизнь теперь ушла далеко вперед, и много других нужд и вопросов выдвинула сибирская жизнь, но вопрос о расширении сибирского университета по-прежнему соединяет вокруг себя общественные симпатии» [4, ст. 89–90].

Однако начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война затянула решение вопроса об открытии новых факультетов. Но поскольку проект был уже практически разработан, то министр народного просвещения П.Н. Игнатьев уже в конце 1916 г. согласовал с правительством вопрос об учреждении историко-филологического и физико-математического факультетов. Была разработана смета расходов, все было готово для подписания указа. Но в России произошла Февральская революция, и вопрос отложили до лета 1917 г. 1 июля того же года произошло долгожданное событие: правительственным постановлением было разрешено открыть новые факультеты в Томском университете [5].

Историко-филологический факультет открылся в составе четырех отделений: классического, славяно-русского (словесного), исторического и романо-германского. Создавались следующие кафедры: философии и логики, классической филологии, сравнительного языкознания, русского языка и словесности, русской истории, всеобщей истории, романо-германской филологии, теории и истории искусств. В дальнейшем предполагалось открыть еще одну кафедру. Началась работа по укомплектованию факультета преподавательскими кадрами и учебными пособиями. Деканом историко-филологического факультета был назначен профессор А.Д. Григорьев, ученым секретарем факультета – профессор А.А. Гвоздев.

На факультет приехали назначенные Министерством народного просвещения профессора: С.И. Гессен (зав. кафедрой философии и логики); П.Г. Любомиров (зав. кафедрой русской истории); Э.В. Диль (зав. кафедрой классической филологии); С.И. Протасова (зав. кафедрой всеобщей истории). Это была первая женщина-профессор в Томском университете. А.Д. Григорьев стал заведовать кафедрой русского языка и литературы, а А.А. Гвоздев – кафедрой западноевропейской литературы. Остальные кафедры оставались вакантными [6].

Несколько позже на факультет для чтения лекций и ведения практических занятий были приглашены преподаватели не только из других городов, но и из учебных заведений Томска, например из Томской мужской гимназии (Н.Н. Бакай).

В 1917 г. на факультет было принято 200 студентов. Среди тех, кто учился в то время на факультете, был будущий член-корреспондент АН СССР В.И. Шунков, известный своими трудами по истории Сибири. Работа нового факультета началась в тяжелых экономических и политических условиях. В конце 1917 г. власть в городе перешла в руки местных советов, а весной 1918 г. произошел антисоветский переворот. Затем поочередно власть находилась в руках Западно-Сибирского комиссариата, Временного сибирского правительства. 18 ноября 1918 г. к власти пришел Верховный правитель России, адмирал А.В. Колчак. В конце 1919 г. власть вновь перешла к большевикам.

Осенью 1918 г. для работы в университете прибыла эвакуированная в Томск часть профессоров и преподавателей Казанского университета, а летом 1919 г. – и Пермского университета. Среди них были профессора М.М. Хвостов, Б.Л. Богаевский, А.П. Дьяконов и другие. На факультете в 1918 г. были открыты курсы по изучению иностранных языков. Профессор С.И. Гессен вынашивал планы организации Педагогического института.

Профессора, преподаватели и студенты активно участвовали в общественной, политической и культурно-просветительской жизни города. При факультете было образовано Общество истории, этнографии и археологии, на заседаниях которого заслушивались научные доклады и сообщения.

Преподаватели читали лекции не только в Томском университете, но и вели занятия в Народном университете. В январе 1919 г. в Томске состоялся съезд по организации Института исследования Сибири, в работе которого деятельное участие приняли профессор историко-филологического факультета П.Г. Любомиров, С.И. Протасова, Э.В. Диль, М.М. Хвостов и другие. Был учрежден Институт исследования Сибири, в работе которого преподаватели историко-филологического факультета принимали активное участие. Институт был закрыт советской властью в 1920 г.

Представляет интерес деятельность отдельных профессоров факультета. Так, например, профессор С.И. Гессен активно выступал в прессе с публикациями по политическим, педагогическим, философским и социологическим аспектам современной жизни. Его публичные лекции и газетные статьи пользовались большой популярностью у образованной и думающей аудитории. В Томске он написал работу «Основы педагогики. Введение в прикладную философию».

Его коллега профессор Э.В. Диль был известен в городе своей педагогической деятельностью. Он был лидером скаутского движения в Томске. Под началом Дили находилось около трехсот мальчишек и девочек подросткового возраста, с которыми он проводил сборы, игры, соревнования и т.д. С именем профессора Дили связана поездка в Екатеринбург для решения судьбы архива последнего российского императора Николая II, который предполагалось перевезти в Томск и разместить на хранение в университетской библиотеке.

Профессор Б.П. Денике занимался проблемой изучения и сохранности памятников деревянного зодчества в Западной Сибири, делал их фотографические снимки. Он также был председателем правительственной комиссии, которая рассматривала варианты проектов для создания военных орденов Сибирского правительства.

С восстановлением советской власти в Томске приезжие профессора и преподаватели начали возвращаться домой. В 1921 г. в Томском университете, как и в других университетах страны, был создан факультет общественных наук (ФОН). Государство хотело поставить под свой контроль дело высшего гуманитарного образования, поэтому в состав ФОНа вошли юридический и историко-филологический факультеты. Последний был преобразован в этнолингвистическое отделение. Но в 1922 г. и сам ФОН был тоже закрыт. Историче-

ский факультет вновь был восстановлен в ТГУ в 1940 г. В 1941 г. появилось филологическое отделение, и факультет вновь стал называться историко-филологическим.

Историко-филологический факультет просуществовал первоначально неполных пять лет. Тем не менее он все же успел оставить заметный след в жизни университета. Вспоминая об этом периоде, профессор С.И. Гессен писал позднее: «В Томске я провел четыре года [с 1917 по 1921 г. – *Х.Д.*]. Это были годы революции и гражданской войны, эпидемии сыпного тифа и больших материальных лишений; несмотря на это, я вспоминаю эти годы с удовольствием. Факультет, в котором я сначала замещал декана, напоминал <...> семью, не знающую ни интриг, ни взаимных подсиживаний, что так часто характеризовало провинциальные университеты. Почти все члены факультета были молодыми доцентами Петербургского университета» [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913)*. Томск, 1913. С. 2.
2. *Известия Императорского Томского университета*. Томск, 1888. С. 10.
3. *Журнал министерства народного просвещения*. 1917. № 6. С. 86–87.
4. *Сибирский студент*. 1915. № 5–6.
5. *ГАТО*. Ф.102. Оп. 1. Д. 820. Л. 126.
6. *Зайченко П.А.* Томский университет им. В.В. Куйбышева за 75 лет. Томск, 1960. С. 199–200.
7. *Гессен С.И.* Основы педагогики: Введение в прикладную философию. М., 1995. С. 422–423.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛОЙ В 20 – 30-е гг. XX в.
(НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)¹**

А.В. ЛИТВИНОВ

Хорошо известно, что система управления отечественными университетами накануне Октябрьской революции была основана на принципе университетской автономии: профессора, составлявшие советы факультетов и университетов, избирали их органы управления – ректоров, правления, деканов. Советская власть видела в этом «узурпацию» профессурой дела управления высшей школой и не собиралась с этим мириться.

Что же касается Томского университета, то из-за кратковременности первоначального существования советской власти в Томске (декабрь 1917 г. – май 1918 г.) каких-либо серьезных изменений в структуре его управления в этот период не произошло. Известно, что первые декреты и постановления СНК, касавшиеся реформы высшей школы, были приняты только в августе – октябре 1918 г., когда в Сибири у власти находились белые правительства.

Томский губернский отдел народного образования планировал разработать «Положение о реорганизации управления высшей школой г. Томска» совместно с профессурой и представителями младших преподавателей, служащих и студентов. Причем число представителей от профессоров и преподавателей не должно было превышать численность представителей от студентов. Однако это предложение поначалу не получило поддержки со стороны большинства профессоров и преподавателей томских вузов. Лишь под угрозой прекращения финансирования были созданы комиссии («Советская объединенная» в Томском технологическом институте, и «смешанная» в университете) для подготовки проектов реорганизации управления томских вузов. Для рассмотрения проектов была создана учебно-административная комиссия, куда в равном количестве вошли представители профессорско-преподавательских корпусов и студенчества всех томских вузов: университета, технологического института и Сибирских высших женских курсов.

На совещаниях, проведенных отдельными вузовскими комиссиями, большинство их членов высказалось «за допущение представителей от студенчества в совет профессоров». После этого вопрос был передан на рассмотрение объединенной учебно-административной комиссии. Однако в связи с падением советской власти этот план не был реализован.

После свержения советской власти ректор Томского университета В.В. Сапожников с 1 июля 1918 г. занимал должность управляющего, с 4 ноября 1918 г. по 2 мая 1919 г. – министра народного просвещения Временного Всероссийского правительства. Ректором университета в 1918 г. был избран профессор физико-математического факультета А.П. Пospelов, проработавший в этой должности до 1921 г.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 03-03-00585 а/Т).

После восстановления во второй половине декабря 1919 г. советской власти в Томске связь с центром удалось наладить лишь к марту – апрелю 1920 г. В этих условиях местный отдел народного образования при Томском губревкоме взял на себя инициативу управления высшей школой. Для управления Томским университетом и технологическим институтом из представителей местного отдела народного образования, партийного комитета и коммунистического студенчества были организованы «революционные тройки». В состав университетской «тройки» вошли В. Вегман, А. Айзенберг и Н. Вадзинский, в состав «тройки» Томского технологического института – Никитин, А. Коган, М. Воробьев. Чтобы подчинить себе управление также и Сибирскими высшими женскими курсами и Институтом исследования Сибири, «тройки» решили действовать совместно и слились в «Коллегию по управлению высшими учебными заведениями г. Томска». Ее возглавил представитель партийного комитета и редактор томской газеты «Знамя революции» В.Д. Вегман.

В начале марта 1920 г. Коллегия приступила к работе. Главным направлением в ее деятельности в это время была публикация дошедших до Томска декретов Совнаркома и Наркомпроса о высших учебных заведениях в виде обязательных постановлений [1, с. 46 – 47]. Однако попытки Коллегии найти общий язык с профессурой не увенчались успехом. «Никакого желания идти на уступки нет, нет даже желания просто лояльно работать с Советской властью», – констатировала Коллегия в докладной записке о состоянии высшей школы Томска от 5 июля 1920 г. В итоге она пришла к заключению, что «органы управления высшими учебными заведениями – советы, факультеты и президиумы – безусловно должны быть вырваны из рук заведомых реакционеров, столь враждебных Советской власти» [1, с. 52 – 53]. «Уравновешивать реакционных профессоров» предполагалось путем введения во все органы управления студентов, причем только коммунистов.

Постановлением Сибревкома 1 января 1920 г. прекращалось действие университетского Устава 1884 г. из-за «архаичности и полного несоответствия... принципам строительству пролетарской высшей школы и не выработанности общего положения об университетах Республики». Отделу народного образования Сибревкома было поручено разработать Временное положение о Томском государственном университете [2]. Оно было утверждено 27 августа 1920 г. Сибнаробразом. С введением Положения о высших учебных заведениях Коллегия в феврале 1921 г., просуществовав почти год, была ликвидирована [3, с. 726]. Первым Уставом новой высшей школы стало, по сути дела, положение о высших учебных заведениях РСФСР, утвержденное СНК 2 сентября 1921 г. Все управление высшей школой строилось на сочетании принципов выборности и назначения, с перевесом в сторону последнего.

После опубликования нового Положения о высшей школе Сибнаробраз издал соответствующий приказ, которым все кафедры Томского университета объявлялись вакантными, а профессорско-преподавательский состав, деканы, ректор и проректор подлежали переизбранию [4, с. 234]. Это делалось с целью выдвижения на «командные должности» молодых научных сил, более лояльных к советской власти. Однако в условиях Сибири, где дефицит профессорско-преподавательских кадров был всегда велик, этого сразу сделать не удалось.

Возникли трудности при подборе кандидатур в состав правления. По традиции в то время еще считали, что ректором должен быть обязательно профессор. Начались длительные поиски, кого же из профессоров можно было рекомендовать на этот пост. Нередко партийная оценка того или иного кандидата корректировалась в зависимости от личных симпатий, характеристики как преподавателя, отношения его к студентам и т.п.

Просоветски настроенных профессоров почти не было, поэтому приходилось выбирать из людей, расположенных хотя бы более или менее лояльно к советской власти. В итоге ректором стал профессор кафедры истории античного мира Б.Л. Богаевский [5].

3 июля 1922 г. СНК РСФСР принял «Положение о высших учебных заведениях», корректировавшее Устав высшей школы в сторону расширения участия профессуры в формировании правлений и назначении ректоров вузов. Ректор теперь назначался Наркомпросом из числа кандидатов, выдвинутых на эту должность преподавательским составом. Только в исключительных случаях, если все кандидатуры оказывались неприемлемыми, Наркомпрос мог назначить ректора по своему выбору. Высшим органом управления университетом являлся совет, собиравшийся не менее одного раза в семестр. В его состав входили по должности – ректор (председатель совета) и члены правления, деканы и военный руководитель по высшей допризывной подготовке студентов; по избранию: 5 представителей от профессоров, 5 – от преподавателей и научных сотрудников, 5 – от студенчества; по одному представителю – от Губисполкома, с 1925 г. – окрисполкома, окрОНО, окрздрава, земуправления и горсовета; по одному представителю от профорганизаций (рабпроса, медикосантруда, соработников, химиков, местного комитета рабочих и служащих университета).

В компетенции совета университета находилась и рекомендация кандидатов на должность ректора и членов правления. После закрытия факультета общественных наук и отъезда из Томска Б.Л. Богаевского в мае 1922 г. обязанности ректора Томского университета некоторое время исполнял профессор физики В.Д. Кузнецов. С 10 июля 1922 г. ректором стал профессор медицинского факультета В.Н. Саввин, кандидатура которого устраивала тогда все заинтересованные стороны. Приказ о назначении его ректором был подписан уполномоченным Наркомпроса РСФСР и Главпрофобра по Сибири Д.К. Чудиновым.

Постоянно действующим органом управления университета, руководившим непосредственно всей научно-учебной и административно-хозяйственной жизнью университета, стало правление. Оно состояло из трех членов: ректора – председателя правления (в его ведении находилось общее руководство университетом и заведование учебной и административной частью); членов правления – проректора по хозяйственно-финансовой части и проректора по студенческим делам (он избирался из числа студентов). Для контроля над деятельностью хозяйственной и финансовой частей университета была создана ревизионная комиссия.

Кандидатуры на должность ректора и членов правления вносились от коллегии профессоров и преподавателей, студентов, окрисполкома, окрОНО и профсоюзных организаций, заинтересованных в работе университета. Представления на каждую кандидатуру вместе с отзывами о них совета университета передавались на утверждение Главпрофобра [3, с. 728].

Эта система управления продержалась до конца 20-х гг., когда очевидной стала ее неэффективность. Широкое привлечение студентов к управлению университетом не принесло желаемых результатов и только мешало организации нормальной работы высшей школы. По решению ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. принцип выборности руководителей высшей школы (ректоры, деканы) был заменен назначением «сверху» [1, с. 322 – 323].

В январе 1930 г. Наркомпрос прислал в Томский университет циркуляр «О введении единоначалия в вузах» [6], требовавший перестроить систему управления на основе единоначалия. Уже в феврале прежние органы управления: советы, правления, деканаты, президиумы и предметные комиссии были упразднены. Система факультетов была заменена системой отделений. Заведующие отделе-

ниями назначались ректором, сам ректор — Наркомпросом РСФСР [4, с. 298]. В феврале 1930 г. в Томском университете были назначены заведующие отделениями. Изменилось и наименование должности руководителя вуза: теперь он стал называться «директор». На него возлагалась единоличная ответственность за всю деятельность учебного заведения. После этого решения ректорами советских вузов стали назначаться представители профессорско-преподавательского состава из числа членов ВКП(б) [7].

Незадолго до этого с поста ректора ушел профессор В.Н. Саввин и в апреле 1929 г. ректором университета был избран приехавший из Москвы профессор-коммунист Д.В. Горфин. В 30-х гг. директорами Томского университета уже назначались коммунисты: профессор А.И. Мискинов (декабрь 1931 г. — октябрь 1932 г.), доцент А.Л. Щепотьев (октябрь 1932 г. — июнь 1936 г.), профессор Б.П. Токин (июнь 1936 г. — ноябрь 1937 г.), и.о. профессора М.Г. Журавков (ноябрь 1937 г. — март 1938 г.), И.И. Коллюшев (март — июль 1938 г.), Я.Д. Горлачев (июль 1938 г. — 11 сентября 1948 г.) [8]. Причем А.И. Мискинов, А.Л. Щепотьев, Б.П. Токин, Я.Д. Горлачев были присланы из Центра, а М.Г. Журавков и И.И. Коллюшев временно исполняли обязанности ректора.

После восстановления факультетской структуры вновь изменилась система управления. Руководитель университета вновь стал именоваться ректором. Он утверждался и смещался Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР по представлению Народного комиссариата просвещения РСФСР. Он отвечал перед Народным комиссариатом просвещения РСФСР и Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР за «руководство университетом, за организацию учебного процесса, за подготовку высококвалифицированных и политически воспитанных советских специалистов, за научно-исследовательскую и за административно-хозяйственную работу университета».

При ректоре и под его руководством действовал ученый совет университета. Помимо ректора в его состав входил проректор по учебной и научной работе, помощник ректора по административно-хозяйственной части, заместитель проректора по заочному обучению, деканы факультетов и их заместители (директора научно-исследовательских институтов), заведующие кафедрами, преподаватели самостоятельных дисциплин, директор научной библиотеки, представители партийной, комсомольской и профсоюзной организаций университета. В состав совета могли включаться представители предприятий и учреждений, для которых университет готовил специалистов. Совет собирался в сроки, устанавливавшиеся ректором, но не реже одного раза в месяц. Совет университета в эти годы, за исключением вопросов научно-педагогической аттестацией и избранием по конкурсу профессоров и преподавателей, обладал совещательными функциями.

После восстановления в Томском университете факультетов, являвшихся «учебными, научными и административными отделениями университета», их деятельностью вновь стали руководить деканы, кандидатуры которых рекомендовались советом университета по представлению совета факультета из числа сотрудников факультета и утверждались Наркомпросом РСФСР. Деканам полагалось иметь помощников, их количество зависело от структуры факультета и объема работы.

Основной учебной и научной организацией Томского университета вновь стали кафедры. В 20-е гг. они формально объединялись в предметные комиссии и существовали не официально, так как в нормативных актах понятие «кафедра» отсутствовало. Впервые после начала советской университетской реформы руководителям кафедр были предоставлены административные полномочия. Деятельностью кафедр руководил заведующий, кандидатура которого выдвигалась из числа про-

фессоров и доцентов советом университета и назначалась Наркомпросом. В условиях тотальной идеологизации всех сфер жизни в обязанности заведующего кафедрой также входило «осуществление мероприятий по идейно-политическому воспитанию студентов, аспирантов, преподавательского и учебно-вспомогательного персонала». Кроме этого он должен был оказывать «содействие правильному проведению социалистического соревнования и ударничества на кафедре».

Научно-исследовательские институты, появившиеся в структуре Томского университета в 1932 г., действовали на основе особых положений, утверждавшихся ВКВШ, и после восстановления факультетской структуры университета подчинялись деканам соответствующих факультетов. Непосредственное руководство институтом осуществлял его директор, являвшийся заместителем декана по научной части. Эта система управления была зафиксирована в Уставе Томского университета, утвержденном ВКВШ при СНК СССР [9].

Рассмотрев трансформацию системы управления Томского университета, можно отметить, что роль в ней профессоров и преподавателей университета, по сравнению с периодом революции и гражданской войны снизилась. В 20-е гг. она ограничивалась широким представительством студентов в органах управления университетом, в 30-е гг. – ликвидацией принципа выборности в комплектовании руководящих должностей. Это дало возможность руководителям системы народного образования страны беспрепятственно провести реформу в системе подготовки специалистов в университетах страны. Система управления, сложившаяся в 30-е гг., просуществовала вплоть до начала 90-х гг. XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Власть и интеллигенция в сибирской провинции. Конец 1919 – 1925 гг.* Новосибирск, 1996.
2. ГАНУ. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 16. Л. 14.
3. *Покровский Д.В.* К истории Томского государственного университета: По поводу 40-летнего его юбилея // Сибирский архив теоретической и клинической медицины (Томск). 1928. Ноябрь – дек. Т. 3, № 9 – 10.
4. *Зайченко П.А.* Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева: Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880 – 1955). Томск, 1960.
5. *Профессора* Томского университета. Томск, 1998. Т. 2. С. 52 – 54.
6. *Бюллетень* Народного комиссариата просвещения. 1930. № 4. С. 22.
7. *Томский университет. 1880-1980.* Томск, 1980. С. 161.
8. *Профессора* Томского университета. Томск, 1998. Т. 2. С. 112–114, 291–292, 421–428, 139–140, 496.
9. ГАТО. Р-815. Оп. 12. 1876. Л. 17; *Устав* Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск, 1939. С. 17–25.

**ТОМСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ:
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ВУЗА (1931–1941 гг.)¹**

М.В. ГРИБОВСКИЙ

Вопрос о реорганизации высшего медицинского образования был поднят еще в начале 20-х гг. Разработка реформы была поручена НКЗ РСФСР и ГУСу. Предлагалось усилить преподавание дисциплин санитарно-гигиенического и профилактического циклов. Кроме того, реформа должна была коснуться методов преподавания и проверки знаний; предполагалось сократить число дисциплин (борьба с «многопредметностью»), увеличить число выпускаемых врачей и, наконец, выделить медицинские факультеты университетов в самостоятельные вузы. В июле 1930 г. Главпрофобр принял окончательное решение о реорганизации университетов путем выделения в особые институты в первую очередь медицинских и педагогических факультетов.

Главной причиной проведения реформы высшей медицинской школы называлось то, что индустриализация страны и бурные темпы коллективизации ставят новые задачи перед врачом. Для колхозов – новых потребителей врачебных кадров – недостаточно количества специалистов, выпускаемых медицинскими факультетами университетов. Кроме того, появляются новые задачи: «выработка новых типов населенных мест, охват всего трудового населения общественным питанием, общественное воспитание детей, переход к охвату всего трудового населения и городов, и колхозов системой единых диспансеров» [1]. Решение этих задач требовало изменений в подготовке врачебных кадров. Реформа начала реализовываться в 1924 и 1925 гг., когда на медицинском факультете Томского университета были открыты кафедры социальной и экспериментальной гигиены. В августе 1930 г. медицинский факультет был разделен на два: санитарно-гигиенический и лечебно-профилактический. Постановлением СНК РСФСР от 5 ноября 1930 г. эти факультеты были выделены в самостоятельный вуз – Томский государственный медицинский институт. Окончательное выделение произошло к январю 1931 г.

После образования ТМИ в его составе появился также факультет охраны материнства, младенчества и детства (закрыт в 1932 г.). С 1938 по 1956 г. институт носил имя В.М. Молотова.

Директорами организованного вуза с момента создания вплоть до начала Великой Отечественной войны были А.В. Ширшов (1931), заведовавший до этого Томским окрздравом, затем В.Г. Крамаренко (1932), Я.А. Теплоухов (1932), П.А. Тонконогов (1932 – 1935), Г.И. Розет (1935 – 1938), Н.П. Федотов (1938 – 1939), А.П. Азбукин (1939 – 1940) и Н.П. Владимиров (1940 – 1941).

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 03-03-00585 а/Т).

В самостоятельном Томском медицинском институте началась большая работа по осуществлению намеченной программы реформирования медицинского образования. Менялись учебные планы, сокращалось число дисциплин, был увеличен прием в институт (по сравнению с приемом на медицинский факультет университета в прошлые годы).

Наиболее противоречиво в 1930-е гг. решался вопрос с методами преподавания. В специальных письмах Наркомздрава 1930 г. подвергались критике основные традиционные методы преподавания медицинских дисциплин – лекция, семинарское занятие. Основной претензией к традиционным методам была преимущественная пассивность студента на лекциях и даже семинарах. В методическом письме НКЗ «Активные методы преподавания в медвузах» говорилось: «они [лекции. – М.Г.] не были рассчитаны на развитие самостоятельной активной работы учащихся: они не способствовали развитию самостоятельности, пытливости и любознательности. Лекционная система не дает практических навыков работы, не создает условий коллективного труда» [2]. По поводу недостатков семинарских занятий говорилось, что главные из них «заключаются в том, что активность в группе проявляется со стороны одного-двух лиц и что вся тяжесть ложится тоже на 1–2 учащихся. Часто случается, что докладчики не бывают готовы к сообщениям, почему занятие при этом методе сбивается или на лекцию, или на метод вопросов и ответов» [2, л. 20].

Новая методика преподавания в высшей медицинской школе должна была зиждиться на двух основных составляющих: бригадно-лабораторном методе, переходящем в систему проектов и непрерывной производственной практике.

В основе бригадно-лабораторного метода лежала самостоятельная проработка «бригадой», состоявшей из 5–6 студентов, материала по заданию, предложенному преподавателем. Преподаватель не объяснял новый материал, он читал краткую вводную лекцию и консультировал студентов в случаях затруднений с усвоением материала учебника. По выполнении всех заданий проводились заключительные занятия, на которых бригадиры, избиравшиеся из наиболее успевающих студентов, отчитывались за всю бригаду о проделанной работе. Экзамены и зачеты были отменены. Таким образом, индивидуальный учет успеваемости студентов отсутствовал, зачет автоматически получал каждый член бригады. Роль преподавателя сводилась к роли консультанта. Бригадно-лабораторный метод вскоре обнаружил свою несостоятельность, так как был рассчитан на высокий уровень подготовки студента, способного учиться самостоятельно, что не было свойственно основной массе студентов. Как следствие, эта система не повышала, а, наоборот, снижала индивидуальную активность и ответственность за результаты работы.

В 1932 – 1934 гг. в ТМИ были в основном восстановлены традиционные методы преподавания, хотя больше внимания стало уделяться и практической проработке материала.

В 1931 г. в составе института насчитывалось 28 кафедр, на которых работали около 140 преподавателей (включая ординаторов), из них 24 профессора и 1 доцент, 78 ассистентов, 6 преподавателей [3]. В институте обучалось 1006 студентов. Открытие в Сибири новых медицинских учебных заведений, а также перевод в 1932 г. в Новосибирск Института усовершенствования врачей привели к оттоку кадров. Некоторые кафедры оказались некомплектованными преподавателями. В 1937 г. в штате ТМИ оставалось 7 профессоров и 15 доцентов.

Развитие института в 30-е гг. сдерживалось слабой материальной базой, недостатком учебных площадей.

Для оплаты труда профессорско-преподавательского состава применялся почасовой порядок расчета. В первой половине 1930-х гг. зарплата ассистента формиро-

валась из расчета 5 руб. в час, а доцента – 8,5 руб. в час. В среднем, в зависимости от нагрузки и с учетом доплаты за научную работу, профессор, заведующий кафедрой, получал 800–850 руб. в месяц, доцент – 500–600, ординатор – 160–170 руб.

Ситуация изменилась с введением штатно-окладной системы. В ноябре 1937 г. СНК СССР отменил во всех вузах страны порядок почасовой оплаты труда профессоров и преподавателей, ввел систему штатных должностей и должностных окладов для них. В 1937 г. должностные оклады заведующего кафедрой, профессора составляли 1100–1500 руб., профессора – 900–1200 руб., доцента – 700–900 руб., ассистента – 600–700 руб. в месяц.

Установление строгой штатно-окладной системы оплаты с учетом всех видов деятельности профессорско-преподавательского коллектива дало возможность Томскому медицинскому институту создать штат постоянных кадров научно-педагогических работников, целиком отдающих ему свои силы и знания.

Постепенно государство увеличивало средства, выделяемые для института на приобретение научного и учебного оборудования. В 1938 г. было введено в эксплуатацию благоустроенное студенческое общежитие (пр. Кирова, 16). Завершалось строительство нового биологического корпуса на ул. Кирова, куда предполагалось переместить ряд кафедр медико-биологического профиля.

Что касается научных исследований, то в 30-е гг., наряду с традиционной тематикой, большое значение придавалось изучению здоровья и организации медицинского обслуживания городского населения и рабочих промышленных предприятий Западной Сибири, сельскому здравоохранению, курортному делу. На кафедре патофизиологии (А.Д. Тимофеевский, Д.И. Гольдберг) были продолжены исследования по культивированию тканей вне организма, изучались проблемы гематологии. Профессор Б.И. Баяндуров изучал условно-рефлекторные связи у птиц. Профессор А.И. Нестеров предложил новую классификацию ревматических заболеваний. Под руководством профессора С.В. Мясоедова проводились исследования кроветворения у рыб. Профессор А.Г. Савиных, наряду с хирургическим лечением онкологических заболеваний, занимался вопросами переливания крови. По его инициативе в Томске были открыты станция переливания крови и первый в Сибири онкологический институт.

В 1936 г. в ТМИ было создано студенческое научное общество (СНО), возродившее традиции дореволюционного Пироговского общества. В 15 кружках занималось около 200 студентов. Общество возглавил Д.И. Гольдберг.

Для организации консультативной и организационно-методической помощи лечебно-профилактическим учреждениям города и села и руководства ею в ТМИ было создано консультационное бюро в составе профессоров А.А. Опокина, Е.И. Неболюбова и П.А. Ломовицкого. Только в 1937 – 1938 гг. в города и села Новосибирской области (Томская область выделилась в 1944 г.) для оказания практической помощи направлялись 32 бригады научных работников.

По итогам работы за 1935 г. Томский медицинский институт был отмечен в приказе НКЗ РСФСР в числе вузов, имевших высокие показатели в научно-исследовательской работе. Профессора С.А. Адамов, Н.В. Вершинин, А.А. Опокин и А.Г. Савиных в 1938 г. были награждены орденами.

ТМИ за первые 10 лет самостоятельного существования более чем в 2 раза увеличил количество обучаемых студентов – накануне Великой Отечественной войны в институте обучался 2421 студент. Профессорско-преподавательский состав вуза включал 31 профессора, 34 доцента и 73 ассистента. В состав вуза входили 2 факультета (лечебный и санитарно-гигиенический), 40 кафедр и 17 клиник на 700 коек [4]. В составе ТМИ имелись также станция переливания крови, вива-

рий с 1200 лабораторными животными (открыт в 1935 г.), 3 музея, библиотека со 150 тыс. книг (открыта в 1935 г.).

К началу Великой Отечественной войны ТМИ представлял из себя сформировавшийся сильный институт, который сумеет достойно выполнить функции образовательного и научного учреждения в сложные годы Отечественной войны 1941–1945 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАТО. Ф. Р-561. Оп. 1. Д. 31. Л. 33.
2. ГАТО. Ф. Р-561. Оп. 1. Д. 38. Л. 19.
3. ГАТО. Ф. Р-561. Оп. 1. Д. 116. Л. 8.
4. Томский медицинский институт. 1888–1988: Исторический очерк / М.А. Медведев, Г.И. Мендрина, П.А. Бова и др. Новосибирск, 1992. С. 68.

**СИБИРСКИЙ ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
В ГОДЫ ВОЙНЫ (1941 – 1945 гг.)**

В.М. КУЩ

С началом Великой Отечественной войны в Красную армию была призвана большая группа ученых, лаборантов и механиков. Перед войной СФТИ имел в своем составе 60 научных сотрудников, из них 18 штатных и 42 совместителя. 25 научных сотрудников были мобилизованы в ряды РККА (из них 6 руководителей отделов и лабораторий) [1, л. 2].

С первых же дней войны в Томске был организован Комитет томских ученых для помощи промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в условиях военного времени, который возглавил профессор ТГУ Б.П. Токин. В состав комитета вошел директор СФТИ В.Д. Кузнецов, а К.В. Водопьянов стал его ученым секретарем. СФТИ стал официальной штаб-квартирой комитета.

Сибирский физико-технический институт с началом войны поставил своей главной задачей использовать весь научный опыт и оборудование в интересах обороны. В связи с войной резко изменилось экономическое лицо Западной Сибири и Томска. Появились новые заводы, как правило, эвакуированные из западных районов страны, которые нуждались в технической помощи. Предприятия предъявили институту ряд конкретных требований и запросов. Институт перестроил свою тематику, установил крепкую связь с заводами и широко открыл двери своих лабораторий для руководящих, технических работников промышленности. Совместные совещания и конференции, технические консультации и экспертизы, выезды работников института на заводы для внедрения в производство технических изобретений и усовершенствований – это те формы связи, которые практиковались институтом и заводами.

С начала войны, в особенности после размещения в Томске эвакуированных заводов, Сибирский физико-технический институт, не изменяя общего направления своей тематики, целиком переключился на разрешение актуальных в военное время вопросов, превратился в научно-технический центр городов Сибири по оказанию научно-технической помощи оборонным заводам и другим учреждениям. Он имел тесную связь с 69 организациями, из которых 16 были оборонными, и 24 заводами [1, л. 1].

Почти весь коллектив СФТИ перешел на военную тематику. В отделе физики твердого тела по заданию заводов занимались составлением и исследованием сплавов на цинковой основе для замены алюминиевых сплавов. Ввиду дефицита олова разрабатывалась рецептура безоловянистых и малооловянистых припоев. По заданию завода «Изолит» изучались механические свойства текстолита и гетинакса при различных температурах. По заданию Арткома был поставлен ряд

специальных исследований. Весь спецотдел института занимался исключительно военной тематикой.

В лаборатории дефектоскопии работали над созданием различных приборов для обнаружения дефектов в минометных стволах и других военных изделиях. Был изготовлен образец миноискателя, предназначенный для серийного производства. В годы Великой Отечественной войны коллектив лаборатории проводил большую работу по внедрению методов электромагнитного контроля на заводы и занимался разработкой специальной измерительной и контрольной аппаратуры.

В 1941 г. лаборатория дефектоскопии и акустики разработала щуп для нахождения металлических осколков в телах раненых. Эта идея получила свое успешное разрешение после того, как работа была поручена Б.П. Кашкину. Он предложил использовать для отыскания осколков принцип работы электротехнической дифференциальной схемы дефектоскопа СФТИ – 12. Эта схема использовалась впервые.

Результатом разработки оказался прибор, удовлетворявший всем основным требованиям операционной обстановки и оказавший чрезвычайно большую помощь хирургу при удалении из тела осколков [2]. В 1941 г. решался вопрос о массовом производстве этого же прибора, питающегося от простой сети. Заведующий лабораторией дефектоскопии СФТИ А.Б. Сапожников писал о щупе: «Имеются основания утверждать, что прибор для отыскания осколков является в том виде, как он сейчас оформлен, первым удачным решением данной проблемы в СССР» [2].

С началом войны исследования по многим темам прекратились. Но появились и новые, которые отвечали интересам обороны.

В самом начале войны в институте произошли структурные изменения. Это было связано с тем, что осенью 1941 г. был ликвидирован как самостоятельное учреждение Научно-исследовательский институт математики и механики при ТГУ. Данный институт был влит в СФТИ в виде специального отдела математики и механики. Благодаря такому слиянию сразу расширился диапазон научных работ и появились новые возможности расширить методы исследований, главным образом по физике твердого тела. Тот факт, что заведующий отделом М.С. Горохов в 1947 г. был избран членом-корреспондентом Академии артиллерийских наук, свидетельствует о высоком научном значении выполненных этим отделом работ.

Отдел математики в механике объединил в области научной работы математические кафедры Томского университета – кафедры алгебры, теории чисел, математического анализа, геометрии, общей математики, механики и астрономии.

В 1942 г. профессора В.Д. Кузнецов и М.А. Большанина получили Сталинскую премию за научный труд «Физика твердого тела». Решением Совнаркома СССР от 13 февраля 1942 за № 2419-рс была дана высокая оценка деятельности СФТИ по выполнению работ, имевших большое научное и практическое значение [1, л. 1].

Профессор В.Д. Кузнецов завершил работу над третьим томом «Физики твердого тела». В нем впервые проводилось научное обоснование теории резания металлов. В спецотделе СФТИ по заданию Арткома Главного артиллерийского управления Красной армии проводились работы по внутренней баллистике минометов, по определению самой выгодной формы пули при сверхскоростях, по разработке новых дульных тормозов и баллистическому расчету орудий. Были также разработаны новые варианты дефектоскопов для обнаружения дефектов в металлических изделиях, которые предназначались для изготовления орудий, минометов и других видов вооружения. Сотрудники института разработали и запустили в серийное производство аппаратуру для стандартизации и выбраковки изготавливаемых заводами деталей, покрытых светящимся составом. В ходе исследований

были получены новые высококачественные сплавы на цинковой основе, заменяющие дефицитные алюминиевые сплавы.

На базе лабораторий и мастерских института силами научных работников осуществлялась подготовка квалифицированных технических кадров, необходимых для госпиталей, транспорта и оборонных заводов. Всего было подготовлено 145 человек, в том числе 60 радиомонтажников, 45 рентгенотехников, 20 дефектоскопистов и 19 физикотехников [1, л. 3].

Всего в годы войны в СФТИ работали 18 штатных научных сотрудников и 42 совместителя-преподавателя, выполнившие 180 тем. Кроме того, институт подготовил квалифицированные кадры для транспорта, оборонных заводов и т.п. За годы войны институт выполнил 97 научных работ, из них 43 по спецсредствам на сумму в 790 тыс. руб. [3]

Вот как охарактеризовал деятельность СФТИ в годы Великой Отечественной войны председатель Томского комитета ученых Б.П. Токин в своем письме на имя В.Д. Кузнецова: «В Вашем институте был научный штаб патриотов – ученых Томска, мы вместе пытались делать все, что было в наших силах, для победы нашей славной Советской Армии... основной же организующей силой был коллектив Вашего института, и его влияние сказывалось далеко за пределами Томска».

С фронта вернулись и продолжили работу в институте награжденные орденами и медалями ассистенты И.А. Агеев, П.Н. Большаков, старший научный сотрудник Г.И. Карпов, научный сотрудник В.Ф. Конусов. Пали смертью храбрых доцент В.П. Поддубный, заведующий лабораторией резания В.Н. Швецов, механик Улитин, аспирант Е.А. Дурандин.

ЛИТЕРАТУРА

1. *О работе СФТИ при ТГУ в военное время* // ГАТО. Р-1638. Оп. 1. Д. 66.
2. *Отчеты о научной работе лабораторий дефектоскопии и акустики за 1941 г.* // ГАТО Р-1638. Оп.1. Д. 67.
3. *Левдикова Т.Л.* Из истории СФТИ // Академия наук и Сибирь. Новосибирск, 1957. С. 148.

**ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ
ТОМСКОГО ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА
(50–60-е гг. XX в.)**

Н.А. ШЕВЧЕНКО

В 1950-е гг. перед страной встала задача приоритетного развития восточных районов. В Сибири появились новые города, крупные промышленные центры, быстро увеличивалась численность населения. Регион нуждался в квалифицированных специалистах, особенно связанных со строительством. Их подготовкой занялись существовавшие и вновь открывавшиеся вузы. Однако территориальная структура вузов страны, специализирующихся на отраслевых группах «строительство» и «транспорт и связь», была неравномерна. Отчетливо наблюдалась чрезмерная концентрация их в европейской части страны [1]. Строительный комплекс сибирского региона обеспечивали кадрами инженерно-технических работников только Новосибирский инженерно-строительный институт и Сибирский автодорожный институт в Омске. Помимо подготовки кадров, ученые этих вузов должны были разрабатывать и внедрять результаты своих научных изысканий по местной тематике. Два вуза с таким огромным объемом работы справиться были не в состоянии. Встал вопрос об открытии еще одного инженерно-строительного института (или факультета) на территории Сибири.

Выбор Томска в качестве нового центра строительного образования был не случаен. Здесь размещались крупнейшие вузы: Томский государственный университет (ТГУ), Томский политехнический институт (ТПИ). Более того, с открытием строительного института в Томске восстановилась бы историческая преемственность, поскольку в 1902 – 1930 гг. здесь велась подготовка инженеров-строителей [2].

Важную роль в организации профессиональной подготовки инженерно-строительных кадров в Томске сыграла корректировка задач, стоящих перед местным партийным и советским руководством в деле улучшения жилищно-бытового и культурного обслуживания населения. Целью нового пятилетнего плана было провозглашено двукратное увеличение жилищного строительства за счет возрастания в 1,5 раза объема капиталовложений на нужды коммунального строительства.

В ходе обсуждения 5-летнего плана на XII Томской городской партийной конференции (1952) был взят курс на создание крупных строительных организаций с максимальной механизацией работ. Требовалось обеспечить новые строительные организации производством строительных материалов, открыть «комбинат по повышению квалификации строителей» и т.д. На вузы Томска возлагалась задача как можно быстрее начать подготовку высококвалифицированных специалистов для строительной отрасли области [3, л. 7 – 14]. Рассматривалась возможность решения этой задачи силами механического факультета ТПИ. Но директор ТПИ А.А. Воробьев ясно дал понять, что факультет не располагает квалифицированными кадрами и оборудованием для организации новых специальностей [3,

л. 37 – 38]. В итоге было решено открыть в Томске отдельный строительный институт.

Подготовительный период занял 88 дней. Приказом министра высшего образования СССР В. Столетова за № 928 от 5 июня 1952 г. «Об организации в г. Томске института по подготовке инженеров по строительству элеваторов» (вскоре институт был переименован в Томский инженерно-строительный институт, далее ТИСИ) предусматривалось выделить для ремонта зданий будущего института 150 тыс. руб., необходимые материалы, одну грузовую машину, легковую машину «Победа», а также лабораторное и хозяйственное оборудование. Этим же приказом в Томск был направлен кандидат технических наук, доцент Московского инженерно-строительного института Александр Алексеевич Потокин, который должен был исполнять обязанности директора [4].

Денег на строительство специального учебного корпуса с развитой социальной инфраструктурой у области не было, поэтому строительный институт решено было разместить на базе Томского политехникума Министерства заготовок СССР на пустующих площадях бывшего мукомольно-элеваторного института (пл. Соляная, д. 2) [5, с. 8]. По мере роста численности студентов, открытия новых кафедр и лабораторий строительного института планировалось освободить здания, прилегающие к Соляной площади. Принятое в спешке решение о размещении нового института с самого начала заложило причины будущих проблем, связанных с развитием материальной базы молодого вуза.

Летом 1952 г. бюро Томского обкома КПСС приняло постановление «О мерах оказания помощи институту инженеров по строительству элеваторов». Был осуществлен ремонт учебных аудиторий и здания общежития для будущих студентов. На первый курс было принято 150 человек по специальности «Промышленное и гражданское строительство». Учебный процесс обеспечили необходимой учебно-методической документацией [5, с. 38 – 39].

Наконец, вышло специальное Постановление Совета министров СССР. В нем говорилось: «...Придавая огромное значение делу подготовки инженеров-строителей по проектированию и строительству элеваторов, промышленных, общественных и жилых зданий, а также различных инженерных сооружений... с 1 сентября 1952 г. вновь организуется Томский институт инженеров по строительству элеваторов» [6].

Профессорско-преподавательские кадры строительного института по общественным, гуманитарным и фундаментальным наукам были укомплектованы за счет томских вузов: ТГУ, ТПИ, ТГПИ. А технические кадры на специальные кафедры подбирались из выпускников аспирантуры инженерно-строительных институтов Новосибирска, Ленинграда, Полтавы и др. Для преподавания таких дисциплин, как, например, «технология строительного производства», «организация и экономика строительства», привлекались практические работники с большим стажем работы на ведущих предприятиях строительной индустрии Томска. Часть преподавателей работала в институте на условиях совместительства или почасовой оплаты труда. Так, на 1 декабря 1956 г. трое из пяти штатных доцентов в ТИСИ являлись совместителями [7]. Некоторые преподаватели перешли на работу в институт из томских среднетехнических учебных заведений: коммунально-строительного техникума, политехникума Министерства заготовок СССР, автодорожного техникума.

Тем не менее в первое время институт испытывал определенные трудности с обеспечением учебного процесса. Не хватало высококвалифицированных преподавателей, практически отсутствовала лабораторная база, книжный фонд библиотеки находился на стадии комплектования. Молодой вуз не мог предоставить

квартир приглашенным на работу из вузов центральных городов. Основу преподавательского состава ТИСИ составили недавние выпускники томских вузов. Так, в 1956 г. более 70% преподавателей были в возрасте до 35 лет [7]. В первые годы на ряде кафедр исследовательская работа либо вообще не велась, либо ограничивалась написанием статей по ранее выполняемым темам [8]. Неутешительной была ситуация с защитами диссертаций и, как следствие, наблюдался медленный рост количества преподавателей, имеющих ученые степени и звания (к началу 1960-х гг. – 13%). За первые 5 лет состоялась лишь одна защита кандидатской диссертации [5, с. 36].

Практически отсутствовала конкуренция при заполнении вакантных должностей профессорско-преподавательского состава. Численность профессорско-преподавательского состава ТИСИ изменялась следующим образом: 1952 г. – 18 человек; 1955 г. – 57 человек; 1958 г. – 130 человек [9]. На 1 июля 1957 г. для нормального обеспечения учебного процесса требовалось 114 преподавателей, а в штате на тот момент состояло всего 77 человек. Для размещения вновь прибывших на работу преподавателей требовалось 24 квартиры, а у института в наличии было только 4 комнаты. Приезжая в ТИСИ с семьями, молодые преподаватели, проработав несколько лет, стремились перейти на работу в вузы европейской части страны. Проректор по учебной и научной работе ТИСИ Ф.Е. Давыдов с горечью отмечал на заседании парткома: «Преподавательский состав тоже зависит от квартирных условий, мы в настоящее время живем как в военное время. Никакой профессор не пойдет в одну комнату» [10]. Жилой фонд для преподавателей на протяжении 1950-х гг. не расширялся, оставаясь таким, каким он был в год открытия вуза. К тому же квартиры преподавателей, расположенные в учебном корпусе (пл. Соляная, 2) плохо отапливались даже в зимние морозы, так как котельная института часто оставалась из-за аварии в аварийном состоянии.

Вопрос подбора руководящих кадров института решался при непосредственном участии Томского обкома КПСС. В 1952 – 1958 гг. вуз сменил трех директоров: А.А. Потокин (1952 – 1953), С.В. Жестков (1953 – 1955), Л.М. Даманский (1955 – 1958). Директор А.А. Потокин по истечении первого учебного года вернулся в Москву. Его сменил Сергей Васильевич Жестков, кандидат технических наук, доцент кафедры строительной механики Ленинградского инженерно-строительного института. 11 июля 1953 г. приказом министра культуры СССР он был назначен директором института [11]. В то время С.В. Жесткову было 47 лет. Бывший фронтовик, он стал заведовать кафедрой теоретической механики ТИСИ.

От нового директора коллектив ожидал решительных действий, твердости, настойчивости, умения организовать людей. Но директорство ему не удалось. Им не был решен вопрос о перспективах развития института. Партком института уже в начале 1954 г. отмечал плохую работу дирекции. В стенограммах партсобраний того времени можно встретить нелестные отзывы о директоре: «...Жестков не на месте... У тов. Жесткова чемоданное настроение, нам нужно не временного, а постоянного директора... Директор института не пользуется среди студентов авторитетом...» [12]. Сказывалось отсутствие у С. В. Жесткова опыта руководства вузом. Понимая, что не справляется со сложной ситуацией, он обратился в министерство с просьбой освободить его от занимаемой должности и перевести обратно в Ленинград.

К выбору новой кандидатуры областное руководство подошло более основательно. Третьим по счету директором института стал Лев Михайлович Даманский, который имел 16-летний опыт работы в должности директора Полтавского института инженеров сельскохозяйственного строительства. Еще до Великой Отечественной войны он с отличием закончил Московский институт инженеров

водного хозяйства [13], а в июне 1954 г. защитил диссертацию кандидата технических наук. Окончательно вопрос о назначении Л.М. Даманского был решен на заседании Томского обкома КПСС [5, с. 107]. По совместительству он стал работать также доцентом кафедры геодезии и гидравлики ТИСИ.

Однако и Л.М. Даманский был директором ТИСИ недолго. Он попытался создать нормальные условия работы института, вел строительство студенческого общежития на 800 мест, успел провести работу по открытию автодорожного факультета. При нем состоялся первый выпуск инженеров-строителей. В апреле 1957 г. для проверки состояния дел в ТИСИ приехала комиссия с участием московских, ленинградских и новосибирских ученых по специальностям института. По результатам проверки института был издан специальный приказ министра высшего образования СССР В. Елютина за № 760 от 19 июля 1957 г. «Об учебно-воспитательной и научно-исследовательской работе Томского инженерно-строительного института», в котором деятельность дирекции института была подвергнута критике [14].

Смену Л.М. Даманскому искали уже не на стороне, а среди ведущих преподавателей ТИСИ. На этот раз директором стал заместитель директора ТИСИ по учебной и научной работе Михаил Васильевич Постников, заведовавший по совместительству кафедрой инженерной геодезии того же института. Он обладал хорошими организаторскими способностями, знал проблемы института изнутри. К тому же Л.М. Даманский, подав заявление о переходе на работу в Тульский горный институт, сам рекомендовал М.В. Постникова на должность директора. С приходом М.В. Постникова прекратилась частая смена руководства институтом. Директором (ректором) ТИСИ М.В. Постников работал до 1968 г., когда его сменил Геннадий Маркелович Рогов.

На рубеже 1960 – 1970-х гг. произошел переломный момент в деятельности вуза. ТИСИ постепенно стал входить в число ведущих инженерно-строительных вузов страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Строительные* высшие учебные заведения СССР. В помощь поступающему. М., 1948.
2. *Томский политехнический университет. 1896–1996: Исторический очерк.* Томск, 1996.
3. *ЦДНИТО.* Ф. 80. Оп. 4. Д. 570.
4. *ГАТО.* Ф. Р-1600. Оп. 1, Д. 2. Л. 1-2.
5. *История ТИСИ-ТГАСУ в документах и материалах: Сб. документов.* Томск, 2002.
6. *ЦДНИТО.* Ф. 607. Оп. 1. Д. 1642, Л. 15.
7. *ГАТО.* Ф. Р-1600. Оп. 1. Д. 106, Л. 6.
8. *ГАТО.* Ф. Р-1600. Оп. 1. Д. 32.
9. *ГАТО.* Ф. Р-1600. Оп. 1. Д. 98. Л. 3; Д. 106, Л. 6; Д. 17, Л. 361.
10. *ЦДНИТО.* Ф. 4584. Оп. 2. Д. 4. Л. 23.
11. *ГАТО.* Ф. Р-1600. Оп. 2. Д. 60.
12. *ЦДНИТО.* Ф. 4584. Оп. 1. Д. 4. Л. 6–8.
13. *ГАТО.* Ф. Р-1600. Оп. 2. Д. 50. Л. 12–13.
14. *ГАТО.* Ф. Р-1600. Оп. 1. Д. 49. Л. 126; Д. 13, Л. 146–152.

**ИЗ ОПЫТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФАКУЛЬТЕТОВ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОФЕССИЙ
В ВУЗАХ СИБИРИ В КОНЦЕ 50-х – НАЧАЛЕ 90-х гг. XX в.**

В.В. ПЕТРИК

В конце 50-х – начале 90-х гг. XX в. в работе вузовских коллективов Сибири по нравственно-эстетическому воспитанию студенческой молодежи большое место занимала деятельность факультетов общественных профессий (ФОП). Важнейшим условием их функционирования должно было стать сочетание личных склонностей студентов с повышением их общественной активности. Руководство вузов, заинтересованное в этом, выделяло помещения для занятий, деньги на оплату руководителей. Наряду с этим приобретался инвентарь, костюмы, музыкальные инструменты. Ректораты, парткомы, деканаты рассматривали планы работы ФОП, оказывали им помощь в разработке учебных программ, помогали комитетам ВЛКСМ, студенческим профсоюзам и преподавателям в организации набора слушателей, заслушивали отчеты руководителей.

Первый в стране факультет общественных профессий был создан в 1959 г. в Красноярском сельскохозяйственном институте на базе кружков художественной самодеятельности. К началу 1990-х гг. в нем насчитывалось 20 отделений, на которых обучалось 1600 человек [1]. В 1959 – 1965 гг. ФОП работали в Алтайском и Новосибирском сельскохозяйственных, Красноярском, Новосибирском, Омском, Кызыльском педагогических институтах и других вузах региона [2]. Настоящий размах данная форма воспитания студенчества во внеучебное время получила в 1966 – 1967 гг., когда Минвузом РСФСР в сентябре 1966 г. было утверждено «Положение о факультетах общественных профессий высших учебных заведений» [3]. По решению местных органов власти были созданы ФОП в большинстве сибирских вузов.

Администрация и общественные организации вузов региона оказывали факультетам материальную и учебно-методическую помощь, способствовали укреплению их квалифицированными кадрами. Так, деканами ФОП были назначены профессор Б.Л. Басин (Омский медицинский институт), доценты В.И. Драченко (Норильский вечерний индустриальный институт), С.И. Ростова (Абаканский педагогический институт), Л.В. Олзоева (Восточно-Сибирский технологический институт) [4].

Успешно работал, например, факультет общественных профессий в Иркутском государственном педагогическом институте иностранных языков (ИГПИИЯ). На ФОП во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. были открыты новые отделения: лекторское, журналистики, театроведческое, культурно-массовой работы, школа вожатых, краеведческое и др. Ежегодно на отделениях факультета занималось до 500 студентов.

Особенно успешно функционировало на ФОП ИГПИИЯ отделение журналистики (руководитель, старший преподаватель Б.Г. Козловский). Кафедра журналистики, организованная при ФОП, обучала будущих педагогов журналистской

профессии. Отделение пользовалось авторитетом у студентов, обучение на нем было трехгодичным. Число слушателей достигало в отдельные годы 100 и более человек. Сам Б.А. Козловский написал книгу «Педагогу – журналистские навыки», которая по представлению Иркутского областного отделения Союза журналистов СССР была направлена на Всесоюзный смотр-конкурс факультетов общественных профессий, где была удостоена Почетной грамоты и денежной премии Союза журналистов СССР, а отделение журналистики ИГПИИЯ – диплома победителя конкурса. Министерство культуры СССР в 1975 г. издало и разослало во все вузы страны брошюру Б.Г. Козловского «Программа – конспект и учебный план для отделения журналистики ФОП высших учебных заведений» [5].

В этом же вузе работал эстетический клуб «Орфей» (руководитель, доцент Ю.Н. Корнилов), а театральным отделением ФОП руководили заслуженный артист РСФСР Г. Васильев и бывший режиссер Иркутского драматического театра им. Охлопкова В. Чертков [6].

ФОП Томского госуниверситета организовал свою работу на базе имевшихся самодеятельных коллективов, что позволило широко использовать последние для проведения практики по будущей общественной специальности. На заседании парткома ТГУ, посвященном работе ФОП (ноябрь 1981 г.), отмечалось, что на факультете действовало 15 отделений, которые давали студентам вторую общественную профессию: лектора, корреспондента, фотографа, организатора самодеятельных коллективов, инструктора по спорту и др. Занятие на ФОП вели преподаватели и научные сотрудники университета, члены общества «Знание», работники Дворца пионеров. В течение 1980/81 учебного года слушатели школы молодого лектора разработали и прочитали свыше 2 тыс. лекций. Вместе с тем было обращено внимание на большой отсев слушателей. Из 680 человек, принятых в 1981 г., к концу года прекратили занятия 178 [7]. В дальнейшем с целью повышения качества обучения и предотвращения отсева слушателей занятия стали проводиться по планам и программам, утвержденным на совете ФОП и идеологической комиссии парткома ТГУ. К руководству отделениями и секциями были привлечены профессора, доценты и старшие преподаватели, работавшие на общественных началах, а также преподаватели Томского культурно-просветительного училища, режиссеры и артисты томских театров, филармонии, сотрудники музеев. В 1984/85 учебном году количество слушателей на ФОП увеличилось на 1200 человек, составив 26% от общего числа студентов университета [8].

Большое значение придавалось работе на факультетах общественных профессий в Иркутском и Новосибирском университетах, Красноярском политехническом, Омском сельскохозяйственном, Новосибирском медицинском, Томском педагогическом институтах и других вузах Сибири. Так, в Иркутском госуниверситете (ИГУ) особое внимание было обращено на широкую организацию практической деятельности слушателей и выпускников ФОП. Слушатели школы молодого лектора ИГУ в 1985/86 учебном году прочитали свыше 400 лекций, из них 209 через областные и районные общества «Знание». Выпускники ШМЛ М.Я. Рожанский, Н.Е. Единархова, В.И. Дятлов являлись его руководителями и одновременно преподавателями университета, они успешно защитили кандидатские диссертации. Более 30 выпускников этой секции продолжали вести активную пропагандистскую деятельность по линии общества «Знание», областных комитетов КПСС и ВЛКСМ [9].

У студентов Новосибирского госуниверситета (НГУ) большой популярностью пользовался ФОП (в рассматриваемый период им руководили доценты Н.А. Хохлов, Л.В. Хазова, Т.П. Аношина). ФОП ставил своей задачей повышение общей культуры человека и углубление профессиональной культуры. За 20 лет деятель-

ности факультета (с 1971 по 1991 г.) его различные отделения закончили около трех тысяч студентов.

Много внимания на факультете общественных профессий НГУ уделялось изучению иностранных языков. На отделениях социально-психологического тренинга студенты получали знания в области техники общения, приобретали навыки ведения дискуссий, отработки дикции, управления эмоциями [10, с. 27].

На искусствоведческих отделениях студентам предоставлялась возможность расширить познания в области мировой музыкальной и изобразительной культуры, фольклорного творчества. Здесь же обучали моделированию одежды, ручному вязанию, плетению макраме и другим прикладным видам искусства. Кроме того, студенты НГУ овладевали основами журналистики и пробовали свое перо в университетской многотиражке. С большим удовольствием занимались они и на отделении художественной фотографии [10, с. 28].

В те же годы на ФОП НГУ практиковалось чтение лекций по мировой культуре, философии. В 1991 г. в университете был открыт вечерний философский факультет, а функции ФОП были переданы различным кафедрам и студенческому клубу [11].

Интересный опыт деятельности факультетов общественных профессий был накоплен в Томском пединституте (ТГПИ). В 1964 г., задолго до появления директивных документов Министерства просвещения СССР и РСФСР, появился такой факультет. Он был открыт на общественных началах. Первым его деканом стал старший преподаватель кафедры русского языка С.П. Степико, а первое его отделение – отделение художественного чтения – выросло из ранее существовавшего под его руководством межфакультетского кружка чтецов [12, с. 35]. Помимо отделения художественного чтения, в первые годы работы факультета выделялось театральное-драматическое отделение, руководимое артистом облдрамтеатра Н.Ф. Земцовым; успешно работало дирижерско-хоровое отделение, руководимое преподавателем музыкального училища И.А. Рябовой, а затем А.З. Зайцевой [12, с. 36]. Э.И. Коншина, физик по образованию, имевшая также диплом балетмейстера, долгие годы успешно руководила хореографическим отделением факультета, одно время называвшимся отделением бального танца. В разное время на ФОП имелось от 15 до 40 отделений (идеология, искусство, педагогика, спорт и т. д.).

С 1967 г. на ФОП ТГПИ работало отделение истории музыки, руководимое доцентом кафедры литературы Ю.Г. Ельцовым. В основу обучения были положены программы, близкие историко-музыкальным курсам консерваторий и музыкальных училищ. Участники и выпускники отделения занимались организацией музыкальных лекториев и факультативов в школах и других учебных заведениях города и области, читали лекции о музыке. Отделение истории музыки Томского пединститута являлось единственным отделением подобного плана в вузах страны. Опыт его работы рекомендовали для широкого распространения журнал Союза композиторов и Министерства культуры РСФСР «Музыкальная академия», Правление общества «Знание» и коллегия Минвуза РСФСР [12, с. 36].

Таким образом, факультеты общественных профессий приносили большую пользу: они расширяли кругозор студентов, организовывали их досуг и вовлекали в культурную жизнь. Всего в 1959 – 1991 гг. в ведущих вузах региона на ФОП было подготовлено около 65 тыс. специалистов, многие из них после окончания учебных заведений успешно использовали приобретенную профессию в тех коллективах, в которых работали¹.

¹ Подсчитано автором по материалам Текущего архива Министерства образования РФ [13].

Опыт деятельности факультетов общественных профессий, накопленный вузами Сибири в конце 50-х – начале 90-х гг. XX в., может быть востребован в современных условиях, прежде всего для подготовки в высшей школе широко образованных специалистов, обладающих высоким уровнем духовной культуры, любящих свою Родину и готовых способствовать процветанию ее могущества.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 9. Д. 735. Л. 66 – 67; Оп. 11. Д. 40. Л. 25 – 26; Д. 55. Л. 34 – 36; Д. 59, Л. 49 – 50; Оп. 34. Д. 29. Л. 44 – 46.
2. ЦХАФАК. Ф. П-9369. Оп. 1. Д. 25. Л. 15–16; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 31. Д. 36. Л. 6-7; ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 34. Д. 408. Л. 31-32; ЦДНННОО. Ф. 17. Оп. 91. Д. 14. Л. 20 – 21; ЦГАРТ. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 57. Л. 16.
3. Положение о факультетах общественных профессий высших учебных заведений. М., 1966.
4. ЦДНННОО. Ф. 590. Оп. 1. Д. 262. Л. 99; ЦХИДНИКК. Ф. 6640. Оп. 1. Д. 22. Л. 137 – 138; ЦГАРХ. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 369. Л. 11; НАРБ. Ф. П-3532. Оп. 1. Д. 74. Л. 102.
5. ЦДННННО. Ф. 127. Оп. 86. Д. 27. Л. 41 – 42; Ф. 3739. Оп. 1. Д. 65. Л. 8.
6. ЦДННННО. Ф. 3749. Оп. 1. Д. 72. Л. 33, 190.
7. ЦДНННО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 578. Л. 110, 117.
8. ЦДНННО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 624. Л. 57 – 58.
9. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 4313. Л. 6 – 8.
10. Новосибирский университет: опыт интеграции образования и науки / Под ред. проф. И.А. Моле-тотова. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. С. 27.
11. Очерки истории высшей школы Новосибирска: Сборник / Под ред. А.С. Вострикова, И.А. Моле-тотова. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 1994. С. 112–113.
12. Томский государственный педагогический университет. Томск, 1995.
13. Текущий архив Министерства образования Российской Федерации (ТАМО РФ). Годовые отчеты вузов Сибири за 1959 – 1991 гг.

**ИЗ ИСТОРИИ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТОМСКЕ:
ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖДАНОВ – ДИРЕКТОР
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА**

Л.М. НАЙБОРОДЕНКО

Личность В.А. Жданова (1895–1973), видного организатора народного просвещения в Сибири, директора ТГПИ, представляет несомненный интерес. Отрывочные сведения о нем можно обнаружить в работах Л.Ф. Пичурина, Ф.Ф. Шамахова, А.П. Беликовой и П.Д. Войтика [1]. Однако в основном они касаются его методической работы, участия в органах просвещения Сибири в 20-е гг. и т. п. В целом же В.А. Жданов как видный сибирский педагог 20–30-х гг. в литературе не представлен. Недостаточно освещен и томский период его жизни. Возможно, это объясняется тем, что он здесь недолго работал и был репрессирован.

Василий Андреевич Жданов родился 22 февраля 1895 г. в Яранском уезде Вятской губернии в семье крестьянина. Его отец в 1898 г. порвал всякую связь с землей и до конца жизни работал по найму плотником на заводах Урала и Сибири. Он умер, когда мальчику было 11 лет. С помощью старших братьев Жданов окончил 4-классное училище в Новониколаевске, а в 1912 г. выдержал специальный экзамен на звание учителя начальной школы и 2 года проработал в Яракульской школе Омской волости Каинского уезда Томской губернии. Одновременно он готовился к поступлению в Томский учительский институт. В августе 1914 г. Жданов выдержал приемные экзамены и был принят в число воспитанников ТУИ. Институт он окончил весной 1917 г., был призван в армию и направлен в Александровское военное училище в Москве, где обучался на ускоренных 4-месячных курсах и снова оказался в Новониколаевске в качестве младшего офицера роты 21-го сибирского стрелкового полка. В январе 1918 г. в связи с ликвидацией старой армии был демобилизован и начал работать учителем в школах Новониколаевска, Анжеро-Судженска, заведовал высшим начальным училищем. В марте 1920 г. после окончания Гражданской войны вступил в РКП (б) [2, л. 28].

20 – 30-е гг. были временем его стремительной карьеры, профессионального роста. В.А. Жданов как человек, имевший опыт практической деятельности и принявший идеи социализма, оказался востребованным временем. В течение 10 лет он занимал ответственные посты в системе сибирского просвещения, наиболее важными из которых было заведование отделом социального воспитания в структуре СибОНО, руководство ГубОНО Енисейской губернии. С 1925 по 1930 г. Василий Андреевич работал в Новосибирске заместителем председателя методсовета, директором краевого Института повышения квалификации кадров народного образования [2, л. 28].

В тот период права и обязанности отделов народного образования были широки. Было положено начало социальному эксперименту, смысл которого состоял в том, чтобы дети приобретали знания первоначально не из книг, как это было раньше, а из жизни, от природы, производства, усваивали бы их с помощью учи-

теля и лишь потом обращались к книгам. Эксперимент требовал широкой свободы, поиска новых методов обучения, программ, подходов. На страницах педагогических журналов шла полемика между теоретиками и практиками школьного дела. В.А. Жданов проявил себя как оригинальный исследователь педагогической проблематики. В его работах не было политической трескотни, они были сдержанны по тону. Василий Андреевич проявил себя умеренным сторонником отмеченных выше новаций. В одной из своих работ, посвященных сельской школе Сибири середины 20-х гг., Жданов пишет о «бедных сельских учительницах, которые вынуждены были делать заученные доклады о «III Интернационале», о ленинизме и т.п.». Он подчеркивал, что для сельского учителя важнее понимание окружающей жизни, современности, чем «умение разнести материал по трем колонкам программы ГУ-Са – “природа”, “общество”, “производство”». Интересен сделанный им вывод: «Для успеха школьного дела необходимо организовать учительство для исследовательской работы и вооружить его нужной книгой и руководством» [3].

В журнале «Просвещение Сибири» было опубликовано ряд его статей по проблемам школы и народного образования в Сибири [2, л. 28]. Педагога интересовали и вопросы трудового воспитания детей. Он считал, что нельзя детей воспитывать «вообще», их нужно готовить к трудовой жизни. В последний период жизни Ждановым была подготовлена солидная монография «Идея трудового воспитания в ее истории развития». Работа осталась в рукописи; она получила положительные отзывы видных профессоров: М.Ф. Свадковского, С.М. Шабалова, М.Н. Скаткина [2, л. 5; 4, с. 156].

В 1926–1929 гг. Жданов занимался подготовкой и проведением всеобщего обучения в Сибири. Будучи заместителем комиссии крайисполкома по введению всеобщего начального образования в Сибири, он стремился привлечь к этому внимание общественности. По его инициативе были проведены краевые совещания по просвещению, на которых в своих докладах Жданов проанализировал состояние дел по введению всеобщего обучения детей в Сибири. В частности, он подчеркивал необходимость значительно увеличить ассигнования на строительство, капитальный ремонт, оборудование школ и т.д. Когда поднимались вопросы повышения качества обучения и высказывались предложения вернуться к старым методам обучения, Жданов опубликовал большую статью в журнале «Просвещение в Сибири», где объяснил причины низкой успеваемости. Они, по его мнению, были связаны с невысокой квалификацией педагогов, отсутствием активных методов преподавания, нехваткой школьных помещений и т.п. Автор считал, что в школах еще жив дух формализма. «В дореволюционных школах, – подчеркивал он, – учились в основном для того, чтобы выдержать экзамен, который превращался в самоцель обучения. Советская школа должна дать молодежи хорошее образование не для экзамена в вуз, а для сознательной работы, построенной на началах научного восприятия фактов природы и общества». При активном участии Жданова был издан сборник по вопросам всеобщего обучения детей в регионе. Для первого тома «Сибирской Советской энциклопедии» им была написана статья по данной проблеме. Он являлся одним из авторов пособий для начальных сибирских школ: «Сибирская деревня» (книга издавалась в 1927–1930 гг.), «За новую Сибирь» (1931 г.), «В сибирском городе» (1931 г.), получивших высокую оценку сибирских учителей и пользовавшихся популярностью не только среди детей, но и у взрослых [2, л. 28; 4, с. 157–158].

В 1930 г. по просьбе самого В.А. Жданова крайком ВКП (б) направил его на учебу в аспирантуру при НИИ научной педагогики (Москва). Вскоре этот институт был реорганизован в НИИ планирования и организации народного образова-

ния. В течение 3 лет Жданов совершенствовал свои знания в области теории и истории педагогики и общественных наук, изучал методологию планирования народного хозяйства, учет и статистику культуры, немецкий язык. За это время он написал ряд статей, прошел педагогическую практику в зерносовхозе Северо-Кавказского края, затем практику по планированию в аппарате Наркомпроса, преподавал в Московском вечернем педагогическом институте. В последний год аспирантской подготовки Жданов занимал руководящий пост в аппарате МособлОНО. Ему были присвоены звание доцента по кафедре педагогики в педвузах и вузах и квалификация старшего научного работника по педагогике в НИИ этого профиля [2, л. 5, 8, 14–15].

В 1933 г., когда В.А. Жданову исполнилось 38 лет, он был направлен ЗапСибкрайкомом ВКП (б) на должность директора Томского государственного педагогического института, открытого в 1931 г. [2, л. 28]. С 1932 г. ТГПИ уже располагался в здании закрытого в 1920 г. Учительского института (ул. Киевская, 60), который заканчивал Жданов [5, с. 11]. Свою деятельность он начал со знакомства с коллективом, изучения положения дел в институте. Выяснилось, что в вузе слабо поставлена методическая работа, мало опытных кадров. Жданов пригласил на работу большую группу профессионалов из школы, среди которых были М.П. Кувшинская, Н.В. Оранская, А.Е. Попко, К.Н. Ядвиршис и многие другие [5, с. 13].

Изучив постановку педагогической практики студентов, он пришел к выводу, что для ее проведения необходима базовая школа. Какой же исторический опыт использовал директор? Опыт родного Томского учительского института, который имел в своей структуре базовое повышенное начальное училище. Именно в нем проходил педагогическую практику сам Василий Жданов в 1914–1917 гг. Благодаря усилиям директора базовая школа при институте появилась. Ею стала школа № 43, располагавшая хорошими материальными ресурсами и находившаяся в новом здании рядом с вузом [6, с. 214]. Она долгое время являлась базовой, и автор этих строк посещал ее в период учебы в пединституте в конце 50-х – начале 60-х гг.

Какие же еще хорошие традиции дореволюционного педагогического образования попытался восстановить В.А. Жданов? При его участии в 1935 г. в структуре ТГПИ был открыт Учительский институт, во многом повторяющий своего предшественника. Здесь готовили учителей для советской «повышенной начальной школы», т. е. семилетней. Срок обучения был 2 года (в ТУИ – 3 года). В его составе было 4 отделения (в ТУИ – 3): историческое, физико-математическое, литературы и русского языка, естественно-географическое. Учебные планы института, как и его предшественника, были ориентированы на подготовку педагогов к практической работе в школе. По окончании учительского института его выпускники имели возможность получить высшее образование, поступив на третий курс заочного отделения ТГПИ. В составе ТГПИ учительский институт просуществовал до 1956 г. с небольшим перерывом во время войны. По мнению Л.Ф. Пичурина, учительский институт помогал решить проблему педагогических кадров, особенно для сельских школ Томской области.

Успешно решались и другие вопросы: менялась структура, открылись новые факультеты, повысился уровень научных исследований, укрепилась учебно-материальная база и т.д. [5, с. 14; 6, с. 213–216].

Одновременно В.А. Жданов был доцентом кафедры педагогики и психологии. К началу 1934/35 учебного года из Москвы для укрепления молодого вуза и его ведущей кафедры были приглашены профессора М.В. Крупенина и ее муж психолог М.С. Бернштейн. Вполне вероятно, что это была инициатива директора В.А. Жданова. Вновь прибывшие профессора были приверженцами педологии, особого направления в науке о воспитании детей (оно вело исследования на стыке

педагогике, социологии, психологии, физиологии). Педологи были убеждены, что воспитание ребенка надо вести с учетом его психолого-физиологических особенностей, а также влияния общества. Однако эти новации вызвали полемику, в ходе которой педологов обвинили во всех «смертных грехах». Было принято даже соответствующее постановление ЦК ВКП(б) в июле 1936 г. Как же сам В.А. Жданов относился к педологии к приехавшим из Москвы ее приверженцам? Можно предположить, что уважительно. Мария Васильевна Крупенина была знакома с П.П. Блонским, Л.С. Выготским и К.Н. Корниловым. Она была высокообразованным человеком, владела несколькими иностранными языками.

Между тем новые профессора «пришлись не ко двору» на самой кафедре, где, как пишет Л.Ф. Пичурин, трудились добросовестные люди, но звезд с неба они не хватили, наукой почти не занимались. Замечания заведующей на этот счет вызывали их негативную реакцию. И как только усилилась кампания борьбы с педологами, М.В. Крупениной припомнили ее меньшевистское прошлое, связи с троцкистами и т. п. Она была освобождена от заведования, исключена из партии и осенью 1937 г. уволена с работы. По возвращении в Москву она была арестована и приговорена к 10 годам тюремного заключения «за активное участие в контрреволюционной правотроцкистской организации, существовавшей в Наркомпросе, и проведение в жизнь теории отмирания школы». Отбыв срок, М.В. Крупенина оказалась на поселении в Казахстане, где и скончалась в 1950 г., за 5 лет до своей полной реабилитации [5, 6].

Судя по документам, некоторое время, с 1934 по 1935 г., сам В.А. Жданов возглавлял кафедру педологии [2, л. 23]. Затем он передал заведование кафедрой М.С. Бернштейну.

Что касается причин репрессий против самого В.А. Жданова, то пока ясности в этом вопросе нет: документов сохранилось немного. Один из них – «Выписка из протокола заседания совета Томского педагогического института от 14 января 1937 г.», на котором был заслушан вопрос «О предоставлении на утверждение ВАК по делам высшей школы при СНК СССР Жданова В.А. в должности и.о. профессора педагогики». Отметив наличие у В.А. Жданова «хороших лекторских данных и идеологическую выдержанность преподавания», совет возбудил ходатайство перед ВАК [2, л. 35]. В феврале 1937 г. в Москву был отправлен соответствующий документ за подписью временно исполняющего обязанности директора института профессора Г.Т. Чуича. Однако 1 декабря 1937 г. вышел приказ по ТГПИ, в котором речь шла о том, что сам В.А. Жданов, руководствуясь решениями городских и областных организаций, слагает с себя полномочия директора вуза и передает их в руки нового директора Н.Я. Костеши [2, л. 40]. Затем последовал приказ Наркомпроса за № 3003 от 25 декабря 1937 г.: «Директора Томского педагогического института Жданова В.А., как не обеспечившего руководство институтом, с работы снять». Его подписал нарком просвещения П. Тюркин [2, л. 35].

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, серьезных оснований для снятия В.А. Жданова с должности директора института не было. Ф.Ф. Шамахов, работавший в тот период заместителем директора института, секретарем партбюро, писал позже, что В.А. Жданов был душой всех преобразований [6, с. 214]. Видимо, решение Москвы было преддверием ареста Василия Андреевича в декабре того же года. Кто оклеветал его? Вопрос пока остается без ответа. Каковы могли быть причины ареста? Вряд ли по партийной линии. На этот счет к нему не могло быть претензий. Жданов благополучно прошел все четыре партийные чистки 20-х – 30-х гг., никогда не принадлежал ни к какой оппозиции, состоял в руководстве выборных руководящих партийных органах, вел идеологическую работу [2, л. 24в, 25].

Поводом для ареста могло быть то, что его родной брат Аким Андреевич в годы Гражданской войны на короткое время был мобилизован белыми, а сам Василий Андреевич несколько месяцев состоял в старой армии младшим офицером. Но вполне вероятно, что его как крупного руководителя сибирского педвуза обвинили в покровительстве сторонникам педологии Крупениной и Бернштейну, членам правотроцкистской организации.

Однако в феврале 1939 г. В.А. Жданов был освобожден в связи с прекращением дела за отсутствием состава преступления [5, с. 200]. Как отмечает Ф.Ф. Шамахов, впоследствии В.А. Жданов назначался ректором Челябинского педагогического института [7]. В фонде Ф.Ф. Шамахова нами обнаружен положительный отзыв на автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук В.А. Жданова «Проблема трудового воспитания на современном этапе культурной революции», датированный 1959 г. Жданову в то время было 74 года [8].

Что касается личной жизни этого интересного человека, то Василий Андреевич с 1917 г. был женат на Серафиме Федоровне. Она занималась домашним хозяйством, в семье было двое детей [2, л. 24]. Жданов прожил долгую жизнь. Он скончался в 1973 г. [9].

Жизнь и педагогическая деятельность В.А. Жданова, выпускника Томского учительского института, сельского учителя, ответственного работника Сибирского отдела народного образования, аспиранта НИИ педагогики, доцента, директора двух крупных педагогических вузов, кандидата педагогических наук, свидетельствует о том, что этот замечательный сибирский педагог являлся олицетворением преемственности и новаторства в развитии системы общего и педагогического образования в Томске, в Сибири и на Урале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пичурин Л.Ф. Томский государственный педагогический университет. Томск, 1995. С. 13; Шамахов Ф.Ф. Учительские институты дореволюционной Западной Сибири // Учен. записки ТГПИ. 1952. Т. 9. С. 57; Беликова А.П. Основные тенденции развития содержания школьного образования в Сибири в период 20-х годов (1920–1931 гг.). М., 1992. С. 13, 27, 28, 33; Она же. Проблема связи школы с жизнью в теоретическом наследии сибирских педагогов 20-х годов // Школа и учительство в Сибири. 20-е – начало 30-х годов. Новосибирск, 1978. С. 162, 165, 169, 171; Войтик П.Д. Руководители народного образования в Сибири // Школа и учительство в Сибири. 20-е – начало 30-х годов. Новосибирск, 1978. С. 156–158; Войтик П.Д. Организатор народного просвещения в Сибири В.А.Жданов (1895–1973) // Школа и педагогическая мысль Сибири. Новосибирск, 1977.
2. Архив Томского государственного педагогического университета. Ф. 566. Оп. 1. Д. 238.
3. Жданов В.А. Деревенская массовая школа в докладах о ней учителей: (Материалы и впечатления от проведения районных учительских конференций по Каменскому уезду в мае 1925 года) // Сибирский педагогический журнал. 1925. № 11–12. С. 29, 40.
4. Войтик П.Д. Организатор народного просвещения в Сибири В.А. Жданов (1895–1973) // Школа и педагогическая мысль Сибири. Новосибирск, 1977. С. 156.
5. Пичурин Л.Ф. Томский государственный педагогический университет. Томск, 1995.
6. Шамахов Ф.Ф. Страницы истории Томского пединститута // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск, 1980. С. 214.
7. Шамахов Ф.Ф. Учительские институты дореволюционной Западной Сибири // Учен. записки ТГПИ. 1952. Т. 9. С. 57.
8. ГАТО. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.
9. Войтик П.Д. Организатор народного образования Сибири В.А. Жданов (1886–1973) // Школа и педагогическая мысль Сибири. Новосибирск, 1977. С. 68.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ССО В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В.А. НИКОЛАЕНКО

Роль студенческих строительных отрядов в воспитании и становлении томского студенчества весьма сложно переоценить. Возьмем несколько рядовых бойцов ССО 1970-х гг.: Евгений Рубцов – нынешний депутат думы Томской области, Иван Кляйн – также депутат областной думы и руководитель крупного предприятия ОАО «Томское пиво», Александр Александрович Фрицлер – директор русско-немецкого центра ТПУ. Этот перечень можно продолжать очень долго, поскольку ни для кого не секрет, что управленцами становятся не после получения диплома, а после приобретения практических навыков работы в коллективе. А если этот коллектив состоит в основном из твоих сверстников, то этот опыт становится еще более значимым. После ухода с политической арены ВЛКСМ, который являлся основной направляющей силой движения ССО, в Томской области наступило «затишье» в работе студотрядов, именно «затишье», потому что если быть объективным, то нельзя сказать, что движение ССО сошло на нет полностью.

Попробуем восстановить хронологию возрождения движения ССО в Томской области. В 1992 г. прекращает существование областной штаб ССО как государственный орган. До 1994 г. областной штаб существует как общественная организация без государственной поддержки, и в этом же году штаб трансформируется в некоммерческую организацию «Биржа труда молодежи». Хотелось бы на этом этапе остановиться немного подробнее, поскольку именно этот период общей экономической нестабильности оказался самым тяжелым для движения ССО в целом по стране и в Томской области в частности. Вчерашние бойцы ССО Сергей Грунтов и Максим Едоженко не только сохранили организацию без чьей-либо помощи, но и нашли новые формы ее сосуществования – за счет самокупаемости оказываемых услуг. Можно сказать, что с этого времени начинается отдельный этап движения ССО в современных экономических условиях. В форме некоммерческой организации «Молодежная биржа труда» (единственного на то время своего правопреемника) штаб ССО просуществовал до 1998 г. Но уже с 1996 г. предпринимаются первые попытки органов государственной власти возродить это движение. Комитет по молодежной политике и детским организациям Администрации Томской области совместно с Томским государственным университетом организовывал отряд, который работал на ремонте главного корпуса ТГУ. С этого отряда начинается официальное, с участием органов власти, возрождение движения ССО.

Следует остановиться на самом понятии «студенческие строительные отряды», поскольку до 1992 г. именно строительные отряды играли главную роль и являлись основой движения ССО. На протяжении всего периода в это понятие включались студенческие педагогические отряды, студенческие отряды проводников «Голубая стрела», студенческие сельхозотряды (по уборке урожая) и многие другие, но все они проходили под одним брэндом «ССО». Поэтому, когда речь идет о возрождении движения, нужно помнить, что оно изначально имело многообразие форм. После того как движение приобрело второе дыхание в современных экономических условиях, оно осталось в тех же рамках, только каждая форма стала индивидуальной. А строительные отряды заняли свою нишу наравне

со всеми остальными студотрядами. Хотелось бы отметить, что были в Томской области студенческие отряды, которые ни на один день не прекращали своей деятельности, – это студенческие педагогические отряды. Они и сегодня занимают ведущие позиции в движении студенческих отрядов не только в Томской области, но и в России в целом. И очень важную роль в этом сыграло сохранение традиций, связь поколений и наработанные связи между принимающими и направляющими организациями. К большому сожалению, все остальные формы студенческих отрядов безвозвратно утратили эти составляющие и сегодняшний штаб СО Томской области по крупицам нарабатывает и восстанавливает все связи.

Студенческие отряды сегодня позволяют молодым людям приобрести опыт работы в различных сферах деятельности и конечно заработать деньги, хотя не всегда материальные блага выражаются в денежном эквиваленте. Например, отряды южного направления компенсируют свои небольшие заработки возможностью побывать на Черноморском побережье. И самое интересное, пятилетний опыт работы с южными отрядами показывает, что именно здесь наиболее ярко раскрываются организационные, творческие и другие возможности студентов. Именно из отрядов южного направления в большей степени формируется кадровый резерв специалистов молодежной политики. Хотя нужно учитывать и тот факт, что за последнее пятилетие огромный потенциал томского студенчества практически не используется в экономике области.

Руководство томских компаний принимает к себе на работу студенческие отряды крайне неохотно. Как правило, вместо студенческого отряда на работу нанимаются бригады из ближнего зарубежья, которые стоят дешевле и ответственность за них минимальная. Но, в конечном счете, эта политика бьет по экономике предприятия. В дальнейшем, после приема на работу выпускников вузов, предприятию приходится тратить уже несравнимо большие суммы на то, чтобы из молодых людей с дипломом сделать молодых специалистов.

Поэтому у движения студенческих отрядов на сегодня стоит основная задача: произвести переоценку приоритетов в сознании как студентов, так и работодателей. Донести до студентов, что СО – это не только способ заработать деньги, но и возможность получить опыт практической производственной работы еще в период обучения. Для принимающих организаций – это метод обновления кадрового потенциала, кузница кадров с наименьшими затратами, способ привлечения на наши предприятия молодежи не только Томской области, но и всего Сибирского региона, а также стран ближнего зарубежья.

**ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ
ДЛЯ ШКОЛ ТОМСКА**

В.Ю. СОКОЛОВ

Современная система подготовки педагогов для преподавания истории в школе, по нашему мнению, испытывает значительные трудности. Одной из проблем, с которой сегодня сталкивается высшее образование, является необходимость подготовки специалистов для работы в условиях рыночных отношений. В этих условиях, в отличие от ситуации предшествующего периода централизованного управления образованием, коренным образом меняются отношения между основными субъектами образовательного процесса. Данная публикация нацелена на выявление проблем и требований к подготовке преподавателей истории для школ города в новых условиях.

В ситуации рыночных отношений в образовании государство в лице Министерства образования выступало в роли единого и единственного заказчика на образовательные услуги. Разработчиком целей, содержания и форм обучения выступал другой монополист – Академия образования. Таким образом, подготовка педагогов по разным специальностям, в том числе и преподавателей истории для средних школ, носила единообразный характер.

Это обстоятельство особенно заметно на примере школьного исторического образования. Если обратиться к вузовским учебникам и учебным пособиям по методике преподавания истории в школе 60–80-х гг. А.А. Вагина, П.В. Горы, Ф.П. Коровкина, П.С. Лейбенгруба, Д.Н. Никифорова, нетрудно проследить определенное единство в образовательной стратегии.

Значительные изменения в развитии образовательного процесса в нашей стране произошли в 90-е гг. В этот период в отечественном образовании началась заметная дифференциация целей, смыслов, ценностей образовательного процесса. С утверждением принципов построения открытого образовательного пространства начался процесс формирования новых субъектов образования, стремящихся внести свои интересы в стратегию развития отечественного образования.

В этой ситуации существенно изменилось лицо заказчика на образовательные услуги. Во-первых, их стало несколько. Во-вторых, заказы стали принципиально различаться. Помимо министерства образования, в роли подобных заказчиков стали выступать отечественные фонды (Национальный фонд подготовки кадров, Институт образовательной политики «Эврика», Межрегиональный институт общественных наук) и зарубежные организации (фонды Сороса, Форда, Британский совет и др.). В области подготовки преподавателей истории и апробации учебников «нового поколения» особенно заметна деятельность руководителей проекта «Евроклио».

Кроме этих институтов, способных профессионально обосновать и финансово обеспечить свой заказ, в нашей стране появилась не менее влиятельная категория заказчиков – родители. Если на первых порах эта группа не отличалась внятно-

стью и профессионализмом суждений, то в последнее время она все более уверенно заявляет о своих приоритетах.

Как показал опрос родителей учащихся ряда московских школ, проведенный по инициативе журнала «Эксперт», эта категория заказчиков начинает формулировать свои требования к образованию не менее профессионально, чем это делают специалисты в данной области. Помимо традиционной подготовки учащихся школ к поступлению в вузы, в заказах этой группы появляются вполне обоснованные требования о необходимости формирования у детей определенных креативных, коммуникативных, организационных компетенций [1].

Среди родителей учащихся томских школ наблюдается аналогичная картина. Во многих школах города распространена практика заключения контрактов с родителями, в них помимо пунктов о безопасности и здоровье ребенка формулируются требования к содержанию и качеству образовательных услуг.

Надо заметить, что большое влияние на содержание родительских заказов на образование оказывают сами образовательные учреждения. В этом проявляется особенность рыночных отношений в сфере образования. На рынке образовательных услуг педагоги и образовательные учреждения выступают в роли специалистов, способных грамотно оформлять пожелания родителей, развивать уровень их запросов.

Следует заметить, что г. Томск и область на образовательной карте страны выглядят достаточно продвинутым регионом. У нас имеется довольно разнообразный реестр образовательных учреждений. Помимо традиционных школ, в городе работают лицеи, гимназии, колледжи, федеральные экспериментальные площадки, способные предложить достаточно дифференцированные виды образовательных услуг. Подтверждением тому служит довольно объемный банк инноваций, собранный городским департаментом образования. Этот банк может служить убедительным подтверждением способности городских школ удовлетворить разнообразие спроса на образовательные услуги.

Следует заметить, что отмеченное разнообразие среди заказчиков и исполнителей этих заказов нацелено, прежде всего, на решение главной задачи – удовлетворение разнообразных потребностей в образовательных услугах. Не секрет, что в последние десять-пятнадцать лет наблюдается стремительная дифференциация учащихся по разным признакам: интеллектуальным, материальным, психологическим, по уровню здоровья и т.д. Эта дифференциация естественно потребовала огромного разнообразия форм, методик и технологий обучения, ориентированных на индивидуальные запросы учащихся. В таких условиях рынок потребовал и разнообразия преподавания предметных знаний.

На перечисленные запросы к образованию отечественная теория и практика преподавания истории в школе отреагировали соответствующим образом. Если взглянуть на современные учебники и учебные пособия по методике преподавания истории в школе, можно заметить отсутствие прежнего единства в суждениях о целях, ценностях, формах обучения. Многие из них, вполне в духе современных требований, предлагают не жестко прописанную единую систему методических знаний, а набор суждений и примеров, которые предполагают авторские версии систематизации методического арсенала. Они напоминают детские конструкторы, в которых заложены возможности разных стратегий организации преподавания истории в школе. Особенно эта ситуация бросается в глаза при анализе пособий, рассчитанных на повышение квалификации учителей истории. В этих пособиях педагоги имеют возможность сами выбрать наиболее приемлемые для них цели, содержание и формы преподавания истории [2].

Все перечисленные характеристики современного образовательного процесса требуют особой подготовки преподавателей истории. Главное требование – умение работать в ситуации «разного»: разных заказчиков, потребителей, образовательных учреждений, методик и технологий преподавания истории. При этом необходимы специалисты, которые могли бы не только «ориентироваться в разном», но и выстраивать свою работу исходя из анализа быстро меняющихся потребностей рынка.

Следует заметить, что традиционный курс методики преподавания истории в школе, много лет входящий в систему подготовки студентов на историческом факультете ТГУ, на наш взгляд, уже не может отвечать перечисленным запросам. Во-первых, он разворачивается за рамками ситуации разработки педагогом стратегий в полисубъектном образовательном пространстве. Во-вторых, такой курс ориентирован главным образом на обучение студентов работе с традиционным предметным содержанием, тогда как современная образовательная практика требует подготовки специалистов к работе с метапредметным содержанием образования, основу которого составляет владение деятельностно-коммуникативными компетенциями. В-третьих, данный курс практически не учитывает необходимости подготовки специалиста к рыночным отношениям, обучения его переводу своих профессиональных знаний и навыков в образовательные услуги.

В этой связи оправданным будет предложение ввести в подготовку преподавателей истории для средних школ, помимо методики преподавания истории, ряд дисциплин, учитывающих новые реалии образования.

1. *Образовательный маркетинг.* В рамках данного курса преподаватель может овладеть культурой и технологией анализа потребностей образовательного рынка, методиками работы с заказчиками, потребителями, исполнителями образовательного заказа, умением представить свою деятельность как услугу.

2. *Методика проектирования образовательных программ.* Этот курс поможет педагогу научиться «упаковывать» свою образовательную услугу в привлекательный и понятный на сегодняшнем рынке продукт – образовательную программу. Овладение методикой создания образовательных программ необходимо, так как это способ предъявления своей услуги в виде законченной технологии, несущей системные изменения в обучение.

3. *Образовательный менеджмент.* Данный курс направлен на обучение педагога навыкам управления образовательными программами и проектами. Подобные навыки дадут ему возможность грамотно встраивать образовательные услуги в формирующуюся систему образовательного рынка и традиционную государственную систему управления образованием.

4. *История исторического образования.* Данный курс трудно отнести к инновационным дисциплинам. Тем не менее такой курс, на наш взгляд, может быть особенно полезен в классическом университете, в задачи которого входит сохранение лучших традиций образования. Прагматизации данного курса может способствовать его построение не по принципам академического описания событий, а в режиме восстановления проблем в образовании той или иной эпохи и поисков их решения современниками.

В случае реализации данных предложений можно было бы предложить специальности, соответствующие новым формам подготовки: а) педагог-исследователь, б) менеджер образовательных программ. Эти специалисты могли бы в своей профессиональной деятельности ориентироваться на должности методистов, заместителей директоров по научной работе, управленцев в сфере государственного образования, организаторов частных образовательных учреждений, различного рода посредников по оказанию образовательных услуг.

Перечисленные предложения могут быть задействованы и в процессе разработки на факультете такой формы подготовки специалистов, как бакалавриат. Данная ступень обучения студентов как раз направлена на подготовку специалистов, ориентированных на прагматичные виды деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галушкина М.* Концентрация на детстве // *Эксперт*. 2004. № 32. С. 20.
2. *Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю.* Методика преподавания истории в школе. М., 1999; *Баранов П.А.* Актуальные проблемы методики преподавания истории в школе. М., 2002; и др.

**ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЫ
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В ТОМСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ**

Н.И. ГУЗАРОВА

Томск имеет огромные возможности развития международного рынка образовательных услуг. В силу этого наш город может стать важнейшим форпостом геополитического влияния РФ, прежде всего в восточно-азиатском регионе.

Следует отметить, что сегодня развитие международного образования является важнейшей государственной задачей. На федеральном уровне разработана и осуществляется концепция государственной политики РФ в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран. Правительство стало подходить к развитию международного образования как к геополитической задаче РФ, как к фактору влияния России в мире.

Дело в том, что с распадом в начале 1990-х гг. советской системы международного образования, основанной, как известно, на принципах пролетарского интернационализма, некоторое время международное образование переживало тяжелый кризис, до середины 90-х гг. не проводились государственные наборы на подготовительные факультеты университетов. Экспорт образовательных услуг переосмысливался в духе рыночных отношений. Сегодня из 2 млн студентов, обучающихся за пределами своей родины, в РФ учится около 50 тыс. человек. Университеты России оправляются от «шока» и расширяют наборы студентов-иностранцев. Появляются новые центры международного образования.

В последние годы в университетах Томска возросло внимание к международному образованию. Наибольший опыт современного подхода к решению этой проблемы имеет Томский политехнический университет (ТПУ). Здесь уже во второй половине 1990-х гг. возобладал системный подход к организации обучения иностранных граждан, были созданы соответствующие структуры: Отдел международных образовательных программ, затем с 2000 г. – Центр обучения иностранных студентов, с 2002 г. – Институт международного образования (ИМО). В 1998 г. к занятиям приступил первый иностранный студент – гражданин республики Кипр Д. Маврос. За последние шесть лет число иностранных студентов из стран дальнего зарубежья выросло до 150 человек.

Если до 2002 г. международная студенческая компонента в ТПУ была представлена, в основном, греками-киприотами, то в последние 2 года большую часть студентов-иностранцев составляют выходцы из стран Восточной Азии: Вьетнама, Китая, Индии, Кореи. Международное образовательное пространство в ТПУ становится все более полиэтничным и поликонфессиональным. Наряду с православными греками появились приверженцы буддизма, индуизма, католики, мусульмане. Следует отметить, что этническое и конфессиональное самосознание среди студентов ИМО достаточно четко определено. Тем более актуальной выступает задача развития коммуникативной культуры, профилактика конфликтов на этни-

ческой или конфессиональной почве. Неслучайно эти проблемы стали предметом серьезного разговора на научно-практических конференциях [1].

Актуальным является создание имиджа привлекательности для университетов, желающих осуществлять международные образовательные программы. Для Томска это вдвойне актуально. Суровый климат, «ядерный пояс», неудобный транспортный путь, традиции «закрытого» города, отсутствие многочисленных землячеств, дорогостоящее и часто некомфортное проживание, отсутствие традиций современного экспорта образовательных услуг явно не сопутствует быстрому развитию международного образования. Однако есть и положительные факторы. Это мировая известность томских научных школ, востребованность в зарубежных странах специалистов, подготовленных в томских вузах, относительная безопасность обучения здесь по сравнению с центральными районами России.

В ТПУ осуществляются программы, направленные на «облегчение» достаточно сложного процесса вхождения вуза в мировое образовательное пространство, ведется подготовка и переподготовка преподавателей и студентов в области иностранных языков, практикуются академические обмены и многое другое. Организационным, научно-методическим и учебно-методическим центром работы с иностранными студентами является ИМО при ТПУ. Им разработана уникальная образовательная программа по обучению иностранцев на русском и английском языках, выполняется программа социокультурной и учебной адаптации иностранных граждан к условиям сибирского университета. В 2003 г. ИМО получил государственную лицензию на предвузовскую подготовку иностранных граждан.

Однако университетская корпорация и жители Томска медленно проникаются новыми реалиями, появлением в их среде иностранцев. Опросы студентов ТПУ в 2000 – 2002 гг. показали, что абсолютное их большинство с интересом восприняли иностранцев, желали с ними дружить и помогать им. Однако на практике иностранные студенты довольно часто встречались с проявлениями отнюдь не толерантного поведения. В итоге к трудностям адаптации к иной культурной среде зачастую добавлялся «социальный стресс».

Среди причин столь негативной реакции местной молодежи на появление иностранных студентов следует назвать длительную закрытость Томска для иностранцев, вакуум в интернациональном воспитании молодежи, сложившийся в условиях переходного периода, недостатки культурно-коммуникативного воспитания молодежи, психологические факторы, иногда закрытость самих иностранцев, их нежелание идти на контакт с представителями местной молодежи и др.

Однако в последние годы ситуация начинает меняться к лучшему. Опрос, проведенный среди студентов ИМО осенью 2003 г., показал, что уже половина иностранных студентов никогда не испытывала на себе последствий нетолерантного поведения своих российских коллег по университету. В то же время 46% их числа опрошенных отметили, что такие факты имели место.

Какие условия могут способствовать выработке необходимого взаимопонимания, адаптации иностранных студентов к местной университетской среде?

Во-первых, у иностранного студента должна быть внутренняя мотивация в развитии такой тесной коммуникации, изучении языка и культуры России. Однако опросы иностранных студентов показали, что такой глубинной мотивации у них нет. Более 80% иностранных студентов рассматривают Томск и Россию как место временного пребывания, учебы. И ни один из них не связывает своих жизненных планов с Россией. Более того, падение престижа России на мировой арене приводит к тому, что прибывшие сюда на обучение иностранные студенты чувствуют свою некоторую ущербность по сравнению с теми молодыми соотечественниками, которые учатся в вузах Европы, США, Японии. Обучение же в сибирских вузах рас-

сматриваются зачастую лишь как ступень к тому, чтобы перебраться в центр России. Поэтому местный социум воспринимается с известной долей отчуждения.

Во-вторых, участники коммуникативного процесса должны владеть его языком. Абсолютное большинство иностранных студентов общаются друг с другом и с русскими студентами на русском языке. Как показали социологические опросы, большая часть проблем, особенно на первом этапе пребывания иностранцев в ТПУ, возникали из-за плохого знания русского языка. Со временем эти трудности для многих иностранцев уходят на задний план. Так, если для 8 из 10 слушателей подготовительного отделения плохое знание русского языка мешает эффективной коммуникации, то на старших курсах лишь для 2 из 10.

Вместе с тем имеются обстоятельства, препятствующие эффективному овладению русским языком. В их числе – достаточно многочисленные землячества, которые способствуют сохранению родной языковой среды. К тому же академические группы чаще формируются как моноэтнические. Таким образом, за пределами учебных занятий потребность в русском языке нередко исчезает.

В-третьих, это знание «культурных кодов» той или иной этнической группы и умение использовать их в повседневной практике. Незнание и неуважение культурной традиции приводит к нежелательным последствиям, а иногда к разрыву коммуникации. До 60% опрошенных студентов-иностранцев отмечают, что разногласия и даже конфликты на этнической и конфессиональной почве возникают из-за того, что они не знают традиций и обычаев своих иностранных коллег по университету. Так, киприоты очень редко посещают праздничные мероприятия, устраиваемые студентами из стран АТР. Существует различие в праздничной традиции у киприотов, с одной стороны, и у китайцев, вьетнамцев – с другой. Для киприотов Новый год – это семейный праздник, если нет семьи – значит, нет и праздника.

Еще один пример из сферы учебной жизни. Некоторое время преподаватели не могли понять, почему вьетнамские студенты никогда не задают вопросов по пройденной теме, хотя испытывают трудности? Обращение к культурологической литературе позволило уяснить, что во Вьетнаме, как и в других странах Востока, не принято задавать вопроса учителю, ставить его, таким образом, в неловкое положение.

Боязнь столкнуться с чужой культурной традицией часто принуждает иностранного студента отказываться от совместного проживания в общежитии с соседом другой национальности или религии. Только для 6% иностранных студентов национальность их соседей по комнате не имеет никакого значения и лишь 15–17% предпочитают жить с русскими студентами. В 2000–2002 г. почти все иностранные студенты хотели делить комнату в общежитии со своими русскими сверстниками.

Однако опыт общения русских и иностранных студентов привел не к их сближению, а к некоторому отчуждению. Это объясняется слишком большими различиями в бытовых, культурных и даже гигиенических традициях. Негативный опыт общения с нашими соотечественниками на бытовом поле приводит к тому, что иностранные студенты не желают вступать с ними в контакт. Это подталкивает иностранцев к закрытости своих этнических групп.

В-четвертых, для эффективной коммуникации требуется инфраструктура межкультурного взаимодействия. ТПУ постепенно создает условия для комфортного обучения и проживания иностранцев. В ИМО созданы два учебных отделения (факультета), отдел по внеучебной и социальной работе, учебно-методический отдел, которые призваны работать с иностранными студентами, чтобы максимально адаптировать их к местным условиям.

Этнокультурному сближению способствуют и такие мероприятия, как праздники, вечера дружбы, совместные путешествия, игра в футбол, прогулки выходного дня, экскурсии [2]. Созданы кабинет страноведения, школа греческого языка и культуры. Многотиражная газета ТПУ стала больше внимания уделять проблемам международного образования. Одной из форм межкультурного взаимодействия студентов стали «круглые столы».

И хотя международное образование пока еще остается малопонятным для подавляющей части университетского сообщества, есть и положительные сдвиги в этом направлении. Проведенные в 2003–2004 гг. среди студентов разных курсов ТПУ (всего около 200 человек) опросы, целью которых было выяснение отношения отечественных студентов к появлению в студенческой среде их иностранных коллег, показали, что меньше стало случаев откровенного недоброжелательства к студентам, приехавшим для учебы в ТПУ из других стран.

На вопрос: «Считаете ли Вы, что в ТПУ должны учиться иностранные студенты?» ответы распределились следующим образом:

- да, это приносит университету много денег – 8%;
- нет, это осложняет общение студентов, приносит лишние хлопоты – 0%;
- да, каждый молодой человек может учиться в той стране, в которой пожелает – 67%;
- да, мне интересно с ними общаться, узнавать новое о другой культуре – 33%;
- другое – 8% (в т. ч. «это повышает рейтинг ТПУ», «приносит новые подходы к образованию», «да, но иногда они занимают место, на которое претендуют наши абитуриенты»).

На вопрос: «Необходимо ли учитывать в общении религиозные, культурные традиции иностранных студентов?» ответы распределились так:

- да, так как незнание традиций может привести к конфликтам – 3%;
- нет, так как они приехали в Россию и должны жить по нашим правилам – 17%;
- не знаю, никогда об этом не думал – 20%.

На вопрос: «Если возник конфликт с иностранным студентом», 71% из числа опрошенных ответили, что попытаются объяснить свою позицию или договориться с ним. 25% оказались готовыми дать сдачу. Ни один не ответил, что в случае конфликта обратится в администрацию ТПУ. Еще 8% ответов свидетельствовали о том, что их авторы поступят в зависимости от обстоятельств и причин конфликта.

Складывается впечатление, что в целом местные студенты безразлично восприняли появление иностранных студентов. И иностранцы тонко почувствовали это. Опросы иностранных студентов, проведенные в ИМО в 2003–2004 гг., показали, что 40–42% опрошенных считают, что русские студенты отнеслись безразлично к появлению в среде университета иностранцев, а 10–12% полагают, что негативно. Безразличие – это тот фон, на котором может вырасти конфликт.

Весьма положительным является тот факт, что русские студенты признают за иностранцами право учиться в любой стране, где им хочется. Неоднозначно можно оценить стремление местных студентов разобраться самостоятельно в случае конфликтной ситуации и достичь компромисса. С одной стороны, это хорошо, ибо местные студенты все-таки нацелены на компромисс, но, с другой стороны, ни один из местных студентов не предложил обратиться в администрацию ТПУ. Можно сделать вывод, что правовое сознание наших соотечественников еще не

сформировано. Обращение в административные органы рассматривается как жалоба, к которой в российском менталитете закрепилось негативное отношение.

На уровне города осмысление новых реалий в высшем образовании, в том числе появление международной компоненты, происходит медленно. Иностранец студент живет в Томске. Он является потребителем многих услуг, производимых в городе. Он несет за границу представление об экономике, культуре и других сферах жизни и деятельности томичей. Городские власти имеют прямой интерес в создании комфортной городской среды, в том числе и для иностранцев. И вместе с тем последние часто становятся объектом «пристального» внимания городских служб, интолерантной коммуникации со стороны милиции, паспортно-визовой службы, медицинских учреждений и т.п.

Развитие международного образования в томских университетах требует осмысления проблем надэтнического воспитания учащейся молодежи и горожан, повышения уровня информированности университетских корпораций по этим проблемам, включения, где это возможно, иностранных студентов в деятельность студентов и городских жителей. Например: введение их в органы студенческого самоуправления и старостат, привлечение к художественной самодеятельности и спортивным мероприятиям, проведение интерфестивалей и т.п.

Большую помощь развитию международного образования мог бы оказать Координационный совет при областной администрации. Следует помнить, что студент из Китая, Вьетнама, Кореи, Кипра и других стран мира сегодня учится в томском университете, а завтра станет носителем российской системы образования на своей родине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гузарова Н.И., Петровская Т.С. Некоторые проблемы социокультурной адаптации иностранных студентов в техническом университете // Проблемы гуманитарного в техническом вузе: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию Новосибирского государственного технического университета, 24–25 октября 2000 г. Новосибирск, 2000. С. 78–79; *Они же*. Интернационализация образования как фактор развития корпоративной культуры (из опыта Томского политехнического университета) // Проблемы организации обучения иностранных граждан в вузах РФ: Материалы совещания руководителей служб международного образования, 22–23 ноября 2002 г. Тула, 2003. С. 30–34; *Они же*. К вопросу об управлении культурно-коммуникативными процессами в интернациональной среде университета // Мультикультурность и образование: Материалы межрегион. науч.-практ. конф., 15–16 мая 2003 г. Томск, 2003. С. 51–56; *Межэтнический и межконфессиональный диалог в российском обществе: проблемы толерантности*: Материалы межрегион. науч.-практ. конф., 10 ноября 2003 г. Томск, 2003.

2. Гузарова Н.И., Шерстова Л.И. Из опыта внеучебной работы со студентами-иностранцами в Томском политехническом университете // Обучение иностранцев на современном этапе: проблемы и перспективы: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2003. С. 26–27; Муравлева О.О., Обносков В.И. Роль кураторов в поддержке студентов-иностранцев в период адаптации в университете // Там же. С. 29–30.

**ПАТРИОТИЗМ В ВОСПРИЯТИИ ТОМСКИХ СТУДЕНТОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ)**

М.В. ИВАНОВА

Крылатая фраза «не хлебом единым жив человек» родилась не на пустом месте. Это обобщение, за которым – огромный массив конкретных фактов. Но в наше время нередкими стали утверждения о том, что духовные ценности уходят из жизни общества и особенно молодежи, уступая место ценностям иного рода. Это обстоятельство стало одной из причин, предопределивших проведение социологического исследования по теме «Ценностные ориентации студентов Томского политехнического университета». В его рамках было проведено два опроса: в 1998 и в 2003 гг. В первом случае нашими респондентами стали около 300 студентов, во втором – 150.

Разработанная для студентов анкета включала в себя вопросы об отношении и понимании студентами таких жизненных ценностей, как свобода, законность, толерантность, успех, образование, общественное признание, любовь, труд, социальная справедливость и т. п. Интересовало нас и восприятие молодыми людьми понятий веры, отечества, патриотизма.

Последние два понятия, как известно, тесно взаимосвязаны. Поэтому в анкете был вопрос: «Какие чувства Вы испытываете при слове Россия?». Судя по результатам опроса 1998 г., чувства гордости, восхищения оно вызывало у 23,1% наших респондентов; сожаления, горечи, боли – у 32,9%. Вообще не задумывались о своих эмоциях – 24,9%. Опрос 1998 г. выявил и значительный скепсис студентов в отношении патриотизма.

Эти данные представляются нам если не закономерными, то вполне объяснимыми. Они – следствие того, что разрушение системы коммунистического воспитания в начале – середине 1990-х гг. шло рука об руку с идеей отрицания какого бы то ни было процесса целенаправленного формирования ценностных ориентаций молодежи. Автору статьи в середине 1990-х гг. пришлось присутствовать на одном из семинаров школьных учителей г. Томска. На нем, в частности, обсуждался доклад о патриотическом воспитании школьников. Автор доклада, молодая преподавательница истории, убеждала коллег в том, что любить Россию не за что, даже стыдно, а потому надо отказываться от традиций патриотического воспитания. Эта позиция не нашла поддержки у большинства присутствующих, но озвученные докладчицей положения имели и, по всей видимости, продолжают иметь своих сторонников.

В определенной степени их можно рассматривать как негативную реакцию на патриотическое воспитание молодежи в СССР. Патриотическое сознание, как и общественное сознание в целом, формировалось тогда посредством жесткой идеологической машины КПСС, и воздействие ее советский человек испытывал на себе всю жизнь. Сущность патриотизма, как правило, рассматривалась одно-

сторонне – с классовых позиций, и благородное чувство, нередко оторванное от его носителей, приобретало официальную торжественность, догматичность, мифологический характер.

Процесс освобождения сознания молодёжи от советских ценностей проходил болезненно, сопровождался новой деформацией самой природы патриотизма, что способствовало росту настроений нигилизма и даже антипатриотизма.

Свою лепту в формирование подобных настроений внесли и средства массовой информации. Со страниц периодических изданий, с телевизионных экранов, в радиопередачах отечественная история предстала перед молодёжью исключительно как цепь ошибок, нелепостей, преступлений. Нередко воспроизводилось утверждение, что патриотизм – это прибежище негодяев, представляющее собой искажённую трактовку известного высказывания. Слово «патриот» становилось символом чего-то недостойного, требующего осуждения.

Только в этом контексте можно понять, почему лишь 23,1% опрошенных нами в 1998 г. студентов заявили, что слово «Россия» вызывает у них чувство гордости. Судя по результатам этого опроса, молодёжи трудно давалось позитивное отношение к родной стране, многим молодым людям было сложно идентифицировать себя с ней как с отечеством.

Второй опрос (2003) дал несколько иную картину. Понятия гордость и Россия соединились у 50,5% наших респондентов, боль, горечь, сожаление при слове Россия испытывали 10,3%. Сократилось и число тех, кто «не задумывался», – до 16,8%. Более 40% опрошенных в 2003 г. посчитали любовь к родине естественным чувством человека, 44,8% восприняли патриотизм как «стремление помочь и помочь своей стране в любой ситуации».

Однако этот опрос показал, что и сегодняшнему студенту сложно идентифицировать себя с отечеством, развести понятия отечество и государство, отечество и власть. Любопытны в этой связи пометки, сделанные в некоторых анкетах: «трудно быть патриотом в стране, которая не думает о людях», «это моя родина, но здесь далеко не все в порядке», «слово Россия у меня ассоциируется с надеждой на её возрождение», и т.п. Судя по опросу, в студенческой среде продолжают сохраняться представления о патриотизме как об анахронизме, ненужном для современного мира чувстве. Но адептов такой позиции немного – 0,9%.

Сравнение данных опросов 1998 и 2003 гг. даёт, на наш взгляд, основание для заключения о некоторой позитивной динамике в восприятии студентами ценностей патриотизма, отечества, национальной гордости. Она может быть объяснена рядом факторов. Один из них – определенная стабилизация ситуации внутри страны, завершение в основном ломки старых экономических, политических структур. На фронте исторической науки это проявляется, прежде всего, в том, что исключительно обличительный по отношению ко всему советскому и несколько лакировочный по отношению к досоветскому пафос постепенно уступает место аналитике. А она не терпит категоричных, однозначных подходов и оценок.

Несомненна и активизация в последние годы различного рода молодежных обществ, кружков, клубов, деятельность которых имеет историко-патриотическую, военно-патриотическую направленность. Связана она не только с энтузиазмом отдельных личностей, но и с поддержкой государственных органов.

Только развитие и углубление этих процессов может обеспечить то, что принято называть духовно-нравственным возрождением российского общества. А оно невозможно без утверждения в сознании и поведении людей таких жизненных духовных ценностей, как патриотизм, национальная гордость.

**БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ
ИВАНА И ЗИНАИДЫ ЧУРИНЫХ ПРИ ТОМСКОМ
ИМПЕРАТОРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
К ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ**

С.М. ГНЕУШЕВ

История создания Бактериологического института начинается в конце XIX в. и тесно связана с открытием в 1888 г. первого за Уралом Императорского университета. Высокий уровень заболеваемости и смертности населения Сибири от разных болезней, и прежде всего от инфекционных заболеваний (бешенство, оспа, венерические, кишечные, детские и другие инфекции), требовал скорейшего создания подобного учреждения.

Конец XVIII и XIX в. ознаменовались величайшими открытиями в области микробиологии. Впервые в мировой истории Э. Дженнер (1796) предложил вакцину против оспы, которая защищала людей от заболевания, уносившего миллионы жизней. В 1885 г. Л. Пастер открыл возможность с помощью антирабической вакцины сохранить жизнь людям, обреченным на мучительную смерть при покусе бешеными животными. Э. Беринг в 1895 г. разработал метод изготовления сыворотки против дифтерии, что резко сократило смертность детей от этого заболевания. Всё это стимулировало создание станций по изготовлению оспенной и антирабической вакцин и противодифтерийной сыворотки в России [1].

В 1890 г. на медицинском факультете Императорского Томского университета открывается кафедра гигиены, которую возглавил профессор А.И. Судаков, а в 1895 г. при этой кафедре открывается первая в Сибири бактериологическая лаборатория. Основной целью лаборатории на первых порах ее существования явилось получение противодифтерийной сыворотки от лошадей – продуцента [2]. Руководство лабораторией было поручено выпускнику медицинского факультета Томского университета, приват-доценту П.В. Бутягину, который уже в 1896 г. смог приготовить активную сыворотку и обеспечить ею большинство медицинских учреждений Сибири. В 1897 г. сыворотка высылалась в Иркутск, Красноярск, Нерчинск, Минусинск, Абакан, Омск, Тобольск, Семипалатинск, Олекминск, Верхолениск [3]. По словам П.В. Бутягина, именно в стенах университета, на кафедре гигиены зародилась и начала развиваться микробиология в Сибири.

В деле открытия Бактериологического института свою роль сыграл ещё и случай. В начале 1896 г. в продаже противодифтерийной сыворотки еще не было. В Томске имелось лишь два флакона этой целебной жидкости, которые профессор Томского университета М.Г. Курлов привез из-за границы. В это время у известного сибирского писателя Н.И. Наумова заболела дочь. Лечащий врач поставил самый тяжелый диагноз. Надежд на выздоровление практически не оставалось. Тогда родители девочки по совету доктора обратились к М.Г. Курлову. Чтобы спасти ребенка, профессор решил использовать имеющуюся сыворотку. В госпитальной клинике ребенку поставили две прививки – в 4, а затем в 12 часов ночи. К утру больная девочка сидела сама в кровати и просила молока [2, с. 7].

Этот первый опыт применения сыворотки в Томске произвел сильнейшее впечатление на общественность. Но недостаток средств и неустроенность Томского университета не позволили тогда использовать новейшие открытия в области лечения и предупреждения заразных болезней.

Сильнее всех радовались родители спасенной девочки. Через некоторое время именно Н.И. Наумов познакомил М.Г. Курлова с В.Т. Зиминим. Валериан Тимофеевич в это время получил большое наследство. Не считая себя в праве им пользоваться и в память о людях, оставивших наследство, он решил пожертвовать деньги на что-нибудь полезное для Сибири.

В.Т. Зимин заинтересовался идеей создания бактериологического института и сомневался лишь в том, имеет ли он право устраивать его в Томске, тогда как деньги, которые он получил, были скоплены и заработаны в Иркутске. Его останавливало еще и то, что мысль построить институт для прививок против собачьего бешенства в Иркутске была не чужда в свое время и тому, кто оставил наследство, И.Я. Чурину. Поначалу В.Т. Зимин не дал никаких обещаний, но попросил составить ему проект плана и приблизительную смету.

Сам же он в течение нескольких дней посещал университет, знакомился с деятельностью уже открытой к тому времени противодифтерийной станции в гигиенической лаборатории профессора Судакова. Затем он уехал в Иркутск, чтобы на месте изучить условия для открытия Пастеровского отделения. Но опыт по приготовлению целебных сывороток, имевшийся в Томском университете, и возможность бесплатно отправлять в Иркутск некоторое количество препаратов в возмещение за капитал сыграли свою роль. Бактериологический институт В.Т. Зимин решил основать в Томске.

Капитал, полученный В.Т. Зиминим в наследство от покойной сестры Зинаиды Чуриной, составил 103 466 руб. 84 коп. Первоначально наследство состояло из:

- 1) четвертой части каменного и деревянного домов в г. Иркутске, оцененных в 34 300 и 2 100 руб.;
- 2) наличного капитала, хранившегося в Иркутском отделении Государственного банка, на сумму 27 000 руб.;
- 3) четвертой части общего с прочими наследниками завещания [2, с. 5].

Эти деньги В.Т. Зимин решил пожертвовать университету на постройку Бактериологического института с условием присвоения этому учреждению имени Ивана и Зинаиды Чуриных. Содержание этих писем было доведено до сведения совета университета, который принял пожертвование с благодарностью [2, с. 3].

Избранная медицинским факультетом комиссия на заседаниях 15 и 28 сентября 1902 г. выработала план постройки Бактериологического института и смету на его содержание. Предложенную Министерством внутренних дел Центральную Пастеровскую станцию решено было присоединить к Бактериологическому институту, чтобы не создавать в одном городе двух одинаковых учреждений.

Имея в виду, что согласно воле В.Т. Зимина на пожертвованный им капитал следовало не только построить Бактериологический институт, но еще и сохранить сумму, проценты с которой шли бы на его содержание, комиссия предложила израсходовать на постройку здания не свыше 50 000 руб., а другие 50 000 руб. оставить неприкосновенным капиталом, проценты с которого в размере 2000 руб. должны были идти на содержание института. Кроме этих 2000 руб., институт должен был получать на своё содержание еще доходы от следующих статей:

- 1) 3000 руб. от продажи антидифтерийной сыворотки (такую сумму зарабатывала лаборатория по приготовлению противодифтерийной сыворотки при гигиеническом институте Томского университета);
- 2) 500–700 руб. от продажи оспенного детрита [4].

Таким образом, институт мог располагать на своё содержание суммой 5500–5700 руб. в год. Имея в виду, что такой суммой не могут быть покрыты все расходы по содержанию института, комиссия, принимая во внимание пользу, которую институт должен принести преподаванию бактериологии в Томском университете, решила, что последний должен будет оказывать помощь этому учреждению из специальных средств (снабжая его за свой счет водой, электрическим освещением, газом и отоплением). По приблизительной оценке комиссии, для этих целей требовалось 2000 руб. в год.

Переписка между университетом и Министерством народного просвещения продолжалась с 1897 по 1904 г. И только 14 июля 1904 г. был подписан указ, разрешающий приступить к строительству института. Министр народного просвещения при этом присовокупил, «чтобы в будущем институт не вызывал никаких новых расходов из сумм государственного казначейства ни на свое содержание, ни на содержание служебного персонала» [5].

В.Т. Зимин предложил совету университета деньги для строительства института в 1896 г., но дарственная запись была оформлена лишь в 1902 г. Строительство Бактериологического института началось 6 августа 1904 г. на пересечении улиц Садовой и Бульварной (ныне проспект Ленина, 32). Первоначально здание планировали построить за главным корпусом университета, но по личной просьбе В.Т. Зимина стройку перенесли на более заметное место с фасадом на улицу [6].

Одновременно готовились и кадры для будущего Бактериологического института. П.В. Бутягин, который с ноября 1904 г. заведовал станцией по приготовлению антидифтерийной сыворотки, по предложению Министерства народного просвещения был командирован на два месяца в Европейскую часть России. Он должен был ознакомиться с устройством и постановкой дела в уже существующих к тому времени бактериологических институтах.

В 1904 г., еще до постройки института, в университете существовали бактериологические лаборатории при кафедрах гигиены, терапевтической факультетской клиники и клиники частной патологии и терапии. Исследования производились в них под наблюдением профессоров этих кафедр. Студенты знакомились с методами таких исследований в лаборатории при кафедре гигиены. Им читался общий курс бактериологии.

Папастеровская станция первоначально находилась в городе Кольвани. Ее возглавлял участковый сельский врач Болеслав Михайлович Вендер. Обучение при ней не производилось [7].

Бактериологический институт имени Ивана и Зинаиды Чуриных был торжественно открыт 1 сентября 1906 г. Уже тогда Бактин, как привыкли его называть томиичи, выполнял три основные функции: готовил бактериальные препараты, оказывал помощь населению путем проведения прививок против оспы и бешенства и готовил кадры врачей микробиологов.

Общая сумма, потраченная на строительство и оборудование здания института (с отоплением, газо- и водопроводом, электрическим освещением и каменной конюшней на 10 лошадей), составила 91 110 руб. [8]. К 1 января 1907 г. оставшийся капитал, проценты с которого шли на содержание института, возрос до 31 131 руб., а к 1913 г. – до 34 000 руб.

Бактин, построенный на средства, пожертвованные частным лицом, вначале существовал как научно-практическое и учебно-вспомогательное учреждение университета и содержался на процентные отчисления с пожертвованного капитала и на средства, вырученные от продажи вакцин.

К моменту открытия помещение института представляло собой двухэтажное каменное здание. На стенах его вестибюля в больших медальонах были вырезаны даты основания и открытия института, а выше, по небольшим аркам, вырезано шесть имен бактериологов – Пастер, Дженнер, Кох, Мечников, Ру и Беринг.

На первом этаже были расположены пастеровское отделение с лабораторией по изготовлению вакцины, помещения для приёма людей и комната для производства других вакцин. Тут же находилась комната для занятий по бактериологии, библиотека, канцелярия и ряд других помещений. На втором этаже разместились кабинет директора, химико-бактериологическая лаборатория, аудитория и сывороточное отделение [9].

Первым директором института был утвержден приват-доцент, а в дальнейшем профессор П.В. Бутягин. Штат института состоял из пяти человек, из них два врача. Институт состоял из трех отделений. Пастеровское отделение специализировалось на диагностике и лечении бешенства. В сывороточном отделении изготавливались противоскарлатинные, противодизентерийные и противодифтерийные сыворотки. Вакцинное отделение работало главным образом над изготовлением антихолерных вакцин [10].

Все студенты третьего курса медицинского факультета знакомились с приемами бактериологического исследования микроорганизмов, определения их наличия в воде и воздухе, способами выращивания бактерий в искусственных питательных средах и т.д. [11].

Бактериологический институт играл важную роль в оказании помощи населению города и всей Сибири. Это был третий бактериологический институт при университетах после Москвы и Казани. В 1906–1916 гг. здесь было сделано около 15 тыс. прививок от бешенства. Ежегодно институт выпускал примерно 10 тыс. флаконов противодизентерийных и противоскарлатинных вакцин, распространявшихся главным образом среди жителей Томска [12].

Создание института на обширной территории Сибири и Дальнего Востока было прогрессивным явлением, способствовало расцвету российской микробиологии в частности и науки в целом. За годы своего существования Бактериологический институт из небольшого учреждения, выпускающего противодифтерийную сыворотку, антирабическую вакцину и оспенный детрит, превратился в один из ведущих научно-производственных комплексов (НИИ, предприятие по производству бактериальных препаратов, питомник лабораторных животных).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вульфсон Е.А. История создания Томского Бактериологического института // Труды Томского НИИВС. Томск, 1961 С. 9.
2. Бактериологический институт имени Ивана и Зинаиды Чуриных при Императорском Томском университете. Томск, 1913. С. 10.
3. ГАТО, Ф. 102. Оп. 1. Д. 225. Л. 2.
4. ГАТО, Ф. 3. Оп. 40. Д. 225. Л. 8.
5. История учреждения в Томске бактериального института // Сибирский вестник. 1903. 29 июля. С. 2.
6. ГАТО, Ф. 3. Оп. 41. Д. 700. Л. 4.
7. ГАТО, Ф. 3. Оп. 40. Д. 400. Л. 3–7.
8. Отчёт о состоянии Бактериологического института за 1906 г. Томск, 1906. С. 12.
9. Бутягин П.В. Сибирский медицинский журнал. 1923. № 1. С. 7
10. Курлов М.Г. Исторический очерк // Бактериологический институт имени Ивана и Зинаиды Чуриных при Императорском Томском университете. Томск, 1913. С. 3.
11. Мендрин Г.И., Федотов Н.П. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 23.
12. Томский университет: 1880 – 1980. Томск, 1980. С. 55.

**РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ГОРОДА КРАСНОЯРСКА В 1900–1920 гг.**

Я.В. КАПУСТИНА

Основным типом школ в Красноярске в конце XIX – начале XX в. были министерские начальные училища. Их количество в городе с 1887 по 1916 г. увеличилось с 9 до 23, а численность учащихся – с 521 до 3,1 тыс. Кроме 23 начальных училищ, в городе были 2 железнодорожные, несколько церковно-приходских, еврейская, магометанская и польская школы.

Красноярск стал первым среди сибирских городов, где еще в 1908 г. городской думой было принято решение о введении всеобщего начального образования. Но на деле многие дети из бедных семей вынуждены были бросать школу, едва научившись читать и писать.

Средняя школа в Красноярске была представлена двумя гимназиями: мужской и женской. В 1916 г. открылась мужская прогимназия. Среди учащихся гимназий преобладали дети привилегированных сословий. Но уже с конца 90-х гг., особенно после революции 1905–1907 гг., отмечается возрастание доли детей мещан, ремесленников и крестьян.

Учительские кадры для начальных школ готовила Красноярская учительская семинария, имевшая трехлетний срок обучения. Ежегодно в ней обучалось от 30 до 80 человек.

В 1915 г. в городе был открыт Дом просвещения, принадлежавший Обществу попечения о начальном образовании. Здесь имелись библиотека, читальня, подвижной педагогический журнал, проходили курсы учителей. Еще до февральской революции 1917 г. передовая общественность настойчиво ставила вопрос об открытии в Красноярске высшего учебного заведения, в частности лесного института. Но этот вопрос так и не получил разрешения [1].

С установлением советской власти в октябре 1917 г. вместо упраздненной инспекции и дирекции народных училищ при Губернской земской управе был создан комитет по народному образованию. С разгоном всех земских учреждений был упразднен и этот комитет, а вместо него создан Отдел по народному образованию при Исполнительном комитете [2].

Практически во всех городах губернии учительство отрицательно восприняло декреты Народного комиссариата просвещения [3]. Подтверждают это и материалы съездов учителей Ачинского уезда [4]. Советские органы власти объясняли такое неприятие нововведений тем, что городские учителя чувствуют непримиримую вражду из-за материальной обеспеченности и боязни оторваться от буржуазии [5].

Летом 1918 г. в Енисейской губернии устанавливается «белый» режим. В связи с этим меняются структуры образования и просвещения. Министерство народного просвещения было официальным правительственным органом, ведавшим делами образования. Во главе министерства вначале стоял профессор Томского университета В.В. Сапожников, а с мая 1919 г. – П.И. Преображенский [6, с. 110].

По распоряжению Енисейского комиссариата 27 июня 1918 г., Губернский отдел по народному образованию при бывшем Совдепе упразднился, функции его передавались Енисейскому губернскому комитету по народному образованию при Енисейской губернской земской управе, с возложением на него временно функций учебного округа в пределах Енисейской губернии [7].

В условиях гражданского противостояния министерство народного просвещения не смогло сделать ничего реального в области образования. Свидетельством этого служит беседа журналиста «Правительственного вестника» с товарищем министра Г.К. Гинсом, в ходе которой последний отметил: «Сейчас народное образование находится в тяжелом положении. Не хватает учебников, много учащихся оторвано от занятий, большинство учебных заведений реквизировано для размещения войск и лазаретов, вечерние занятия невозможны за отсутствием освещения. При создавшихся условиях ближайшая задача министерства – поддерживать существующие учебные заведения и использовать их с наибольшей производительностью. С этой точки зрения современная постановка народного образования не соответствует скудности наших средств» [8].

Сложившаяся обстановка в деле народного образования усиливала пессимистические настроения среди педагогов. В прессе время от времени появлялись публикации, отражавшие переживания учительства: «Да, мои дела, признаться, не важны! За два месяца до отъезда мне особенно было не по себе, и в голове часто назойливо вставал один и тот же вопрос – как жить дальше на такое ограниченное жалование? Откладывая год за годом бросить учительство, льстила я себя такой надеждой, льщу и теперь». В Красноярский комитет по народному образованию Красноярской уездной земской управы шли прошения о переводах на более удобное место в связи с тяжелым материальным положением; недостатком жалования, на которое нельзя было купить обувь, одежду; болезнями, которые не на что лечить [9].

Съезды учителей неоднократно предлагали пути улучшения дел в области образования. В первую очередь речь шла об увеличении оплаты труда, реорганизации управления учебными заведениями. Но решения съездов и собраний по делам просвещения в Красноярске и Енисейской губернии оставались на бумаге. Канское уездное земское собрание отмечало в марте 1919 г., что во второй половине 1918 г. на хозяйственные нужды школ не было выделено «ни одной копейки». В 1919 г. предложения по смете отдела народного образования вообще были отклонены [6, с. 113]. На начало 1918/19 учебного года в Красноярском уезде на 121 училище приходился всего 171 учитель. Большинство школ не соответствовали своему назначению, а их помещения были тесны, темны, холодны, не имели вентиляции.

В результате в Красноярске во второй половине 1919 г. число учебных дней сократилось более чем в два раза. Так, в 14-м училище в первом полугодии учебных дней было всего 110, а во втором – 49. Численность учащихся к концу этого учебного года сократилась на 30%, причем училище закончили всего 15% учащихся. Всего же в Енисейской губернии в 1918/19 учебном году не приступило к занятиям 50% детей школьного возраста [10].

Отсутствие собственных школьных помещений, переезды школ из одного пункта в другой и сопряженные с этим перерывы занятий, уменьшенное число учебных часов нарушили правильное течение школьной жизни.

С приходом большевиков постановлением Красноярского уездного городского отдела народного образования обучение в школах города прекращалось до проведения в жизнь лозунга создания трудовой школы. По примеру других губерний было решено в кратчайший срок ликвидировать безграмотность. Шла перестройка всей школьной системы. Большое значение придавалось, прежде всего,

выборам учителей, их участию в общественной жизни, созданию единой трудовой школы, ликвидации неграмотности взрослого населения [11].

Важнейшими органами, занимавшимися борьбой с неграмотностью, являлись отделы по ликвидации безграмотности населения. В первую очередь планировалось ликвидировать безграмотность в центре губернии, т. е. в Красноярске. Всех учителей привлекли к работе по ликвидации безграмотности, а само обучение неграмотного населения города (30 тыс. человек) планировалось произвести в четыре приема в течение 8 месяцев [12].

В первые годы восстановительного периода менялось содержание обучения, большое внимание уделялось развитию учащихся в процессе трудовой деятельности. В школах вводилось самообслуживание, в летнее время учащиеся работали на пришкольных, учебно-опытных участках, отдыхали в летних детских колониях. Для учителей организовывались общеобразовательные и методические курсы. С целью популяризации новых форм и методов учебно-воспитательной работы открывались показательные школы, школы-коммуны [13].

Трудности в деле образования в первые годы Советской власти наблюдались повсеместно. Как и во времена «белого» режима, не хватало школьного оборудования, учебных пособий, благоустроенных помещений. В школах писали разведенной черникой, охрой, применяя гусиные перья, уголь заменял карандаш, береста – бумагу. Учащиеся лепили буквы из глины, составляя слова и предложения [14].

Таким образом, проблемы в области образования оставались не только в период Гражданской войны, но и после ее завершения, когда на первый план вышли проблемы создания единой школьной системы, подбора кадров учителей, борьбы с неграмотностью, развития школьного самоуправления и охвата всех детей всеобщим начальным обучением.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Красноярск: этапы исторического пути*. Красноярск, 2003. С. 258–259.
2. *Голос народа* (Красноярск). 1918. 5 апр.
3. *Рабоче-крестьянская газета* (Красноярск). 1918. 12 мая.
4. *Лопаткин Г.* Летопись града Ачинска. Ачинск, 2000. С. 60.
5. *Журнал* первого Енисейского уездного съезда советов рабочих солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 18 апр.
6. *Соскин В.Л.* Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны 1917–1921 гг. Новосибирск, 1965.
7. ГАКК. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 3. Л. 5.
8. *Правительственный вестник* (Омск). 1918. 26 дек.
9. ГАКК. Ф. Р-577. Оп. 2. Д. 17. Л. 4.
10. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–53.
11. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 1а. Л. 2.
12. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.
13. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 1а. Л. 4.
14. *Красноярский рабочий* (Красноярск). 1922. 17 февр.

**РАЗВИТИЕ НАЧАЛЬНОГО ЦЕРКОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX в.**

Т.А. БЫКОВА

В начале XIX в. в связи с развитием капитализма в стране увеличилась потребность в грамотных людях. Однако если в центральных районах России процесс открытия учебных заведений шел более или менее быстрыми темпами, то сибирский регион значительно отставал в решении этого вопроса. В 20-е гг. правительство предложило различным ведомствам открывать школы в волостях. Но на это отреагировало главным образом духовное ведомство. В первой половине XIX в. широкое распространение получили школы ведомства Святейшего Синода в Томской губернии.

Значительную роль в увеличении количества школ сыграло решение Синода от 18 октября 1834 г., по которому была учреждена православная Томская епархия, охватившая Томскую и Енисейскую губернии. Томск стал епархиальным центром [1, с. 5].

Одновременно с архиерейским домом открылась и Томская духовная консистория, подчинявшаяся непосредственно Святейшему Синоду. Она ведала хозяйственными и финансовыми делами в епархии, личным составом духовенства, занималась церковными школами, миссионерской деятельностью.

Ведомство Святейшего Синода в 1838 г. издало указ о создании церковно-приходских школ. В нем речь шла о необходимости открывать в каждой епархии данные учебные заведения, прежде всего в сельской местности, в отдаленных от городов селах и деревнях [1, с. 28]. Первые подобные школы появились в Томской губернии в 40-е гг. XIX в. Это были 3 школы в Томском уезде с числом учащихся 51 человек, одна школа в Каинском уезде с 9 учениками и 3 – в Кузнецком уезде с 20 учащимися. Таким образом, к 1850 г. в Томской губернии было 7 церковных школ, в которых обучалось 80 учеников [2].

В церковно-приходских школах за небольшую плату обучали чтению текстов церковной и отчасти гражданской печати, письму и счету. В роли учителей чаще всего выступали местные священники. Школы владели жалкое существование, так как практически не финансировались. Нередко они и закрывались.

Во второй половине XIX в. роль церковных школ значительно возрастет. В 1862 г. была образована самостоятельная православная Енисейская епархия, а Томская епархия осталась в составе Томской губернии и Семипалатинской области. Среди начальных учебных заведений преобладали церковно-приходские школы и школы грамоты. Одновременно стали появляться министерские и земские школы, которые получали полное материальное обеспечение.

Однако правительство опасалось, что подобные учебные заведения могут быть превращены в «орудия растления» народа, так как некоторые из земских учителей оказались замешаны в революционной пропаганде. В конце 70-х гг.

предпринимается попытка насаждения именно церковных школ. Эта мера была одобрена в 1879 г. особым совещанием по борьбе с «крамолой» под председательством министра внутренних дел П.В. Валуева.

При разработке нового проекта о церковных школах Комитет министров и Синод признали, что влияние духовенства должно распространяться на все виды элементарных училищ. Было принято решение об изъятии дела народного образования из ведения земств и о сосредоточении его в духовном ведомстве. Однако проведение данных мероприятий потребовало бы значительных ассигнований из казны, поэтому окончательно было решено ограничиться расширением и улучшением сети церковных школ.

После тщательной подготовки в июне 1884 г. были опубликованы «Правила о церковно-приходских школах». Эти школы имели своей целью, кроме распространения элементарной грамотности, воспитывать в детях страх божий, вселять в их сердца любовь к святой церкви и преданность царю и Отечеству [3, с. 370]. Заведовать этими учебными заведениями и обучать в них детей должны были приходские священники. Учеба в них длилась от 2 до 4 лет. В программу включались такие предметы, как Закон Божий (в основном изучение молитв), Священная история и объяснение богослужения, церковное пение, чтение церковной и гражданской печати, письмо и начальные арифметические сведения [3, с. 371].

Правила 1884 г. благоприятно сказались на открытии в Сибирском регионе церковно-приходских школ. Этому способствовало и то, что в ноябре 1886 г. был опубликован циркуляр томского епархиального начальства, в котором говорилось о роли и значении церковных школ, а также о подготовке кадров и материальной поддержке данных учебных заведений.

Все эти меры позволили значительно увеличить число школ. Так, в Томской епархии в 1886/87 учебном году действовало 37 церковноприходских школ, в Енисейской и Иркутской епархиях, соответственно, 51 и 130. Но при увеличении количества школ общее число учащихся в них росло медленно. В Томской епархии в 80-е гг. в среднем на одну школу приходилось 18 учеников, в Енисейской – 15. Школы Министерства народного просвещения имели в среднем 50–60 учащихся и даже вынуждены были отказывать желающим учиться в них. Церковноприходские школы своей религиозной пропагандой отпугивали от себя иноверцев и тех сибирских крестьян, которые принадлежали к различным направлениям старообрядчества. В Томской губернии общее число учащихся из семей иноверцев и старообрядцев достигало 400 человек, в Тобольской губернии – 809, но из них в церковноприходских школах учились 16 человек в Томской губернии и 3 – в Тобольской [4].

Однако главной причиной недоброжелательного отношения к приходским школам являлось неудовлетворительное качество обучения. Уровень образования учителей церковноприходских школ был очень низким. Преподаватели с высшим образованием вообще отсутствовали, а учителя со средним образованием были всецело сосредоточены в городских церковных школах. Ничтожная плата за заведение и преподавание совершенно не соответствовала тем хлопотам, труду и ответственности, какие приходилось нести священникам, в приходе которых открывалась школа. Полуграмотные причетники и епархиалки также не могли быть авторитетными и умелыми педагогами.

Обширность сибирских приходов и крайняя их разбросанность требовали от духовенства постоянной работы. Не оставалось времени для образовательной деятельности. Сибирскому духовенству сложно было решать вопросы материального обеспечения учебных заведений школьными принадлежностями. Порой школа становилась в тягость причту и местному обществу. Нередко священники перепоручали преподавание Закона Божьего учителю-псаломщику, а за собой оставляли

лишь наблюдение за школой. Все это отрицательно сказывалось на качестве преподавания. Епархиальное начальство контролировало деятельность церковных школ: награждало активных священников, проявивших наибольшую заботливость, и наказывало нерадивых, вычитая из их жалованья часть средств или публикуя их фамилии в печатных изданиях.

Данные отчета Томского епархиального училищного совета за 1891/92 учебный год показывают, что детей школьного возраста насчитывалось более 130 тыс. человек, из них обучались в 360 школах духовного ведомства 7 тыс. В этот же период в 260 школах гражданского ведомства учились до 9 тыс. детей. Таким образом, около 114 тыс. детей школьного возраста оставались без образования (а число учившихся к числу не учившихся соотносилось как 1:8) [5].

В Томской епархии работали также школы грамоты. 4 мая 1891 г. были изданы правила о школах грамоты, которые подлежали исключительному ведению духовного начальства. Срок обучения в них был короче, и количество часов, отводимое на предметы, меньше, чем в церковноприходских школах. Поэтому в ряде случаев эти школы не пользовались популярностью, и 17 марта 1909 г. по Постановлению Томского епархиального училищного совета, утвержденному архиепископом Макарием, все они были преобразованы в одноклассные церковноприходские [6].

Тем не менее к концу XIX в. ситуация в церковноприходских школах постепенно начинает меняться. В 1892–1893 гг. они уже снабжались учебными пособиями в достаточном количестве. Так, в названном учебном году Томский епархиальный училищный совет купил и разослал 7 660 учебников на сумму 1 911 руб. 2 коп. [7]. Письменные и классные учебные принадлежности (чернила, перья, карандаши и т. п.) приобретались на средства попечителей, благотворителей и родителей учеников.

Помещениями для церковных школ, как правило, служили собственные здания или церковные сторожки. Например, в Томском округе в 90-е гг. из 20 школ 13 имели самостоятельные здания, 7 – находились в церковных сторожках. Подобная картина наблюдалась и в других округах. Однако в Бийском и Каинском округах, соответственно, 10 из 50 и 3 из 16 церковных школ размещались в наемных помещениях. Здания были пригодны для обучения детей, некоторые имели земельные участки под сад и огород. В отчетах о состоянии церковноприходских школ в 1910 г. отмечалось, что в 50% случаев помещениями для школ служили специально выстроенные здания, а для остальных – наемные квартиры, дома священников, церковные сторожки [8]. Школы ведомства Синода содержались на средства, которые ежегодно высылались Томским епархиальным училищным советом, а также на частные пожертвования, пособия от сельских обществ и за счет платы за обучение, которая составляла от 20 до 30 коп. в месяц [9, с. 14].

По Томскому округу содержание церковных школ осуществлялось главным образом за счет местных средств и пожертвований. Основным источником доходов были средства, полученные от Архиерейского дома в размере 528 руб., от попечителей – 435 руб., от городских и сельских обществ – 408 руб. (данные на 1893 год). Наиболее крупные пожертвования в пользу церковноприходских школ поступили от попечителя градособорной школы купца А.Е. Ельдештейна, который пожертвовал деньги на приобретение новой классной мебели и на ремонт старой, а также на покупку письменных принадлежностей в размере 100 руб. Попечитель Никольской церковной школы Е.В. Шмурыгин содержал на свои средства учительницу с жалованьем 180 руб. в год и школьную прислугу с оплатой 3 руб. ежемесячно. Им же были приобретены стенные часы, книги для чтения, 40 пар зимней обуви для бедных учеников. Общая сумма пожертвований составила 335

руб. 75 коп. Всего за 1892–1893 гг. по всей епархии на содержание церковноприходских школ поступило средств на сумму 6 803 руб. 81 коп. [10].

Особое внимание уделялось подготовке и переподготовке педагогических кадров. Для этого было предложено открыть краткосрочные педагогические курсы. Проводились занятия как теоретического плана, так и практической направленности, особенно для изучения методики преподавания различных предметов школьного курса. Затем Епархиальный училищный совет проводил испытание учителям. Успешно выдержавшие экзамены получали свидетельства с оценками их педагогического мастерства. Те, кто в силу разных причин не могли пройти курсы переподготовки, должны были посещать образцовые школы в г. Томске для наглядного ознакомления с методами и приемами обучения. Только после получения от руководителей этих школ удостоверения определялись соответствующая должность и оклад.

В целом, в конце XIX – начале XX в. начальное народное образование было развито в губернии далеко не достаточно. В школах ведомства Синода обучались 45 324 человек, в т. ч. мальчиков 33 032, а девочек 12 292 [9, с. 24]. Но не все выдерживали полный курс, число ежегодно оканчивающих школы составляло примерно – 6% [9, с. 27]. Это можно объяснить тем, что среди учеников преобладали дети крестьян, так как учебные заведения были распространены в сельской местности. Возраст учеников был от 6 до 14 лет. Часто в связи с той или иной хозяйственной работой ребята не посещали занятий; многие порой даже не понимали, зачем необходимо учиться. Тем не менее ведомство Святейшего Синода, рядовые священники сыграли важную роль в деле образования сибирского населения.

Ситуация не изменилась существенно и в начале XX в. К 1912 г. в Томском губернии насчитывалось 1 932 учебных заведения [11]. Однако ряд населенных пунктов различных округов вообще оставались без школ. Например, к 1913 г. в Томском уезде лишь в 284 населенных пунктах (20%) имелись начальные школы разных ведомств. Совсем не было школ в 1 138 селениях. В среднем одна школа приходилась почти на пять селений, на 1606 жителей и 146 детей школьного возраста. К концу 1913 г. в 292 школах разных ведомств обучалось 12 135 детей (28, 49%). Вне школы оставалось 71,5 % детей [12].

На основании статистических данных можно сделать вывод, что для огромной территории Томской губернии такого количества образовательных учреждений было недостаточно, даже слишком мало. Оставались округа, где официально не существовало ни одного учебного заведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Евтропов К.Н.* История Троицкого кафедрального собора в Томске (Постройка его с характеристикой времени и деятелей). Томск, 1904. С. 5.
2. *ГАТО.* Ф. 5. Оп. 1. Д. 122. Л. 8; Отчет о состоянии церковно-приходских школ Томской епархии за 1849/50 учебный год. Томск, 1851. С. 45 – 46.
3. *Пругавин А.С.* Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб., 1898. С. 370.
4. *Спаский А.* К вопросу о народном образовании в Сибири: Сб. статей о Сибири и прилегающих к ней странах. Томск, 1898, С. 480.
5. *Краткий историко-статистический очерк Томской епархии.* Томск, 1897. С. 73.
6. *Памятная книжка Томской губернии на 1912 год.* Томск, 1912. С. 146.
7. *Отчет Епархиального училищного совета о церковных школах епархии за 1892/93 учебный год.* Томск, 1894. С. 53.
8. *Отчет о состоянии церковно – приходских школ Томской епархии за 1910/11 учебный год.* Томск, 1912. С. 45.
9. *Отчет о состоянии церковно-приходских школ Томской епархии за 1886/87 учебный год.* Томск, 1888.
10. *Отчет Епархиального училищного совета о церковных школах епархии за 1892/93 учебный год.* Томск, 1894. С. 59, 61.
11. *Обзор Томской губернии за 1912 год.* Томск, 1914. С. 59.
12. *ГАТО.* Ф. 100. Оп. 1. Д. 422. Л. 70.

**ПОДДЕРЖКА НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АДМИНИСТРАЦИЕЙ ТОМСКА (1997–2002 гг.)**

М.В. СЫРЯМКИН

В период с 1997 по 2003 г. администрация и дума Томска сделали решительный шаг по усилению взаимодействия власти с вузами, НИИ и предприятиями научной сферы.

Так, в 1997 г. с целью повышения эффективности мероприятий по развитию научно-образовательной и инновационной деятельности в Томске постановлением мэра г. Томска при городской администрации были созданы отдел науки и вузов, а также общественный научно-технический координационный совет (ОНТКС). Это был первый шаг на пути создания условий для содействия развитию научно-образовательного комплекса города, созданию инновационной инфраструктуры Томска [1].

Направлениями деятельности ОНТКС и отдела науки являлись: организационная и информативно-правовая работа, развитие инновационной инфраструктуры, межрегиональная и международная деятельность, подготовка кадров для инновационной сферы Томска. Рассмотрим более подробно эти направления деятельности муниципалитета Томска. В состав Общественного научно-технического координационного совета вошли представители администрации Томской области и думы Томской области, администрации г. Томска, ректоры томских вузов, руководители инновационных центров и предприятий, депутаты Томской городской думы. ОНТКС участвовал в разработке областного Закона и городского Положения об инновационной деятельности, Положения об инновационной деятельности в Томском научном центре СО РАН, обсуждал проекты целевых инновационных программ на 2000–2002 гг., проблемы развития информационной инфраструктуры г. Томска, результаты выставок научно-технических достижений г. Томска в КНР и другие актуальные вопросы [2, с. 75]. В настоящее время совет формирует основные направления городской политики в области научно-образовательной и инновационной деятельности.

С 1997 г. основными направлениями политики администрации г. Томска совместно с ОНТКС в области научно-образовательной и инновационной деятельности являлись:

- содействие коммерциализации результатов научных исследований и разработок наукоемких предприятий г. Томска;
- создание условий для развития научно-технического потенциала города;
- содействие развитию рынка инновационных проектов;
- привлечение инвестиций для развития инновационной деятельности в г. Томске;
- привлечение в инновационную деятельность молодых специалистов.

Реализация муниципальной научно-образовательной и инновационной политики предусматривала использование таких механизмов, как инвестиции, образование, информационное обеспечение, а также разработку соответствующих нормативно-правовых актов.

В своей работе ОНТКС и администрация г. Томска взяли за основу внедренческую формулу функционирования науки в рыночных условиях: «без науки нет инноваций – без инноваций нет конкурентоспособной продукции – без конкурентоспособной продукции нет производства – без производства нет прибыли – без прибыли нет науки» [2, с. 45–48].

С 1997–1998 гг. администрация Томска и ОНТКС начали уделять внимание подготовке кадров инновационной сферы. За период 1997–2000 гг. было проведено 20 городских семинаров по проблемам инновационно-технологического бизнеса, в которых участвовало более 1000 человек. На этих семинарах рассматривались такие вопросы, как введение объектов интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот предприятий, опыт работы томских ученых в инновационном предпринимательстве, проблемы экспортно-импортного контроля товаров, услуг и технологий, фонды, центры, представительства, поддерживающие научно-образовательный комплекс Томска, лицензирование и сертификация товаров, услуг, технологий и производств.

Одно из направлений деятельности администрации города – подготовка и переподготовка кадров в области инновационной деятельности. В рамках совместной программы Томского государственного университета и Ассоциации Сибирских и Дальневосточных городов (АСДГ) был создан межвузовский учебно-научно-производственный центр (УНПЦ) «Технологический менеджмент» [3], задачами которого являлись помощь в подготовке технологических проектов и организации новых производств, а также разработка образовательных программ в сфере переподготовки кадров для предприятий Томска, Сибири и Дальнего Востока.

В 1998 г. отдел науки и вузов вошел в состав департамента по вопросам местного самоуправления и международной деятельности, а в 2001 г. отдел был преобразован в комитет по науке, вузам и инновационной политике [4].

Немного ранее, в 1997–2001 гг., с целью создания благоприятных условий для развития научно-образовательной и инновационной деятельности, в Томске при содействии городской администрации были открыты представительства Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (директор – профессор И.М. Бортник), Российского Фонда технологического развития (директор – А.Г. Фонов) и Британского Совета. Была оказана помощь местным предпринимателям в организации новых производств (было создано 1000 новых рабочих мест), а также в поиске партнеров и инвесторов. В частности, в 1998–2001 гг. технологические проекты томских предприятий были профинансированы за счет средств инвесторов на общую сумму более 6 млн руб.

Администрация г. Томска оказывала содействие в создании инновационно-технологических центров на площадях Томского государственного университета, НИИПП [2, с. 67–68]. Развитие инновационной инфраструктуры в Томске предусматривало создание Инновационно-технологических центров (ИТЦ), инкубаторов технологий, Учебно-научно-инновационно-производственных комплексов (УНИПК), фондов и центров поддержки инновационных предприятий, организаций и отдельных ученых, осуществляющих коммерциализацию технологий. В разное время были созданы ИТЦ «Томский региональный некоммерческий фонд» в п. Предтеченск (2000), ИТЦ «Конструкторско-технологический центр» ТНЦ СО РАН (2001), ИТЦ «Томский международный деловой центр «Технопарк» (2002).

Эти ИТЦ объединили более 20 предприятий, выпускающих инновационную продукцию (нанопорошки, системы связи, акриловую сантехнику и др.)

В июле 1999 г. было подписано соглашение об основных принципах взаимодействия администрации г. Томска и Томского научного центра СО РАН (ТНЦ СО РАН), основными целями которого являлась разработка новых межведомственных механизмов управления научно-образовательной, научно-технической и инновационной деятельностью в цепочке «Федеральный уровень – муниципальный уровень – субъекты научно-образовательного и инновационного комплекса», а также повышение эффективности использования существующей научно-производственной, инновационной и социальной инфраструктуры Академгородка.

В 1999 г. между администрацией г. Томска, Томским госуниверситетом и Томским политехническим университетом были подписаны договоры о совместной деятельности. Цель соглашений – привлечение научно-образовательного и технологического потенциала вузов к решению проблем города [5, с. 74].

Основополагающим нормативно-правовым документом, регулирующим инновационную деятельность, явился принятый Томской областной думой в мае 1999 г. закон «Об инновационной деятельности в Томской области». Закон нацелен на обеспечение единой политики в инновационной сфере, на создание условий для развития и функционирования субъектов инновационной деятельности на территории Томской области. Он определяет организационные, правовые, экономические условия и гарантии инновационной деятельности в Томской области, а также регулирует отношения между субъектами инновационной деятельности и органами областной власти.

В соответствии с этим Законом в октябре 2000 г. Томской городской думой было принято положение «Об инновационной деятельности в г. Томске» [5, с. 80]. Положение было направлено на создание благоприятных условий для развития и функционирования субъектов инновационной деятельности на территории г. Томска. Положение определяло принципы и направления городской инновационной политики, права субъектов инновационной деятельности, виды инновационной деятельности, источники финансирования инновационной деятельности и порядок предоставления средств из бюджета г. Томска, а также порядок формирования инновационных программ.

Позже, в 2000 г., мэр Томска А.С. Макаров своим постановлением утвердил порядок финансирования мероприятий, направленных на развитие малого предпринимательства и инновационной деятельности в г. Томске, и был утвержден Томской городской думой проект бюджета по разделу «Развитие рыночной инфраструктуры: поддержка научно-технической и инновационной деятельности».

Одним из основных инструментов реализации муниципальной политики, направленной на поддержку научно-образовательной и инновационной деятельности, являются целевые инновационные программы. Впервые целевая инновационная программа была принята решением Томской городской думы № 297 от 12.02.2001 г. с объемом бюджетного финансирования в размере 15 млн руб. [5, с. 81] и направлена на развитие инновационной (и инвестиционной) деятельности в приоритетных отраслях муниципального хозяйства, на целевые конкурсы проектов.

Важность проведения последних заключается в мобилизации собственных ресурсов инновационными предприятиями, в поиске новых источников финансирования, когда привлекаются дополнительные средства в виде инвестиций в экономику города. Так, например, конкурс технологических проектов, посвященный 400-летию Томска, привлёк 1 млн руб. в форме субвенций. А конкурс «Наука – технология – производство – рынок» [6], организованный в 2001–2002 гг. Министерством

промышленности, науки и технологий Российской Федерации, Министерством промышленности и науки Московской области, Ассоциацией Сибирских и Дальневосточных городов (АСДГ), Фондом содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (директор – И.М. Бортник), Российским фондом технологического развития (РФТР) и американской корпорацией «Российская технологическая инициатива», привлёк более 40 млн руб. дополнительно.

Целевая программа также была направлена на развитие инновационно-технологических центров, на проведение серии обучающих семинаров и подготовку кадров, в частности межрегионального семинара «Инновационная программа» в феврале 2001 г., который был посвящён Дню Российской науки, а также на участие города в межрегиональной (выставка научно-технических достижений г. Томска в г. Шеньян (КНР) в апреле 2001 г.), федеральной (6-я Всероссийская универсальная научно-производственная выставка-ярмарка «Интеграция 2001», состоявшаяся в ноябре 2001 г.) и областной инновационной деятельности.

Результаты реализации целевой инновационной программы 2001 г. были успешными, так как на 1 руб. бюджетных средств было привлечено 2 руб. из других источников (Минпромнауки и технологий РФ, Минобразования РФ, Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере) и были вложены собственные средства томских предприятий.

22 мая 2002 г. решением Томской городской думы № 172 была утверждена Целевая инновационная программа г. Томска на 2002 г., направления которой были одинаковыми с программой 2001 г., отличались только мероприятия. И одним таким мероприятием явилось создание в Томске городского Центра по проблемам экспортного контроля (ЦПЭК), необходимость которого вызвана наличием в городе предприятий, ориентированных на создание наукоемкой продукции на импорт. Деятельность же ЦПЭК направлялась на оказание информационной, образовательной и консалтинговой помощи предприятиям-экспортерам товаров, технологий и услуг двойного назначения Томска и региона в сфере экспортного контроля.

Таким образом, развитием инновационной сферы в период с 1997 по 2003 г. администрация Томска создала систему взаимодействия между муниципалитетом, научно-образовательным комплексом, наукоемкими предприятиями Томска, а также российскими и зарубежными инвесторами. Это обеспечило увеличение налогооблагаемой базы бюджета Томска и создание дополнительных рабочих мест. В этом отличие Томска и Томской области от многих других городов и областей России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Постановление* Мэра г. Томска № 29 от 30 января 1997 г. // Сб. нормативно-правовых документов Томской области и города Томска по вопросам инновационной деятельности. Томск, 2002. С. 62–64.
2. *Зинов В.Г., Козик В.В., Сырямкин В.И.* Технологический менеджмент / Под ред. В.Г. Зинова. Томск, 2001.
3. *Дунаевский Г.Е., Зинченко В.И., Козик В.В., Майер Г.В., Сырямкин В.И., Шапиро Г.Я., Яук Э.Ф.* Опыт создания Учебно-научно-инновационно-промышленного комплекса (УНИПК) на базе ТГУ и ФГУП НИИ ПП // Материалы всерос. конф. «Инновационный бизнес России: перспективы развития и подготовки кадров на примере АСДГ». Томск, 2002.
4. *Постановление* 50 от 29 января 2001 г. // Сборник нормативно-правовых документов Томской области и города Томска по вопросам инновационной деятельности. Томск, 2002. С. 42–44.
5. *Сборник* нормативно-правовых документов Томской области и города Томска по вопросам инновационной деятельности. Томск, 2002.
6. *Приказ* Министра промышленности, науки и технологий РФ № 286 от 31 июля 2001 г.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ТОМСКА

**ИЗ ИСТОРИИ КНИЖНЫХ ФОНДОВ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Л.Л. БЕРЦУН

Научная библиотека является одним из основных структурных подразделений Томского университета. Она осуществляет библиотечно-информационное обеспечение научно-исследовательской и учебной деятельности университета и одновременно является центром распространения знаний, духовного и интеллектуального общения, культуры. Библиотеку называют Книжной сокровищницей Сибири. Она была открыта в 1888 г. одновременно с университетом и за более чем вековую историю способствовала воспитанию многочисленных поколений студентов, преподавателей и научных работников.

Основное богатство Научной библиотеки – ее огромные и ценнейшие книжные фонды, представленные собраниями произведений печати по различным отраслям знания на многих языках. В составе фондов имеются также многочисленные собрания личных коллекций, отдельные редкие издания и рукописные книги, представляющие ценность как выдающиеся памятники русской и мировой культуры. Большая часть личных коллекций попала в фонд библиотеки в XIX – начале XX вв.

Формирование книжного фонда для будущей библиотеки Императорского Томского университета началось сразу же, как только был решен вопрос об открытии университета в Томске. Активное участие в этом принял министр народного просвещения, граф Д.А. Толстой. Он обратил внимание на организацию фундаментальной университетской библиотеки, которая могла бы удовлетворять научные и учебные интересы ученых и студентов университета. Проблема была еще и в том, что университет создавался далеко от центра страны, где не было библиотек с крупными книгохранилищами. По этой причине необходимость в хорошо обставленной библиотеке для Д.А. Толстого составляла главнейшую и насущную задачу. Он обратился к прогрессивной русской интеллигенции с просьбой оказать помощь в организации фонда для библиотеки Императорского Томского университета.

Большую помощь в организации и претворении в жизнь данного мероприятия оказал В.М. Флоринский, служивший тогда в Министерстве народного просвещения. Фактическое формирование первоначального фонда библиотеки началось с 1878 г., когда крупнейший русский солепромышленник граф А.Г. Строганов решил передать будущему университету в Сибири свою родовую библиотеку в количестве 22 626 томов, или 7,5 тыс. названий [1, с. 9]. Многие профессора российских университетов откликнулись на просьбу Д.А. Толстого и решили передать свои библиотеки в дар Томскому университету. В 1881 г. профессор Санкт-Петербургской медико-хирургической академии Н.М. Якубович завещал свою медицинскую библиотеку в количестве 300 томов, преимущественно по физиоло-

гии. Вице-президент медико-хирургической академии, тайный советник И.Т. Глебов завещал сибирскому университету свою библиотеку, в состав которой входили медицинские издания конца XVII – первой половины XIX в. на немецком, французском и латинском языках. В состав первоначального фонда вошла также библиотека профессора Харьковского университета, действительного статского советника В.И. Лапшина, включавшая 1 208 томов в основном по физике, математике и естествознанию.

Ценным подарком для библиотеки университета по числу книг и по их научному значению явилась завещанная личная библиотека профессора Пажеского корпуса Ф.Ф. Эвальда. Его библиотека по математике и физике была доставлена через Министерство просвещения в Томск в 1883 г. Наследниками графа Ф.П. Литке в 1883 г. была доставлена его личная библиотека, состоявшая в основном из изданий Императорского Русского Географического общества, научных сочинений по географии, этнографии, статистике. Кроме того, в ее составе были отчеты по разным отраслям государственного управления, труды разных комиссий, печатные записки, представляемые в Государственный Совет [2].

Заботясь о библиотечном фонде, привлекая для этих целей других, сам В.М. Флоринский в 1885 г. передал в дар Томскому университету свою довольно обширную медицинскую библиотеку в количестве более 300 томов, оцененную в 3000 руб. Некоторые издания по медицине представляли библиографическую редкость. В составе его коллекции имелись учебники для средних и низших школ немедицинского содержания, так необходимые при разработке вопроса по истории русского просвещения [3].

В числе пожертвованных была коллекция книг, подаренная в 1895 г. Николаем II, почетным членом Томского университета, из собственных Его Величества библиотек в Зимнем и Аничковом дворцах. При открытии юридического факультета были получены в фонд библиотеки две крупных коллекции профессоров Неклюдова и Гнейста. Кроме перечисленных коллекций, в фонд библиотеки университета было доставлено разными людьми и учреждениями большое количество отдельных сочинений или книжных коллекций. На 1 января 1913 г. в Фундаментальной библиотеке университета насчитывалось около 95,5 тыс. названий в 226 174 томах и тетрадях. Только в течение 1913 г. в библиотеку поступило в качестве дарения 1 559 томов книг, 591 экземпляр журналов и 3 наименования газет [4].

Первоначальный фонд библиотеки формировался не только за счет пожертвований. На приобретение книг многие богатые люди России выделяли деньги. Так, почетный гражданин Иркутска, купец первой гильдии Александр Михайлович Сибиряков пожертвовал 167 177 руб. на учебные пособия. На его деньги была куплена библиотека поэта В.А. Жуковского в количестве 4 674 томов. Библиотека тайного советника А.В. Никитенко в количестве 2 000 названий была приобретена за 2 000 руб. из средств, предоставленных Томской городской думой. Из этих же денег за 900 руб. была куплена библиотека бывшего профессора Казанского университета Артемьева, состоящая преимущественно из русских книг по русской истории, этнографии, статистике и археологии [1, с. 13–14].

До 1917 г. в библиотеку поступило более 200 коллекций. К моменту открытия университета в фонд библиотеки было записано 95 тыс. экземпляров. Большая заслуга в этом принадлежит первому библиотекарю, кандидату филологических наук С.К. Кузнецову, назначенному на эту должность в 1885 г. Его первыми помощниками по разбору книг и дарственных коллекций, написанию каталожных карточек, расстановке и т.д. были: преподаватель реального училища И.Ю. Вишневецкий де Турнефор (исполнявший обязанности помощника библиотекаря до декабря 1886 г.), кандидат филологических наук А.В. Оксенов (работавший в этой

же должности с октября 1887 г.), помощник столоначальника канцелярии попечителя учебного округа В.И. Ржеуский. Непосредственное участие в разборе первоначального фонда библиотеки принимал В.М. Флоринский. Им и С. К. Кузнецовым было составлено более 10 тыс. карточек для первого каталога фонда библиотеки.

В первые годы работы университета фонд библиотеки пополнялся новой отечественной и зарубежной литературой, трудами профессоров университета. Стали поступать «Отчеты» и «Известия ИТУ», «Журналы заседаний правления университета», а также отчеты различных обществ, многие из которых были изданы в типографии П.И. Макушина. Библиотека пополнялась также в результате обмена и приобретения литературы факультетами университета. Пополнением книжного фонда занимались правление, а затем совет университета. Ответственным за это был назначен профессор Н.М. Малиев. Книги доставлялись в библиотеку главным образом книгопродавцами Макушиным, Посохиним, Риккером, Поповой [5].

После Февральской революции 1917 г. было положено начало собиранию документов историко-культурного характера по революционному движению в виде изданий разных политических и общественных организаций. А.И. Милютину в годы Гражданской войны удалось сохранить библиотеку в полном порядке и неприкосновенности, увеличить ее фонды за счет ликвидированных учреждений и организаций, прекративших свою деятельность в первые годы советской власти, национализированных частных собраний. Среди поступлений этих лет заслуживают внимания документы Томской духовной семинарии и Алексеевского монастыря. Книги духовной семинарии поступали в библиотеку по частям. Первая партия поступила в марте 1917 г., остальная часть – в октябре 1920 г. (20–22 тыс. томов). В ее составе были ценные памятники старины, рукописные тексты, книги по богословию, философии, психологии, гражданской истории и истории культуры, истории русской церкви, словесности и истории литературы, учебники по латинскому и греческому языкам, тексты молитв, учебники и учебные пособия, журналы по богословию, газеты [6].

Некоторые из них были с золочеными обрезами и в кожаных переплетах. Книги данной коллекции имеют ряд характерных признаков, по которым можно определить их принадлежность. Это овальная печать на титульном листе голубого цвета и голубая этикеточка с расстановочным номером. При поступлении коллекции в библиотеку только часть ее была записана в фонд библиотеки (10,5 тыс. экз.), остальные книги оставались неразобранными долгое время. Для их разбора в 1942 г. была создана группа под руководством профессора А.И. Белецкого. Весь фонд библиотеки был просмотрен. Ежедневно в книгохранилище работала лаборантка кафедры Гребинская, которой помогали студентки Залеская и Семенова. Но завершить работу тогда так и не удалось. В 90-е гг. разбор документов библиотеки духовной семинарии был продолжен. В фонд библиотеки поступили 116 экземпляров книг Кирилловской печати, 65 рукописей, 60 старопечатных книг, сборник XVI в. «Измаград» [7], газета «Томские епархиальные ведомости» (1888–1917).

С 1925 по 1929 г. библиотека получала обязательный бесплатный экземпляр всех изданий, выходивших на территории РСФСР (180 тыс. экз.). Это было достигнуто благодаря настойчивым действиям директора библиотеки В.Н. Наумовой-Широких. В 1925 г. библиотека получила ценнейшую коллекцию местного краеведа и старожила Г.К. Тюменцева, содержащую богатейший материал по истории Сибирского края. В 1929 г. поступили библиотека Рабфака (6 406 экз.) и библиотека Сибирской железной дороги (7 120 томов).

В 1928 г. в фонд библиотеки были получены 30 196 томов книг и 25 коллекций сибирских газет за разные годы, в том числе «Сибирская жизнь» (1906, 1908–1912, 1916), «Утро Сибири» (1912, 1914, 1915), «Голос Томска» (1908), «Сибирь

ский вестник» (1904) и др. Эти газеты составляют в настоящее время золотой фонд сибирской публицистики, являются библиографической редкостью.

В настоящее время почти полностью восстановлена библиотека Института исследования Сибири, которая долгое время после закрытия института лежала в полуподвальном помещении и не была доступна широкому кругу читателей. Благодаря усилиям сотрудников отдела основного фонда, комплектования и каталогизации библиотека восстановлена и отражена в каталогах. Коллекция содержит богатый материал по истории Сибири, статистические сборники, работы, принадлежавшие Г.Н. Потанину.

К 1944 г. книжный фонд библиотеки насчитывал 1 млн 456 тыс. томов [8]. Основным источником пополнения был бесплатный обязательный экземпляр, который библиотека получала до 1957 г. Он составлял 80% поступлений за год. Однако в эти годы резко уменьшилось количество дарственных коллекций. Их поступление можно назвать эпизодическим. В 1952 г. в дар была передана библиотека зав. кафедрой основ марксизма-ленинизма А.Е. Абрамовича-Четуева. В ее состав входили 5 тыс. книг и журналов по марксизму-ленинизму, философии, диалектическому и историческому материализму, общей биологии и дарвинизму, художественная и иностранная литература.

В 1954 г. библиотека получила дары на китайском языке от дружественного Китая. Еще в 1951 г. библиотека академии наук КНР предложила установить книгообмен с Научной библиотекой ТГУ. Предложение было принято. В фонд библиотеки поступили труды ученых Чангунского, Сычуанского, Кантонского им. Сун Ят сена, Пекинского и Народного университетов на китайском языке. Поступали также периодические издания с материалами о внутреннем и внешнем положении КНР.

В 1958 г. были получены микрофильмы рукописей произведений Т.Г. Шевченко и Леси Украинки от Института литературы Академии наук УССР. В 1963 г. была приобретена библиотека Е.А. Косминского (420 экз.), получена в дар личная библиотека старого большевика П.И. Крамольникова (333 экз.). В 1971 г. семья покойного профессора В.В. Ревердатто передала в дар Научной библиотеке и гербария его личную библиотеку (1 180 томов).

Книги от ученых и их семей продолжали поступать в фонд библиотеки и в последующие годы. В 1980 г. поступил дар преподавателя истории ТГПУ, заслуженного учителя РСФСР М.П. Кувшинской, в 1983 г. – дар профессора В.А. Пегеля, в 1984 г. – библиотека кандидата геолого-минералогических наук Ю.А. Ходака, в 1985 г. – небольшая часть научной литературы из личной библиотеки доцента ГГФ М.Г. Горбунова, большого любителя и знатока литературы, долгое время входившего в состав Библиотечного совета, в 1988 г. – библиотека профессора-юриста А.Л. Ременсона. Из Москвы были привезены остатки библиотеки А.И. Данилова, бывшего ректора ТГУ (1961–1967).

Что же касается основных поступлений в фонд библиотеки, то это были обязательный платный экземпляр по профилю университета и отечественный и зарубежный книгообмен (около 800 абонентов).

В настоящее время книжный фонд библиотеки составляет 3 млн. 700 тыс. экз. В 90-е гг. централизованное комплектование и финансирование фонда было нарушено. В настоящее время пополнение фонда в основном осуществляется за счет даров и приобретений подразделений университета (ВШБ, Юридический институт и др.), подписки на периодические издания (около 800 названий журналов и 85 названий газет).

Дары поступают в виде единичных экземпляров. Это учебники и учебные пособия, диссертации и авторефераты, монографии и художественные произведе-

ния. Наиболее крупные дары в 90-е гг. поступили от фонда «Елена»(1994), в 1995 г. от сотрудника ТПУ А.Г. Поташова, библиотека и архив Ф.Э. и Э.Ф. Молиных, в 1996 г. – дар профессора ТГУ В.В. Палагиной. В 1997 и 1998 гг. это дары профессоров ТГУ Б.Г. Иоганзена и А.И. Кима [9]. В отдел редких книг поступила библиотека по истории, археологии, этнографии В.Н. Чернецова. Документы из этих собраний пользуются спросом у читателей и содержат ранее отсутствовавшие в фонде библиотеки документы. Поэтому сохранение и изучение дарственных собраний составляет одну из первоочередных задач библиотеки и ее пользователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Филимонов М.Р.* Книжная сокровищница Сибири. Томск, 1988.
2. *Отчет* о состоянии Императорского Томского университета за 1896. Томск, 1894. С. 84–89.
3. *Краткий исторический очерк* Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск, 1917. С. 235.
4. *Отчет* о состоянии Императорского Томского университета за 1913 год. Отдел VIII. Библиотека университета. Томск, 1914. С. 1.
5. *Архив* НБ ТГУ. Т. 8. Л. 56.
6. *Есипова В.А.* «Раскольничья» библиотека Томской духовной семинарии // Из истории книжных фондов Научной библиотеки Томского университета. Томск, 1998. Вып. 3. С. 17–23.
7. *Климова М.Н.* «Измаград» XVI века в фондах НБ ТГУ // Из истории книжных фондов Научной библиотеки ТГУ. Томск, 1992. С. 5.
8. *Филимонов М.Р.* Переучет книжного фонда // Библиотекарь. 1950. № 1. С. 21.
9. *Архив* НБ ТГУ. Отчеты НБ ТГУ за 1994–1998 гг.

**БИБЛИОТЕКА БОДО GERMANOVICHA IOGANZENA
В СОСТАВЕ ОСНОВНОГО ФОНДА НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Е.С. КАЗИНА

Изучение состава личных библиотек привлекает внимание исследователей, так как книжное собрание является своеобразным историческим документом того времени, когда жили и работали его владельцы. Библиотека может служить объектом для изучения личности самого владельца и круга его интересов.

В марте 1997 г. в фонд Научной библиотеки была передана часть личной библиотеки профессора Бодо Германовича Иоганзена. Имя этого ученого хорошо известно в университете, городе и стране. Родился он 9 (22) января 1911 г. в г. Томске в семье консерватора зоологического музея, впоследствии профессора Томского университета Германа Эдуардовича Иоганзена. Еще будучи школьником, Бодо Германович часто бывал в зоологическом музее, вместе с отцом собирал различные материалы и экспонаты, систематизировал их и помогал организовывать коллекции для музея университета. Под влиянием отца он проявил интерес к изучению окружающего мира и после окончания школы в 1928 г. поступил на зоологическое отделение физико-математического факультета Томского университета [1].

Интересно отметить, что на физико-математическом факультете в то время были открыты кафедры чистой математики, астрономии и геодезии, физики с физической географией и метеорологией, минералогии с геологией и палеонтологией, ботаники и зоологии со сравнительной анатомией и др. [2].

В Томском государственном университете Б.Г. Иоганзен начал работать с 1934 г. и прошел путь от ассистента кафедры зоологии беспозвоночных до профессора, заведующего кафедрой ихтиологии и гидробиологии, декана биолого-почвенного факультета. Бодо Германович более 25 лет являлся членом Библиотечного совета Научной библиотеки ТГУ. Ему хорошо были знакомы проблемы библиотеки, поэтому желание Б.Г. Иоганзена сохранить личную библиотеку и предоставить ее в пользование читателям не случайное явление.

Коллекция книг Б.Г. Иоганзена насчитывает 3 127 экз., хронологически относящихся к периоду с 1888 по 1996 г. Она хранится как единое целое собрание и располагается в основном фонде Научной библиотеки ТГУ. Характерная особенность многих ее книг – печать на титульном листе «Профессора Бодо Германовича Иоганзена». Основной состав коллекции – книги XX в., небольшая часть (300 экз.) относится к изданиям XIX в.

Изучение надписей, печатей, автографов позволяет сделать вывод о том, что основная часть книг принадлежала самому Бодо Германовичу. Около 350 экземпляров коллекции составляют документы, принадлежавшие его отцу – Герману Эдуардовичу. Это работы самого владельца и других профессоров Томского университета (С. И. Коржинского, Н.Ф. Кашенко, В.В. Ревердатто и др.), а также «Ежегодник Зоологического музея» с 1897 г. по 1931 г.

По содержанию собрание книг очень разнообразно. Интерес к собиранию книг проявился у Б.Г. Иоганзена еще в молодые годы, когда он начал свою трудовую деятельность научным сотрудником на Западно-Сибирской научной рыбохозяйственной станции, одновременно являясь ассистентом кафедры зоологии беспозвоночных ТГУ. В начале 30-х – 40-х гг. он собирал литературу нужную ему для занятий.

Таким образом, состав книг его личной библиотеки неслучаен. Он отражает круг его научных и познавательных интересов. Занимаясь изучением растительного и животного мира Сибири и Алтая, он много внимания уделял вопросам охраны природы и окружающей среды. 70% книг свидетельствует об его большом интересе к ихтиологии и к состоянию бассейнов не только рек, водохранилищ и озер Сибири, Киргизии, Молдавии и Карелии. Он занимался также проблемами Мирового океана, проблемами охраны окружающей среды и влияния человека на природу и окружающий мир. Третья часть этих книг, издана в издательствах Томска, Новосибирска, Тюмени, Кемерово и посвящена изучению растительного и животного мира Сибири.

Помимо этого, 136 книг из библиотеки Б.Г. Иоганзена изданы в период с 1899 по 1981 г. на английском и немецком языках, имеются оттиски из иностранных журналов.

В собрании особое место занимает небольшая, но интересная часть «Трудов», «Известий», «Ученых записок» различных вузов, научно-исследовательских институтов, музеев и обществ (НИИББ, института Озероведения, Русского Географического общества и др.). Интересными являются «Дневники отдела ихтиологии Императорского Русского общества акклиматизации животных» с 1902 по 1908 г.

В состав библиотеки вошли материалы конференций, участником и организатором которых был сам владелец коллекции. Также представлены учебники и учебные пособия, словари и справочники по зоологии, охране природы, экологии, полезным растениям.

За период научной и учебной деятельности Б.Г. Иоганзена под его руководством и при его участии были подготовлены и опубликованы многие учебники и учебные пособия, разработаны методические рекомендации по охране природы. Им было написано 10 монографий, 4 учебных пособия и около 800 различных научных и научно-популярных статей. В составе коллекции находятся его монография «Природа Томской области» и первое учебное пособие по курсу «Основы экологии» (1959). Эти экземпляры имеются также в составе учебного фонда библиотеки и пользуются активным спросом читателей.

Около 20 книг посвящено научной, общественной и педагогической деятельности ученых: академиком АН СССР Н.В. Насонову и К.И. Скрябину; профессору МГУ, зоологу К.Ф. Рулье; выдающемуся биологу И.И. Иванову; первому русскому ученому-агроному А.Т. Болотову и др. Имеются также книги по истории университетов (ТГУ, ТГПУ), г. Томска и Томской области, Сибирского ботанического сада.

За свою многолетнюю научную и учебную деятельность, он подготовил 54 кандидата и 5 докторов биологических наук, выступил официальным оппонентом по 14 докторским и 66 кандидатским диссертациям. Монографии этих ученых с дарственными надписями вошли в состав его библиотеки. Помимо этого, в библиотеке Б.Г. Иоганзена много книг с автографами известных ученых, таких как профессора Л.П. Сергиевская, А.Р. Ананьев, И.П. Лаптев, А.М. Малолетко, А.В. Положий и многих др.

Некоторые книги до передачи коллекции отсутствовали в фонде библиотеки и уже пользуются читательским спросом. Это книга «История Томского государственного педагогического университета» (ректором которого он был с 1964 по

1972 г.) [3], монография «Биологические основы развития осетрового хозяйства», «Альбом картин по зоологии рыб, земноводных», «Обзоры научной деятельности ТГУ за 1959–1965 гг.».

Первое знакомство с книжным собранием Б.Г. Иоганзена позволяет сделать вывод о том, что оно включает книги определенной тематики, которые по истечении времени обретут библиографическую редкость, долго будут служить не одному поколению студентов и научных работников, интересующихся проблемами ихтиологии, эволюции, экологии, изучению растительного и животного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Профессора* Томского университета: Биографический словарь (1945–2003) / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, К.В. Петров и др. Томск, 2003. Т. 2. С. 164–170.
2. *Бериун В.Н.* Место математического анализа как науки в подготовке специалистов на ММФ ТГУ. Томск, 2004. С. 23.
3. *Кравцова Т.* Учитель // За советскую науку. 1981. 19 марта.

**ТЕАТРЫ И КИНОТЕАТРЫ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ
В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ТОМСКА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

К.В. ФАДЕЕВ

К началу XX в. губернские города превращаются в крупные культурные центры. Культурная жизнь города опиралась на целую систему учреждений культуры. Если центральным объектом инфраструктуры города предшествующей эпохи была церковь с сопутствующими ей учреждениями, то во второй половине XIX в. она начинает постепенно оттесняться на второй план. Центрами культурной жизни становятся учебные заведения (университет, технологический институт и т. п.), библиотеки, театр и кинематограф. В это же время происходит процесс формирования новой парадигмы культурного развития – так называемой массовой культуры. Она возникает в ходе изменения образа жизни горожан, условий и возможностей их досуга и развлечений.

В Томске уже в 60-х гг. XIX в. существовало довольно сносное театральное здание, в котором играли приезжие артисты. В 1885 г. на средства коммерции советника богатейшего купца, промышленника и мецената Е.И. Королева был выстроен новый каменный театр. По мнению В.И. Суздальского, «это было подлинно театральное здание, архитектура и предназначение которого строго соответствовали друг другу... Акустика была великолепна, а все вместе взятое предполагало максимум удобств для актеров и для зрителей» [1].

Первым антрепренером стал сам владелец, а распорядителем – талантливый артист Н.А. Корсаков, к которому впоследствии перешла антреприза. Группа пользовалась успехом, спектакли, среди которых значительное место занимали произведения классики, шли при полном зрительном зале. В числе любимцев публики выделялись Аврахова-Никольская, М.П. Тихомиров, Н.А. Корсаков, Ю.Ф. Строгова, Немирова, Топорков и другие [2].

Лучшие пьесы русской и зарубежной драматургии (А.Н. Островского, Н.В. Гоголя, А.В. Сухово-Кобылина, У. Шекспира, Г. Ибсена) ставились труппой С.В. Брагина в Томске. А в начале 1900-х гг. при Томском обществе попечения о начальном образовании была создана Комиссия по устройству народных развлечений. Умелое руководство этой комиссией, наличие опытных режиссеров и одаренных актеров-любителей, строго отобранный репертуар, общедоступность мест на спектаклях – все это быстро завоевало симпатии публики.

Влияние театра на сознание масс – сложный процесс, пробивавший себе дорогу через многочисленные пережитки и предрассудки. Например, в Томске в 1903 г. артисты собирались устроить в театре Королева благотворительный спектакль и разослали приглашения наиболее именитым чинам, на что один из них ответил: «Как вы смели послать мне приглашение? Театр есть храм идолопоклонства. Я не нехристь и в театр по субботам не хожу» [3]. И это не просто курьезный случай, такое отношение к театру встречалось довольно часто.

Сезон 1905 г. в королёвском театре был открыт оперной и опереточной труппой. Однако театр захватывает мощная волна начавшегося революционного движения. Он становится местом митингов и собраний. После Манифеста 17 октября по Сибири прокатилась серия черносотенных погромов, наиболее жестоких в Томске и Барнауле. Здание театра в Томске, где собирались рабочие, было с ведома губернатора и с благословения епископа, подожжено черносотенцами. Многие из участников собрания погибли в огне пожара. После черносотенного поджога здание театра из-за близости его к собору так и не разрешили реставрировать.

Театральное дело в Томске с сезона 1906–1907 гг. пошло на убыль. В это время на томских сценах получили самое широкое распространение пьесы декадентов и символистов, потакавшие грубым, циничным вкусам денежной публики. Городские афиши пестрели «Шерлоком Холмсом», «Среди цветов» Зудермана, «Презренной женщиной» Гортлебена и др. В репертуар пришли пьесы «Камо грядеши» и «Идиот», уводящие от борьбы в психологический план.

Состояние театрального дела в Томской губернии вызывало все большую необходимость открытия в Томске нового постоянного профессионального театра. Но городские власти были глухи: денег на строительство театра нет, а выгод от него городская дума не видит – таков был постоянный ответ на все вопросы о театре. Правда, в 1907 г. был построен летний деревянный театр в саду «Буфф» [4].

Накануне Первой мировой войны Томскую губернию посещают многие замечательные актеры русской сцены, искавшие в провинции дополнительных заработков. Это П.Н. Орленев, К.А. Варламов, братья Рафаил и Роберт Адельгеймы, М.В. Дальский и Г.Н. Федотова.

Гастрольные поездки оказали огромное воздействие на развитие томского театра. Они знакомили томичей с достижениями русского театра и формировали у зрителя художественный вкус и идеалы. В целом же театр Томска переживал в годы реакции состояние депрессии, отрыва от окружающей действительности.

Одним из определяющих явлений начала XX в., наложившим свой отпечаток на социально-культурные процессы, многие исследователи считают формирование экранной культуры. В тесном взаимодействии с социальными процессами экран сыграл решающую роль в демократизации культуры, в формировании ее новых форм, оказавших значительное влияние на самые широкие слои населения.

Освоение кинематографа в Сибири началось почти одновременно с другими регионами России и шло теми же этапами. В мае 1896 г. первые сеансы прошли в Санкт-Петербурге и Москве, а через полгода кино смотрели уже и в Сибири. Некто С.С. Маржецкий, приобретя аппарат и ленты, демонстрирует их, переезжая из города в город в составе цирковой труппы, включившей кинематограф в программу представления. В декабре 1896 г. труппа выступает в Новониколаевске, а в январе 1897 г. – в Томске. Представления чаще всего проводятся в собственном балагане, хотя несколько сеансов были вынесены в театр или в помещение Общественного собрания. Для Томска этот способ общения зрителя с кинематографом останется неизменным на 10 с лишним лет.

На рубеже 1907 – 1908 гг. в Сибири возникают первые стационарные ежедневные кинотеатры, в том числе и в Томске (24 августа 1908 г.) [5]. Стационарные кинотеатры появились лишь после того, как в Омске и Иркутске (1908 – 1910 гг.) были организованы специальные фирмы по прокату фильмов, что, естественно, уменьшило стоимость демонстрировавшихся лент. Рост городов выдвинул проблему досуга горожанина, поэтому недостатка в зрителях не было, ведь новый вид развлечений привлекал широкие слои городского населения: прислугу, ремесленников, учащихся, интеллигенцию и т. д. Повышенный спрос рождает бум кинопредпринимательства. Так, в 1909 г. в Томске работает уже 8 кинотеатров («Метеор», «Иллюзион», «Мефистофель» и т. д.). В этот период новых зданий под кинотеатры не строилось, приспособлялись старые, чаще всего – складские и магазинные помещения, иногда просто жилые дома. Их вместительность по

большей части составляла от 100 до 200 человек. Киносезон, как и театральный, длился с сентября по июнь, а репертуар не менялся по неделе и больше, поэтому уже к осени 1910 г. исчезла половина кинотеатров [6].

Началом нового, третьего этапа, можно считать 1911 г. О складах и обветшалых магазинах мало что напоминает: перестроенные и реконструированные здания сохраняют лишь прежний адрес. Ближе к войне и во время нее появились новые «роскошные» электротeatры, например «Новый» миллионера А.Ф. Громова, в комфорте ничем не уступающий помещениям традиционного театра.

Бум кинопредпринимательства по инерции продолжился и с началом войны. В 1915 г. в строительное отделение Томского губернского управления поступило несколько проектов на строительство театров-кинематографов. Крестьянин В.Ф. Борисов из г. Тайги хотел построить на своей усадьбе по Алексеевской и Гондательевской улицам кинотеатр «Заря». С аналогичным проектом по строительству каменного здания театра-кинематографа в центральной части г. Новониколаевска обратился и крестьянин В.И. Ежев. Однако из-за материальных трудностей, связанных с войной, оба эти проекта не были реализованы [7].

Развитие кинопроизводства резко раздвигает рамки репертуара, углубляет его, перераспределяет прежние и формирует новые функции кино в общественной жизни. Кино стало использоваться как составная часть учебного процесса, как средство информации и как форма художественного творчества. Так, в стационарных кинематографах, во время сеансов, традиционно показывали одну-две русские или зарубежные драмы, комедии с участием Чарли Чаплина и других известных иностранных комиков, а также так называемые видовые (чаще всего географические) фильмы и кинохронику.

С весны 1915 г., с началом стремительного наступления германской армии на Восточном фронте, в губернском Томске, как и в других городах Российской империи, начинают устраиваться так называемые недели «патриотического» кино. В кинотеатрах Томска часто демонстрировались хроникальные фильмы «Пребывание государя императора в действующей армии», «Под русскими знаменами», «Священная война», «Трофеи наших войск», «Вступление кавказских войск в Турцию», «Бой в воздухе», «Отступление австрийцев», «Страница черной книги германских зверств».

Причина популярности кинематографа у разнообразной публики (в 1916 г. в России было продано не менее 150 млн входных билетов) состоит в относительной дешевизне зрелища – за вход на один сеанс, как правило, платили 25 коп. Главное же состояло в том, что содержание фильмов отвечало запросам посетителей, отражало эстетические вкусы публики, ее представления о жизни и морали.

Таким образом, на протяжении второй половины XIX – начала XX в. в формах проведения досуга томских горожан происходили значительные изменения. При этом возрастала роль общественных форм досуга, связанных с культурными объектами инфраструктуры города – театром и кинематографом, так как их деятельность была ориентирована на широкий круг городского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суздальский В.И. «Театр уж полон...». Из истории Томского драматического. Томск, 1995. С. 21.
2. Вяткин Г. Театр в г. Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 324–325.
3. Театр и искусство. 1903. № 2. С. 41.
4. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6271. Л. 17.
5. Косых Е. Н. Кинематограф дореволюционного Томска (1908 – октябрь 1917 г.) // Из истории Томской области: Сб. статей. Томск, 1988. С. 73.
6. Ватолин В. А. Кинематограф в дореволюционной Сибири (история, место в жизни современников) // Музей и общество на пороге XXI века: Материалы всерос. науч. конф., посвящ. 120-летию Омского гос. ист.-краевед. музея. Омск, 1998. С. 110.
7. ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 1567. Л. 2 – 12; ГАТО. Ф. 3. Оп. 42. Д. 2193а. Л. 1 – 5.

**ИЗ ИСТОРИИ ХОРОВОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА В ТОМСКЕ
НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.**

С.П. ВАВИЛОВ, Е.П. ЕРЕМЕНКО

Город Томск в конце XIX в. являлся одним из крупных городов Западной Сибири и обладал богатыми промышленными и культурными традициями. В городе активно развивалась деятельность местного отделения Русского музыкального общества, создавались любительские оркестры и хоры, проходили гастролы известных музыкантов. В работе представлены некоторые результаты изучения деятельности церковных и любительских хоров Томска.

Игры и забавы сибиряков конца XVIII – начала XIX в. на Рождество, масленицу, Крещение, Пасху – катание с ледяных гор, качели, игра в свайку – всегда сопровождалась песнями и плясками. Обязательными участниками праздничных увеселений были музыканты – дудожники, скрипачи, гусли, балалаечники. Музыкальными инструментами владели люди разных слоев населения.

И все же проникновение музыкальной культуры того времени в широкие слои населения шло в основном через учреждения церкви: духовные училища, семинарии, церковные хоры. В середине XVIII в. в Томске была открыта первая школа для детей церковнослужителей под названием «Русское духовное училище», позднее открываются народные училища, гимназия, а в 1858 г. – духовная семинария. Во всех этих учебных заведениях идет приобщение учащихся к музыке и пению. Вплоть до середины XIX в. единственными представителями хорового пения в Томске был архиерейский хор. Только в 1860 г. в городе появляются первые монахини, среди которых оказались несколько искусных певиц. В 1863 г. из них составилась небольшой женский хор.

Интересные свидетельства о церковной службе Томска начала XIX в. приводит в своих письмах декабрист Г.С. Батеньков. В одном из них, адресованном своим приятелям супругам Елагиным, он описывает ход службы в одной из церквей и отмечает, что церковное пение в Томске сильно отличается от того, что слушал он в Киево-Печерской Лавре. Батеньков весьма точно определяет музыкальные достоинства службы. Он называет такие хоры, входившие в обиход православной службы, как «Волною морскою», «Ужаснися, небо», «Столп злобы».

В описании пения служителей церкви Г. Батеньков не чуждается и язвительной интонации: «Хотя дьячок и силился, чтоб голос его был слышнее пения, но, по случаю увольнения за выслугу срока зубов его, не мог он достигнуть своей цели».

К сожалению, пока мы не располагаем сведениями о томских регентах первой половины XIX в., но, судя по репертуару, уровень их подготовки был весьма высоким. Особенно плодотворными в деятельности томских хоров стали 90-е гг. XIX в. К этому времени во всех средних и специальных учебных заведениях города преподавались уроки пения, были созданы хоры, которые исполняли не только духовную, но и светскую музыку.

В мужской классической гимназии в эти годы хором руководил прекрасный музыкант и опытный хормейстер Михаил Никольский. Он не имел специального музыкального образования, но обладал неплохими практическими навыками. Например, 2 февраля 1896 г. на гимназическом литературно-музыкальном вечере значительная часть программы была отведена исполнению произведений русских композиторов и поэтов.

В газетах писали: «Из выступавших солистов мы должны отметить Речкунова, исполнившего «Вторую мазурку» Г. Венявского. Речкунов – юноша, бесспорно, талантливый, выступил и в качестве композитора: оркестр исполнил под его управлением «Аллего» – его собственное сочинение». Спустя годы М. Речкунов стал известным композитором и деятелем российской хоровой культуры. Хор гимназии часто принимал участие в различных концертах, в том числе – и в сводных выступлениях. Известны концерты при участии двух певческих хоров: архиерейского и смешанного, составленного из студентов университета, гимназистов и учеников реального училища.

Был свой хор и в Мариинской женской гимназии, открытой в 1863 г. Занятиям хоровым пением способствовало и то, что, кроме пения, в гимназии были уроки обучения игре на фортепиано. Хор вел опытный томский музыкант-любитель Н. Асташевский. В программу гимназических литературно-музыкальных вечеров входили женские хоры из опер, вокальные дуэты, трио. О хоре гимназии положительно отзывалась пресса. «Хор их недурен, и между ними есть положительно выдающиеся голоса (например, воспитанница 7 класса С-ч)», – скрыв подлинное имя учащейся писал «Сибирский вестник» в 1887 г. В репертуаре хора были довольно серьезные музыкальные произведения: «Хор странников» из оперы «Ломбардцы» Д. Верди, хоры из опер П. Чайковского, И. Мегюля, духовные концерты Д. Бортнянского, А. Львова. В 1899 г. газета «Сибирский вестник» сообщала, что хор женской гимназии под руководством М. Герасимова – один из лучших в городе.

Существовал свой хор и в реальном училище, в репертуаре которого большей частью были произведения светского характера – русские народные песни, болгарский марш, хорватский марш.

В репертуар церковных хоров того времени входили произведения выдающихся русских композиторов, писавших музыку для церковной службы: Д. Бортнянского, М. Глинки, П. Чайковского. Так, программа одного из концертов, где участвовал архиерейский хор, включала следующие произведения: «Что унываеши, душе моя?» М. Азьева, «Вечери твоя тайные» А. Львова, «Помилуй мя, Господи, яко немощен есмь» А. Веделя, «Колена, Россы, преклоните» Д. Турчанинова. В больших концертах участвовал иногда хор, состоящий из более чем 100 хористов, в том числе в его составе выступали 60–70 архиерейских певчих [1].

В начале XX в. в Томске развернулась деятельность самого известного, пожалуй, томского регента – Андрея Викторовича Анохина. Творчество Анохина, этнографа и музыканта, оказало большое влияние на развитие музыкальной культуры нашего города в первой трети XX в. Жизнь его, несмотря на ряд публикаций, по-настоящему еще не изучена [2]. Уроженец Тамбовской губернии, Анохин с юных лет жил в Сибири, рано лишился родителей, познал сиротскую долю, зарабатывал на жизнь учительским трудом. Затем он получил солидную музыкальную подготовку в Москве и Петербурге. В Москве Анохин обучался в синодальном училище, которое готовило певчих хора, хоровых дирижеров-регентов и учителей пения. Годы его учебы совпали с переломным этапом в истории этого учебного заведения, когда к преподаванию были привлечены крупные деятели музыкальной культуры: ученый этнограф и композитор А.Д. Кастальский, видный хоровой дирижер В.С. Орлов – ученик П.И. Чайковского и Н.А. Римского-Корсакова. В

число членов наблюдательного совета училища в те годы входили П.И. Чайковский, крупный музыкальный педагог и критик Н.А. Губерт, историк музыки Д.В. Разумовский. Под руководством прославленных музыкантов и педагогов молодые певцы приобщались к русской народно-песенной традиции, знакомились с образцами русской «крюковой» музыки, не тронутой гармоническими обработками нового времени.

Именно в те годы молодой Анохин, с детства знакомый с музыкальными интонациями алтайских народностей, слушавший вдохновенные лекции А.Д. Кастальского по музыкальной фольклористике, решил посвятить свою жизнь собиранию и изучению музыкального народного фольклора [3].

Закончил свое образование Анохин на регентских курсах Придворной певческой капеллы в Петербурге. Здесь среди его учителей были А.К. Лядов и С.В. Смоленский. Нам не известно пока, оставил ли Анохин свои записи о встречах с выдающимися деятелями русской музыкальной культуры, но известно, что в Томске он неоднократно выступал с публичным чтением своих воспоминаний о хоровом дирижере и педагоге С. Смоленском.

В своих работах С. Смоленский изучал вопросы связи древнерусской народной и культовой музыки, исследовал структуру духовных музыкальных произведений. Благодаря усилиям Смоленского, синодальное училище и придворная капелла стали ведущими центрами русского хорового образования.

Для регента хора важным было умение руководить коллективом певчих, которые в подавляющем своем большинстве не знали музыкальной грамоты. В этом случае движения рук, жесты, взгляд регента приобретали огромное значение. Природная одаренность, кропотливый труд вывели А. Анохина в число известнейших музыкантов города Томска. О высоком профессионализме А.В. Анохина говорит тот факт, что долгие годы он был регентом хора самого крупного кафедрального собора – Троицкого.

Не останавливаясь на этнографической и музыковедческой деятельности А. Анохина, упомянем о его преподавательской деятельности. Он долгие годы не только руководил хорами, но и преподавал пение в томских гимназиях, семинарии, был членом правления 1-го Сибирского хорового певческого общества. Среди произведений Анохина немало хоров на духовные тексты: «Слышишь ли горькие слезы», «Скажи мне, ветка Палестины», «Повсюду благовест звучит». Анохин прекрасно владел игрой на фортепиано и часто в концертах аккомпанировал хору, играя на фисгармонии (в православной церкви использование музыкальных инструментов не принято).

Воспитанником Петербургской певческой капеллы был и Леонид Николаевич Виссонов, снискавший себе уважение земляков-томичей своим искусством регента и талантливого дирижера. После Октябрьской революции наиболее плодотворно развернулась деятельность Л. Виссонова как музыканта-педагога и прекрасного организатора.

Много лет проработал Виссонов в Томском музыкальном училище, а в 1925–1929 гг. был его директором [4]. Незадолго до Великой Отечественной войны Виссонов уехал из Томска и долгие годы работал хормейстером Пермской оперы, был удостоен звания заслуженного деятеля культуры России. Начиная музыкант с исполнения регентских обязанностей в одном из соборов Томска. Функции регента были весьма обширными. Сюда входила работа с певчими хора, разучивание партий, проведение репетиций и участие в церковных службах. Уровень подготовки регентов был значительно выше уровня выпускников обычных музыкальных школ. Это видно было хотя бы по тому, что, кроме традиционных предметов:

теории элементарной музыки, сольфеджио, – регенты изучали фугу, контрапункт, историю музыки и церковного пения. Требовалось также владение фортепиано или скрипкой.

У Виссонова был феноменальный музыкальный слух, временами влиявший даже на его настроение. Услышав фальшь, он моментально останавливал хор и сурово выговаривал провинившемуся хористу за допущенную ошибку. В целом, однако, Виссонова любили за демократизм, готовность всегда помочь ученикам, за огромную жизнерадостность.

Говоря о развитии хоровой музыки в Томске, следует особо рассказать об инициативе, предпринятой «интеллигентным сибирским капиталистом» П.И. Макушиным, – открытию летних регентских курсов для народных учителей Томской губернии в 1913 г. И хотя для Макушина это было лишь одно из звеньев в его благороднейшей просветительской деятельности, в других сибирских городах подобных курсов не было. В 1909–1914 гг. томские музыканты-хоровики были слушателями регентско-учительских курсов в Москве и Петербурге.

На регентские курсы в Томске, которые собирались обычно на 1,5 месяца летом, приглашались учителя церковно-приходских школ Томской епархии, желавшие организовать в своих селах певческие хоры. Обучались на этих курсах и псаломщики сельских церквей. Собирались до сотни сельских учителей.

Рамки статьи не позволяют осветить деятельность многих томских музыкантов, отдавших свои знания и умения на благо народной культуры. Среди них В. Литвинов, К. Ардатов, В. Цветков и другие. В конце XIX в. в Томске любили и почитали священника отца А. Пензенского, автора многих хоровых произведений, в том числе торжественного гимна по случаю приезда в 1891 г. в Томск цесаревича Николая – будущего императора России.

Об этих и других скромных тружениках музыкального Томска разговор особый. Сейчас мы вновь наблюдаем возрождение интереса к культуре православной церкви, в частности к духовной хоровой музыке. В томских соборах работают хоры певчих, детские хоры, собираются воскресные школы.

Представленные материалы, на наш взгляд, красноречиво свидетельствуют о существенном вкладе деятельности хоров, хормейстеров и исполнителей хоровой музыки в развитие музыкальной культуры города Томска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вавилов С. П. Церковные хоры и регенты старого Томска // Томская старина. 1991. № 2. С. 10–11.
2. Вавилов С. П., Сухушин В.С. Из истории музыкального образования в Томске (1893–1921) // Самосознание томской культуры. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 130–142.
3. Хохолков В. Алтай в его сердце // Алтайская правда. 1984. № 6. С. 3.; Вавилов С. «Хан-Алтай» и другие мотивы Андрея Анохина // Томский зритель. 1989. № 6. С. 22–24.
4. Воробьева Н.А. Столетие Томского областного музыкального училища. Томск, 1993.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАКО – Государственный архив Кемеровской области
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
ГАОО – Государственный архив Омской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГАТО – Государственный архив Тюменской области
НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГИА – Российский государственный исторический архив
ТА МО РФ – Текущий архив Министерства образования Российской Федерации
ЦГАРТ – Центральный государственный архив Республики Тыва
ЦГАРХ – Центральный государственный архив Республики Хакасия
ЦДНАОО – Центр документации новейшей истории Омской области
ЦДНИТО – Центр документации новейшей истории Томской области
ЦХАФАК – Центр хранения архивного фонда Алтайского края
ЦХИДНИКК – Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края

НАШИ АВТОРЫ

- Андреев Валерий Павлович* – доктор исторических наук, профессор Томского государственного архитектурно-строительного университета
- Андреев Николай Александрович* – аспирант исторического факультета Томского государственного университета
- Берцун Людмила Лукинична* – зав. отделом Научной библиотеки Томского государственного университета
- Бойко Владимир Петрович* – доктор исторических наук, профессор Томского государственного педагогического университета
- Быкова Татьяна Александровна* – кандидат исторических наук, доцент Томского государственного университета
- Верхотурова Вера Викторовна* – преподаватель Томского политехнического университета
- Воробьев Николай Васильевич* – кандидат исторических наук, доцент Томского государственного педагогического университета
- Галкина Татьяна Васильевна* – кандидат исторических наук, доцент Томского государственного педагогического университета
- Гнеушев Сергей Михайлович* – аспирант Томского государственного университета
- Гончаров Юрий Михайлович* – доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул)
- Грибовский Михаил Викторович* – аспирант исторического факультета Томского государственного университета
- Грик Николай Антонович* – доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета
- Гузаров Владимир Николаевич* – доцент Томского политехнического университета
- Гузарова Надежда Ивановна* – доцент Томского политехнического университета
- Дмитриенко Надежда Михайловна* – доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета
- Дробченко Владимир Александрович* – кандидат исторических наук, доцент Анжеро-Судженского филиала Кемеровского государственного университета
- Зиновьев Василий Павлович* – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Томского государственного университета.
- Зленко Константин Васильевич* – аспирант исторического факультета Томского государственного университета
- Иванова Маргарита Викторовна* – кандидат исторических наук, доцент Томского политехнического университета
- Казакова Евгения Александровна* – студент исторического факультета Томского государственного университета
- Казина Екатерина Сергеевна* – студент исторического факультета Томского государственного университета

<i>Капустина Яна Васильевна</i>	– аспирант исторического факультета Томского государственного университета
<i>Карих Елизавета Васильевна</i>	– кандидат исторических наук, доцент Томского государственного педагогического университета
<i>Кузьминова Екатерина Федоровна</i>	– аспирант исторического факультета Томского государственного университета
<i>Быкова Татьяна Александровна</i>	– кандидат исторических наук, доцент Томского государственного университета
<i>Куц Виталий Михайлович</i>	– аспирант исторического факультета Томского государственного университета
<i>Ларьков Николай Семенович</i>	– доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета
<i>Литвинов Александр Валериевич</i>	– кандидат исторических наук, старший преподаватель Томского государственного университета
<i>Луков Евгений Викторович</i>	– кандидат исторических наук, доцент Томского государственного университета
<i>Макарчук Сергей Владимирович</i>	– доктор исторических наук, профессор Кемеровского государственного университета
<i>Морев Владимир Алексеевич</i>	– кандидат исторических наук, ассистент Томского государственного университета
<i>Найбороденко Любовь Максимовна</i>	– старший научный сотрудник Томского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования
<i>Нам Ираида Владимировна</i>	– кандидат исторических наук, доцент Томского государственного университета
<i>Наумова Наталья Ивановна</i>	– кандидат исторических наук, доцент Томского государственного университета
<i>Некрылов Сергей Александрович</i>	– кандидат исторических наук, доцент Томского государственного университета
<i>Николаенко Владимир Александрович</i>	– зам. начальника департамента по молодежной политике, физической культуре и спорту Администрации Томской области
<i>Першиков Анатолий Николаевич</i>	– кандидат исторических наук, доцент Томского политехнического университета
<i>Петрик Валерий Владимирович</i>	– кандидат исторических наук, доцент Томского политехнического университета
<i>Петров Константин Валериевич</i>	– кандидат исторических наук, старший преподаватель Междуреченского филиала Томского государственного университета
<i>Петунина Ольга Олеговна</i>	– методист музейного комплекса Томского государственного педагогического университета
<i>Савина Виктория Валерьевна</i>	– ассистент кафедры истории и регионоведения Томского политехнического университета
<i>Семёнова Ксения Николаевна</i>	– студент исторического факультета Томского государственного университета
<i>Силаев Анатолий Петрович</i>	– кандидат исторических наук, доцент Томского политехнического университета
<i>Скубневский Валерий Анатольевич</i>	– доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул)
<i>Снегирева Людмила Илларионовна</i>	– кандидат исторических наук, доцент Томского педагогического университета

-
<i>Соколов Виктор Юрьевич</i>	– кандидат исторических наук, доцент Томского государственного университета
<i>Сыряжкин Максим Владимирович</i>	– аспирант исторического факультета Томского государственного университета
<i>Ульянов Андрей Сергеевич</i>	– аспирант исторического факультета Томского государственного университета
<i>Фадеев Константин Владимирович</i>	– аспирант Томского государственного архитектурно-строительного университета
<i>Фоминых Сергей Федорович</i>	– доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета
<i>Хаминов Дмитрий Владимирович</i>	– студент исторического факультета Томского государственного университета
<i>Харусь Ольга Анатольевна</i>	– доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета
<i>Чёрная Мария Петровна</i>	– кандидат исторических наук, доцент Томского государственного университета
<i>Чёрный Виктор Алексеевич</i>	– кандидат исторических наук, доцент Томского политехнического университета
<i>Шараев Павел Сегаевич</i>	– ассистент кафедры истории и регионоведения Томского политехнического университета
<i>Шевелев Дмитрий Николаевич</i>	– кандидат исторических наук, доцент Томского государственного университета
<i>Шевченко Наталья Анатольевна</i>	– аспирант исторического факультета Томского государственного университета
<i>Шерстова Людмила Ивановна</i>	– доктор исторических наук, профессор Томского политехнического университета

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателям «Трудов ТГУ»</i>	3
<i>Дмитриенко Н.М.</i> Томск – региональный центр	7
<i>Чёрная М.П.</i> Средневековый Томск в исторической ретроспективе и перспективе	13
<i>Зиновьев В.П.</i> Общественное движение в Томске в начале XX века	20
<i>Ларьков Н.С.</i> Итоги и перспективы изучения истории Томска периода Гражданской войны	24
<i>Некрылов С. А., Фоминых С. Ф.</i> Томск – университетский центр Азиатской России	28
<i>Грик Н.А.</i> Томск в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	33
<i>Андреев В.П.</i> Общественно-политическая атмосфера в Томске на исходе перестройки	36
СТАНОВЛЕНИЕ ТОМСКА КАК РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА	
<i>Скубневский В.А.</i> Деятельность томских предпринимателей на Алтае (вторая половина XIX – начало XX в.)	41
<i>Галкина Т.В.</i> Хроника планирования г. Томска (1841–1915 гг.)	45
<i>Морев В.А.</i> Извоз и почтовая гоньба – градообразующие факторы Томска	51
<i>Казакова Е.А.</i> Почему Томск не отпраздновал свой трехсотлетний юбилей?	54
<i>Андреев Н.А.</i> Районирование Томской губернии (1917–1925 гг.)	57
<i>Силаев А.П.</i> Вклад томских учёных в развитие газовой отрасли Сибири на рубеже XX–XXI вв.	62
НАСЕЛЕНИЕ ТОМСКА: ЗАНЯТИЯ, БЫТ, СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК	
<i>Бойко В.П.</i> Эволюция обыденного сознания населения г. Томска в конце XVIII – начале XIX в. (к постановке проблемы)	64
<i>Шерстова Л.И.</i> Тоянновы эуштинцы в этнокультурном пространстве Томска (XVII–XIX вв.)	70
<i>Карих Е.В.</i> Этническая палитра хозяйственной жизни Томска на рубеже XIX–XX веков	75
<i>Гончаров Ю.М.</i> Томское мещанское общество во второй половине XIX – начале XX в.	78
<i>Шевелев Д.Н.</i> Томск в годы Гражданской войны: власть, общество, повседневность	82
<i>Снегирева Л.И.</i> Трудовой вклад в Победу эвакуированного в Томскую область гражданского населения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	88
<i>Перишков А.Н.</i> Научно-техническое сотрудничество томских вузов с промышленными предприятиями города в конце 50-х – начале 80-х гг. XX в.	94
<i>Чёрный В.А.</i> Роль органов контроля Томской области в решении производственных проблем нефтегазового комплекса Западной Сибири в 1970-е годы	98
ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ТОМСКА	
<i>Харусь О.А.</i> Постановка проблемы организации городского управления в проектах политических реформ либералов Томска (1905 г.)	102
<i>Макарчук С.В.</i> Анархисты Томской губернии в начале XX в.	105
<i>Верхотурова В.В.</i> К вопросу об обыденном сознании горожанок Томска в конце XIX в.	109
<i>Семёнова К.Н.</i> Латышские общественные, культурно-просветительские и благотворительные организации Томской губернии (1885–1919 гг.)	112
<i>Нам И.В.</i> Национальные организации помощи беженцам и их деятельность в Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)	115
<i>Наумова Н.И.</i> Этнокультурное многообразие Томска (1918–1920 гг.)	120
<i>Дробченко В.А.</i> Деятельность буржуазно-демократических органов власти по урегулированию трудовых конфликтов в Томской губернии в марте – октябре 1917 г.	124
<i>Луков Е.В.</i> Почему Томск не стал столицей «белой» Сибири?	131
<i>Воробьев Н.В.</i> Торгово-хозяйственная деятельность Томского Центрального рабочего кооператива в 1924–1925 гг.	135
<i>Гузаров В.Н.</i> Томский губернский комитет Российской коммунистической партии большевиков (1920 – 1925 гг.)	140

<i>Петров К.В.</i> Общественная деятельность профессоров и преподавателей Томского университета в 1945 г. – начале 80-х гг.	144
<i>Савина В.В.</i> Выборы мэра: томский вариант	148
<i>Шараев П.С.</i> Законодательная деятельность Государственной Думы Томской области в 1994-1997 гг. (первый опыт парламентаризма)	155
<i>Галкина Т.В., Петунина О.О.</i> Отражение истории Томска в мемориальных досках	157

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ТОМСКА

<i>Зленко К.В.</i> П.Н. Крылов - основатель сибирской ботанической школы: историография и источники	161
<i>Кузьминова Е.Ф.</i> Сибирские высшие женские курсы в г. Томске в общероссийском движении за право женщин на образование	165
<i>Ульянов А.С., Фоминых С. Ф.</i> Томский университет в 80 – 90-х гг. XX века	169
<i>Хаминов Д.В.</i> Открытие историко-филологического факультета и первый период его работы (1917–1921 гг.)	179
<i>Литвинов А.В.</i> Трансформация системы управления отечественной высшей школой в 20–30-е гг. XX в. (на примере Томского университета)	179
<i>Грибовский М.В.</i> Томский медицинский институт: история становления вуза (1931–1941 гг.)	184
<i>Куц В.М.</i> Сибирский физико-технический институт в годы войны (1941–1945 гг.)	188
<i>Шевченко Н.А.</i> История открытия и становления Томского инженерно-строительного института (50–60-е гг. XX в.)	191
<i>Петрик В.В.</i> Из опыта деятельности факультетов общественных профессий в вузах Сибири в конце 50-х – начале 90-х гг. XX в.	195
<i>Найбороденко Л.М.</i> Из истории педагогического образования в Томске: Василий Андреевич Жданов – директор Томского государственного педагогического института	199
<i>Николаенко В.А.</i> Возрождение движения ССО в Томской области	204
<i>Соколов В.Ю.</i> Проблемы подготовки педагогов для школ Томска	206
<i>Гузарева Н.И.</i> Интернационализация студенческой среды как фактор развития международного образования в томских университетах	210
<i>Иванова М.В.</i> Патриотизм в восприятии томских студентов (по материалам социологических опросов)	215
<i>Гнеушев С.М.</i> Бактериологический институт имени Ивана и Зинаиды Чуриных при Томском Императорском университете: к истории открытия	217
<i>Капустина Я.В.</i> Развитие народного образования города Красноярска в 1900–1920 гг.	221
<i>Быкова Т.А.</i> Развитие начального церковного образования в Томской губернии в XIX в.	224
<i>Сырымкин М.В.</i> Поддержка научно-образовательной и инновационной деятельности Администрацией Томска (1997–2002 гг.)	228

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ТОМСКА

<i>Берцун Л.Л.</i> Из истории книжных фондов Научной библиотеки Томского государственного университета	232
<i>Казина Е.С.</i> Библиотека Бодо Германовича Иоганзена в составе основного фонда Научной библиотеки Томского государственного университета	237
<i>Фадеев К.В.</i> Театры и кинотеатры как составная часть в системе культурной инфраструктуры города Томска в конце XIX – начале XX в.	240
<i>Вавилов С.П., Еременко Е.П.</i> Из истории хорового исполнительства в Томске на рубеже XIX–XX вв.	243
Принятые сокращения	247
Наши авторы	248

Научное издание

СУДЬБА РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА В РОССИИ (К 400-ЛЕТИЮ Г. ТОМСКА):
ТРУДЫ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕР. ИСТОРИЧЕСКАЯ

Том 267

Редактор *А.И. Пиеничничкова*
Компьютерная верстка *М.Н. Баландин*
Оригинал-макет *А.М. Мороз*

Лицензия ИД04617 от 24.04.2001 г.

Подписано в печать 15.06.05. Формат 70 x 90 ¹/₁₆ Бумага офсетная №1.

Печ. л. 15,87; усл. печ. л. 19; уч-изд. 23,32. Тираж 300. Заказ 827

ФГУП «Издательство ТГУ» 634029, Томск, ул. Никитина, 4

Типография «Иван Федоров» 634003, Томск, Октябрьский взвоз, 1

Научно-редакционная коллегия издания «Труды ТГУ»
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, «Труды ТГУ»
тел. (3822) 529-578 (председатель коллегии),
(3822) 656-581 (отв. редактор).
E-mail: lmtc@mail.tsu.ru